УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ XII ВЫПУСК 2

УЛЬЯНОВСК—1958

ПОСВЯЩАЕТСЯ

40

ГОДОВЩИНЕ
ВЕЛИКОЙ
ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том XII

Выпуск 2

УЛЬЯНОВСК — 1958

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

Том XII Выпуск 2

И. П. ШМЫГИН

Кандидат исторических наук, доцент

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА —ПАРТИЯ НОВАТОРОВ

> Ленин называл нашу партию партией новаторов, потому что под ее руководством создается новое коммунистическое общество.
>
> (Из выступления Н. С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР 21 декабря 1957 года).

Сорокалетний юбилей Великой Октябрьской социалистической революции, который торжественно отпраздновал недавно наш советский народ, а вместе с нами все прогрессивное человечество, явился событием огромной политической важности.

Октябрьские торжества ознаменовались новой мощной демонстрацией несокрушимого единства и теснейшей сплоченности нашего народа вокруг Коммунистической партии, представляющей собой великую организующую и вдохновляющую силу социалистического общества.

В канун самого великого международного праздника трудящихся всех стран советские люди подвели на торжественных собраниях итог своему героическому труду за сорок лет Советской власти, дали оценку деятельности Коммунистической партии—своему верному и мудрому коллективному вождю, наметили новые, еще более грандиозные задачи во всех областях коммунистического строительства.

Сорокалетний опыт строительства коммунизма в нашей стране убедительно свидетельствует о том, что история России, как и история всего международного освободительного движения, не знает другой политической партии, которая бы оказала такое же огромное влияние на исторические судьбы своего народа и судьбы всего человечества, какое оказала Коммунистическая партия Советского Союза — партия новаторов, партия преобразователей.

Вся революционная деятельность нашей Коммунистической партии знаменует собой торжество великого всепобеждающего учения марксизма-ленинизма, являет собой образец мужественного служения народу. И именно поэтому советский народ так безгранично любит свою Коммунистическую партию, непоколебимо верит, что под ее мудрым руководством он успешно построит самое передовое общество в мире — коммунизм.

Настоящая статья, посвященная 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, ставит своей задачей дать исторический обзор основных вех в деятельности славной Коммунистической партии, как мудрого коллективного вождя Октябрьской революции, вдохновителя и организатора всемирно-исторических побед социализма в нашей стране.

* * *

Когда-то древний мудрец Архимед сказал: «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир».

Под миром Архимед понимал земной шар. Но чтобы перевернуть его, нужна точка опоры вне земли. Такой точки опоры в природе не существует. Да и зачем переворачивать земной шар.

Основоположники научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс, а затем верный ученик и продолжатель их дела В. И. Ленин поставили перед человечеством другую задачу.

Вскрыв закономерности развития человеческого общества, они впервые научно обосновали объективный процесс развития общества, как неизбежный и необходимый, указали пути и средства, при помощи которых люди рано или поздно, но обязательно изменят старый мир, обязательно преобразуют его на новых социалистических началах.

Для осуществления этой великой всемирно-исторической задачи они нашли и точку опоры. Она заключается в революционной энергии народа.

Однако величайшая заслуга основоположников научного коммунизма состоит не только в том, что они указали на народ, как на творца истории, но и в том, что они указали, кто, какой класс способен пробудить революционную энергию в толще народа, какой класс способен возглавить преобразование жизни людей на новых революционных началах. Маркс, Энгельс, Ленин доказали, что эту гигантскую задачу может успешно решить только пролетариат, как самый передовой и самый революционный класс современного общества, и может успешно решить ее только при условии, если он будет иметь свою самостоятельную политическую партию, как боевой союз единомышленников, как организованный и сознательный авангард.

В начале XX века, в условиях ожесточенной классовой борьбы, в обстановке, когда Россия стояла накануне величайшей народной революции и когда вопрос о штурме капитализма стал уже в порядок дня, В. И. Ленин в своей знаменитой книге «Что делать?», вышедшей в свет в марте 1902 года, заявил:

«...дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!»[1].

Этот пламенный призыв вождя русских марксистов, призыв, исполненный непоколебимой веры в великую, всепобеждающую силу революционной организации пролетариата, был не только услышан, но и хорошо понят в России. В ожесточенной борьбе с врагами марксизма вокруг В. И. Ленина объединилась лучшая революционная часть рабочего класса, крестьян и интеллигенции, и он создал в 1903 году марксистскую партию рабочего класса России.

В создании боевой революционной партии, партии нового типа, принципиально отличающейся от реформистских, оппортунистических партий II Интернационала, В. И. Ленин видел величайшую силу в руках пролетариата, видел залог осуществления пролетариатом своей исторической миссии разрушителя капиталистического строя и строителя нового, коммунистического общества.

Гигантские результаты в деятельности нашей Коммунистической партии объясняются тем, что она под руководством В. И. Ленина сумела с гениальной глубиной проникнуть в тайны развития капиталистического строя и до мельчайших подробностей обнажить противоречия в этом эксплуататорском строе. Коммунистическая партия под руководством В. И. Ленина сумела научно выразить материальные и духовные потребности современного общества, сумела не только правильно поставить перед широчайшими массами великие цели в борьбе за коммунизм, но и сумела правильно указать пути и методы борьбы за достижение этой великой цели.

Однако прежде чем стать правящей партией в нашей стране, прежде чем выступить в роли организатора и руководителя народа в борьбе за социалистическое преобразование общества, Коммунистическая партия Советского Союза прошла тяжелый и чрезвычайно сложный путь развития.

Можно смело утверждать, что история международного революционного движения еще не знает другой политической партии, которая прошла такой же по революционному размаху, богатству разнообразия форм и методов борьбы путь, какой прошла наша Коммунистическая партия.

За свою более чем полувековую историю наша Коммуни-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 435.

стическая партия прошла много этапов борьбы и в каждый из них она выдвигала новые задачи, находила новые формы и методы партийной работы.

Будучи не только по названию, но и по своему существу марксистской, наша Коммунистическая партия к решению насущных вопросов теории и практики революционного движения всегда подходила творчески, и эта ее особенность была и поныне остается самой характерной особенностью, как партия нового типа, партии новаторов.

Дооктябрьский период развития нашей партии, период с 1903 по 1917 год, был сравнительно небольшой по времени, однако в этот период партии пришлось преодолеть исключительно большие трудности. Борясь с царизмом и многочисленными врагами марксизма, партия под руководством В. И. Ленина искусно применяла новые формы и методы работы с тем, чтобы успешно решать новые задачи, выдвигаемые ходом борьбы.

Известно, что первая русская революция сопровождалась невиданной в мире широтой и остротой стачечной борьбы пролетариата. Революция 1905 года была замечательна быстрой сменой различных форм классовой борьбы пролетариата. Процесс перерастания экономической стачки в политическую и политической стачки в вооруженное восстание шел в невиданно быстром темпе. Каждый месяц этого периода борьбы, отмечал В. И. Ленин, равнялся, в смысле обучения основам политической науки и масс, и вождей, и классов, и партий, — году «мирного» «конституционного» развития.

Разрабатывая стратегию и тактику в революции 1905 года, Коммунистическая партия под руководством В. И. Ленина считала, что начавшаяся революция может быть доведена пролетариатом до победного конца только при условии прочного союза рабочих и крестьян против царя и помещиков. Только при условии этого союза пролетариат, как руководитель революции, может до конца провести демократический переворот и силой революционного народа раздавить сопротивление самодержавия, парализовать неустойчивость буржуазии.

Выступая за полную победу буржуазной революции, за установление в России демократической республики, большевистская партия, однако, вовсе не думала останавливаться на полпути, на выполнении пролетариатом только буржуазно-демократических задач. Ленин считал, что вслед за решением задач буржуазно-демократической революции, пролетариат должен перегруппировать силы и немедленно начать борьбу за социалистическую революцию.

Смысл этой ленинской перегруппировки сил состоял в том, что если на буржуазно-демократическую революцию пролета-

риат шел против царя и помещиков вместе со всем крестьянством при нейтрализации либеральной буржуазии, то на социалистическую революцию пролетариат должен идти в союзе с беднейшим крестьянством и вообще полупролетарскими слоями населения при нейтрализации середняка и решительной борьбы против городской и деревенской буржуазии.

Борьба за полную победу буржуазно-демократической революции и установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства означала не только решительную победу над самодержавием, но и последовательную решительную борьбу за социалистическую революцию, за диктатуру пролетариата.

Ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую была дальнейшим развитием марксизма. На основе этой теории наша партия открывала рабочему классу грандиозную историческую перспективу в борьбе за диктатуру пролетариата и указывала, что революционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства является лишь этапом, временной задачей пролетариата.

Наиболее тяжелым и сложным этапом в жизни нашей партии были годы реакции (1907—1910). В эти годы царизм торжествовал победу над революцией. Однако большевистская партия не растерялась и в это тяжелое для нее время. В. И. Ленин говорил, «...что именно великое поражение дает революционным партиям и революционному классу настоящий и полезный урок, урок исторической диалектики, урок понимания, умения и искусства вести политическую борьбу. Друзья познаются в несчастье. Разбитые армии хорошо учатся».

И наша большевистская партия хорошо училась. Если раньше, в годы революции, она училась тому, как наступать, то теперь, в годы реакции, она на своем горьком опыте училась тому, как нужно правильно отступать.

В. И. Ленин отмечал, что период реакции показал, что «Из всех разбитых оппозиционных и революционных партий большевики отступили в наибольшем порядке, с наименьшим ущербом для их «армии», с наибольшим сохранением ядра ее, с наименьшими (по глубине и неизлечимости) расколами, с наименьшей деморализацией, с наибольшей способностью возобновить работу наиболее широко, правильно и энергично».[1]

Это было достигнуто только благодаря тому, что большевики во главе с В. И. Лениным беспощадно разоблачали и изгоняли из своих рядов революционеров фразы — ликвидато-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 12.

ров, отзовистов и троцкистов, людей, которые не хотели понять, что революция потерпела поражение и что надо отступать, надо учиться отступать, надо учиться работать в самых реакционных парламентах, в самых реакционных профессиональных, кооперативных, страховых и прочих организациях.

Умелое использование всех форм борьбы — подпольных и легальных — было огромным преимуществом нашей большевистской партии перед всеми революционными и оппозиционными партиями дореволюционной России, да и не только России.

Исключительно важным с точки зрения исторического значения и сложным с точки зрения форм и методов революционной работы был 1917 год, период от февраля до октября.

За эти восемь месяцев революционной деятельности большевистская партия прошла такую школу политического воспитания, которую пролетарские партии II Интернационала не могли пройти и за десятки лет своего «мирного» развития.

В этот короткий период революции нашей партии удалось окончательно завершить свою борьбу за массы, удалось окончательно разоблачить предательскую политику мелкобуржуазных партий (эсеров, меньшевиков, анархистов), удалось изолировать их от революционного народа, удалось вырвать революционные массы рабочих и крестьян из-под их влияния и направить эти массы на путь социалистической революции.

В острый и напряженный период классовой борьбы 1917 года все силы реакции объединились для борьбы с большевистской партией, как главной и решающей революционной силой в стране. В союзе с внутренней и международной контрреволюцией выступали тогда против большевиков не только меньшевики и эсеры, но и маскировавшиеся идейные враги нашей партии — троцкисты, которые всячески пытались сорвать работу партии по подготовке и проведению социалистической революции.

Ломая сопротивление троцкистов и прочих оппортунистов, придерживавшихся догм II Интернационала и не веривших в возможность победы социалистической революции в России, большевистская партия неустанно воспитывала рабочих и крестьян России в духе революционной решимости, убеждала трудящихся в том, что в России уже созданы все необходимые экономические условия для социалистической революции.

Двигая вперед марксистскую науку, большевистская партия под руководством своего вождя В. И. Ленина не только создала новую законченную теорию социалистической революции, теорию о возможности победы пролетарской революции в одной, отдельно взятой стране, но и успешно подняла народ на штурм капитализма, на завоевание политической власти пролетариатом.

Героическими усилиями, самоотверженной борьбой своих верных сынов и дочерей большевистская партия сумела в этот трудный период не только разбить всех своих идейных врагов, но и сумела объединить в единый мощный революционный поток общедемократическую борьбу народов за мир, крестьянско-демократическое движение за ликвидацию помещичьего землевладения, национально-освободительное движение угнетенных и бесправных народов России и социалистическое движение пролетариата за свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата в нашей стране.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России увенчалась полной победой. И если Россия не попала под власть иностранного капитала и не потерпела национальной катастрофы, то это случилось только благодаря тому, что во главе революционных сил страны встала в этот тяжелый и сложный период в жизни нашей Родины Коммунистическая партия — верная и бескорыстная защитница народных интересов, партия революционного действия, партия новаторов.

* * *

С победой социалистической революции в России в деятельности нашей Коммунистической партии наступил новый и еще более сложный период борьбы за социализм.

Октябрьская революция коренным образом изменила положение нашей Коммунистической партии. Она из партии разрушения старого эксплуататорского мира стала правящей партией в Советском государстве, стала партией мирного строительства, партией огромного созидательного труда.

В. И. Ленин говорил тогда, что мы, партия большевиков, Россию **убедили.** Мы Россию **отвоевали** — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией **управлять.**[1]

Однако дело управления государством было тогда для нас делом чрезвычайно трудным, и недаром В. И. Ленин указывал, что куда легче взять власть в свои руки, чем удержать ее.

Трудность управления страной состояла тогда не только в том, что у Советской власти и Коммунистической партии не было подготовленных кадров для руководства многогранной государственной деятельностью. Главная трудность состояла в том, что уже с первых дней своей жизни молодая и неокрепшая Советская социалистическая республика подверглась суровому испытанию войны со стороны внутренней контрреволюции и международного империализма.

В годы гражданской войны положение Советской респуб-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 214.

лики было очень тяжелым. Было время, когда до трех четвертей территории страны находилось в руках врагов, и над нашим социалистическим Отечеством нависла смертельная опасность.

Однако Советская республика была спасена. Многочисленные войска белых генералов, как и войска немецких, английских, французских, японских, американских и прочих империалистических государств, участвовавших в интервенции, были разбиты наголову.

Главным, кто сплачивал и цементировал волю нашего народа и его вооруженные силы, кто поднимал народ в эти тяжелые годы на Отечественную освободительную войну против иноземных захватчиков и буржуазно-помещичьей белогвардейщины, была партия коммунистов, верная защитница священных границ нашей Родины, защитница интересов советского народа.

Коммунистическая партия отправила тогда на фронт около половины своего состава, выделила из своих рядов талантливых организаторов Красной Армии, превратила всю нашу страну в единый военный лагерь. По зову большевистской партии на фронт ушли миллионы людей, и это обеспечило победу над многочисленными врагами Советской власти.

С окончанием гражданской войны перед Коммунистической партией встала новая еще более трудная задача: надо было из России капиталистической сделать Россию социалистическую.

В октябре 1917 года рабочие и крестьяне нашей страны победили буржуазию только политически. Тогда буржуазия была лишена только политической власти, экономически же она продолжала оставаться еще некоторое время сильнее нас. И главная задача нашего государства и Коммунистической партии состояла в том, чтобы победить ее и экономически, т. е. довести до конца экспроприацию буржуазии.

Решение этой грандиозной по своему историческому значению задачи было сложным и трудным делом по двум основным причинам. Во-первых, нам пришлось начинать строить новое социалистическое общество в стране, которая в технико-экономическом отношении была в значительной мере страной отсталой. Известно, что дореволюционная Россия современными орудиями производства была обеспечена вчетверо хуже Англии, впятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки. А по объему промышленного производства она отставала от самой передовой страны капиталистического мира —США более чем в 14 раз.

Так выглядела царская Россия в 1914 году, в период своего наивысшего экономического расцвета. Однако семилетняя война, сначала империалистическая, а затем гражданская,

еще больше ухудшила народное хозяйство России. Эти войны, развязанные империалистами, привели народное хозяйство России к неимоверной разрухе. Достаточно сказать, что объем продукции промышленности в 1920 году был почти в семь раз меньше довоенного. Особенно резко упала выработка продукции тяжелой промышленности. В стране потухли тогда почти все доменные и мартеновские печи; выплавка чугуна в 1921 году составляла менее трех процентов к довоенному времени.

Страшной разрухе были подвержены железнодорожный транспорт и сельское хозяйство.

Нам пришлось начинать строительство нового социалистического общества в условиях, когда Советская Россия была единственным государством, где у власти стояли рабочие и крестьяне, которые начали строить новую социалистическую жизнь в обстановке враждебного капиталистического окружения.

Коммунистическая партия не растерялась в этой новой сложной обстановке. Она умело организовала народ, идейно сплотила его под знаменем марксизма-ленинизма и успешно повела по новым, еще никем и никогда не изведанным путям строительства новой жизни.

Поднимая народ на активную борьбу за социализм, Коммунистическая партия никогда не скрывала от народа огромных трудностей. Она разъясняла народу, что путь к социализму—это не прямая столбовая дорога, что на этом пути будет много крутых и опасных перевалов, которые нужно будет умело преодолеть, где нужно — обойти, а иногда и отступить с тем, чтобы подтянуть тылы, перегруппировать силы и вновь еще более стремительно двинуться вперед.

Так Коммунистическая партия воспитывала народ и в этой благородной работе она добилась огромных успехов. Партия подняла миллионы трудящихся на самоотверженный труд, сделала их полновластными хозяевами своей судьбы, творцами новой жизни.

Исполнились вещие слова великого Ленина, который говорил, что только с социализма начнется быстрое, действительно массовое движение вперед во всех областях общественной и личной жизни.

Коммунистическая партия, которая поставила своей целью не только научно объяснить мир, но и преобразовать его на новых социалистических началах, пробудила в нашем народе великую энергию. Никогда еще в мире, за всю свою историю, говорил М. Горький, труд не обнаруживал так ярко и убедительно своей сказочной силы, преобразующей людей и мир, как обнаруживает он эту силу в Советской стране, у нас, в государстве рабочих и крестьян.

Одной из замечательных форм проявления творческой энергии масс является социалистическое соревнование, ставшее в нашей стране методом коммунистического строительства.

Мечта о великих преобразованиях была присуща передовым людям и других эпох, но господствовавшие тогда несправедливые, антинародные социальные условия не позволили людям претворить ее в практические дела. Так было когда-то и в нашей стране.

Однако с победой Октябрьской социалистической революции дело коренным образом изменилось. Свергнув господство эксплуататорских классов, советский народ под руководством своей Коммунистической партии решил воплотить в жизнь самые сокровенные замыслы, которые вынашивались человечеством многие века.

В. И. Ленин еще в первые дни Советской власти призвал Коммунистическую партию к решительной борьбе за преобразование России и считал, что наша партия должна приложить все силы и добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной.

В. И. Ленин разработал научную программу превращения Родины в могучую и обильную социалистическую державу, определил сроки нашей работы, указал главное звено в огромной цепи больших и сложных задач коммунистического строительства.

Выполняя ленинский план на преимущественное развитие тяжелой индустрии, как основы основ в развитии советской экономики, наш народ добился под руководством своей Коммунистической партии огромных результатов. Известно, что в настоящее время объем промышленной продукции увеличился против 1913 года в 33 раза, выпуск продукции тяжелой индустрии увеличился в 74 раза. Что же касается машиностроения, которое является основой технического прогресса всех отраслей промышленности, то его размах по сравнению с 1913 годом увеличился более чем в 200 раз.

Производство электроэнергии, которой В. И. Ленин уделял первостепенное значение в деле успешного строительства коммунизма в нашей стране, увеличилось против дореволюционного времени более чем в 100 раз. План ГОЭЛРО казался когда-то скептикам несбыточной фантазией, а сегодня он превзойден в 24 раза! Годовая выработка одной Куйбышевской ГЭС в пять раз превышает выработку электроэнергии всей царской Россией в 1913 году. Еще более мощной будет Сталинградская ГЭС. А Братская гидроэлектростанция даст энергии больше, чем Куйбышевская и Сталинградская ГЭС, вместе взятые.

За годы социалистического строительства совершенно иной

стала география нашей страны. Там, где еще совсем недавно была непроходимая тайга и болота, степи и горы, ныне волей советских людей и Коммунистической партии построены новые города, десятки тысяч фабрик и заводов, шахт и электростанций, совхозов и машинно-тракторных станций, проложены тысячи километров железнодорожных линий. Реки и те изменили свои старые русла.

Сибирь, которая до революции была местом тюрем и каторги, теперь по воле народа и партии превращена в крупнейший индустриальный и культурный центр Советского Союза. В Красноярском крае, например, объем промышленного производства против дореволюционного времени увеличился в 131 раз, в Новосибирской области — в 384 раза. В Кемеровской области создана одна из крупнейших угольнометаллургических баз нашей страны.

Коренным образом изменил свою географию советский Узбекистан. В нескольких километрах от столицы Узбекистана — Ташкента заново выстроен город Чирик — город химиков, энергетиков и машиностроителей. Здесь сооружены крупнейший в стране электрохимический комбинат и ряд заводов, среди них стекольный «Узбексельмаш» и другие. К Чирику примыкает Чирик—Бозсуйский водный тракт, который по числу электростанций является сейчас одним из крупнейших в стране гидроэнергетических каскадов. Здесь расположены Кадыринская, Тавакская, Комсомольская, Саларская, Актекинская и ряд других электростанций. Советский Узбекистан теперь вырабатывает электроэнергии больше, чем вырабатывалось в 1913 году во всей царской России.

А вот другой новый город Узбекистана — город Арген, он называется «узбекской кочегаркой». А еще полтора десятка лет назад в ущелье, где теперь расположен этот город, можно было с трудом пробраться лишь на верблюде. Много и других промышленных районов создано за годы Советской власти в Узбекистане.

Коренным образом изменил свое промышленное лицо и Урал. От старого демидовского Урала теперь и следа не осталось. Урал знаменит сегодня не только металлургами Златоуста, Магнитогорска, Челябинска и др. городов. Он знаменит и свердловскими машиностроителями, и тагильскими вагоностроителями, и челябинскими тракторостроителями, и многими, многими другими профессиями нашего славного рабочего класса.

А разве только Сибирь, Узбекистан и Урал изменили свой облик? Разве меньшие изменения произошли на Волге или в Казахстане, на Украине или в Белоруссии?

В. И. Ленин верил, что Советская Россия в своем промышленном развитии добьется таких темпов и таких результатов,

о которых буржуазные государства и не мечтали. В. И. Ленин верил в огромные преимущества советского социалистического строя перед строем капиталистическим, и эту веру он вселил в наш народ, в нашу Коммунистическую партию.

В. И. Ленин говорил: «В фантастическую быстроту каких-бы то ни было перемен у нас никто не поверит, но зато в быстроту действительную, в быстроту, по сравнению с любым периодом исторического развития, взятым, как он был, — в такую быстроту, если движение руководится действительно революционной партией, в такую быстроту мы верим и такой быстроты мы во что бы то ни стало добьемся».[1]

Эти слова были сказаны В. И. Лениным в октябре 1922 года. С тех пор прошло всего лишь 35 лет, а как до неузнаваемости преобразовалась наша страна, наше народное хозяйство.

Жизнь показала, что Советский Союз в своем экономическом развитии идет куда быстрее, чем любое капиталистическое государство. Н. С. Хрущев в докладе на юбилейной сессии Верховного Совета СССР говорил, что такого стремительного роста промышленного производства и в особенности тяжелой промышленности — основы всей нашей экономики, какой достигнут в СССР, история еще не знала. Для того, чтобы увеличить объем промышленного производства примерно в 30 раз, Соединенным Штатам Америки, Германии и Англии потребовалось от 80 до 150 лет.

Развивая эту мысль, товарищ Хрущев в своем выступлении на юбилейной сессии Верховного Совета Украинской республики в декабре 1957 года говорил: «Мы движемся вперед значительно быстрее, чем капиталистические страны. За 40 лет, с 1918 по 1957 год, среднегодовой темп прироста промышленной продукции в СССР составлял 10 процентов, а в США — 3,2 процента, в Англии — 1,9 процента, во Франции — 3,2 процента.

Если исключить годы гражданской войны, восстановительного периода и годы Отечественной войны, то за 22 мирных года мы увеличивали промышленную продукцию в среднем за год на 16,2 процента, в то время как Соединенные Штаты Америки увеличивали ее на 2,8 процента, Англия — на 3,2 процента, Франция — на 3 процента. Это значит, что за один год мы даем в среднем такой темп прироста, какой промышленность капиталистических стран дает за 5—6 лет».

Наша страна уже давно оставила позади себя капиталистический мир не только по темпам промышленного развития, но и значительно обогнала капиталистические страны, за исключением США, по уровню промышленного производства

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 355.

Советский народ, руководимый Коммунистической партией, поставил и сейчас успешно решает задачу в исторически короткий срок догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны, в том числе и США, по производству продукции на душу населения.

По предварительным наметкам, которые требуют уточнения, говорил Н. С. Хрущев в своем докладе на юбилейной сессии Верховного Совета СССР, примерно за 15 лет в СССР ежегодное производство промышленной продукции достигнет следующего уровня: по добыче железной руды 250—300 миллионов тонн, выплавке чугуна 75—85 миллионов тонн, стали 100—120 миллионов тонн, по добыче и производству газа 270—320 миллиардов кубометров, выработке электроэнергии 800—900 миллиардов киловатт-часов, производству цемента 90—110 миллионов тонн, шерстяных тканей 550—650 миллионов метров, обуви кожаной 600—700 миллионов пар.

Эти приблизительные наметки, а мы, советские люди, верим, что они будут не только выполнены, но значительно перевыполнены, позволят нашей стране в ближайшие 15 лет не только догнать, но и превзойти современный объем производства важнейших видов продукции США. Разумеется, что за это время экономика США тоже не будет стоять на месте. Но если учесть, что темпы роста нашей промышленности значительно выше, чем темпы роста промышленности США, то можно считать вполне выполнимой задачу — в исторически кратчайший срок обогнать США.

На чем основана глубокая уверенность нашей партии и советского народа в том, что мы перспективные планы развития нашего народного хозяйства успешно выполним?

Н. С. Хрущев в своем докладе на юбилейной сессии Верховного Совета СССР говорил, что наша уверенность в успехе основана, во-первых, на том, что Советская страна располагает теперь мощной социалистической индустрией и крупным механизированным сельским хозяйством.

Во-вторых, мы имеем сейчас высококвалифицированные кадры специалистов во всех отраслях народного хозяйства, способные успешно решать самые сложные задачи дальнейшего развития страны по пути технического прогресса.

В-третьих, мы имеем сейчас передовую науку, которая позволяет нам при наименьшей затрате сил и средств добиваться наиболее значительных результатов в развитии производительных сил.

В-четвертых, наша страна имеет неисчерпаемые природные богатства, дающие возможность для неограниченного развития нашей социалистической экономики.

В-пятых, наша страна социализма теперь уже не является одиноким островом среди бушующего капиталистического оке-

ана. Создание мировой системы социализма, тесное сотрудничество и взаимопомощь, координирование планов экономического развития благоприятно сказывается на более быстрое экономическое развитие всех стран социализма в том числе и нашей страны.

Таковы основные факторы, которые вселяют в советских людей глубокую уверенность в том, что грандиозные планы, намеченные нашей Коммунистической партией, будут успешно выполнены.

Руководствуясь новаторским духом решений XX съезда КПСС, Центральный Комитет партии осуществил новую революционную меру в деле реорганизации управления промышленностью и строительством. Советский народ уже на конкретных примерах видит, как эта перестройка руководства промышленностью неуклонно ведет к новому росту промышленного производства нашей страны и ускоряет решение главной экономической задачи — в кратчайшие сроки догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения.

Великие преимущества нашего социалистического строя обеспечили нам такое стремительное движение вперед в области развития промышленности, о каком и мечтать не могут капиталистические страны.

Пройдет еще 10—15 лет, и наша Советская Родина станет самой промышленной державой в мире.

* * *

Огромных успехов добился советский народ под руководством Коммунистической партии и в области социалистического преобразования деревни. Здесь так же, как и в промышленности, каждый новый шаг нашей партии сопровождается духом новаторства.

На месте старого строя в деревне с его 25-миллионными частнособственническими хозяйствами у нас создан и упрочен строй самого крупного в мире социалистического земледелия. Социалистическая система советского земледелия включает в себя сейчас около 80 тысяч укрупненных колхозов, около 10 тысяч машинно-тракторных станций и 5800 совхозов.

Если в царской России «техническое оснащение» распыленных крестьянских хозяйств состояло из 8 миллионов деревянных сох и косуль, 2 миллионов деревянных плугов, 4 миллионов конных однолемешных железных плугов и 18 миллионов деревянных борон, то теперь в нашем сельском хозяйстве работает 1 миллион 632 тысячи тракторов (в пятнадцатисильном исчислении), 420 тысяч зерновых комбайнов, около 600 тысяч грузовых автомобилей и миллионы других сельскохозяйственных машин.

Успехи социалистической промышленности помогли нашей партии оснастить деревню современной машинной техникой, превратить наше сельское хозяйство в самое крупное и самое механизированное в мире.

Только с помощью огромной сельскохозяйственной техники, только у нас, в условиях социалистического землевладения, можно было решать такую сложную и большую задачу, как освоение в течение последних 4-х лет 36 миллионов целинных и залежных земель.

Героическое усилие нашей Коммунистической партии, ее непреклонная воля к преобразованию сельского хозяйства на социалистических началах избавили наше колхозное крестьянство от нужды и голодовок, которые были в дореволюционной России неизбежными спутниками частых неурожаев.

Известно, что за последние годы Коммунистическая партия осуществила целый ряд мероприятий, направленных на крутой подъем сельского хозяйства. Эта работа партии вызвала творческую активность у всего нашего народа и уже принесла первые хорошие результаты.

Н. С. Хрущев в докладе на юбилейной сессии Верховного Совета СССР приводит следующие цифры, характеризующие успехи нашего сельского хозяйства за последние 4 года. Он говорит, что государственные заготовки зерна составили на 1 ноября 1957 года на 120 процентов больше, чем на тот же период 1953 года, сахарной свеклы — на 175 процентов, картофеля — на 148 процентов, овощей — на 179 процентов, заготовки и закупки скота — на 148 процентов, молока и молочных продуктов — на 190 процентов, шерсти — на 142 процента, яиц—на 165 процентов. Выработано животного масла государственными предприятиями за 10 месяцев 1957 года на 234 тысячи тонн, или на 68 процентов, больше, чем за этот же период 1953 года.

Неустанно борясь за увеличение посевных площадей и повышение урожайности зерновых культур, Коммунистическая партия направляет сейчас энергию народа на всемерное развитие животноводства, добивается того, чтобы в ближайшие годы догнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения. Решение животноводческой проблемы — дело трудное, но Коммунистическая партия верит в силы нашего народа и добьется положительного решения этой проблемы в самое непродолжительное время.

В своем выступлении на юбилейной сессии Верховного Совета Украинской Советской республики в конце декабря 1957 года Н. С. Хрущев привел данные, из которых видно, что намеченный январским Пленумом ЦК КПСС в 1955 году план по удоям молока на каждую фуражную корову к 1960 году в 1.700 килограммов уже перевыполнен. Средний удой от одной

фуражной коровы в 1957 году составил: в колхозах 1.853, а в совхозах 2.700 килограммов при задании на 1960 год 3.100 килограммов.

Великий В. И. Ленин мечтал о могучей и обильной Руси. Он мечтал об этом в дни, когда молодая Советская Россия находилась в огне гражданской войны и в ужасной экономической разрухе, в дни, когда даже лучшие, передовые люди капиталистического мира полагали, что Россия уже никогда больше не выйдет из состояния разрухи и никогда не займет почетного места среди других стран мира.

Однако сбылись мечты В. И. Ленина. Они сбылись потому, что он верил в великую преобразующую силу, созданной им Коммунистической партии, сбылись потому, что мечты В. И. Ленина покоились на вере в могучую революционную энергию, в могучие творческие силы нашего народа.

Только тот победит, говорил Ленин, кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчества.

Под руководством Коммунистической партии советский народ осуществил величайший поворот в истории человечества, уничтожил капитализм в нашей стране и построил новое, социалистическое общество.

Теперь наша Советская Родина во всех отношениях стала во много раз сильнее, чем когда бы то ни было, и более чем когда-либо способна выдержать любые испытания.

Никогда еще за всю историю наша Родина не была столь могучей и обильной, как теперь, однако Коммунистическая партия не успокаивается на достигнутом, ведет сейчас исключительно большую и напряженную работу с тем, чтобы сделать нашу страну еще сильнее, добивается того, чтобы советский народ жил еще богаче и культурнее.

Новым главнейшим мероприятием нашей партии в деле мощного подъема советской экономики является постановление февральского Пленума ЦК КПСС 1958 года и решение сессии Верховного Совета СССР последнего созыва о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС.

Сила нашей Коммунистической партии состоит в том, что, руководствуясь марксистско-ленинской теорией, она на каждом новом этапе коммунистического строительства умеет определить то главное звено, взявшись за которое можно успешно решить и все другие задачи.

На современном этапе развития СССР, говорил в своем докладе на сессии Верховного Совета СССР товарищ Н. С. Хрущев, вслед за перестройкой управления промышленностью выдвигается на первый план, как важнейшая задача и неотложная народнохозяйственная задача — дальнейшее развитие колхозного строя и реорганизация МТС.

Эта новая мера, осуществляемая сейчас нашей партией в

сельском хозяйстве, с одобрения всего советского народа, является таким же революционным шагом, как и проведенная недавно перестройка управления промышленностью.

* * *

Успешно осуществляя программу коммунистического строительства, партия добилась того, что у нас за короткий исторический отрезок времени изменился в корне не только облик Советской страны, изменились наши города, села и деревни, изменился не только характер общественных отношений, но изменились и сами люди — строители новой жизни.

Рост нового советского человека является самым замечательным достижением социалистической революции.

В докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» на собрании партийного актива Ленинграда и ленинградских писателей А. А. Жданов говорил, что:

«Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны».

Однако любопытно отметить, что в Соединенных Штатах Америки — центре международной реакции — создан сейчас целый штат так называемых «ученых», которым поручено исследовать природу нового советского человека и показать простым американцам процесс формирования характера наших советских людей.

Библиографический справочник «Букс он Раше энд бай Рашинс» сообщает, что за последние годы в США выпущено в свет тысячи книг и брошюр о Советском Союзе, многие из которых претендуют на крупные «научные» исследования.

Оспаривая пальму первенства в клевете на Советский Союз и наш народ, многие так называемые ученые Америки усердно ищут «тайну», которая формирует революционный характер советских людей.

Любопытно отметить — одни «ученые» утверждают, что тяга советских людей к революционным преобразованиям природы и общества зарождается в зрелом возрасте. Другие утверждают, что это происходит в детстве, когда наши ребятишки в красных галстуках синими вечерами у ярких пионерских костров куют свой революционный характер.

Однако «известный» американский психолог Жофрей Горера пошел в своих «научных» исследованиях природы души советского человека дальше всех. Он пытался доказать, что причиной «буйной» русской души, национальной особенностью русского революционного характера, является долгое и тугое пеленание детей в младенческом возрасте.

Этот лжеученый муж пишет, что свыше 90 процентов но-

ворожденных в Советском Союзе в течение первых шести месяцев жизни подвергаются тугому пеленанию. Стиснутые младенцы ограничены в своих движениях и это чрезвычайно болезненно отзывается на их ощущениях и вызывает напряженную, разрушительную ярость. Именно это, подчеркивает он, и является причиной формирования «буйного», революционного характера русских людей, причиной гнева русских ко всему старому.

Так современные «светила» американской психологической науки пытаются изобразить суть воспитания советских людей. Они сознательно уводят своих читателей от того общепризнанного положения, которое утверждает, что в основе духовного обновления советских людей лежит советский социалистический строй, лежит марксистско-ленинское мировоззрение.

В культурной революции, как и во всей многогранной работе по социалистическому преобразованию общества, наш народ добился огромных результатов. Известно, что в дореволюционной России почти 70 процентов мужчин и 90 процентов женщин были неграмотными. Теперь тяжелое наследие прошлого — неграмотность у нас ликвидирована. В стране созданы все необходимые условия для дальнейшего повышения уровня культуры всего народа. В СССР работает сейчас около четверти миллиона начальных, семилетних и средних школ, в которых обучаются десятки миллионов советской детворы.

Особенно большие успехи в развитии народного образования достигнуты ранее угнетенными народами царской России. Из 71 народности, населявшей царскую Россию, 48 не имели своей письменности. Десятки миллионов детей не могли обучаться на родном языке. Октябрьская революция ликвидировала эту несправедливость, и теперь все народности СССР успешно осуществляют образование на родном языке. На Украине, например, сейчас работает свыше 25 тысяч общеобразовательных школ, в которых преподавание ведется на своем языке. До революции же таких школ не было совсем.

В 1956 году на Украине среднее образование получили 349 тысяч юношей и девушек, а во Франции, имеющей примерно такое же население,—всего лишь 41 тысяча человек.

Одним из самых крупных достижений культурной революции в СССР является то, что советский народ под руководством Коммунистической партии создал свою собственную многочисленную интеллигенцию. Известно, что в дореволюционной России было всего лишь около 300 техникумов и 105 вузов. Теперь в СССР работает 3.600 техникумов и 767 вузов.

В СССР сейчас не десятки и не сотни тысяч, а миллионы молодых людей получают высшее и среднее специальное образование. Только в Украинской Советской республике в ву-

зах учатся в два раза больше, чем во Франции, а ведь это государство и сейчас еще претендует на роль великой мировой державы. Во Франции в вузах обучается 180 тысяч человек, а на Украине — 362 тысячи. В вузах только одного Харькова насчитывается студентов лишь немногим меньше, чем во всей Англии.

В СССР работает в настоящее время 6 миллионов 300 тысяч специалистов с высшим и средним специальным образованием, или в 33 раза больше, чем в дореволюционной России.

Любопытно сравнить количественную подготовку инженеров у нас и в передовых капиталистических странах. В 1956 году в СССР из технических вузов было выпущено 71 тысяча инженеров, а в США технические вузы выпустили только 26 тысяч, в Англии — 22 тысячи.

В нашей стране насчитывается сейчас более миллиона инженеров, 240 тысяч ученых, из них 10 тысяч докторов и 86 тысяч кандидатов наук.

Советские ученые, инженеры, техники и рабочие обогатили нашу Родину и весь мир величайшими открытиями и изобретениями. Венцом всех научных открытий и технических достижений является создание и запуск искусственных спутников земли. Эти достижения страны социализма ознаменовали новую эпоху в развитии науки и техники и показали, что Советский Союз не на словах, а на деле является страной, которая в развитии науки и в техническом прогрессе занимает весьма почетное место в мире.

Общеизвестно, что не в капиталистических странах, а в СССР построена первая в мире атомная электростанция, спущен на воду первый в мире атомный ледокол «Ленин», построены первоклассные пассажирские самолеты с реактивными и турбовинтовыми двигателями.

Советский Союз первым в мире создал межконтинентальные баллистические ракеты и первым в мире осуществил запуск искусственных спутников Земли.

Все эти и другие достижения советской науки и техники убедительно свидетельствуют о величайших преимуществах нашей советской социалистической системы перед капиталистической системой, свидетельствуют о больших успехах в развитии всей нашей советской экономики.

Огромных успехов достиг советский народ после Октябрьской революции и в области развития всех сторон советской культуры и в частности в развитии литературы, искусства, библиотечного дела и т. д. Нигде в мире нет такого огромного спроса на книгу, как в нашей стране. У нас даже самые малые народности имеют свою печать и литературу на родном языке.

Огромными тиражами у нас издаются произведения классиков марксизма-ленинизма, а также классиков отечественной и мировой художественной литературы. В миллионных тиражах издаются произведения советских писателей и писателей стран народной демократии. В нашей стране издается сейчас книг значительно больше, чем в США, Англии, Франции и Италии вместе взятых. А о временах царской России и говорить не приходится.

За годы Советской власти произведения Пушкина выпущены у нас тиражом в 65 миллионов экземпляров на 80 языках, а книги Горького — тиражом в 70 миллионов экземпляров на 71 языке. Маяковского читают в нашей стране на пятидесяти языках, Серафимовича — на сорока двух, Джамбула — на двадцати двух языках.

В нашей стране книги, газеты и журналы издаются на 124 языках народов СССР и зарубежных стран. В 1956 году тираж книг составил более миллиарда экземпляров, или в 11,2 раза больше, чем в 1913 году; разовый тираж газет — 54 миллиона экземпляров, или в 16 раз больше, чем в 1913 году.

Развитие библиотечного дела в СССР шагнуло за годы Советской власти так далеко, что с нами сегодня не может сравниться в этом ни одна страна мира. У нас одна библиотека приходится в среднем на 500 человек, а в США — на 20 тысяч человек, в Англии — на 43 тысячи, в Японии — на 70 тысяч. В нашей стране работает 394 тысячи массовых библиотек, в которых насчитывается полтора миллиарда книг.

Победа социализма в экономике нашей страны обеспечила и успех культурной революции, победу социалистической идеологии над идеологией буржуазной.

Ленинские требования идейности и партийности искусства, литературы, культуры, критического использования классического наследства пронизывают каждое постановление Центрального Комитета Коммунистической партии по вопросам идеологической работы.

Слова В. И. Ленина о том, что нигде народные массы не заинтересованы в настоящей культуре так, как у нас, нигде вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последовательно, как у нас, — эти слова находят в наши дни свое полное подтверждение.

В результате неустанных забот Коммунистической партии и Советского правительства у нас создана самая передовая в мире социалистическая по содержанию и национальная по форме культура, проникнутая духом подлинного демократизма и гуманизма.

Отражая опыт социалистического строительства в нашей стране, воплощая благородные идеалы борьбы за счастье

людей, за всестороннее и гармоническое развитие их дарований, советская культура вооружает духовно все прогрессивное человечество.

Коммунистическая партия, неустанно проявляя повседневную заботу о советском народе, добилась в этой благородной работе огромных достижений. Только за последние годы Коммунистическая партия осуществила ряд таких мероприятий, которые значительно подняли уровень благосостояния всего советского народа. Повышена заработная плата низкооплачиваемой категории рабочих и служащих, сокращен рабочий день для рабочих ряда отраслей производства. Сокращен рабочий день до 6 часов для всех трудящихся в предвыходные и предпраздничные дни. Партия ставит своей задачей в шестой пятилетке сократить рабочий день до 7 часов для всех рабочих и служащих СССР.

Многое сделано для облегчения и сокращения труда женщин и подростков. Коренным образом улучшено пенсионное обеспечение трудящихся по старости и инвалидности.

Много осуществлено хороших мероприятий, направленных на повышение благосостояния и нашего колхозного крестьянства.

Особенно большую работу проводит сейчас Коммунистическая партия в области жилищного строительства. Партия выдвинула задачу в ближайшие 10—12 лет решить жилищную проблему, добиться того, чтобы каждая семья имела вполне нормальные жилищные условия.

По предварительным данным, в 1957 году введено в действие по всей стране около 48 миллионов квадратных метров жилой площади. В 1958 году намечается построить и ввести в действие по городам и рабочим поселкам 61 миллион квадратных метров, кроме того, построить в сельской местности 800 тысяч жилых домов.

Советские люди верят нашей Коммунистической партии, они знают, что ее слова никогда не расходятся с делом. Намечаемая ею грандиозная программа жилищного строительства будет не только выполнена, но и перевыполнена.

Советские люди гордятся тем, что они под руководством своей Коммунистической партии впервые в истории человечества осуществили социалистическое преобразование общества, ликвидировали в стране враждебные классы и этим создали морально-политическое единство всего советского общества.

В непримиримой борьбе с многочисленными врагами советский народ добился под руководством Коммунистической партии прочного укрепления союза рабочего класса и крестьянства, создал на основе нерушимой дружбы между народами великое многонациональное государство, прочности которого

могло бы позавидовать любое буржуазное многонациональное государство.

Советские люди преисполнены чувства великой национальной гордости за свою Советскую Родину, которая показала всему человечеству образец подлинного прогресса в экономической, политической и культурной жизни.

К нам, в страну победившего социализма, едут сейчас из зарубежных стран не за пенькой и салом, как это было в недалеком прошлом, а едут за опытом, едут за мудростью, едут учиться тому, как надо строить новую жизнь, на новых социалистических началах.

Мы, советские люди, гордимся тем, что на нашу долю, на долю нашей славной Коммунистической партии, партии В. И. Ленина, партии новаторов, пришлось первыми в мире начать разрушение старого мира, первыми прокладывать путь в строительстве коммунистического общества.

Подчеркивая международное значение нашей борьбы за революционное преобразование общества, В. И. Ленин говорил в день четвертой годовщины Октября: «Мы это дело начали. Когда именно, в какой срок, пролетарии какой нации это дело доведут до конца, — вопрос несущественный. Существенно, то что лед сломан, что путь открыт, дорога показана».[1]

* * *

Изучая героический путь, пройденный нашей Коммунистической партией за пятьдесят с лишним лет своего существования, обобщая многогранный опыт ее борьбы за социализм, перед нами естественно возникает вопрос: в чем же источник успехов в деятельности Коммунистической партии? Откуда черпает наша партия те животворные силы, при помощи которых она удесятеряет свою энергию и энергию народа в борьбе за социалистическое преобразование общества?

Коммунистическая партия Советского Союза сильна потому, что, во-первых, действует как единое монолитное целое, является олицетворением сплоченности, дисциплины и организованности; во-вторых, она сильна своей верностью революционному учению Маркса—Энгельса—Ленина; в-третьих, она сильна тем, что не замазывает свои ошибки, а смело их вскрывает и вовремя устраняет. И наконец, в-четвертых, она сильна и непобедима своими широкими и неразрывными связями с народом.

Коммунистическая партия как боевой революционный союз единомышленников с первых дней своей жизни ведет непримиримую борьбу за нерушимое единство и чистоту своих рядов. Еще на заре образования политической партии рабочего клас-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 34.

са России, как партии нового типа, Ленин писал: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами...».[1]

Борясь за народные интересы, наша партия росла и закалялась в непримиримой борьбе с самодержавием, помещиками и капиталистами. Она вела неустанную принципиальную борьбу с мелкобуржуазными партиями внутри рабочего движения — эсерами (а еще раньше с их предшественниками — народниками), меньшевиками, анархистами, буржуазными националистами всех мастей и оттенков, пытавшихся совратить революционное рабочее движение с правильного пути.

Основатель нашей Коммунистической партии В. И. Ленин учил, что без преодоления мелкобуржуазных партий и изгнания их из рядов рабочего класса невозможно добиться единства рабочего класса, а без единства рабочего класса Коммунистическая партия никогда не смогла бы осуществить победу пролетарской революции в России.

«...единство пролетариата в эпоху социальной революции, — говорит Ленин, — может быть осуществлено только крайней революционной партией марксизма, только беспощадной борьбой против всех остальных партий».[2]

Партии пришлось долгое время вести непримиримую борьбу и в своих собственных рядах — с троцкистами, бухаринцами, национал-уклонистами и прочими антиленинскими группами.

В огне трех русских революций ковала свое единство наша Коммунистическая партия. Много раз приходилось ей отбивать атаки своих врагов. Особенно ожесточенную борьбу ей пришлось вести с многочисленными оппозициями и антиленинскими группировками после смерти В. И. Ленина.

Троцкий, Зиновьев, Бухарин и прочие враги народа рассчитывали, что после смерти В. И. Ленина им удастся захватить в свои руки руководство в партии, удастся изменить внутренню и внешнюю политику партии и таким образом в самом зародыше погубить дело социализма в нашей стране.

Однако враги просчитались. После смерти В. И. Ленина Коммунистическая партия еще теснее сплотила свои ряды вокруг Ленинского ЦК, отстояла единство своих рядов, довела борьбу с троцкистско-бухаринскими изменниками и предателями до полного их разоблачения и разгрома.

Полным разгромом завершила борьбу наша Коммунисти-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 328.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 488.

ческая партия и против подлого предателя и изменника нашей Родины — Берия.

Позорным провалом закончила свое выступление и антипартийная группа Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова. Лишенная какой-либо поддержки в ЦК, в партии и народе, эта группа оказалась полностью изолированной.

Разоблачение фракционной группы Маленкова, Кагановича, Молотова еще раз продемонстрировало несокрушимое единство рядов нашей партии и показало, что наша партия твердо стоит на ленинском пути и что она впредь будет беспощадна к тем, кто посмеет хоть в какой-либо мере нарушить единство ее рядов, сделать попытку свернуть ее с ленинского пути.

Обеспечение единства своих рядов наша Коммунистическая партия всегда рассматривала как первостепенную обязанность каждого ее члена. В уставе КПСС говорится, что член партии обязан: «Всемерно охранять единство партии, как главное условие силы и могущества партии».

Единство рядов всегда было самой характерной особенностью внутренней жизни нашей Коммунистической партии. Верная заветам своего вождя В. И. Ленина наша партия и впредь будет неустанно ковать железное единство своих рядов.

Второй источник животворной силы нашей Коммунистической партии состоит в ее непоколебимой верности марксизму-ленинизму, учению, которое служит путеводной звездой в борьбе за коммунизм.

Марксизм-ленинизм, как передовое революционное учение, как социалистическая идеология пролетариата, достался нашему народу нелегко. «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, — говорит В. И. Ленин, — Россия поистине **выстрадала** полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы».[1]

Но и тогда, когда марксизм уже нашел широкое распространение в России, нужно было положить еще немало сил для того, чтобы сделать его мировоззрением нашего народа.

Верность марксизму-ленинизму помогла нашей Коммунистической партии до конца разгромить своих идейных врагов, помогла поднять рабочих и крестьян на свершение социалистической революции в России, помогла вдохновить народ на построение социализма в нашей стране.

[1] В. И. Ленин. Соч. т. 31, стр. 9.

Еще до победы Великой Октябрьской революции в России, сорок с лишним лет тому назад, В. И. Ленин говорил, что каждая из великих эпох мировой истории приносила марксизму новые триумфы. В. И. Ленин выражал тогда глубокую уверенность в том, что еще больший триумф принесет марксизму, как учению пролетариата, грядущая историческая эпоха.

И вот она наступила, эта эпоха весны человечества, эпоха торжества идей марксизма-ленинизма.

Много раз реакционные буржуазные идеологи объявляли «крестовый поход» против марксизма-ленинизма, много раз провозглашали его уничтоженным, но марксизм живет, одерживая все новые и новые победы.

Марксизм-ленинизм одержал полную победу в нашей стране. Под его знаменем победили и трудящиеся стран народной демократии. Под знаменем марксизма-ленинизма победят своих врагов трудящиеся всего мира.

Всесилие учения марксизма-ленинизма объясняется тем, что оно прежде всего верно, что оно дает людям правильное научное представление об объективных законах общественного развития и законах классовой борьбы, что оно дает людям цельное миросозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета.

Марксизм-ленинизм представляет собой полное и неразрывное единство революционной теории и революционной практики, он вырастает из совокупности передового революционного опыта и передовой революционной мысли, он дает людям силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в победе.

Коммунистическая партия смотрит на марксизм как на учение великой преобразующей, организующей и мобилизующей силы, как на прочную основу и направляющее начало во всей нашей многогранной работе по коммунистическому строительству.

Марксизм-ленинизм — это компас в руках нашей Коммунистической партии, руководствуясь которым, она смело и уверенно ведет народ к коммунизму.

Следующий источник силы нашей Коммунистической партии состоит в ее непримиримости к недостаткам в своей работе, в ее способности открыто и честно признавать свои ошибки, в способности вовремя замечать и решительно исправлять ошибки и недостатки в своей работе. «Отношение политической партии, — говорит Ленин, — к ее ошибкам есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею **на деле** ее обязанностей к своему **классу** и к трудящимся **массам.** Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку — вот это признак

серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это — воспитание и обучение класса, а затем и массы»[1].

В. И. Ленин говорил, что все революционные партии, которые до сих пор гибли, — гибли от того, что зазнавались и не умели видеть, в чем их сила и боялись говорить о своих слабостях, боялись критики недостатков своей работы, боялись признавать свои ошибки, боялись вовремя исправить их открыто и честно.[2]

Наша Коммунистическая партия непобедима. Она никогда не погибнет потому, что не боится говорить о своих недостатках, потому, что она обладает способностью вскрывать и решительно преодолевать любые ошибки и недостатки в партийной и государственной работе. Только сильная и монолитно сплоченная на принципиально научных и идейных основах партия В. И. Ленина могла разоблачить культ личности И. В. Сталина, до конца вскрыть все ошибки и недостатки, порожденные культом личности, наметить меры по исправлению этих ошибок.

Острым оружием в борьбе с ошибками и недостатками в нашей работе является честная революционная критика и особенно критика снизу. В советском обществе уже давно ликвидированы антагонистические классы, и теперь борьба в нашем обществе между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся идет не в форме острой классовой борьбы, а в форме критики и самокритики, являющейся подлинной движущей силой развития советского общества и нашей Коммунистической партии.

Критика и самокритика, говорил товарищ Жданов, это, безусловно, новый вид движения, новый тип развития, новая диалектическая закономерность в развитии советского общества. Вот почему критика и самокритика нужна нашей Коммунистической партии, как воздух, как вода, без нее у нас не будет движения вперед, без нее у нас не будет развития.

Важнейший источник силы и могущества нашей Коммунистической партии состоит в ее широких и неразрывных связях с народом. Ярким выражением широких связей нашей Коммунистической партии с народом является постоянный приток в ее ряды передовых людей советского общества.

Начав свою деятельность с небольших, разрозненных в идейном и организационном отношении подпольных марксистских кружков, Коммунистическая партия Советского Союза насчитывает сегодня в своих рядах свыше восьми миллионов активных борцов за коммунизм.

Пополнение своих рядов наша партия всегда черпала и

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 39.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 278.

черпает из народа. Она представляет собой подлинно народную партию.

Забота о своих связях с народом, как об источнике, который непрерывно питает партию животворной силой и делает ее непобедимой, всегда была первостепенной обязанностью, всегда стояла в центре внимания Коммунистической партии и ее вождя В. И. Ленина.

Партия находила пути к народу всегда, даже в самые тяжелые годы реакции, когда власть царского самодержавия преследовала и в зародыше глушила все передовое, все революционное.

Во главе широчайших масс рабочих и крестьян Коммунистическая партия шла и обеспечила победу в Октябрьских боях 1917 года. Вместе с народом и во главе народа партия прошла весь путь от начала до полной победы социализма в нашей стране. Воплощая в себе мудрость народа, партия уверенно ведет советский народ к полной победе коммунизма.

В основе многогранной деятельности Коммунистической партии по коммунистическому преобразованию общества лежит идея о решающей роли народных масс. Ленин учил, что чем больше размах социалистических преобразований, тем шире необходимо вовлекать число людей в этот процесс, тем настоятельнее мы обязаны воспитывать у народа интерес и сознательное отношение к преобразованиям.

Коммунистическая партия беспредельно верит в творческие силы масс, считая их решающим условием строительства нового общественного строя. Сила нашей Коммунистической партии состоит в ее неразрывных связях с народом, а сила народа — в его сплоченности вокруг партии, как своего верного и боевого авангарда.

* * *

Большой и славный путь прошла Коммунистическая партия за истекшие 40 лет Советской власти. Много больших и славных дел свершила она за это время. Ее огромный положительный опыт по руководству строительством социализма в СССР одобрен всеми зарубежными коммунистическими и рабочими партиями и признан как образец для всех.

Сорокалетний опыт Советского Союза убедил всех честных людей во всем мире в том, что стихийно строить социализм нельзя, а вооружить народные массы знанием законов развития общества, придать материальную силу великим идеям марксизма-ленинизма без руководящей роли Коммунистической партии невозможно.

Вот почему в Декларации коммунистических и рабочих партий социалистических стран на первый план выдвинуто положение о том, что в строительстве социализма необходимо

руководство трудящимися массами со стороны рабочего класса и его марксистско-ленинской партии.

Без марксистско-ленинской партии, составляющей авангард рабочего класса, невозможно существование социалистического государства, нельзя организовать пролетариат как господствующий класс, нельзя успешно выполнить задачи социалистического строительства.

Богатейший опыт нашей Коммунистической партии по руководству строительством социализма в СССР, как и последующий опыт других стран в социалистическом строительстве полностью подтвердил правильность положения марксистско-ленинской теории о том, что процессы социалистической революции и социалистического строительства основываются на ряде главных закономерностей, присущих всем странам, вступающим на путь строительства социализма.

В Декларации, принятой на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, говорится, что такими общими закономерностями являются: руководство трудящимися массами со стороны рабочего класса, ядром которого является марксистско-ленинская партия, в проведении пролетарской революции в той или иной форме и установление диктатуры пролетариата в той или иной форме; союз рабочего класса с основной массой крестьянства и другими слоями трудящихся; ликвидации капиталистической собственности на основные средства производства; постепенное социалистическое преобразование сельского хозяйства; планомерное развитие народного хозяйства, направленное на построение социализма и коммунизма, на повышение жизненного уровня трудящихся; осуществление социалистической революции в области идеологии и культуры и создание многочисленной интеллигенции, преданной рабочему классу, трудовому народу, делу социализма; ликвидация национального гнета и установление равноправия и братской дружбы между народами; защита завоеваний социализма от покушения внешних и внутренних врагов; солидарность рабочего класса данной страны с рабочим классом других стран — пролетарский интернационализм.

В Декларации указывается, что все эти главные закономерности общие для всех социалистических стран должны применяться творчески, в зависимости от конкретных исторических условий и национальных особенностей каждой страны, не допуская механического копирования политики и тактики коммунистических партий других стран.

Н. С. Хрущев, выступая на сессии Верховного Совета СССР 21 декабря 1957 года и касаясь итогов Совещаний коммунистических и рабочих партий, отметил, что работа Совещаний подтвердила глубокие симпатии всех братских партий к

нашей партии и к народам Советского Союза. Самые отъявленные враги СССР вынуждены теперь признать непоколебимость авторитета Советского Союза в глазах трудящихся всего мира, глубокое доверие всех братских партий к нашей Коммунистической партии. И далее:

«Мы благодарны всем нашим друзьям за доверие и признание заслуг нашей партии, нашего народа. Мы заявляем всем друзьям и товарищам, что в борьбе за победу коммунизма ныне мы так же бодры и юны, как были бодры и юны в дни, когда шли к победе Великого Октября, как в дни, когда боролись на фронтах гражданской войны, на фронтах Великой Отечественной войны.

Мы сохранили великий революционный порыв и заверяем товарищей по борьбе за дело рабочего класса, что будем всегда верны принципам марксизма-ленинизма, принципам пролетарского интернационализма, будем и впредь рассматривать себя, как передовой отряд, который высоко поднял ленинское знамя и во главе с Лениным первым пошел на штурм капитализма и успешно несет это знамя в течение сорока лет.

Мы заверяем, что ленинское знамя мы будем твердо держать в своих руках, уверенно идти вперед к торжеству коммунизма, настойчиво бороться за мир во всем мире».

В борьбе за новый мир Коммунистической партии Советского Союза по праву принадлежит ведущая роль. Она первая в мире подняла знамя освобождения людей от национального и социального гнета. Под ее руководством народы нашей страны свершили Великую Октябрьскую социалистическую революцию и показали хороший пример народам всего мира, как нужно строить новый мир на новых социалистических началах.

Народы Советского Союза, а вместе с ними и все честные люди мира, видят в нашей Коммунистической партии образец мужественного и бескорыстного служения народу, образец высокой идейности и ленинской принципиальности в решении больших и малых дел, образец высокой нравственной чистоты и героизма в борьбе за народные интересы. Именно эти и многие другие замечательные качества Коммунистической партии Советского Союза дали право великому Ленину сказать о партии, что она является умом, честью и совестью нашей эпохи.

* * *

Настоящий краткий обзор основных вех в деятельности Коммунистической партии Советского Союза свидетельствует об ее огромной созидательной работе, о коренных величайших преобразованиях экономики страны и всей жизни советских людей, которые осуществлены под ее руководством.

Богатейший новаторский опыт нашей Коммунистической партии по строительству жизни на новых социалистических началах настоятельно требует от работников исторического фронта, чтобы они взялись, наконец, за глубокое и всестороннее изучение и обобщение этого опыта, за широкую пропаганду многогранной жизни и деятельности нашей партии.

Следует подчеркнуть, что глубокая и всесторонняя разработка этой большой и чрезвычайно актуальной проблемы требует, чтобы за нее взялась большая группа историков партии. Только большой коллектив научных работников в состоянии поднять и положительно решить эту большую и почетную задачу.

В связи с этим нельзя не согласиться с Ф. В. Константиновым, который в брошюре «Марксизм-ленинизм в высшей школе», выпущенной в свет госполитиздатом в 1957 году, указывает на сложившуюся порочную практику в исследовательской работе по истории КПСС.

Жизнь требует, говорит автор, чтобы преподаватели истории КПСС вели научную разработку не только в плане исследования теории и политики нашей партии, но занимались бы и глубокой всесторонней разработкой и освещением практической работы партии, деятельности народных масс, центральных и местных партийных организаций по реализации политической линии и решений партии. Особенно нуждается в научной разработке в таком плане послеоктябрьский период жизни и деятельности нашей Коммунистической партии.

Советские люди, наши многочисленные зарубежные друзья, братья по классу и по идейному убеждению, требуют этого от историков партии, и они обязаны дать людям хорошие книги о многогранной практической деятельности Коммунистической партии Советского Союза и хорошие книги о том, как советские люди под руководством своей Коммунистической партии практически претворяют в жизнь мечты и заветы Владимира Ильича Ленина.

Сдается, что и редакциям «Ученых записок» надо решительно улучшать тематику своих публикаций, максимум приближая ее к нашей героической эпохе.

Редакциям «Ученых записок» надо всемерно воспитывать у преподавателей и прежде всего у преподавателей общественных наук интерес к животрепещущим вопросам жизни и деятельности нашей партии. Надо понять всем и каждому, что задача воспитания советских людей, и особенно воспитания молодежи, требует живых примеров, требует научного обобщения и широкой пропаганды того великого и героического, которое у нас ежедневно совершается под руководством нашей партии, трудом миллионов и миллионов простых людей.

Систематическая публикация в «Ученых записках» статей, отражающих героический труд советских людей, кипучую и многогранную деятельность Коммунистической партии в строительстве коммунизма, резко повысит уровень «Ученых записок», сделает их более содержательными и более отвечающими требованиям, которые предъявляются нашей партией к любому печатному органу.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА
Том XII Выпуск 2

Д. Е. ПОЛЯКОВ
Старший преподаватель Ульяновской областной партийной школы

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ УГНЕТЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ — РЕЗЕРВ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ[1]

Победа Великой Октябрьской социалистической революции одним ударом разбила цепи национального угнетения, положила конец безраздельному господству империалистов, жестоко эксплуатировавших трудящихся национальных окраин России, расчистила почву для дружбы и братского сотрудничества народов.

Большую роль в этой победе сыграли рабочие и крестьяне окраин России, развернувшие революционную национально-освободительную борьбу против империалистической и своей национальной буржуазии. Эта борьба трудящихся окраин нашей страны слилась под руководством партии большевиков в единый мощный революционный поток с общедемократическим движением за мир, крестьянско-демократическим движением за захват помещичьих земель, с социалистическим движением пролетариата за свержение буржуазии, за установление диктатуры рабочего класса и судьба капитализма в России была решена.

* * *

Привлечение на сторону социалистической революции огромной армии национальных резервов — было поистине величайшей заслугой большевистской партии. С первых дней своего возникновения эта партия во главе с В. И. Лениным обратила самое серьезное внимание на возможность использования национально-освободительного движения угнетенных народов России в интересах пролетарской революции, в интересах освобождения угнетенных наций и народностей от ига империализма.

[1] Материал настоящей статьи является кратким извлечением из кандидатской диссертации на тему «Коммунистическая партия в борьбе за завоевание и использование национальных резервов в период подготовки и проведения Октябрьской революции» (апрель 1917 г.—март 1918 г.).

Еще в период первой русской революции 1905—1907 гг. рабочие и крестьяне национальных окраин России, вместе с великим русским народом, активно выступили против царизма, помещиков и буржуазии. Это дало сильный толчок к массовым выступлениям народов Персии, Турции, Индии, Китая и других колониальных и полуколониальных стран. В. И. Ленин говорил, что «Революции в Турции, Персии, Китае доказывают, что могучее восстание 1905 года оставило глубокие следы и что его влияние, обнаруживающееся в поступательном движении **сотен и сотен** миллионов людей, неискоренимо».[1]

Подъем национально-освободительного движения в конце XIX и особенно в начале XX столетия знаменовал собою начало подлинного пробуждения угнетенных народов. Это движение в корне отличалось от разрозненных выступлений колониальных народов в прошлые века. Оно принимало наиболее организованный характер.

Готовя рабочий класс к революции и руководя его революционной классовой борьбой, марксисты России во главе с В. И. Лениным уделяли в то же время большое внимание и национальному движению угнетенных народов России. Чтобы стать во главе этого движения и придать ему целеустремленный характер, необходимо было выработать революционную марксистскую программу по национальному вопросу. Разработкой этой программы занялся В. И. Ленин. Он впервые в истории марксистской мысли не только разработал такого рода программу, но и создал в целом стройную систему взглядов по национально-колониальному вопросу, указав путь его решения.

Ленин считал, что основой решения национального вопроса должно стать марксистское требование — право наций на самоопределение. В зависимости от того, как решается эта проблема теми или иными марксистско-ленинскими партиями рабочего класса — от этого в значительной степени зависит экономическое, политическое и культурное развитие колониальных и зависимых народов.

Требование права наций на самоопределение самым тесным образом переплетается с вопросами революционного движения, с вопросами национально-освободительной борьбы угнетенных народов. Без революции решить национальный вопрос невозможно, говорил Ленин. Только революционным путем можно установить демократические порядки в стране и подготовить условия для решения национального вопроса. Значит необходима полная демократизация государства, как одно из основных условий решения национального вопроса.

Право наций на самоопределение рассматривается как пра-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 244.

во на государственное отделение и образование самостоятельного национального государства. Но В. И. Ленин в ряде работ указывал, что право наций на отделение нельзя смешивать с вопросом об обязательности отделения. Эту проблему марксистская партия в каждом отдельном случае решает в зависимости от внутреннего и внешнего положения той или иной нации, в зависимости от интересов пролетарской революции. Например, внешнее положение России до победы Великой Октябрьской социалистической революции и после ее победы могло сложиться таким образом, что та или иная национальность в стране могла поставить и решить вопрос о своей независимости. Марксисты в таком случае не должны были ставить преград на пути отделения данной нации, но за ними оставалось право свободы агитации ЗА или ПРОТИВ отделения в зависимости от интересов пролетариата, от интересов пролетарской революции.

В ряде выступлений в печати и устно В. И. Ленин еще до второго съезда партии, а затем в ходе работ съезда и после него на протяжении ряда лет боролся именно за такую трактовку вопроса о самоопределении наций, которая в дальнейшем была узаконена в решениях Поронинского совещания, Апрельской конференции и VIII съезда РКП(б). При разработке проекта программы в редакции «Искра» В. И. Ленин указывал, что требование самоопределения наций должно быть ПОДЧИНЕНО нашему главному требованию — интересам классовой борьбы пролетариата. В работе «Национальный вопрос в нашей программе», написанной в июле 1903 года, В. И. Ленин отмечал, что «...безусловное признание борьбы за свободу самоопределения вовсе не обязывает нас поддерживать всякое требование национального самоопределения»[1].

В более поздних работах, особенно после революции 1905 1907 гг., В. И. Ленин обращал внимание на необходимость самого внимательного подхода к оценке тех или иных событий, связанных с решением национального вопроса. Критикуя Розу Люксембург за ее антиисторический подход к решению национального вопроса, В. И. Ленин в работе «О праве наций на самоопределение» в 1914 году говорил, что при разборе любого социального и национального вопроса его необходимо ставить в ОПРЕДЕЛЕННЫЕ исторические рамки, необходимо учитывать конкретные особенности, отличающие одну страну от другой в пределах одной и той же исторической эпохи.

Одно дело — решение национального вопроса в эпоху краха феодализма и абсолютизма, в эпоху подымающегося капитализма. Другое — в эпоху уже сложившихся капиталисти-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т 6, стр 412

ческих государств, с давно установившимся конституционным строем, сильно развитым антагонизмом пролетариата и буржуазии, в эпоху кануна краха капитализма. Без учета этих двух периодов исторического развития, без учета национальных особенностей населения нельзя подходить к оценке правильности того или иного решения национального вопроса.

При обосновании этих революционных марксистских положений классики марксизма-ленинизма ссылаются на ряд исторических примеров. Конкретно остановимся лишь на некоторых из них.

В 60—70-х годах прошлого столетия Маркс выступал с требованием независимости Ирландии. В этой связи перед ним стояла трудная задача — дать руководящее указание по вопросу о том: как, каким путем Ирландия должна получить независимость. В переписке с друзьями (с Ф. Энгельсом и Л. Кугельманом) в 1869 году он указывал, что в течение длительного времени ему казалось, что рабочее движение в самой Англии освободит Ирландию. Он считал, что само национальное движение в Ирландии слишком слабо, чтобы вырвать независимость у английской буржуазии. Однако обстоятельства сложились таким образом, что рабочий класс Англии довольно надолго попал под влияние английской либеральной буржуазии. В самой Ирландии усилилось буржуазно-освободительное движение и приняло, как отмечали классики марксизма, революционные формы. Тогда Маркс пересмотрел свою прежнюю точку зрения. Он пришел к выводу о том, что сама Ирландия должна добиться своей независимости, если даже дело обернется так, что она должна будет вступить в федеративные отношения с Англией[1].

В сороковых и шестидесятых годах прошлого века К. Маркс и Ф. Энгельс выступали за активную поддержку требований национальной независимости Польши. Ленин говорил, что это было вполне правильное требование, так как тогда речь шла об освободительном движении в Польше, приобретавшем «...гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской».[2] Фридрих Энгельс в 1874 г. в статьях «Эмигрантская литература», давая анализ взаимоотношений между Россией, Польшей и Германией, показал, что социальное освобождение трудящихся тесно связано с решением национального вопроса. Главной, коренной задачей рабочего класса капиталистических стран является интернациональное сплочение. Без этого немыслима победа социализма

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. ОГИЗ, 1947, стр. 227—229, 230—231.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 403.

во всех странах. Рабочий класс стран-угнетателей других наций должен своей революционной борьбой добиться освобождения угнетенных народов. Ибо «... не может быть свободным народ, угнетающий другие народы».[1] В мире нет явлений, оторванных, независимых друг от друга. Поэтому и победу революции в России Энгельс рассматривал в тесной взаимосвязи с вопросом о независимости Польши. Причем, необходимо отметить, что это было время, когда среди народных масс России и большинства славянских стран **не было** самостоятельных, массовых демократических движений.[2]

Но вот прошло несколько десятилетий. В России и Польше произошли глубокие изменения в сторону экономического и культурного сближения между двумя нациями.

В России так же, как и в Польше, начал развиваться капитализм. Причем капитализм в конце XIX века стал переходить в стадию империализма. В России развертывалось мощное революционное движение рабочего класса. Польские рабочие также приняли активное участие в общероссийском революционном движении, направленном против царизма. Пропаганда отделения Польши в такой исторической обстановке могла ослабить борьбу и за свободу самой Польши. И правильно поступили польские марксисты, высказавшись в конце XIX века ПРОТИВ ОТДЕЛЕНИЯ Польши от России.

Это вовсе не означало, что невозможно было появление известных внутренних и внешних условий, при которых вопрос об отделении Польши снова мог стать на очередь. Известно, что такого рода условия возникли в период первой мировой войны, когда после победы Великой Октябрьской социалистической революции Польша получила независимость. Своим освобождением Польша в первую очередь была обязана русской революции. Хотя буржуазные деятели лицемерно утверждали, что свою самостоятельность и независимость польское государство получило по Версальскому миру, заключенному 28 июня 1919 года. Но это была ложь. Советское правительство еще задолго до Версальского мира своим постановлением от 9 сентября 1918 года аннулировало все трактаты, в силу которых Польша была подчинена трем разделившим ее между собой государствам, и, согласно общим принципам своей национальной политики, признало право польского народа на независимость. «Наша страна, — говорил тов. Гомулка,— особенно многим обязана Октябрьской революции, ибо эта революция сорвала с польского народа царские и кайзеровские цепи национального рабства, положила конец раздела Поль-

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 15, изд. 1933, стр. 223.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 403.

ши, вернула польскому народу право на независимое существование, за которое он боролся почти полтора века»[1].

В период борьбы за подготовку и проведение Октябрьской социалистической революции большевики последовательно осуществляли ленинское требование о праве наций на самоопределение. Когда Временное правительство отказало в скромных требованиях Финляндии о предоставлении ей автономии, наша партия решительно выступила против аннексионистской политики Временного правительства. На Апрельской конференции РСДРП(б) В. И. Ленин говорил, что Коммунистическая партия требует предоставления Финляндии полной свободы. Если это будет сделано, то доверие к русской демократии усилится и тогда Финляндия не отделится, а если и отделится, говорил Ленин, то что тут дурного?[2].

Несколько позже, в статье «Финляндия и Россия», В. И. Ленин писал, что «Не насилием надо привлекать другие народы к союзу с великороссами, а только действительно добровольным, действительно свободным соглашением, **невозможным** без свободы отделения.

Чем свободнее будет Россия, чем решительнее признает наша республика свободу отделения невеликорусских наций, тем сильнее **потянутся** к союзу с нами другие нации, тем меньше будет трений, тем реже будут случаи действительного отделения, тем короче то время, на которое некоторые из наций отделятся, тем теснее и прочнее — в конечном счете — братский союз пролетарски-крестьянской республики российской с республиками какой угодно иной нации»[3].

Отказ Временного правительства в предоставлении автономии Финляндии вызвал волну возмущения среди всех слоев финского народа и усилил сепаратистское движение финляндской буржуазии. Но главное, чего так боялись гучковы и милюковы, в стране начало развертываться революционное выступление финляндских рабочих и крестьян, которое поддерживалось русскими революционными солдатами и матросами.

Чтобы парализовать это движение, Временное правительство осуществляет ряд мер репрессивного характера. В частности, оно разогнало финляндский сейм, а когда была сделана попытка созвать сейм, то войска, верные Временному правительству, 16 августа 1917 года (ст. стиля) заняли здание сейма[4]. В сентябре месяце был отдан приказ о выводе из Финляндии целого ряда революционных полков и о замене их

---

1 Газета «Правда», № 311 (14340), 7 ноября 1957, стр. 7.
2 В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 267.
3 В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 304.
4 ЦГАОР, ф. 406, оп. 6, дело 21, лл. 143, 146.

войсками, преданными Временному правительству.[1] Но последнее Временному правительству сделать не удалось.

Областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии в своем воззвании от 24 сентября 1917 года к революционным солдатам и рабочим Петрограда писал, что этот акт Временного правительства является прямой провокацией гражданской войны. «Все ссылки на «стратегию» и «оборону», – указывалось в этом воззвании, — есть лицемерие, которым прикрывается прямая борьба с политическими противниками...».[2] Временное правительство было предупреждено, что без согласия Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии никаких передвижений военных сил не может быть проведено. Если, вопреки этому предупреждению, была бы сделана попытка двинуть в Финляндию военные силы, то войска Временного правительства получили бы решительный отпор со стороны революционных солдат, матросов и финляндских рабочих.[3]

Большевистская партия была единственной политической партией России, решительно поддержавшей требование финляндского народа о предоставлении ему суверенных прав. Еще в июне 1917 года, на состоявшемся в Гельсингфорсе чрезвычайном съезде финской социал-демократической партии, представитель ЦК РСДРП(б) товарищ Колонтай заявила о том, что большевистская партия признает полное право финляндского народа самому решать вопрос о своем государственном существовании.[4]

В решении ЦК РСДРП(б) от 13 сентября 1917 года говорилось, что наша партия требует немедленного осуществления «... на деле права наций, живущих в России, на самоопределение, в первую очередь удовлетворение требований Финляндии и Украины» [5]

С победой Октябрьской социалистической революции, Советское правительство, следуя провозглашенному праву каждой нации на самоопределение вплоть до образования самостоятельного государства, в конце декабря 1917 года предоставило Финляндии независимость, несмотря на то, что у власти там оказались представители буржуазных националистов во главе со Свинхвудом.

---

[1] Партархив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17, ед. хр. 171, оп. 1, л. 12.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Газета «Волна» № 55, 19 июня 1917 г.

[5] См. протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 г. февраль 1918 г., Госиздат, Москва—Ленинград, 1929 г., стр. 48.

Предоставив независимость Финляндии, Советское правительство этим самым не только подтвердило верность провозглашенным принципам политики нашей партии по национальному вопросу, но и создало условия для усиленного процесса дифференциации среди финского населения. Финские рабочие и батраки после этого могли убедиться на собственном опыте, что виновниками их тяжелого нищенского положения являются не русские люди, а собственная финская буржуазия, эксплуатирующая трудящихся финнов. Трудящиеся России, свергнув у себя власть помещиков и капиталистов, освободили этим самым финский народ от национально-колониального гнета. Но гнет национальной буржуазии усилился. Это привело к еще большему размаху революционного движения. Финляндское буржуазно-националистическое правительство Свинхвуда путем репрессий попыталось приостановить дальнейшее развертывание этого движения в стране. Это дало обратные результаты. Революционное выступление рабочего класса поднялось на такую высоту, что в январе 1918 года в Финляндии победила пролетарская революция. Образовалась Финляндская Социалистическая Рабочая Республика, с которой Советское правительство 1 марта 1918 года заключило договор о дружбе и братстве.

Но в то время германский империализм навязал молодой Советской России Брестский мирный договор, по которому наше правительство должно было вывести свои войска из революционной Финляндии. Уже в период переговоров об этом договоре становилось ясным, что буржуазия Финляндии воспользуется этим и пригласит себе на помощь германские войска для уничтожения Финляндской социалистической рабочей республики.

Известно, что троцкисты, находившиеся тогда в рядах нашей партии, пытались сорвать этот договор и не выводить войска из Финляндии, демагогически заявляя, что иначе германские войска займут Финляндию и будет нарушено право на самоопределение.

В статье «К истории вопроса о несчастном мире» Ленин писал, что «...интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение. Наша социалистическая республика сделала все, что могла, и продолжает делать для осуществления права на самоопределение Финляндии, Украины и пр. Но если конкретное положение дел сложилось так, что существование социалистической республики подвергается опасности в данный момент из-за нарушения права на самоопределение нескольких наций (Польши, Литвы, Курляндии и пр.), то, разумеется, интересы сохранения социалисти-

ческой республики стоят выше».[1] Эту же мысль высказал В. И. Ленин и на заседании ЦК РСДРП(б) 18 февраля 1918 года, когда обсуждался вопрос о немедленном заключении Брестского мирного договора, Ленин тогда заявил, что если германские империалисты потребуют вывода войск из революционной Финляндии, то в создавшихся условиях, когда стоит вопрос—быть или не быть Российской Советской Социалистической Республике, необходимо на это согласиться. «Если мы отдадим Финляндию, Лифляндию и Эстляндию — революция не потеряна»,[2]—говорил Ленин.

Оккупация Финляндии германскими войсками привела к поражению пролетарской революции в стране и установлению белого террора.

После жестокого подавления революции в стране финская буржуазия развернула широкую националистическую пропаганду среди всех слоев своего народа. Против русских и вообще против советских людей была пущена в ход ложь и клевета, чтобы разжечь у финнов ненависть к Советской республике, посеять на долгие годы взаимную вражду и недоверие между ними.

Но последовательно проводимая ленинская национальная политика в нашей стране и установление добрососедских отношений со всеми государствами постепенно рассеивали туман лжи среди финляндского народа. С годами начали налаживаться добрососедские отношения между Финляндией и СССР и в настоящее время между народами этих стран создаются прочные узы дружбы, основанные на взаимном уважении друг к другу, чему в значительной степени способствует твердо осуществляемая нашим правительством политика мирного сосуществования двух систем — капиталистической и социалистической.

Таким образом, партия большевиков, провозгласив лозунг права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования национального независимого государства, поддержала национально-освободительное движение финляндского народа против русской империалистической буржуазии и ее Временного правительства, отказавшегося предоставить суверенные права финляндскому народу. С приходом к власти партии большевиков при первом же требовании предоставила полную независимость Финляндии, что имело огромное международное значение.

Вместе с тем это усиливало позиции большевиков и среди ранее угнетенных народов России. Предоставление независимости Финляндии, это одно из ряда важнейших мероприя-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 408.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 477.

тий Советской власти по осуществлению ленинской национальной политики. Исторические события, развернувшиеся вслед за этим, полностью подтвердили, что в условиях 1917—1918 годов иное решение вопроса о Финляндии могло бы значительно ослабить силы молодого Советского государства и нанести непоправимый ущерб делу мировой пролетарской революции.

Отстаивая принцип самоопределения наций вплоть до государственного отделения, русские марксисты в то же время были сторонниками создания крупного многонационального социалистического государства. Ленин говорил, что пролетарская партия должна отстаивать принцип немедленного осуществления полной свободы отделения от России всех наций и народностей, ранее угнетавшихся царизмом, насильственно присоединенных или насильственно удерживавшихся в границах Российского государства. Но это вовсе не означает, что пролетарская партия против создания крупного государства, что она за обязательное отделение тех или иных наций. «Пролетарская партия стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к **сближению** и **дальнейшему слиянию** наций, но этой цели она хочет достигнуть не насилием, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций».[1]

Предусматривая решение этой проблемы, т. е. проблемы создания многонационального государства в составе тех наций, которые не захотят выделиться или захотят вновь присоединиться, — национальная программа большевиков намечала и формы организации такого государства В. И. Ленин считал, что единственно верным решением будет территориальная **областная** автономия, дававшая возможность наилучшим образом использовать природные богатства национальных окраин и развить производительные силы. При такой форме государственного устройства размежевание людей могло происходить уже не по нациям, а по классам. Это создавало предпосылки к развитию и укреплению дружественных связей между всеми трудящимися всех наций, населяющих данную страну.

В дальнейшем, наряду с областной автономией, формой государственного устройства была принята федерация. Но до победы Великой Октябрьской социалистической революции Ленин выступал против федеративного устройства государства. Поэтому в ленинской программе по национальному вопросу федерация отрицается. В письме к Шаумяну в декабре

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 52.

1913 года Ленин указывал, что мы, большевики, в принципе против федерации.[1]

Федерация — это союзное государство с единым гражданством. Находясь в составе федерации, союзные государства сохраняют свои законодательные и исполнительные органы. Но эти органы власти слишком ограничены в своей деятельности, так как наряду с ними учреждены союзные (федеральные) законодательные, исполнительные и судебные органы. Решения этих органов подлежит исполнению на всей территории федеративного государства. Во всех буржуазных федерациях (в США, в Австралийском союзе, Мексике, Швейцарии и т. д.) все важнейшие вопросы внутренней и внешней политики решаются центральными органами власти, в их ведении находятся также все вооруженные силы. Государства — члены не имеют права выйти из федерации.

Следовательно, в условиях буржуазного строя федерация — это обман, фикция. Такова одна из причин, почему В. И. Ленин выступал против федерации.

Затем необходимо иметь в виду, что федерации в условиях буржуазного строя складывались как насильственные объединения и при наличии частной собственности на орудия и средства производства не имели под собой прочной экономической и социальной основы. Частнокапиталистическая собственность в буржуазных государствах не сплачивает, а разъединяет народы, общефедеральные органы власти не ставят цель гармонического развития народного хозяйства и культуры всех федерирующихся областей (штатов или кантонов), да они и не могут осуществлять такие меры в условиях капиталистической конкуренции и анархии производства. На эту сторону вопроса и обратил особое внимание В. И. Ленин, указавший, что федерация ослабляет экономическую связь.

Вот почему Ленин до Великой Октябрьской революции выступал против федерации. Он был тогда сторонником безусловного демократического централизма, предполагающего предоставление областной автономии таким определившимся единицам, как Украина, Кавказ и т. п.

Даже в ходе работы седьмой (Апрельской) конференции в 1917 году вопрос о федеративном устройстве государства не затрагивался. Однако в августе того же года, в классической работе «Государство и революция», Ленин впервые допускает возможность федерации, как переходной формы «к централистической республике». Но в этой работе В. И. Ленин еще не делал прямого указания о необходимости перехода к федеративному устройству государства.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 453.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции наша партия во главе с Лениным решает положительно вопрос о федеративном устройстве государства. В «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» в январе 1918 года, написанной Лениным и одобренной Центральным Комитетом партии, впервые указано на то, что наше Советское государство учреждается как свободный союз свободных наций, как федерация советских национальных республик. Эта точка зрения была официально утверждена нашей партией на VIII съезде РКП(б) в 1919 году.

В 1922 году по предложению В. И. Ленина был образован Союз Советских Социалистических Республик, т. е. было создано единое многонациональное Советское государство. «...Пролетариат России, — говорилось в решении XII съезда РКП(б), — нашел в советском строе ключ к правильному разрешению национального вопроса, он открыл в нем путь организации устойчивого многонационального государства на началах национального равноправия и добровольности».[1] Правильное решение национального вопроса в нашей стране, указывал В. И. Ленин, имеет громадное значение не только для Советского государства, но и для сотен миллионов народов Азии, Востока.[2]

Марксистско-ленинская программа по национальному вопросу, разработанная Лениным, предусматривала еще два коренных требования, а именно: установление национального и расового равноправия во всех областях общественной жизни — политической, экономической и культурной; интернациональное классовое сплочение рабочих всех национальностей страны, создание классовых организаций пролетариата (политическая партия, профсоюзы, кооперация и т. д.) по интернациональному принципу, единых в масштабе всей страны. Только при разрушении национальных перегородок и при тесном сплочении русских, грузинских, армянских, польских, еврейских и проч. пролетариев возможно было создать необходимые условия для победы российского пролетариата над царизмом, над буржуазией.

Таким образом, большевистская программа разрешения национального вопроса, основанная на незыблемых ленинских принципах интернационализма, предусматривала возможность добровольного объединения всех наций и народов России в единое многонациональное государство. А это оз начало, что бывшие национальные окраины России не обязательно должны были отделяться, как это сделала Финлян-

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, часть 1, издание седьмое, 1953 стр. 712.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 36, стр. 558—559.

ния. Им предоставлялась возможность, на равноправных правах с великим русским народом, создать добровольный союз республик, что полностью соответствовало экономическому, политическому и культурному развитию ранее отсталых наций и народов России.

Ленинская национальная программа полностью отвечала чаяниям ранее угнетенных народов России, длительное время боровшихся вместе с русским народом за свержение царизма. С победой Февральской буржуазно-демократической революции трудящиеся Украины, Азербайджана, Туркестана и других национальных районов страны связывали свои надежды на избавление от социального и национального гнета. Однако в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата у власти как в центре, так и на местах, оказалась буржуазия, которая не могла разрешить ни одного из этих вопросов.

В ходе Февральской революции национально-освободительное движение на окраинах России носило характер буржуазно-освободительного движения. Оно было направлено на свержение царизма, устранение колониальных порядков на окраинах страны и установление демократического строя. Основным лозунгом этого движения, говорил И. В. Сталин, было «Ликвидация национального гнета».[1] Во главе его оказалась национальная буржуазно-демократическая интеллигенция, воспользовавшаяся недостаточной сознательностью рабочего класса и крестьянства и их стремлением к освобождению от национального гнета, воспользовавшаяся слабостью большевистских организаций в этих районах страны. Главное усилие национальной буржуазии было направлено на образование национальных буржуазных государств. Дальнейшее развитие революции не входило в ее планы.

Следовательно, на первом этапе русской революции национальные резервы, т. е. основные массы рабочего класса и крестьянства окраин России, были резервами буржуазно-демократической революции и буржуазия пыталась использовать их в своих корыстных целях. Вследствие этого и само национально-освободительное движение на первом этапе русской революции было резервом буржуазно-демократической революции.

Но В. И. Ленин еще в период первой мировой войны дал блестящий анализ империализма, открыл закон неравномерности экономического и политического развития капитализма, на основе которого сделал великое научное открытие: сформулировал и обосновал гениальный вывод о возможности победы социализма первоначально в немногих или даже в од-

[1] И. Сталин. Соч., т. 4, стр. 155—156

ной, отдельно взятой, капиталистической стране и о невозможности одновременной победы социализма во всем мире.

Это ленинское открытие дало ключ к разрешению коренных социальных проблем и проблемы ликвидации национального гнета. Великий Ленин научно доказал, что уничтожить национальный гнет при капитализме невозможно. Для этого необходима победа социалистической революции. И только тогда, говорил В. И. Ленин, возможно «...**практически** абсолютное устранение малейших национальных трений, малейшего национального недоверия, создастся ускоренное сближение и слияние наций, которое завершится **отмиранием** государства».[1]

Из этого ленинского положения следовало, что национально-освободительное движение угнетенных народов той или иной страны должно слиться в единый поток с социалистическим движением пролетариата передовых наций в борьбе за свержение буржуазии, за установление диктатуры пролетариата. Без этого невозможно было осуществить на практике право наций на самоопределение вплоть до государственного отделения, поскольку в эпоху империализма, говорил В. И. Ленин, этот основной пункт национального вопроса перестал составлять часть общедемократического движения, он превратился в составную часть общепролетарской, социалистической революции.[2]

В условиях России 1917 года, после Февральской революции, национально-освободительное движение угнетенных народов России должно было стать (а в дальнейшем так оно и произошло) величайшим резервом социалистической революции. Коммунистическая партия нашей страны, своей организаторской и агитационно-пропагандистской работой, на основе Апрельских тезисов Ленина и решений VII (Апрельской) конференции РСДРП(б), ускорила объективный процесс превращения национально-освободительного движения угнетенных народов России из резерва буржуазно-демократической революции в резерв социалистической революции и умело использовала его в борьбе за свержение власти империалистической и национальной буржуазии, за утверждение власти рабочего класса и беднейшего крестьянства. В. И. Ленин говорил, что большевики «... должны **связать** революционную борьбу за социализм с революционной программой в национальном вопросе».[3]

Претворяя в жизнь это указание В. И. Ленина, партия большевиков развернула решительную борьбу как с великодержавной политикой империалистического Временного пра-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 311.
[2] В. И. Ленин. Соч. т. 22, стр. 326, 327, 328.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 372.

вительства, так и с буржуазно-националистической политикой правительств и организаций, возникших к тому времени на окраинах страны. Эту огромную работу Коммунистической партии по завоеванию национальных резервов на сторону социалистической революции можно проследить на некоторых примерах подготовки Октябрьской революции на Украине, в Азербайджане и Туркестане.

* * *

Серьезнейшим препятствием на путях борьбы за победу социалистической революции на Украине, в Азербайджане и Туркестане были Центральная Украинская рада, Бакинский Совет общественных организаций, «Совет мусульманских организаций», Азербайджанская буржуазно-националистическая партия «Мусават», Туркестанский комитет Временного правительства, буржуазно-националистический «Совет исламистов» в Ташкенте («Шура-и-Ислам») и ряд других буржуазно-националистических организаций, большинство которых возникло в начале Февральской революции.

Играя на национальных чувствах своих народов, они, эти организации и «правительства», развернули разнузданную националистическую пропаганду, ставя своей целью не допустить распространения надвигавшейся социалистической революции на их территорию, подорвать влияние идей большевизма среди угнетенных народов. Особенно активную деятельность в этом направлении развернули с первых дней Февральской революции украинские националисты типа Грушевского, Винниченко, Петлюры и прочих, проповедовавших антинародную реакционную «теорию» бесклассовости украинской нации, «теорию» единого потока. Суть этой «теории» состояла в отрицании классовой борьбы внутри украинской нации, в подмене истории классовой борьбы историей национальной борьбы.

Грушевский и К° выдвинули идею насильственной украинизации всех школ, высших учебных заведений, театров, правительственных учреждений и даже церкви. Они договорились до того, что стали отрицать прогрессивное влияние передовой русской культуры на развитие украинской культуры, поставили под сомнение искренность дружбы великого русского народа с украинским.

Такого рода выступления буржуазных националистов характеризовали их как врагов дружбы народов, как заклятых контрреволюционеров. К числу таких «деятелей» принадлежал и экономист Туган-Барановский, которого В. И. Ленин в свое время разоблачил как апологета капитализма. Будучи приглашен Центральной радой в состав украинского правительства (Генеральный секретариат), Туган-Барановский в беседе с

представителями буржуазной прессы высказался за немедленное проведение в жизнь проблемы украинизации и за подготовку ряда мероприятий по ОТДЕЛЕНИЮ Украины от России[1].

Этой безудержной националистической пропаганде был дан отпор. В ряде мест Украины на фабриках, заводах, в учебных заведениях, воинских частях и т. д. по инициативе большевиков состоялись митинги протеста против действий Центральной Рады. Большевистские организации Украины в своих решениях заявляли, что в вопросе о будущности Украины они решительно выступают против ее отделения от России. Киевская Окружная конференция РСДРП(б) высказалась за областную автономию в составе единой Российской республики.[2]

В своей работе с массами украинского народа Коммунистическая партия руководствовалась известным положением В. И. Ленина. «Старому миру, — говорил В. И. Ленин, — миру национального угнетения, национальной грызни или национального обособления, рабочие противопоставляют новый мир единства трудящихся всех наций, в котором нет места ни для одной привилегии, ни для малейшего угнетения человека человеком».[3]

Харьковская общегородская конференция большевиков, проходившая в конце мая 1917 года, в одном из своих решений указала, что важнейшим мероприятием, которое должно быть немедленно осуществлено, это — «создание школ, обеспечивающих преподавание на родном языке».[4] Такого рода решения выносились и рядом других общественных организаций, находившихся под влиянием большевиков. Рабочие и крестьяне в своем подавляющем большинстве не требовали никакой исключительности украинской нации. Они добивались своего национального равноправия наравне с другими народами России. Этого взгляда придерживалась и прогрессивно настроенная интеллигенция.

Совет профессоров Киевского университета в своем обращении к украинской интеллигенции указывал, что Украина за три столетия единой жизни с Россией очень много усвоила от русской науки, искусства, литературы. «Все это развивалось в Малороссии под влиянием русских ученых, художников и

---

[1] ЦГАОР, ф. 406, оп. 6, ед. хр. 22, л. 11.

[2] Партархив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17, ед. хр. 253, оп. 1, л. 2.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 72.

[4] Сб. документов и материалов. Подготовка Великой Октябрьской социалистической революции на Украине. Госполитиздат УССР, Киев, 1955, стр. 380.

поэтов. Малороссы получали образование в русских высших учебных заведениях»[1].

Насильственную украинизацию Совет профессоров Киевского университета считал опасной и вредной для интересов русского государства в целом и для Украины в частности[2].

Буржуазно-националистическая политика Рады не нашла серьезной поддержки среди украинского народа. В такой обстановке лидеры Центральной Рады не осмелились выступить с требованием отделения Украины от России. Они обратились к Временному правительству с просьбой предоставления Украине автономии в составе единого Российского государства.

В ответ на это обращение Рады вся буржуазно-кадетская и меньшевистко-эсеровская печать разразилась неистовымругательством в адрес свободолюбивого украинского народа, всячески понося и оскорбляя его национальные чувства. Все это делалось не без ведома Временного правительства, попрежнему осуществлявшего великодержавную политику по отношению к другим нациям и народностям.

Подвергая уничтожающей критике эту политику Временного правительства, В. И. Ленин призывал все прогрессивные силы российского общества повести решительную борьбу за демократию и полным признанием прав Украины вернуть себе и русскому народу братское доверие украинских рабочих и крестьян. «Ни один демократ, — писал Ленин, — не может также отрицать **права** Украины на свободное отделение от России: именно безоговорочное признание этого права одно лишь и дает возможность агитировать за вольный союз украинцев и великороссов, за **добровольное** соединение в одно государство двух народов».[3]

Несмотря на отрицательное отношение Коммунистической партии к буржуазному национализму Центральной Рады, большевики поддержали ее требование о предоставлении Украине автономии. Временное правительство отклонило эту просьбу. В. И. Ленин писал в связи с этим, что «Отказ в этих скромнейших и законнейших требованиях со стороны Временного правительства был неслыханным бесстыдством, дикой наглостью контрреволюционеров, истинным проявлением политики великорусского «держиморды»...».[4]

Меньшевики и эсеры, как правящие партии, неся ответственность за эту политику Временного правительства, пытались объяснить свою позицию тем, что с предоставлением Украине автономии там начнется анархия и хаос. В. И. Ленин высмеял это заявление меньшевиков и эсеров, указав, что если бы

---

1 ЦГАОР, ф. 406, оп. 6, ед. хр. 19, л. 7.
2 Там же.
3 В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 73.
4 В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 82.

Украине была предоставлена автономия, то единственно авторитетные органы Украины — Советы не допустили бы никакой анархии.[1]

В статье «Украина» В. И. Ленин писал, что «Проклятый царизм превращал великороссов в палачей украинского народа, всячески вскармливал в нем ненависть к тем, кто запрещал даже украинским детям говорить и учиться на родном языке.

Революционная демократия России, если она хочет быть действительно революционной, действительно демократией, должна порвать с этим прошлым, должна вернуть себе, рабочим и крестьянам России, братское доверие рабочих и крестьян Украины. Этого нельзя сделать без полного признания прав Украины, в том числе **права** на свободное отделение».[2]

Как и раньше, В. И. Ленин указывал, что большевистская партия не сторонница мелких государств, она за теснейший союз рабочих всех стран против капиталистов и «своих» и всех вообще стран. Но чтобы этот союз был действительно добровольным, «...русский рабочий, не доверяя ни в чем и ни на минуту ни буржуазии русской, ни буржуазии украинской, стоит сейчас за право отделения украинцев, **не навязывая** им своей дружбы, а **завоевывая ее** отношением как к равному, как к союзнику и брату в борьбе за социализм».[3]

Следовательно, вопрос о судьбах Украины должен был в конечном счете решаться не Центральной Радой, представляющей интересы украинской буржуазии, и Временным правительством, представлявшим интересы русской империалистической буржуазии, а рабочим классом, стоявшим во главе борьбы трудящихся всей страны за победу социалистической революции.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, большевики Украины выступали против великодержавной политики Временного правительства, отстаивая национальные права украинского народа. Екатеринославский комитет большевиков в одной из своих резолюций по текущему моменту осудил кадетов за их нежелание «пойти на уступки справедливым требованиям украинского народа».[4]

Когда Временное правительство запретило созыв Второго украинского войскового съезда, то большевистская фракция Киевского Совета рабочих депутатов внесла на рассмотрение и утверждение Совета следующую резолюцию: «Протестуя

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 82—83.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 74.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 74.
[4] Сб. документов и материалов. Подготовка Великой Октябрьской социалистической революции на Украине. Госполитиздат УССР, Киев, 1955, стр. 76.

против запрещения Керенским Второго Украинского войскового съезда, мы считаем, что это запрещение является одним из проявлений империалистической политики Центрального правительства, которая нарушает права угнетенных наций и основные принципы демократии»[1].

Наряду с этим большевики Украины продолжали разоблачать буржуазно-националистическую сущность политики Украинской Рады. 9 июня 1917 года на объединенном заседании Совета рабочих и солдатских депутатов Киева коммунисты выступили с резолюцией, в которой говорилось: «Считая, что национальное раскрепощение неразрывно связано с раскрепощением классовым, мы призываем пролетариев и полупролетариев Украины к отказу от сотрудничества со своей национальной буржуазией, к единой классовой организации и к совместной борьбе за власть и за свержение опоры национального и классового угнетения — ига капитала»[2].

15 июня Центральной Радой на Украине был образован националистический ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРИАТ во главе с заядлыми врагами украинского народа Винниченко и Петлюрой. Вскоре были созданы ее органы на местах — губернские и уездные украинские Рады; по селам и волостям — народные управы. Одновременно Центральная Рада начала лихорадочно сколачивать национальные вооруженные силы. В составе армии она создавала свои так называемые «украинизированные части», затем, в спешном порядке, начала комплектовать классово выдержанную «армию»: «вольных казаков», «гайдамаков», «сердюков» и т. п. из сынков буржуазии, кулаков и националистически настроенной интеллигенции. Это были силы, которые Рада могла бросить в любое время против революционных рабочих и крестьян.

Все эти мероприятия Рада проводила без санкции Временного правительства, но на разрыв с ним она не пошла, да и не могла пойти, так как они были заинтересованы во взаимной поддержке против революционного народа. Несмотря на некоторые противоречия, возникшие между Временным правительством и Центральной Радой по вопросу об автономии, последняя поддерживала Временное правительство по всем коренным вопросам внешней и внутренней политики.[3] Сформированные украинские воинские части она предоставила в распоряжение Временного правительства для боевых действий на фронте и для подавления крестьянского движения в стране. Из армии «вольных казаков», «гайдамаков», «сердюков»

---

[1] Сб. документов и материалов. Подготовка Великой Октябрьской социалистической революции на Украине. Госполитиздат УССР, Киев, 1955, стр. 76.

[2] Там же, стр. 77.

[3] ЦГАОР, ф. 406, оп. 6, д. 21, л. 27.

и проч. контрреволюционной нечисти, с ведома Временного правительства, были выделены специальные 4 батальона «Спасения Украины», предназначенных для борьбы с революционным движением рабочих и крестьян Украины.[1]

В конце июня 1917 года в Киеве между Центральной Радой и представителями Временного правительства — Керенским, Церетели и Терещенко — было заключено соглашение о взаимной поддержке. 3 июля Центральная Рада во всеуслышание заявила о своей полной и безоговорочной поддержке Временного правительства и о том, что она будет решительно бороться против попыток самочинного осуществления автономии Украины до Всероссийского Учредительного собрания.[2]

Таким образом, еще и еще раз подтвердилось высказывание В. И. Ленина о том, что среди трудящихся буржуазия пытается посеять национальную рознь, натравить одну нацию на другую и этим самым отвлечь рабочий класс от классовой борьбы, а сама она великолепно уживается, всякий раз находя общий язык, когда касается ее классового положения.[3]

Весь дальнейший ход развития событий показал, что Рада и Временное правительство всегда находили общий язык в борьбе против революционного народа, несмотря на их внешние разногласия. Вся политика украинских буржуазных националистов была чужда рабочим и крестьянам. Это проявилось и в их отношении к Бессарабии, где они выступили как великодержавные националисты.

Требуя автономии для Украины, Рада в то же время решила, что Бессарабия должна составлять единое целое с Украиной.[4] Эта великодержавная политика Украинской Рады вызвала решительный протест со стороны молдавского народа. На ряде собраний военных и общественных организаций было заявлено о том, что молдавский народ не разделяет взглядов представителей Украинской Рады и считает это посягательством на суверенные права молдаван, требующих предоставления Бессарабии автономии в пределах Российской республики.[5]

Эти примеры ясно показывают, что националистические правительства на окраинах России, типа Центральной Украинской Рады, были чисто буржуазными правительствами, ничего общего не имевшими с интересами трудящихся ранее угнетенных национальностей.

---

1 ЦГАОР, ф. 406, оп. 6, д. 21, л. 27.

2 См. сб. документов и материалов. Подготовка Великой Октябрьской социалистической революции на Украине, Госполитиздат УССР, Киев, 1955, стр. 74.

3 В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр 72.

4 ЦГАОР, ф. 406, оп. 6, д. 21, л. 31.

5 Там же, лл. 31, 34, 45.

Коммунистическая партия разоблачила контрреволюционный характер политики буржуазно-помещичьих националистических партий и их организаций. В этом деле большую роль сыграла большевистская печать, лекции, доклады и выступления активных деятелей большевистских организаций.

Большевистская печать Украины, Азербайджана и Туркестана была представлена газетами: «Голос социал-демократа», «Пролетарий», «Голос пролетария», «Звезда», «Донецкий пролетарий» — на Украине; «Бакинский рабочий», «Гуммет» (на азербайджанском языке), «Социал-демократ» (на армянском языке) — в Азербайджане; «Наша газета» — в Туркестане.

Большевики Украины, Закавказья и Туркестана, ведя непримиримую борьбу против реакционного буржуазного национализма, отстаивали и осуществляли политику пролетарского интернационализма, в основе которой была и есть марксистско-ленинская идея сближения наций, сплочения рабочих всех национальностей в единых пролетарских классовых организациях. Большая заслуга в этом деле принадлежит таким выдающимся пропагандистам-большевикам и организаторам масс как: К. Е. Ворошилов, Г. И. Петровский, Артем (Ф. А. Сергеев), А. В. Иванов — на Украине; С. Г. Шаумян, М. Азизбеков, П. Джапаридзе, Н. Нариманов, А. Микоян, И. Фиолетов — в Азербайджане; Ф. Колесов, Н. Шумилов, А. Першин, П. Полторацкий — в Туркестане и целом ряду других марксистов-ленинцев, смело защищавших и отстаивавших ленинскую теорию, стратегию и тактику по вопросам дальнейшего развития революции в России и руководивших революционной борьбой рабочих и крестьян.

Многие из руководителей местных большевистских организаций выступали с лекциями и докладами перед трудящимися на их родном языке. Так, например, популярными лекторами и докладчиками, выступавшими перед трудящимися Баку на их родном языке были тт. С. Г. Шаумян, А. И. Микоян, П. Джапаридзе, М. Азизбеков и другие руководители бакинских большевиков. Лекции и доклады А. И. Микояна на армянском языке «О национальном вопросе», «О текущем моменте и о революционной социал-демократии», С. Г. Шаумяна «О характере русской революции» и масса других его выступлений пользовались неизменным успехом у рабочих.[1]

Товарищи С. Г. Шаумян и А. И. Микоян в своих выступлениях призывали трудящихся к борьбе против русской и местной буржуазии, беков и ханов, выступали против создания национальных формирований и обособленной автономной мусульманской республики, разоблачали буржуазно-национали-

[1] Газ. «Бакинский рабочий», № 6, 30 мая 1917 г.

стическую политику грузинских меньшевиков, дашнаков и мусаватистов.

Шаумян в одной из статей газеты «Бакинский рабочий», разоблачая буржуазно-националистические партии, указывал: «Злейшим врагом на Кавказе был и остается национализм. Стихийный национализм мусульман и организованный национализм армян привели в 1905 году к кровавой армяно-татарской резне...

Тот же национализм играет злую шутку с кавказскими народами и сейчас в революции 1917 года».[1]

Большую работу проводили большевистские организации по интернациональному сплочению трудящихся Закавказья. «Кавказу прежде всего нужна интернациональная солидарность, — писал А. И. Микоян. — Интересы рабочих одни — будут они русские или армяне, грузины или азербайджанцы, протягивайте руку вашим товарищам русским, азербайджанцам, грузинам и создавайте с ними единую, нераздельную семью».[2]

Коммунистическая партия, воспитывая трудящихся всех национальностей в духе интернационализма и дружбы народов, стремилась повернуть усилия рабочих и крестьян окраин России в сторону решения основных вопросов революции — выход из империалистической войны, решение аграрного вопроса, установление 8-часового рабочего дня, введение контроля над общественным производством и распределением продуктов, слияние всех банков в один национальный банк и введение контроля над ним со стороны Совета рабочих депутатов и т. д. Только решив эти вопросы, можно было разрешить и национальный вопрос в духе большевистской программы.

Наиболее уязвимым местом у буржуазных националистов были эти социальные вопросы, поскольку буржуазные националисты были ярыми противниками их решения. Так, Центральная Украинская Рада ни в одном из своих универсалов (основных законов) ни одним словом не обмолвилась о решении вопроса об окончании войны, о наделении крестьян землею, о политических правах граждан, о 8-часовом рабочем дне и т. д.[3] Украинские самостийники, азербайджанские мусаватисты, армянские дашники и прочие реакционеры из лагеря национальной буржуазии, несмотря на свой национализм, поддерживали русскую буржуазию в ее стремлении предотвратить дальнейшее развитие революции и продолжать

---

[1] С. Г. Шаумян. Статьи и речи 1917—1918 гг., Баку, 1929, стр. 57.

[2] Газ. «Социал-демократ», № 1, 18 апреля 1917 года (перевод с армянского).

[3] ЦГАОР, ф. 406. оп. 6, ед. хр. 19, лл. 41, 42, 43, 44, 45, 46.

империалистическую войну. Эта точка зрения национальной буржуазии совпадала не только с желаниями русской буржуазии, но и с желанием американской империалистической буржуазии, правительство которой первым среди великих держав признало Временное правительство. «При всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе, — говорил Ленин, — группировка идет по классам, а не по нациям».[1]

Правительство США нагло вмешивалось во внутренние дела России. Чтобы помешать дальнейшему развитию русской революции и заручиться наступлением русских войск против Германии, летом 1917 г. оно послало в Россию так называемую техническую миссию, возглавляемую Стивенсоном и дипломатическую миссию во главе с бывшим государственным секретарем США Рутом.

Разоблачая империалистические замыслы американской и русской буржуазии, газета «Бакинский рабочий» в статье «Распродажа России» писала: «До сих пор русской кровью торговали английские капиталисты, теперь на рынке появились новые покупатели — «союзники» — американские банкиры. Нисколько не стесняясь, эти людоеды говорят: мы вам хорошо заплатим, только вы обуздайте русских солдат и выведите их в наступление (т. е. на убой). А русская буржуазия этого и желает: разгромить русскую революцию и вдобавок получить за это хороший куш».[2]

Чтобы сорвать черные замыслы реакционных кругов буржуазии и не дать ей обмануть рабочих и крестьян, Коммунистическая партия большое внимание уделила работе Советов.

В обстановке двоевластия работа нашей партии была направлена на изменение состава Советов и на превращение Советов в полновластные органы государственной власти. Через Советы и тесно связанные с ними фабрично-заводские комитеты партия рабочего класса обеспечивала завоевание трудящихся национальных районов страны на сторону пролетарской революции. Показательным в этом отношении являлась работа киевских большевиков. На фабриках и заводах города ими был создан ряд комиссий, разоблачавших и критиковавших работу меньшевистско-эсеровских советов и превративших предприятия в центр агитации за изменение состава Советов.[3]

В некоторых национальных районах страны, несмотря на

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 20.
[2] Газ. «Бакинский рабочий», № 18, 25 июня 1917 г.
[3] Партархив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17, ед. хр. 253, оп. 1, лл. 2, 3.

меньшевистско-эсеровское засилие в Советах, большевики оказывали серьезное влияние на их работу. Так, например, при создании Бакинского Совета рабочих депутатов 6 марта 1917 года большинство депутатских мест захватили меньшевики и эсеры, а председателем Бакинского Совета был избран пламенный большевик С. Г. Шаумян.

Беспощадно разоблачая соглашательскую политику меньшевиков и эсеров, бакинские коммунисты завоевали большинство в фабрично-заводских, промысловых и судовых комитетах. В профсоюзе рабочих нефтяной промышленности, являвшемся ведущим профсоюзом и объединявшим русских, азербайджанцев, армян и др. национальности, еще в мае 1917 года у руководства стояли большевики.[1] В практику работы Бакинского Совета было принято (по предложению большевиков): созывать расширенные заседания Совета с участием членов этих комитетов и с предоставлением им прав решающего голоса. На заседаниях Совета комитеты добивались разрешения вопросов, волновавших рабочих. Большевики, таким образом, по существу руководили работой бакинского Совета и главенствовали в нем.[2] «Замечающаяся по всей России «большевизация» проявилась в самых широких размерах и в нашем мазутном царстве, — писал позже Шаумян. — И это еще задолго до корниловщины. Вчерашние хозяева положения меньшевики не смеют показываться в рабочих районах».[3]

Итак, через Советы партия рабочего класса обеспечивала привлечение трудящихся национальных районов страны на сторону пролетарской революции.

Наряду с усилением руководящей роли большевиков в Советах рос авторитет нашей партии и в других организациях — в профсоюзах, в армии, среди крестьянства. Не только нефтепромысловые комитеты в Баку, но и заводские комитеты таких крупных предприятий, как завод ВЭК в Харькове, Брянский завод в Екатеринославе, завод «Арсенал» в Киеве, завод Гартмана в Луганске,—уже в мае — июне 1917 г. стали подлинными крепостями большевизма. Во многих городах Украины были созданы мощные отряды Красной гвардии.

В то время развернулась и борьба крестьян национальных окраин за землю. Однако необходимо заметить, что до июльских событий и корниловского мятежа эта борьба как в центральных губерниях, так и на окраинах России не приобрела еще необходимого размаха.

---

[1] История гражданской войны, ч. 2, ОГИЗ, 1947, стр. 55.

[2] Протоколы Шестого съезда РСДРП(б). Партиздат, 1934, стр. 120 — 121.

[3] Цитирую по книге С. Т. Калтахчян «Борьба С. Г. Шаумяна за теорию и тактику ленинизма». Госполитиздат, 1956, стр. 158.

Июльские события в Петрограде изменили ход развития Русской революции. Мирный путь ее развития исключался.

В соответствии с указаниями В. И. Ленина, Шестой съезд РСДРП(б), состоявшийся в августе 1917 года, выдвинул лозунг подготовки вооруженного восстания, лозунг взятия власти силой пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством, нацелил партию на социалистическую революцию. Это решение съезда имело огромное значение для дальнейшего развития революции на окраинах страны, поскольку большая часть крестьян национальных окраин принадлежала к беднейшему крестьянству.

Буржуазия, видя дальнейшее революционизирование масс, начала готовиться к окончательному разгрому Советов и к установлению неприкрытой контрреволюционной диктатуры. С этой целью был организован корниловский мятеж и ряд карательных экспедиций против крестьянского движения.

В ответ на наглое покушение корниловцев на завоевания революции по окраинам страны прокатилась волна митингов и собраний. В ряде городов были созданы и активно действовали революционные комитеты и штабы по борьбе с корниловщиной. Решительно действовал революционный комитет, созданный Луганским Советом под председательством К. Е. Ворошилова.

В результате энергично принятых мер корниловский мятеж был ликвидирован. Разгром корниловщины показал, что Коммунистическая партия нашей страны стала решающей силой революции, способной разбить любые происки контрреволюции.

После этой попытки контрреволюционеров ликвидировать завоевания революции рабочие Киева, Харькова, Екатеринослава, Одессы, Луганска и других городов выступили с требованием передачи всей власти в руки Советов.

Эти требования подкреплялись увеличением вооруженных отрядов Красной гвардии.

В период подготовки вооруженного восстания Коммунистическая партия усилила агитационно-пропагандистскую работу среди рабочих и крестьян национальных районов страны. Преодолевая огромные трудности, связанные с темнотой, суеверием и неорганизованностью населения этих окраин, особенно в Азербайджане и Средней Азии, большевики настойчиво готовили народные массы к борьбе за свержение господства капиталистов и помещиков. В ходе этой подготовки большевистские организации окраин страны применяли наиболее гибкую тактику борьбы за национальные резервы. Остановимся на одном из примеров, связанным с деятельностью бакинской большевистской организации «Гуммет».

Еще в годы первой русской революции в Закавказье суще-

ствовала армянская контрреволюционная буржуазно-националистическая партия «Дашнакцутюн», возникшая в начале 90-х гг. XIX века. Она имела свой комитет, руководивший всей деятельностью этой партии. В те годы мусульманская масса трудящихся и мелкобуржуазных слоев населения всю свою ненависть переносила на этот националистический комитет дашнакцаканов. Слово «комитет» они относили к дашнакцанскому комитету. Большевистские листки на азербайджанском языке, подписанные «Бакинским комитетом РСДРП», под влиянием темных сил принимались за листки Комитета армянских националистов. Это было на руку правящим кругам царского правительства, всячески поддерживавших и поощрявших межнациональные столкновения.

Чтобы лишить реакционеров возможности пользоваться словом «комитет» в провокационных целях, бакинские большевики создали при Бакинском Комитете группу из работников-азербайджанцев, дав ей название «Гуммет» («Энергия»).[1]

Большевистская организация «Гуммет» была сохранена и после Февральской революции, когда необходимо было решительно разоблачить деятельность контрреволюционного националистического «Совета мусульманских организаций». Для усиления большевистской агитации и пропаганды среди трудящихся-мусульман по решению Бакинского комитета РСДРП(б) с 3 июля 1917 года был налажен выпуск газеты «Гуммет» на азербайджанском языке, как органа азербайджанской социал-демократической организации «Гуммет» при Бакинском комитете РСДРП(б). Газета «Гуммет» наряду с газетами «Бакинский рабочий», выходившей на русском языке, и «Социал-демократ», выходившей на армянском языке, играла важную роль в борьбе за подготовку социалистической революции в Азербайджане.

Большевики-азербайджанцы, работавшие в организации «Гуммет», несмотря на проникновение в ее ряды национал-уклонистов, провели немалую работу по вовлечению трудящихся-мусульман в революционное движение. Лучшие представители этой организации в лице тт. Мешади Азизбекова, Нариман Нариманова и других ее руководителей в открытых выступлениях смело разоблачали национал-уклонистов, показывая трудящимся-мусульманам, что только интернациональное единство рабочего класса является залогом победы социалистической революции.

7 августа 1917 года Центральный Комитет РСДРП(б) по поручению Шестого съезда партии прислал приветствие организации «Гуммет». В приветствии отмечалось активное участие

---

[1] Протоколы Шестого съезда РСДРП(б). Партиздат, 1934, стр. 223.

представителей «Гуммет» на Всероссийском съезде большевистской партии и была выражена надежда, что передовые рабочие-азербайджанцы «...вместе со своей организацией составят одну семью... с пролетариатом всей России и будут работать под знаменем революционной социал-демократической партии до получения прав и свободы пролетариатом».[1]

Это приветствие ЦК большевистской партии воодушевило азербайджанских коммунистов на борьбу за укрепление интернационального единства рабочих и подготовку социалистической революции.

Одним из важнейших этапов в подготовке социалистической революции в Азербайджане было активное выступление рабочих-нефтяников в поддержку большевистских лозунгов о присоединении окраин к городу Баку и заключение коллективного договора.

Летом и осенью 1917 года в промысловых районах Баку проходила масса рабочих собраний, обсуждавших эти предложения большевиков. Рабочие заявили решительный протест против попыток буржуазии связать нефтепромысловые районы с уездным земством и лишить, таким образом, тысячи промысловых рабочих и их семей права принимать участие в выборах в Баксовет, Городскую думу и т. д. В результате активного выступления бакинского пролетариата под руководством большевиков, в первой половине сентября окраины были присоединены к городу Баку.[2]

Не увлекаясь победой, большевики мобилизовали рабочих на борьбу за заключение коллективного договора.

В это время Бакинская большевистская организация получила материальную поддержку от ЦК партии. В частности, по решению VI съезда РСДРП(б) в распоряжение организации «Гуммет» было выделено 5.000 рублей.[3]Благодаря заботе ЦК партии гумметисты увеличили тираж газеты «Гуммет» и наладили печатание других пропагандистских материалов на азербайджанском языке, что не могло не усилить влияния большевиков среди рабочих-азербайджанцев.

Капиталисты-нефтепромышленники развернули ожесточенную борьбу против заключения коллективного договора. Большевики призвали рабочих объявить всеобщую забастовку. Был создан забастовочный комитет во главе с т. Джапаридзе. Всеобщая забастовка, охватившая все предприятия нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности, началась 27 сентября и продолжалась до 3 октября. Несмотря на

[1] Газ. «Гуммет» № 8, 22 августа 1917 г. (Перевод с азербайджанского).

[2] Газ. «Бакинский рабочий» № 52, 13 сентября 1917.

[3] Партархив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, ед. хр. 338, оп. 1, л. 2.

отчаянное сопротивление местных соглашателей и непосредственное вмешательство в это дело лидеров меньшевиков Скобелева и Гвоздева, специально приезжавших в Баку с целью срыва забастовки, рабочие победили. Коллективный договор был заключен.

ЦК Коммунистической партии в связи с одержанной победой бакинских рабочих прислал приветствие, в котором говорилось: «Приветствуем революционный пролетариат города Баку, в открытом бою победивший организованный капитал. Центральный Комитет РСДРП (большевиков)».[1]

Сентябрьская стачка бакинского пролетариата имела огромное революционизирующее влияние для всего Закавказья. Она показала сплоченность и организованность масс, своевременность и правильность лозунга большевиков о необходимости перехода власти к рабочим и крестьянам. Она еще выше подняла авторитет большевистской партии среди трудящихся, доказав, что только большевики могут привести их к победе.

В это же время на другой окраине России в Туркестане, большевики упорно и настойчиво продолжали завоевывать трудящихся многонационального края на свою сторону. Центром революционной борьбы среднеазиатских народов был город Ташкент. Значительную роль в распространении идей большевизма и в подготовке социалистической революции в Туркестанском крае играла большевистская «Наша газета».

Здесь необходимо указать на ОСОБЕННОСТЬ развития революционной классовой национально-освободительной борьбы народов Украины, Азербайджана и Туркестана в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции.

На Украине в авангарде и у руководства этой борьбой стояли РУССКИЕ-рабочие и рабочие-УКРАИНЦЫ. В Азербайджане у руководства ею и в авангарде этой борьбы стояли рабочие ТРЕХ национальностей — русские, азербайджанцы и армяне.

Главную же роль в революционной классовой национально-освободительной борьбе народов Туркестана в период подготовки и проведения Октябрьской революции играли РУССКИЕ рабочие и РУССКИЕ революционные солдаты. Причиной этого было: исключительная безграмотность и неразвитость среднеазиатских народов, поддерживавшаяся царизмом и русскими помещиками и капиталистами (многие среднеазиатские народы не имели даже своей письменности); отсутствие в Туркестане крупных промышленных центров с большой концентрацией рабочего класса, и, наконец, малочисленность пролетариата из числа местных национальностей.

---

[1] Газ. «Бакинский рабочий» № 65, 13 октября 1917 г.

В период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции в Туркестане не было краевой большевистской организации. На территории края существовали и действовали лишь отдельные большевистские группы. Наиболее сильными из них были ташкентская, кокандская, самаркандская, асхабадская и кушкинская. Во главе ташкентской группы большевиков стоял рабочий среднеазиатских железнодорожных мастерских Александр Першин. Видную роль в ней играли Н. Шумилов, П. Полторацкий, а в дальнейшем Ф. Колесов и другие.

В повседневной работе с массами ранее угнетенных народов Средней Азии большевики Туркестана руководствовались указаниями В. И. Ленина, который еще на Апрельской конференции говорил, что «Мы совершенно не хотим, чтобы хивинский мужик жил под хивинским ханом. Развитием нашей революции мы будем влиять на угнетенные массы. Агитацию внутри угнетенной массы надо ставить только так».[1]

В своей агитационно-пропагандистской и организационной работе большевистские группы Туркестана опирались на железнодорожных рабочих, «Союзы трудящихся мусульман» («Иттифаки») и на Советы, в том числе на «Советы мусульманских рабочих депутатов».

Серьезной опорой большевистских организаций Туркестана по работе среди дехкан были вернувшиеся на родину мобилизованные в 1916 г. на тыловые работы узбеки, таджики и казахи, которые в России общались с революционными солдатами и рабочими и по возвращении в родные места вносили в среду своих народов революционные настроения. При их помощи и были созданы «Иттифаки» и «Советы мусульманских рабочих депутатов», существовавшие в Ташкенте, Самарканде и многих других городах Туркестана.[2]

Большевики Туркестана беспощадно разоблачали великодержавную политику Туркестанского комитета и буржуазно-националистическую политику шура-исламистов, поддерживавших русскую буржуазию и помещиков в борьбе против революционных выступлений рабочего класса и крестьянства.

Временное правительство Керенского и К° пресекало всякую попытку к освобождению от национального гнета. Это вызывало гнев и возмущение трудящихся-мусульман, принимавших участие в революционной классовой борьбе против великодержавной политики Временного правительства.

Наибольший размах революционное движение приняло в сентябре 1917 года. Этот месяц характеризуется рядом выс-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 268.

[2] См. сборник документов. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане, Ташкент, 1947,. стр. 48—53.

туплений рабочего класса Туркестана в поддержку политики Коммунистической партии. Это выразилось в развертывании забастовочного движения в некоторых городах Туркестана. Особенно выделялись в то время сентябрьские события в Ташкенте.

На заседании Исполнительного Комитета Ташкентского Совета 11 сентября 1917 года большевики предложили резолюцию о передаче власти Советам, об образовании Ревкома и проведении общегородской демонстрации. Это предложение было принято.

12 сентября многотысячные массы железнодорожников, заводских рабочих и солдат вышли на демонстрацию и горячо приветствовали решение Исполкома, принятое по предложению Городской коммунистической организации. В Александровском парке состоялся митинг. После бурных выступлений ряда ораторов была принята резолюция, предложенная коммунистами. Трудящиеся Ташкента требовали: немедленной реквизиции всех находящихся у капиталистов предметов и продуктов первой необходимости, осуществления полного рабочего контроля над производством и распределением продуктов, национализации банков и предприятий, имеющих государственное значение, немедленного перехода всех земель без выкупа в руки трудового крестьянства и т. д. В заключение резолюции, принятой митингом трудящихся, указывалось: «Все изложенное может быть осуществлено при условии немедленной передачи всей полноты власти в руки Советов рабочих и крестьянских депутатов»[1].

На митинге был утвержден Временный революционный комитет в составе 14 человек. Было вынесено постановление о смещении с должности командующего войсками Туркестанского военного округа генерала Черкес, начальника штаба округа и военного коменданта города. На места смещенных были выдвинуты митингом другие лица.

После митинга Временным революционным комитетом были выставлены в г. Ташкенте вооруженные караулы. Почта, телеграф, казначейство и банк стали охраняться вооруженными нарядами караульных команд. В связи с создавшейся обстановкой городской голова и председатель управы ушли в отставку. Власть Туркестанского комитета Временного правительства была свергнута. Командование гарнизона и члены Турккомитета Временного правительства были арестованы. В

---

[1] И. К. Додонов. Национально-освободительное движение в Узбекистане после свержения власти царизма (апрель—октябрь 1917 г.). БЮЛЛЕТЕНЬ Среднеазиатского Государственного университета, выпуск 25. Юбилейный, Ташкент, 1947, стр. 26

течение нескольких дней власть в городе принадлежала городскому Совету[1].

Буржуазные националисты, правые эсеры и меньшевики настолько перепугались этих событий, что потребовали от Керенского немедленно выслать в Туркестан карательную экспедицию. Эта просьба была удовлетворена. Против Ташкентского Совета Временным правительством Керенского 16 сентября была направлена карательная экспедиция под командованием генерала Коровиченко. И. В. Сталин по этому поводу писал: «В Ташкенте Совет, состоящий в своем большинстве из эсеров, взял власть в свои руки, сместив старых чиновников. А правительство Керенского посылает туда карательную экспедицию, требуя восстановления старой власти, «наказания» Совета и пр....

Невероятно, но факт. Сидящий в директории питерский эсер, Керенский, вооружившись «пулеметами», выступает походом против эсеров, сидящих в Ташкентском Совете...».[2]

Эсеры и меньшевики из Ташкентского Совета, составлявшие его большинство, капитулировали перед агентами Временного правительства и способствовали жестокой расправе генерала Коровиченко с революционными рабочими города Ташкента.[3]

Сентябрьское выступление трудящихся Ташкента было поддержано рабочими и солдатами других городов Средней Азии, бедноты и батраков Закаспийской области и Голодной Степи. Революционные рабочие и солдаты ряда городов, в частности Асхабада, требовали всемерной поддержки ташкентских рабочих. Эсеро-меньшевистское руководство областного и асхабадского Совета вынуждено было немедленно обсудить этот вопрос на заседаниях Советов. Была избрана Комиссия для переговоров по прямому проводу с Ташкентским Советом. После переговоров был избран Временный революционный комитет под председательством большевика Житникова.[4]

Революционный комитет Асхабада в течение нескольких дней был фактическим хозяином города. Под его руководством началась подготовка к выборам нового состава Советов, были расставлены патрули по городу, захвачен городской и железнодорожный телеграф. Ревком решительно протестовал

---

[1] См. Сборник документов. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Туркменистане. Туркменское государственное издательство, Ашхабад, 1954, стр. 11—12, 139.

[2] И. В. Сталин. Соч., т. 3, стр. 301, 302.

[3] См. сборник документов. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Туркменистане. Туркменское государственное издательство, Ашхабад, 1954, стр. 12.

[4] Там же.

против карательной экспедиции, посланной Временным правительством в Ташкент.

В эти же дни в Красноводске происходит забастовка береговых служащих Каспийского морского порта, а в Асхабаде, Кизыл-Арвате, Казанджике, Мерве и Кушке большевистскими группами были организованы многолюдные митинги рабочих, солдат, городского населения под лозунгами: «Хлеба!», «Вся власть Советам!».

Однако из-за предательства соглашателей органы Временного правительства в области смогли ликвидировать эти выступления. Но ненадолго. Через несколько дней революционное движение рабочих, солдат и др. слоев городского населения вспыхнуло с новой силой. Началась мощная забастовка рабочих и служащих Средне-Азиатской железной дороги.[1]

Это был канун Октябрьской социалистической революции.

Таким образом, трудящиеся Ташкента, Асхабада, Красноводска, Кизыл-Арвата, Казанджика и ряда других городов Туркестана, доведенные до отчаяния разрухой, продовольственным кризисом, спекуляцией и всей великодержавной политикой Временного правительства, в сентябре 1917 г. решительно выступили против его органов на местах, свергли в Ташкенте власть Туркестанского Комитета Временного правительства и взяли власть в свои руки. И хотя переход власти к Советам не означал еще установления диктатуры пролетариата, так как большинство в Ташкентском Совете принадлежало левым эсерам, тем не менее эти события свидетельствовали о решающем переломе в настроении трудящихся масс многонационального края в сторону большевистской партии.

Сентябрьские события в Ташкенте и других городах Туркестана говорили о том, что МНОГОТЫСЯЧНЫЕ МАССЫ УГНЕТЕННЫХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ ПОДНЯЛИСЬ НА БОЛЕЕ ВЫСОКУЮ СТУПЕНЬ АКТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ.

Усилилась и борьба крестьян на окраинах страны. После июльских событий в Петрограде и разгрома корниловского мятежа она приняла форму организованных насильственных захватов помещичьей земли и имущества при полном игнорировании распоряжений Временного правительства и его органов на местах. В одной лишь Елисаветпольской губернии (ныне Кировобадский район Азербайджанской ССР), по официальным данным Временного правительства, не подлежавшим

---

[1] См. сборник документов. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Туркменистане. Туркменское государственное издательство. Ашхабад. 1954, стр. 140, 141, 142.

опубликованию, за август 1917 года произошло около 10 крестьянских волнений[1].

Необходимо будет отметить, что **социально-экономической основой классовой борьбы** в национальных районах России было наличие крупной земельной собственности в руках местных феодалов, царского правительства, церквей и пр. и почти полное отсутствие собственности на землю у крестьян. Так, например, в дореволюционное время в Азербайджане помещики, монастыри, мечети и царская государственная казна имели в своем распоряжении 6 млн. 734,4 тыс. га земли, или 98,2 процента всей земли Азербайджана, а крестьяне владели лишь 120,9 тыс. га, т. е. 1,8 процента.[2]

Февральская революция не внесла в землепользование никаких изменений. Крестьяне требовали, чтобы земля принадлежала тем, кто ее обрабатывает. Поэтому они поддерживали лозунг большевиков о конфискации помещичьих и других земель и о национализации всех земель в государстве.

Осенью 1917 года крестьянские восстания в национальных губерниях и в центре России увеличивались с каждым днем, перерастая в настоящую крестьянскую войну против помещиков и Временного правительства. Если в июле было 387 случаев захвата помещичьих имений, то в августе их насчитывалось уже 440, а в сентябре — 958.[3] Причем, размах крестьянского движения в национальных губерниях оказался намного сильней, чем в некоторых центральных губерниях. Так, например, во Владимирской губернии центральной России в сентябре было только 13 выступлений, в то время как в Казанской — 51, в Минской — 57, на Киевщине — 39.[4]

В Борчалинском уезде в первой половине сентября восставшие крестьяне изгнали крупных помещиков из уезда. Помещичьи, а также монастырские, церковные и казенные земли были захвачены крестьянами.[5].

Очутившись перед фактом таких выступлений, Временное правительство в середине октября 1917 года составило план карательных экспедиций для подавления крестьянских восстаний. Но осуществить этот план не удалось. В наличии не оказалось достаточного количества надежных воинских частей, а те полки, которые посылались для подавления этих восстаний, сами стали рассадниками революционных идей.[6]

Развертывание крестьянских восстаний совпало по време-

---

[1] ЦГАОР, ф. 930, оп. 1, д. 92, л. 1.

[2] См. «20 лет Азербайджанской Советской Социалистической Республики». Статистический сборник, Баку, 1940, стр. 44—45.

[3] История гражданской войны в СССР, т. 1, стр. 402.

[4] Там же, стр. 408.

[5] См. «Бакинский рабочий» № 54, 18 сентября 1917 г.

[6] ЦГАОР, ф. 406, оп. 2, д. 142, л. 5.

ции с усилением рабочего движения в крупных промышленных районах национальных окраин России, особенно там, где была значительной прослойка русских рабочих и были налицо сплоченные большевистские организации. Одним из таких районов, был Донецко-Криворожский район, располагавший значительно выросшими и окрепшими большевистскими организациями целого ряда городов. Достаточно указать, что Екатеринославская большевистская организация к Февральской революции состояла из 400 членов, к концу ноября — 4 тыс. членов. Луганская большевистская организация до Февральской революции состояла из 90—100 членов, к 13 июня — 2500, к VI съезду — 2596, а в ноябре 1917 г.—4 тысяч. Харьковская большевистская организация начала легальную деятельность в ночь с 3 на 4 марта. К VII конференции РСДРП(б) в ней состояло 1200 членов, а к VI съезду—2400[1]. Большевистские организации Донецко-Криворожского района стояли во главе революционной классовой борьбы рабочих и готовили их к победе социалистической революции.

Осенью 1917 года, когда капиталисты сделали попытку организовать массовые локауты и тем самым дезорганизовать общественное производство, в ряде городов Донбасса и Кривого Рога, в Харькове и Екатеринославле, на крупных заводах, шахтах и рудниках был установлен рабочий контроль над промышленным производством[2]. В тех случаях, когда администрация заводов и шахт отказывалась подчиняться требованиям Совета или фабрично-заводского комитета — ее в полном составе подвергали аресту.

В одной из телеграмм на имя военного министра, конференция фабрикантов и заводчиков юга России в конце сентября 1917 года с ужасом сообщала, что объединенные революционные организации Харькова вынесли постановление об аресте всего союза фабрикантов и заводчиков, если последние не выполнят требований рабочих[3].

Узнав об этом, Временное правительство попыталось двинуть в Донбасс казачьи контрреволюционные полки. Это вызвало негодование трудящихся. Почти по всем фабрикам, заводам и рудникам Донбасса прокатилась волна митингов и собраний рабочих, потребовавших немедленного удаления казаков со всей территории Донбасса. Отряды Красной гвардии были приведены в полную боевую готовность. Вновь развернулась активная деятельность революционных комитетов и штабов, созданных еще в августе для борьбы с корниловщи-

[1] Журнал «Вопросы истории КПСС» №2, 1957, стр. 117.

[2] См. сборник документов и материалов. Подготовка Великой Октябрьской социалистической революции на Украине. Госполитиздат УССР, Киев, 1955, стр. 465, 755, 843.

[3] Там же, стр. 686—687.

ной. Развитие революции вплотную подошло к полному устранению диктатуры контрреволюционной буржуазии и установлению в стране диктатуры пролетариата.

Давая оценку этим событиям, В. И. Ленин квалифицировал их как переломный момент революции в России, как общенациональный кризис, который может разрешиться лишь победой социалистической революции.

Итак, национально-освободительное движение угнетенных народов России осенью 1917 года приняло разнообразные формы. Оно нашло свое выражение в массовых митингах и демонстрациях трудящихся, в мощных забастовках, в установлении рабочего контроля над промышленным производством, изгнании администрации заводов и передачи управления некоторыми из них в руки заводских комитетов, в продолжающемся формировании отрядов Красной гвардии, в развертывании крестьянских восстаний на Украине, Азербайджане и в других местах.

Становилось очевидным, что борьба крестьян угнетенных наций стала сливаться с рабочими стачками и демонстрациями в общий фронт борьбы против империализма и национальной буржуазии. Однако процесс слияния этих революционных потоков был очень сложным и не везде проходил одинаково. Нельзя сказать, что накануне Октябрьской революции трудящиеся массы угнетенных национальностей проявляли полную политическую сознательность, окончательно освободились из-под влияния соглашательских партий — меньшевиков, эсеров и буржуазных националистов. Но ОБЪЕКТИВНО, НА ДЕЛЕ, борясь за осуществление своих чаяний: за мир, землю и национальную свободу, они фактически поддерживали большевиков, содействовали победе социалистической революции. «Аннексионистская, грубо-насильническая политика бонапартиста Керенского и К° по отношению к неполноправным нациям России принесла, — говорил Ленин, — свои плоды. Широкая масса населения угнетенных наций, т. е. масса мелкой буржуазии, среди них, доверяет пролетариату России больше, чем буржуазии, ибо на очереди дня история поставила здесь борьбу угнетенных наций против угнетающих за освобождение. Буржуазия подло предала дело свободы угнетенных наций, пролетариат верен делу свободы»[1].

Буржуазно-помещичьи партии в России, меньшевики, эсеры и разного рода буржуазные националисты делали все возможное, чтобы приостановить дальнейшее развитии революции. Однако повернуть вспять колесо истории было невозможно.

В ночь с 25 на 26 октября в Петрограде под руководством

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 74.

большевистской партии победило вооруженное восстание рабочих и солдат.

Открывшийся в Смольном II Всероссийский съезд Советов 25 октября (7 ноября) 1917 г. объявил о переходе всей власти в руки Советов и затем принял декрет о мире, декрет о земле и сформировал первое Советское правительство — Совет Народных Комиссаров, составленное целиком из большевиков. Председателем первого Совнаркома был избран В. И. Ленин.

3(16) ноября 1917 г. Советом Народных Комиссаров за подписью В. И. Ленина и И. В. Сталина была опубликована «Декларация прав народов России», в которой провозглашались: равенство и суверенность народов России; право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.[1]

Вскоре после обнародования «Декларации прав народов России» Совет Народных Комиссаров опубликовал Обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», подписанное Лениным и Сталиным 20 ноября (3 декабря) 1917 года. В этом документе Советское правительство заявило, что все верования и обычаи, национальные и культурные учреждения мусульман, с победой Октябрьской революции, становятся свободными и неприкосновенными. В обращении говорилось: «Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».[2]

Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство призывали мусульман поддерживать эту революцию и ее полномочное правительство.

Обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» было опубликовано во всех газетах страны и вызвало живейший отклик среди народов окраин России. Оно было переведено на многие восточные языки, в том числе на азербайджанский, узбекский, таджикский, персидский, урду, арабский. Оно оказало огромное влияние на развитие революционного движения не только среди мусульманских народов России, но и далеко за ее пределами.

В январе 1918 года была опубликована «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Россия объявлялась

---

[1] Газ. «Известия».. № 215 от 3 ноября 1917 г., стр. 4.

[2] Газ. «Известия...» № 232, от 22 ноября 1917 года.

республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, где власть принадлежит Советам. Декларация гласила, что Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик. Эта Декларация была принята на III Всероссийском съезде Советов.

Принципы равноправия нашли свое выражение во внешней политике Советского государства. Оно расторгло неравноправные договоры с Персией, Турцией, Монголией, Китаем и другими государствами и заключило новые договора, основанные на полном бескорыстии, равноправии и деловом сотрудничестве. В декабре 1917 г. была признана государственная независимость Финляндии.

«Декларация прав народов России», «Обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и ряд других документов Советского правительства полностью отражали сущность политики нашей партии по национальному вопросу, изложенной В. И. Лениным в ряде его произведений еще задолго до Октябрьской социалистической революции. Это была политика братского сотрудничества, основанная на принципах равноправия, интернационального единства всех трудящихся, на предоставлении суверенных прав всем нациям и народностям, населяющим Россию, на уважении национальных особенностей развития культуры этих народов.

Победа социалистической революции в центре страны и осуществление указанных мероприятий Советским правительством вызвало невиданный энтузиазм среди народов национальных окраин. Пролетарская революция начала распространяться по всей России, захватывая окраину за окраиной. Это привело к полному замешательству в лагере буржуазных националистов. Они предприняли ряд мер к недопущению распространения этой революции на их территории.

Буржуазно-националистические правительства объявили войну социалистическому правительству в центре, став очагами реакции, стягивая вокруг себя все контрреволюционные силы России. Борьба этих «правительств» была борьбой буржуазной контрреволюции против Советской власти. Прикрываясь национальным флагом, они пытались привлечь на свою сторону трудящиеся массы, маскируя в то же время свои подлинные контрреволюционные замыслы. Националистические элементы буржуазии на этих окраинах стали требовать отделения от центральной России. Такого рода «национальное» движение марксистская партия не могла поддерживать, поскольку в то время буржуазные националисты не выражали воли подавляющего большинства «своих» народов и само движение было направлено не против империализма, не на его

ослабление, а наоборот, на его укрепление и сохранение. Это движение явно было направлено на дезорганизацию и ослабление классовых сил трудящихся этих национальностей, на усиление позиций буржуазии, на создание реальных возможностей для захвата этих территорий империалистическими государствами и превращения их в свои колонии.

В интересах будущего экономического, политического и культурного развития ряда народов России, в интересах классовой борьбы пролетариата за победу социалистической революции Коммунистическая партия выступила против отделения этих окраин от Центральной Советской России. Она решительно поддержала революционное движение рабочих и крестьян национальных окраин, направленное на свержение власти империалистической и национальной буржуазии, став во главе его.

С особой силой это движение развернулось на Украине, в Азербайджане и Туркестане, где большевистские организации смело выступили с призывом к своим народам о низвержении буржуазно-помещичьих правительств и об установлении там Советской власти. Большую помощь в этом деле оказали русские революционные рабочие и солдаты. «Национальные» правительства типа Центральной Украинской рады были атакованы с двух сторон: извне — со стороны Советской власти России и изнутри — со стороны «своих же собственных» рабочих и крестьян.

В конце 1917 г., в начале 1918 гг. на Украине восстали рабочие и крестьяне и в развернувшейся борьбе с буржуазно-националистическими войсками одержали ряд блестящих побед. 26 января (8 февраля) Украинская рада была изгнана из Киева и, бежав, вынуждена была искать защиты у германских империалистов. В феврале 1918 г. Советская власть победила почти на всей территории Украины.

Переход власти в руки Советов в городе Баку был осуществлен по постановлению расширенного заседания Бакинского Совета 31 октября (13 ноября) 1917 г. Однако в течение пяти месяцев Бакинскому Совету пришлось вести серьезную борьбу с силами буржуазно-националистической контрреволюции. В городе еще продолжали существовать различные контрреволюционные организации и учреждения типа мусульманского и армянского «национальных советов», располагавшие своими вооруженными буржуазно-националистическими силами. В противоположность этим силам большевики Баку развернули усиленную работу по формированию частей молодой Красной Армии и интернациональных отрядов Красной гвардии. 30 марта 1918 года мусаватисты подняли мятеж в городе. Но силами рабочих всех национальностей Баку мусаватистская контрреволюция в течение двух дней была разгромлена.

Советская власть в городе Баку еще больше укрепилась. Она победила также и в ряде районов Азербайджана.

В ночь с 27 на 28 октября (с 9 на 10 ноября) началось вооруженное восстание рабочих, солдат и трудящихся — мусульман города Ташкента. 1 (14) ноября восстание победило. В Ташкенте была установлена Советская власть. К концу декабря почти во всех городах и городских поселках Туркестана власть перешла к Советам. Но буржуазные националисты из партии «Шура-и-Ислам» с помощью русских помещиков и капиталистов попытались утвердить свою власть. С этой целью они создали «автономное правительство», с местом его пребывания в городе Коканде и поставили задачу отделения Туркестана от Советской России. Однако трудящиеся-мусульмане не пошли за националистами. В феврале 1918 года произошло восстание узбекской и туркменской бедноты, которая с помощью ташкентских красногвардейских отрядов изгнала кокандское «автономное правительство».

Потерпев поражение от «собственных» рабочих и крестьян, «национальные правительства» обратились открыто за помощью к империалистам Запада, к вековым угнетателям и эксплуататорам национальностей всего мира. Буржуазные националисты готовы были отдать в порабощение «свои» народы на любых условиях, чтобы сохранить эксплуататорский строй, свои привилегии и капитал.

Но никакие силы не в состоянии были задержать поступательный ход развития революционных событий. С помощью русских рабочих и крестьян народы Украины, Молдавии, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении и Туркестана разгромили силы внутренней и внешней контрреволюции и этим самым обеспечили у себя прочное установление власти Советов.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции на окраинах России, говорил И. В. Сталин, блестяще подтвердила правильность и целесообразность пролетарского, интернационального метода освобождения угнетенных народов. Наша революция на деле показала возможность установления братского союза рабочих и крестьян самых различных народов на началах добровольности и интернационализма. Национально-колониальные революции на окраинах России произошли под руководством пролетариата и под знаменем интернационализма. Поэтому ранее угнетенные, бесправные народы **впервые** в истории человечества поднялись до положения народов, **действительно** свободных и **действительно** равных, заражая своим примером угнетенные народы всего мира[1].

Коммунистическая партия нашей страны, став после побе-

[1] И. Сталин. Соч., т. 10, стр. 243

ды Октябрьской социалистической революции правящей партией, обеспечила не только провозглашение политики равноправия всех народов России, не только законодательное ее закрепление, но и осуществление ее фактически, на деле.

Руководствуясь учением В. И. Ленина, Коммунистическая партия неустанно заботилась и заботится об укреплении и развитии братской дружбы народов нашей страны, о подъеме народного хозяйства каждой советской республикой, о процветании культуры национальной по форме и социалистической по содержанию.

Еще в период первой мировой войны в статье «Итоги дискуссии о самоопределении» Ленин писал о том, что трудящиеся массы в условиях победы диктатуры пролетариата всеми силами будут стремиться к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями. Причем, в условиях социализма могут быть самые разнообразные политические формы объединений и свободы выхода из государства, до тех пор, пока не отомрет всякое государство. Но это не помешает экономическому, политическому и культурному сотрудничеству наций, что в свою очередь ускорит их процесс добровольного сближения и слияния.

Ленинское указание в данном случае имеет исключительно большое принципиальное значение для всей практической деятельности Коммунистической партии Советского Союза и стран народной демократии. В мире теперь есть два больших многонациональных государства, где пролетариат находится у власти. Одно из них — СССР является государством, где уже построен социализм и социалистические нации Советского Союза находятся на путях постепенного перехода от социализма к коммунизму. Другое — КИТАЙ, где под руководством рабочего класса успешно строится социализм. А наряду с этими двумя большими многонациональными социалистическими государствами, с разным экономическим и культурным уровнем развития, есть сравнительно небольшие социалистические государства: Народная Республика Албании, Народная Республика Болгарии, Венгерская Народная Республика, Демократическая республика Вьетнам, Германская Демократическая Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика, Монгольская Народная Республика, Польская Народная Республика, Рымынская Народная Республика, Чехословацкая Республика. Все они являются совершенно самостоятельными отдельными государствами, не входящими в состав Советского Союза или какого-либо другого большого социалистического государства.

Самостоятельность развития всех стран лагеря социализма не помешала найти им новые формы политического, экономического и культурного сотрудничества. Достаточно указать, что

в мае 1955 года между Албанией, Болгарией, Венгрией, Германской Демократической республикой, Польшей, Румынией, СССР и Чехословакией был заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Это одна из наиболее существенных форм сотрудничества между социалистическими нациями. Кроме этого, имеется ряд договоров и соглашений между Советским Союзом и странами народной демократии, в том числе договор о дружбе и взаимной помощи между СССР и Китайской Народной Республикой.

Все эти и ряд других форм экономического, политического и культурного сотрудничества между странами социализма целиком и полностью подтверждают гениальные мысли В. И. Ленина, высказанные им в работе «Итоги дискуссии о самоопределении», о том, что «... При социализме трудящиеся массы сами не согласятся нигде на замкнутость по чисто-экономическим... мотивам, а разнообразие политических форм, свобода выхода из государства, опыт государственного строительства — все это будет, пока не отомрет всякое государство вообще, — основой богатой, культурной жизни, залогом ускорения процесса добровольного сближения и слияния наций»[1].

Таким образом, величайший корифей науки, вождь рабочего класса В. И. Ленин с первых дней зарождения нашей партии уделил исключительно большое внимание разработке и обоснованию революционной марксистской теории, программы и политики по национальному вопросу. Указав на исторический подход к его решению, он особо обратил внимание на тот факт, что без революции, без революционного низвержения эксплуататорского строя немыслимо до конца решить национальный вопрос. Об этом свидетельствует опыт революционной классовой борьбы рабочих и крестьян национальных окраин России в период от февраля к Октябрю 1917 г. Февральская буржуазно-демократическая революция не решила национального вопроса. Империалистическое Временное правительство продолжало по существу ту же великодержавную политику по отношению к ранее угнетенным народам, что и царское правительство. Национальная буржуазия на окраинах страны, в силу своей классовой природы, оказалась банкротом в решении ряда социальных и национального вопросов. Она боялась дальнейшего развития революции и вследствие этого пошла на сделку с реакционными кругами русской и иностранной буржуазии, заключив с ними союз для борьбы с «собственными» революционными рабочими и крестьянами.

Однако буржуазия и ее прихвостни в лице меньшевиков и эсеров не в состоянии были предотвратить нарастание социалистической революции в России. Большевистские организации

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 324.

национальных районов страны, значительно выросшие и окрепшие за это время, развернули среди рабочих и крестьян ранее угнетенных национальностей, агитационно-пропагандистскую и организационную работу, готовя их к борьбе за установление диктатуры пролетариата. Трудящиеся массы национальных окраин России под влиянием большевистской агитации и пропаганды, убедившись в контрреволюционных замыслах национальной буржуазии, **решительно повернули на сторону русского революционного пролетариата.** Развернувшееся с новой силой национально-освободительное движение угнетенных народов России приняло характер социалистического движения и было теперь направлено на свержение власти русской империалистической и национальной буржуазии. Оно стало резервом социалистической революции. Это в значительной степени предопределило победу Октябрьской революции.

* * *

Разработка В. И. Лениным революционной марксистской теории, программы и политики по национальному вопросу, опыт борьбы Коммунистической партии за национальные резервы в социалистической революции, превращение национально-освободительного движения угнетенных народов России из резерва буржуазно-демократической революции в резерв Октябрьской социалистической революции имеют огромное международное значение.

Еще задолго до Октябрьской революции В. И. Ленин указывал, что борьба за социализм неразрывно связана с борьбой за право наций на самоопределение. Марксисты угнетающих наций требуют свободы отделения угнетенных наций. Без этого немыслима интернациональная солидарность рабочих. Марксисты же угнетенных наций в своей деятельности должны сосредоточить главное внимание на единстве и слиянии рабочих угнетенных наций с рабочими угнетающих наций. Иная деятельность марксистов угнетенных наций может лишь привести к тому, что они могут стать пособниками компрадорской буржуазии, выступающей вместе с империалистической буржуазией колониальных держав против национальной независимости народов.

Решение вопроса о самоопределении тех или иных наций в эпоху империализма связано с жесточайшей классовой борьбой, доходящей часто до открытой войны трудящихся колониальных и зависимых стран против империалистических государств.

Марксисты признают законность, прогрессивность и справедливость войн, преследующих цель освобождения своего народа от чужеземного ига. Причем в таких случаях даже не имеет существенного значения: кто первый напал. Например,

говорил Ленин, Марокко объявляет войну Франции, Индия— Англии и т. п. Ясно, что подлинные марксисты сочувствовали бы победе угнетенных, зависимых, неполноправных государств против угнетательских, рабовладельческих, грабительских «великих» держав. Национально-освободительное движение угнетенных народов колоний и зависимых стран против ига империализма, какую бы форму оно не носило, вплоть до восстания или до войны, есть борьба за самоопределение наций.

Лидеры II Интернационала типа Каутского, Карла Реннера и проч. обвиняли Ленина в том, что он, якобы, отстаивая требования права наций на самоопределение, вплоть до государственного отделения игнорировал исторические и хозяйственные связи больших и малых наций. Это была клевета на Ленина, на ленинизм.

Общеизвестно, что все Коммунистические партии при определении своей национальной политики руководствуются важнейшим положением ленинизма о двух исторических тенденциях.

Первая тенденция — стремление наций к политическому освобождению от уз империализма и к образованию самостоятельного национального государства. Эта тенденция возникла на основе империалистического гнета в колониальной эксплуатации.

Вторая тенденция — тенденция к хозяйственному сближению наций. Возникла она в связи с образованием мирового рынка и мирового хозяйства. В условиях империализма эти две тенденции являются непримиримыми противоречиями и они неразрешимы. В условиях завоевания власти пролетариатом эти две тенденции суть две стороны одного и того же дела — освобождения угнетенных наций от ига империализма и добровольного объединения их на базе единого социалистического хозяйства, на основе полного равноправия, взаимного доверия и дружественного сотрудничества.

Разработка этого вопроса Лениным имеет огромное практическое значение. Ленин еще в условиях подготовки империалистами первой мировой войны в работе «Критические заметки по национальному вопросу» указывал, что марксистская программа по национальному вопросу считается с обеими тенденциями. Он особо обращал внимание на осуществление принципа интернационализма и непримиримой борьбы против заражения пролетариата буржуазным национализмом, хотя бы и самым утонченным.

На основе опыта революционной борьбы рабочего класса России Ленин показал, что буржуазно-демократические преобразования, в том числе требование права наций на самоопределение невозможно довести до конца, если не слить воедино классовую борьбу рабочих угнетающей и рабочих угне-

тенной нации. А это, в свою очередь, немыслимо без победы социалистической революции. Поэтому национально-освободительное движение народов России должно было слиться и оно в дальнейшем слилось, как это показано выше, с социалистическим движением пролетариата за свержение буржуазии, за установление диктатуры пролетариата.

В полуколониях и колониях национально-освободительное движение в то время еще не развернулось во всю ширь. Ему предстояло большое будущее. В годы первой мировой войны Ленин говорил, что марксисты должны требовать безусловного и немедленного освобождения колоний (а это и есть признание права на самоопределение), они должны решительным образом поддерживать революционные элементы буржуазно-демократического национально-освободительного движения в этих странах и помогать их восстанию. Если же развернется война между колониями и колониальными государствами, то марксисты должны открыто помочь революционной войне угнетенных народов **против** угнетающих их империалистических держав, став во главе этой борьбы.

Ленинские положения о национально-освободительном движении угнетенных народов были прямым продолжением и дальнейшим развитием мысли Маркса по этому вопросу. Известно, что в «Манифесте Коммунистической партии» в 1848 году, а затем в работе «Классовая борьба во Франции» в 1850 году Маркс указывал, что рабочий класс может получить подлинную свободу и прочно удержать революционные завоевания только при одном непременном условии: низвержении буржуазии и установлении диктатуры рабочего класса. Судьбы народов, ведущих борьбу за свою национальную независимость, судьбы национальных революций, писал Маркс, становятся в зависимость от судеб рабочей революции.

Очень важно напомнить высказывание Маркса в марте 1853 года по вопросу о том, что в национальных восстаниях против чужеземного ига главную роль будут играть уже не высшие классы, т. е. помещики и буржуазия, а рабочие и крестьяне. Высшие классы, указывал Маркс, перестают быть революционными и от них нечего ждать революционного движения[1]. Известно также, что в письмах к Кугельману от 29 ноября 1869 г. и к Ф. Энгельсу от 10 декабря 1869 года, касаясь вопроса о национальной независимости Ирландии, Маркс показал тогда, что вопрос о национально-освободительной борьбе, о правах нации является частью вопроса о социальном освобождении пролетариата[2].

Это учение Маркса в дальнейшем полностью подтвердилось

---

[1] Маркс и Энгельс. т. IX, изд. 1932, стр. 284.

[2] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, Госполитиздат, 1953, стр. 228, 230.

рядом исторических событий, развернувшихся в конце XIX в начале XX столетия. Первая мировая империалистическая война 1914—1918 гг. и Февральская буржуазно-демократическая революция в России особенно ясно показали, что буржуазия крупнейших капиталистических стран стала контрреволюционной силой и она не только не заинтересована в ликвидации национального гнета, а наоборот, — всеми силами стремится увековечить позорную колониальную систему. В 1915 году В. И. Ленин писал, что «Из освободителя наций, каким капитализм был в борьбе с феодализмом, империалистический капитализм стал величайшим угнетателем наций. Капитализм из прогрессивного, стал реакционным, он развил производительные силы настолько, что человечеству предстоит либо перейти к социализму, либо годами и даже десятилетиями переживать вооруженную борьбу «великих» держав за искусственное сохранение капитализма посредством колоний, монополий, привилегий и национальных угнетений всяческого рода»[1].

Империалистическая буржуазия самым наглым образом топчет все права народов на их политическую и экономическую независимость. Этого она достигает или пытается достигнуть различными методами. Одним из методов порабощения народов является военная интервенция и экономическая аннексия. Военная интервенция являлась излюбленным методом борьбы империалистов за расширение своих колониальных владений.

Но теперь времена изменились. Империалисты иногда и не прибегают непосредственно к открытой интервенции, зная, что такого рода авантюра может вызвать отпор со стороны свободолюбивых народов, как это имело место в Китае, в Корее, в Индо-Китае, в Египте. В таких случаях империалистическая буржуазия осуществляет экономическую аннексию.

Чтобы удержать свои позиции на Ближнем и Среднем Востоке, англо-американские империалисты создали Богдадский агрессивный блок, в состав которого были вовлечены Ирак, Пакистан, Иран и Турция. Империалисты рассчитывали и рассчитывают вовлечь в этот блок и другие страны Ближнего и Среднего Востока и этим самым предотвратить дальнейшее нарастание национально-освободительного движения в этой части света. Но народы арабского Востока, в ответ на происки империалистов, еще больше усилили борьбу за полную национальную независимость, за изгнание империалистов со своих территорий. Об этом свидетельствует победа национальной революции в Египте, в результате которой в стране была установлена демократическая власть, проведена аграрная реформа, изгнаны навсегда английские войска из зоны Суэцкого канала, провозглашена республика, проведена национализация

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 273.

Суэцкого канала. При осуществлении этих и других мероприятий правительство, возглавляемое Насером, было поддержано подавляющей частью египетского народа, не испугавшегося запугиваний американских, английских и французских империалистов, развязавших империалистическую войну против него. Известно, что империалисты в этой войне потерпели поражение. Так будет и впредь.

В. И. Ленин еще в период первой мировой войны в таких работах, как «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение», «Социалистическая революция и право наций на самоопределение», «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», «Итоги дискуссии о самоопределении» и др. показал, что пролетариат передовых капиталистических стран, готовясь к свержению буржуазии в своих странах, не должен забывать о том, что необходимо всеми силами поддержать национально-освободительное движение в колониях, направленное против империалистической буржуазии. Рабочий класс капиталистических стран должен вести линию на соединение его выступлений против собственной буржуазии с революционным движением в колониях и зависимых странах, так как это движение становится величайшим резервом пролетарской революции.

Империалисты пытались и пытаются задушить национально-освободительное движение в самом его зародыше, не брезгуя при этом любыми средствами вплоть до провокации. Задача рабочего класса, учил Ленин, заключается в том, чтобы вовремя разгадать замыслы империалистической буржуазии и не дать ей возможности задушить революционное движение колониальных народов. Империалисты пытались и в дальнейшем будут пытаться привлечь на свою сторону те элементы национальной буржуазии, которые вместе с трудящимися выступают против колониального ига. Задача рабочего класса состоит в том, чтобы разоблачать маневры империалистической буржуазии и не дать ей возможность свернуть с революционного пути те демократические элементы национальной буржуазии, которые выступают против империализма. Поскольку в колониальных и зависимых странах пролетариат малочислен, слаб, Ленин считал, что в таких случаях необходимо поддержать революционные действия национальной буржуазии, направленные на свержение чужеземного гнета, направленные на свержение империализма. «... мы **должны** поддерживать **всякое** восстание против нашего главного врага, буржуазии крупных государств, если это не восстание реакционного класса»[1].

Об этом же говорил Ленин и на II конгрессе Коммунистического интернационализма в июле 1920 г., когда он заявил,

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 318.

что мы, коммунисты, «...должны и будем поддерживать буржуазные освободительные движения в колониальных странах, когда эти движения действительно революционны, когда представители их не будут препятствовать нам воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы эксплуатируемых»[1].

В. И. Ленин теоретически обосновал положение о том, что подготовка и развитие социалистической революции в передовых капиталистических странах, так или иначе отражается и на развитии национально-освободительного движения в колониях. Если пролетариат в передовых странах начнет свергать буржуазию и отражать ее контрреволюционные попытки, то, говорит Ленин, не может быть никакого сомнения, что среди неразвитых и угнетенных наций начнутся восстания. Колониальные народы воспользуются любым кризисом империализма, чтобы вырваться из его оков. В этом смысле судьба национально-освободительного движения в колониях во многом (почти полностью) зависит от того, насколько будет успешна борьба пролетариата в передовых капиталистических странах за победу социалистической революции. Победит социалистическая революция в той или иной стране, отразит пролетариат контрреволюционные наскоки буржуазии, этим самым он облегчит и борьбу колониальных народов за свое освобождение от ига империализма. Больше того, пролетариат этой страны может даже оказать и вооруженную помощь тому или иному колониальному народу в борьбе за освобождение его страны от чужеземного ига. Известно, что наша молодая Советская страна в свое время оказала вооруженную помощь монгольскому народу в его революционной борьбе за национальную независимость. Китайские народные добровольцы оказывали также вооруженную помощь корейскому народу в его борьбе за национальную независимость, в его борьбе против американского империализма.

Вот почему Ленин еще в 1916 году говорил, что «Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и **целый ряд** демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»[2].

Можно определенно сказать, что предвидение В. И. Ленина полностью оправдалось. Октябрьская социалистическая революция положила начало этой эпохи, эпохи социалистических революций в передовых странах и мощного национально-освободительного движения в неразвитых, отсталых странах.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 217.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 48.

За прошедшие сорок лет социалистическая революция победила в России, в Китае, Монголии, в Польше, Румынии, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Албании, Югославии, Северной Корее, Северном Вьетнаме и в Восточной Германии. Наряду с этим, развернувшееся национально-освободительное движение в ряде колониальных и зависимых стран Азии и Африки привело к образованию таких независимых демократических государств как Индия, Бирма, Индонезия, Цейлон, Египет, Сирия, Ливан, Тунис Марокко и др. Возникновению и упрочению этих государств способствовало то обстоятельство, что их народы в борьбе с империализмом опирались и опираются на поддержку народов стран социалистического лагеря, решительно выступающих против позорной колониальной политики правящих кругов США, Англии, Франции, Голландии и проч. колониальных стран.

В странах, завоевавших национальную независимость и установивших у себя демократический строй (Индия, Бирма, Индонезия, Египет и др.), рано или поздно развернется борьба за победу социалистической революции. Привлекая трудящихся своей страны на сторону революционного пролетариата, коммунистические партии бывших колоний и зависимых стран в своей деятельности используют огромный опыт Коммунистической партии Советского Союза.

Исторический опыт большевиков России свидетельствует о том, что для завоевания трудящихся колоний и зависимых стран на сторону революционного пролетариата, необходимо разоблачать все контрреволюционные буржуазно-националистические выступления идеологов национальной вражды, противников интернационального сплочения рабочего класса и крестьянства всех наций и народов, необходимо бороться за укрепление дружбы народов, за единство действий всех трудящихся против империализма. «Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм—вот два непримиримо-враждебных лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие две политики (более того: два миросозерцания) в национальном вопросе»[1].

Опыт борьбы большевиков за привлечение угнетенных народов на сторону социалистической революции показывает, что решение национального вопроса в колониальных и зависимых странах невозможно без разрешения аграрного вопроса. Эти вопросы составляют единое целое, они, учил В. И. Ленин, являются коренными вопросами национально-освободительного движения. Правильное разрешение этих вопросов в духе марксистско-ленинской программы может привести к поддер-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 10.

жке пролетариата большинством населения колоний и зависимых стран и к настоящему взрыву революционного энтузиазма в массах.

Опыт руководства классовой борьбой трудящихся некоторых коммунистических партий зарубежных стран показал, что если партии рабочего класса не имеют четкой, ясной революционной программы по аграрному и национальному вопросам, то становится почти невозможным поднять трудящихся, особенно крестьян, на пролетарскую революцию. Например, одной из причин поражения Венгерской советской революции в 1919 году — была допущенная ошибка Венгерской Компартией по аграрному вопросу.

Отсутствие революционной аграрной программы у Индонезийской Компартии было одной из главных причин ее слабой работы среди крестьян в ходе демократической революции 1945—1948 гг. Компартия Индонезии, как отмечал товарищ Айдит, не смогла поднять крестьян и привлечь их в широком масштабе на сторону революции. «Результатом было то, что компартия не смогла завоевать на свою сторону большинство народа и поднять революцию объединенного фронта на более высокую ступень до стадии аграрной революции. Это — основные причины того, что внутренняя реакция и иностранные империалисты в конце 1948 года нанесли поражение революции, направив удар, прежде всего, против компартии Индонезии и революционного движения...»[1].

Коммунистическая партия России, имея революционную марксистскую программу по аграрному и национальному вопросам, смогла, несмотря на слабую работу среди крестьянства некоторых национальных районов страны, привлечь трудящихся окраин на сторону революционного пролетариата и этим самым ускорить объективный процесс превращения национально-освободительного движения из резерва буржуазно-демократической революции в резерв Октябрьской социалистической революции.

С победой Октябрьской революции началась эра нового социалистического движения рабочих и крестьян угнетенных национальностей. Это нашло свое подтверждение в победе социалистической революции в Китае и в других странах народной демократии, где успешно развертывается борьба за построение социализма. Социализм вышел за рамки одной страны и превратился в мировую систему. В **декларации** Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в Москве 14—16 нояб-

---

[1] Д. Н. Айдит. Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительная борьба Индонезийского народа. Газета «Правда» 7 ноября 1955 г.

ря 1957 года, указывается, что «Основным содержанием нашей эпохи является переход от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией в России. Теперь уже более трети населения всего мира—свыше девятисот пятидесяти миллионов человек — вступило на путь социализма и строит новую жизнь. Огромное развитие сил социализма стимулировало бурный рост антиимпериалистического национального движения в послевоенный период. За последние 12 лет, кроме Китайской Народной Республики, Демократической Республики Вьетнам и Корейской Народно-Демократической Республики, — свыше семисот миллионов человек также сбросили колониальное иго и создали свои национальные суверенные государства. Народы колониальных и зависимых стран, еще остающиеся в рабстве, усиливают борьбу за свое национальное освобождение. Развитие социализма и национально-освободительного движения резко ускорило процесс распада империализма».

Творчески используя опыт большевистской партии, коммунистические партии колониальных и зависимых стран, преодолевая сопротивление империалистической реакции, становятся во главе борьбы рабочих и крестьян за окончательную ликвидацию позорной системы колониализма, за победу социализма.

Ноябрь 1957 г.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА
Том XII Выпуск 2

В. А. ОСИПОВ
Аспирант

ЗНАЧЕНИЕ НОВЫХ ФОРМ СОЗНАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО НАРОДА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ ОБЩЕСТВА ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ В ОБЛАСТИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Исторический материализм, указывая на то, что деятельность людей в конечном счете определяется экономическими условиями общественной жизни, ни в коей мере не умаляет этим значения сознательности и целеустремленности в ускорении исторического процесса. «Мы делаем нашу историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими.

Но и политические условия и т. д., даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую»,[1]—писал Ф. Энгельс в письме к Блоху. Таким образом, исторический материализм не только не сбрасывает со счета значения сознательной деятельности людей, но, напротив, подчеркивает, что от меры осознания человеком объективных потребностей общества, от глубины познания противоречий общественного развития, от правильного использования средств, необходимых для разрешения этих противоречий, зависит темп исторического развития.

Победа социализма в нашей стране открыла широчайшие возможности для участия непосредственных производителей в непрерывном совершенствовании производительных сил.

Все большая и большая масса рабочих и инженерно-технических работников вовлекается в творческую деятельность и участвует активно, сознательно и результативно в совершенствовании социалистического производства.

«Социализм, — писал В. И. Ленин, — не только не угашает соревнования, а напротив, впервые создает возможность применять его действительно **широко**, действительно в **массовом** размере, втянуть действительное большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. 2, стр. 468, 1949.

народе — непочатый родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами»[1]. В борьбе советского народа за непрерывное развитие производительных сил в области промышленности рождаются разнообразные формы творческой деятельности.

В данной статье мы рассмотрим основные формы деятельности советского народа в развитии производительных сил общества в период постепенного перехода от социализма к коммунизму. В ходе рассмотрения этого общего вопроса нам необходимо выяснить:

1. Чем обуславливается многообразие форм творческой деятельности масс.

2. Суть наиболее характерных форм деятельности масс в деле развития социалистического производства и их влияние на ускорение процесса перехода от социализма к коммунизму.

3. Те препятствия, которые мешают распространению и внедрению новых форм в деятельность всего советского народа.

Рассматривая вопрос о формах сознательной деятельности человека, необходимо отметить, что в его разрешении материализм и идеализм дают диаметрально противоположный ответ.

Представители идеалистической философии говорят о том, что человек «свободен» в своей деятельности, что формы его сознательной деятельности зависят или целиком и полностью от данного субъекта (субъективный идеализм), или же определяются абсолютной идеей, богом (объективный идеализм). Необходимо отметить, что в период господства культа личности И. В. Сталина, многие исследователи скатывались на позиции субъективно-идеалистической теории культа личности и приписывали разработку всех наших планов, форм, методов и их реализацию одному лицу.

Так, например, в брошюре «Великий советский народ», изданной в 1950 г., Д. Шепилов писал: «С именем Сталина связаны все великие свершения советских людей. Создание Союза Советских Социалистических Республик и исторические пятилетки, величественный план индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, культурная революция и крупнейшие завоевания советской науки,—все это предуказано, вдохновлено и воплощено в жизнь сталинским гением»[2].

Отрицательное влияние культа личности в области теории сказывалось в том, что все достижения советского народа, руководимого Коммунистической партией, приписывались одному лицу—«герою исторического процесса». Роль советского на-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т 26, стр. 367.

[2] Д. Шепилов. Великий советский народ, стр. 88, Госполитиздат, 1950.

рода и Коммунистической партии сводилась, по существу к роли исполнителя руководящих указаний «героя». В силу этого не раскрывалась подлинно творческая роль советского народа в разработке и реализации планов социалистического строительства в нашей стране.

Господство культа личности в практике социалистического строительства[1] тормозило развязывание творческой инициативы народных масс, обрекало его на пассивное ожидание «руководящих указаний сверху», вело к отрыву отдельных руководящих работников от масс и к превращению их в бюрократов. Иными словами, господство культа личности объективно вело к снижению творческой активности основной силы исторического процесса и тем самым снижало темп продвижения нашей страны по пути к коммунизму.

Но период господства культа личности, хотя и тормозил развязывание творческой инициативы народных масс, однако не мог приостановить процесса вовлечения их в активную борьбу за построение коммунизма, не мог устранить многообразных форм творческой активности масс.

«Великие личности, благодаря особенностям своего ума и характера, могут изменить индивидуальную физиономию событий и некоторые частные последствия, но они не могут изменить их общее направление, которое определяется другими силами»,[2]—писал Г. В. Плеханов.

Но для повышения активности советского народа во всех сферах общественной жизни, в том числе и в области промышленности, необходимо было устранить отрицательные последствия культа личности.

В решениях XX съезда партии, пленумов ЦК теория и практика культа личности подверглась резкой критике. Партия смело призвала советский народ на решительную борьбу против отрицательных последствий культа личности.

Повседневная действительность является ярким показателем правильности этих решений. «Жизнь показала, что восстановление ленинских принципов коллективного руководства и борьба против культа личности вызвали невиданный подъем активности и творческой инициативы широких масс трудящихся. Это благотворно сказывается на всем нашем хозяйственном и культурном строительстве»,—писала газета «Правда»[3].

---

[1] Под господством культа личности в практике социалистического строительства мы понимаем в первую очередь совокупность приемов, методов, стиля руководства, которые мешали широкой массе трудящихся в полной мере использовать свою творческую энергию, творческую активность.

[2] Г. В. Плеханов. Соч., т. 8, стр. 298.

[3] «Правда», 28 марта 1956 г.

В отличие от идеалистических теорий исторический материализм учит, что та или иная форма сознательной деятельности масс в развитии производительных сил определяется реальными потребностями общественного производства. Формы сознательной деятельности масс являются отражением реальных противоречий в развитии производительных сил и направлены на преодоление этих противоречий. От меры осознания и правильного использования средств для их преодоления зависит темп развития производительных сил. Раскрывая суть материалистического решения вопроса об основании деятельности человека, В. И. Ленин писал: «Человек в своей практической деятельности имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность»[1].

При этом необходимо постоянно помнить, что в объективном основании особенно важно вскрыть возникающие противоречия и направить усилия на их преодоление.

Эти противоречия могут быть противоречиями между уровнем развития орудий производства и производственным опытом и навыками к труду, между этими элементами и формами организации и функционирования производства.

Так, например, в процессе социалистического производства отдельные промышленные предприятия, отдельные отрасли народного хозяйства не справляются с плановыми заданиями, а это отрицательно сказывается на работе взаимосвязанных с ними предприятий.

Познавая причины возникновения противоречий, коллективы промышленных предприятий развертывают активную деятельность, направленную на их устранение. Эта деятельность проявляется в определенных формах (межзаводские школы производственного обучения, посылка бригад с предприятия, выполняющего план, на предприятия отстающие для передачи производственного опыта. и помощи в устранении производственных неполадок и т. д.).

В послевоенное время наряду с дальнейшим развитием орудий производства в области промышленности в отдельных отраслях народного хозяйства вопросам борьбы за осуществление техническтого прогресса уделялось мало внимания. Июльский Пленум ЦК (1955 г.) и XX съезд партии вскрыли наличие противоречия и нацелили внимание народа на его устранение.

В ходе борьбы за осуществление технического прогресса творчество непосредственных производителей материальных благ порождает многообразные формы деятельности: такие, например, как движение рационализаторов и изобретателей,

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, 1947, стр. 161.

организация бригад для модернизации оборудования и т. д.

Итак, источником возникновения форм сознательной деятельности масс, направленных на совершенствование производительных сил, являются потребности развития производительных сил, нашей промышленности, являются реальные противоречия в развитии элементов производительных сил.

Но акцентрируя внимание на объективном источнике многообразия форм сознательной деятельности масс, мы не можем отрицать также влияния субъективного фактора на возникновение определенных форм сознательной деятельности масс. Эта роль субъективного фактора проявляется в том, что человек, познавая реальные противоречия в развитии производительных сил, может познать их с различной глубиной, с различных сторон может подойти к анализу этих противоречий. Отсюда и формы сознательной деятельности человека будут различны. Так, например, в послевоенное время в промышленности развернулось движение скоростников. Оно было одной из форм преодоления отставания машиностроительной промышленности от потребностей других отраслей народного хозяйства. Возникновение этой формы объясняется тем, что отдельные рабочие (такие, как П. Быков, Г. Борткевич, Н. Угольков и др.) сумели вскрыть противоречия (между реальными возможностями увеличения скоростей обработки деталей и фактически используемыми скоростями).

В основу своего метода работы они положили борьбу за сокращение рабочего времени за счет повышения скорости обработки детали. Для практической реализации скоростной обработки необходимо было первоначально осуществить модернизацию станка, разработать новую геометрию резца. Осуществив перечисленный выше комплекс работ, П. Быков, Г. Борткевич, и др. увеличили скорость обработки с 30—40 м/в мин в довоенное время до 1138 м/в мин. в 1948 г., а сейчас довели до 3000—4000 м/в мин.

Но сокращение рабочего времени может быть осуществлено не только за счет повышения скорости обработки. Токарь Средневолжского станкостроительного завода Василий Колесов сумел вскрыть реальные возможности сокращения рабочего времени за счет увеличения подач станка. Эти возможности были использованы им при разработке так называемого «силового» резания металлов.

Таким образом, борясь в общем направлении (за сокращение рабочего времени), «скоростники» и «силовики» подошли к разрешению этой проблемы с различных сторон. Этот различный подход определил во многом и специфичность форм сознательной деятельности сначала новаторов производства, а затем и широких масс рабочих, овладевших их методами.

Положение о влиянии глубины осознания реальных противоречий для возникновения той или иной формы сознательной деятельности масс в процессе развития производительных сил можно проиллюстрировать на следующем примере.

Известно, что изучение и передача передового опыта в промышленности осуществляется у нас давно. Вначале этот процесс происходил без должного научного анализа. Инженер Ф. Ковалев подметил, что наряду с высокопроизводительными приемами выполнения работ у новаторов производства имеются и такие приемы, которые по своей эффективности стоят ниже показателей других рабочих.

Инженер Ковалев поставил перед собой задачу: проанализировать приемы рабочих, занятых на работах единого технологического цикла, отобрать наиболее эффективные из них, суммировать в комплекс передовых приемов работы и через систему производственного обучения сделать его достоянием всех рабочих.

Появление такой формы сознательной деятельности в значительной мере определяется использованием научного анализа для вскрытия этих противоречий.

Таковы, на наш взгляд, причины многообразия форм сознательной деятельности советского народа в деле развития производительных сил общества.

Они сводятся к многообразию противоречий, возникающих в процессе развития производительных сил. Эти противоречия познаются людьми и являются объективным детерминантом многообразных форм их деятельности. Многообразие форм сознательной деятельности масс обуславливается многосторонностью и сложностью самого процесса познания.

Человек, вскрывающий реальные противоречия, может познать эти противоречия, с различной мерой глубины. Отсюда и формы его сознательной деятельности будут различны.

Человек не пассивно отражает объективный мир, а активно, целенаправленно. Критикуя метафизический материализм Л. Фейербаха, К. Маркс писал: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно»[1].

Таким образом, К. Маркс указывает на необходимость исследования не только объективного источника определенных форм деятельности людей, но и необходимость исследования субъективных факторов этой деятельности.

Прежде чем приступить к анализу конкретных форм созна-

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс Избранные произведения, т. 2, стр. 383.

тельной деятельности советского народа в деле развития производительных сил в области промышленности, мы попытаемся изложить свою точку зрения на вопрос классификации этих форм.

В нашей периодической литературе анализ форм сознательной деятельности рабочих в области промышленности дается, на наш взгляд, без какой бы то ни было системы.

Товарищи, которые изучают этот вопрос, берут в основу своего анализа историческую последовательность возникновения и распространения той или иной конкретной формы сознательной деятельности. Никто не будет оспаривать необходимости исторического подхода к анализу форм борьбы масс за развитие производительных сил. Но исторический подход должен сочетаться с анализом и классификацией по принципу изучения источника их возникновения и анализа целевой направленности данной формы деятельности.

При таком анализе форм сознательной деятельности советского народа у нас не будут «свалены в кучу» такие, скажем, формы, как движение рационализаторов и изобретателей и борьба за сверхплановые накопления, борьба за максимальное использование основных средств производства и борьба за экономию сырья и т. д.

При анализе форм сознательной деятельности советского народа в деле развития производительных сил в области промышленности будем придерживаться такого принципа: сначала разберем основные формы сознательной деятельности масс, направленные на постоянное совершенствование орудий производства, затем проанализируем некоторые формы сознательной деятельности, направленные на улучшение форм организации производства и, наконец, рассмотрим формы сознательной деятельности масс, направленные на повышение производственного опыта и навыков к труду. Остальные формы сознательной деятельности масс в области промышленности будут рассматриваться нами постольку, поскольку они имеют какое-либо отношение к процессу развития производительных сил в нашей промышленности.

* * *

Борьба советского народа за постоянное совершенствование производительных сил в форме изобретательства и рационализации.

Изобретательство и рационализация являются одной из важнейших массовых форм непосредственного участия трудящихся в развитии производительных сил в области промышленности. Они являют собой яркий пример заботы рабочих и инженерно-технических работников о постоянном совершенствовании орудий производства.

Рост армии изобретателей и рационализаторов в нашей стране является результатом победы социализма. «Если при капитализме рабочий рассматривает фабрику, как чужую и чуждую ему собственность, или даже как тюрьму, то при советских порядках рабочий смотрит на фабрику уже не как на тюрьму, а как на близкое и родное для него дело, в развитии и усовершенствовании которого он кровно заинтересован... Этим обстоятельством нужно объяснить тот факт, что количество изобретателей в области техники производства и организаторов промышленности из рабочих растет с каждым днем».[1]

Партия и правительство всемерно поддерживают эту эффективную форму деятельности масс, показывают ее практическую значимость. В постановлении ЦК ВКП(б) о массовом изобретательстве от 26 октября 1930 г. указывалось, что в период огромного роста социалистического строительства и творческой инициативы рабочего класса исключительное значение приобретает массовое изобретательство, как одна из важнейших форм непосредственного участия рабочих в социалистической рационализации производства.

Исключительно большое внимание изобретательству и рационализации было уделено на июльском Пленуме ЦК (1955 г.), и на XX съезде партии.

Вскрывая причины отставания в осуществлении технического прогресса в отдельных отраслях народного хозяйства, партия указывает, что одной из решающих причин этого отставания явилось недостаточное внимание и недостаточное использование творческой активности масс, направленной на осуществление непрерывной рационализации в области промышленности. После июльского Пленума Коммунистическая партия и Советское правительство, опираясь на поддержку рабочих и инженерно-технических работников, повели решительную борьбу против тех инертных сил, которые препятствовали использованию творческой активности масс в этой области.

Каково же значение этой формы сознательной деятельности советского народа для развития производительных сил в нашей стране? Основное значение этой формы состоит в том, что все большая и большая масса людей вовлекается в творческую борьбу за непрерывное совершенствование производительных сил. О том, какое экономическое значение имеет изобретательство и рационализация, говорят следующие примеры: только за один 1956 год в промышленности, строительстве и на транспорте число рационализаторов и изобретателей составило свыше миллиона человек. Они внесли свыше двух миллионов рационализаторских предложений, технических

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 10, стр. 120.

усовершенствований и изобретений, из которых более одного миллиона были внедрены в народное хозяйство. Это дало много миллиардов рублей экономии.

Многие рабочие и инженерно-технические работники систематически вносят рационализаторские предложения и технические усовершенствования.

Так, на Таганрогском металлургическом заводе имени Андреева мастер Иван Елесеевич Шабалин только за 1947—1950 гг. внес 75 предложений, годовая экономия от которых составила около полмиллиона рублей.[1]

Но как бы ни велика была значимость индивидуальных форм борьбы за рационализацию производства, они не могут иметь такого влияния, которое имеют массовые формы борьбы за рационализацию и изобретательство.

Если тов. Шабалину на разработку 75 предложений потребовалось 4 года, то на Ярославском шинном заводе только за пять дней коллектив цеха вулканизации внес 500 рационализаторских предложений, направленных на повышение производительности труда.[2]

Великая цель — построение коммунистического общества, осуществление которой возможно только при высоком уровне развития производительных сил, требует повышения творческой активности масс и в этом направлении.

Характерной особенностью в деятельности изобретателей и рационализаторов за последнее время является следующее: все больше и больше их деятельность принимает коллективный характер. Коллективные формы деятельности изобретателей и рационализаторов вытекают из природы наших социалистических производственных отношений, основанных на дружбе и взаимопомощи трудящихся нашей страны. Таковы социальные истоки коллективных форм деятельности рационализаторов и изобретателей. Однако было бы неправильно говорить только о них. Имеются и гносеологические корни, объясняющие такого рода формы борьбы. Они сводятся к тому, что на современном этапе развития науки и техники многие крупные работы уже не могут быть разрешены усилиями изобретателя-одиночки. Требуется усилие целого коллектива с тем, чтобы успешно разрешить ту или иную техническую проблему. Коллективные формы борьбы за рационализацию социалистического производства дают возможность быстрее осуществлять этот процесс, они дают возможность каждому члену бригады рационализаторов за счет товарищеской помощи и поддержки непрерывно повышать свои теоретические и практические знания. Они способствуют ликвидации существенного разли-

---

[1] «Труд», 4 июня 1950 года.
[2] «Труд», 9 июня 1950 года.

чия между работниками умственного и физического труда. Участие в комплексных бригадах научных работников дает им возможность глубже познать потребности развивающегося производства, познакомиться с передовым производственным опытом рабочих и определить направленность последующей научной деятельности.

Сотрудничество людей физического и умственного труда в рамках комплексных бригад рационализаторов и изобретателей является ярким примером единства науки и практики в условиях социалистической действительности и оказывает благотворное влияние как на развитие социалистической промышленности, так и на развитие научной мысли в нашей стране. Необходимо всемерно способствовать развитию этой прогрессивной формы сознательной деятельности советского народа в деле совершенствования производительных сил в промышленности. Инициатива создания комплексных бригад рационализации и изобретательства была положена слесарем-механиком комбината твердых сплавов г. Москвы тов. Кузнецовым. Комплексные бригады комплектовались и комплектуются из рабочего ведущей профессии данного технологического цикла, мастера и технолога, т. е. включают в себя хорошего практика, знающего в совершенстве процесс изготовления детали, мастера—организатора производства и технолога—знатока научных основ данного технологического процесса.

Отмечая причины своих успехов, токарь-скоростник П. Быков писал в своей статье «Комплексные бригады инженеров и рабочих-стахановцев»: «Мои достижения основаны не на физическом перенапряжении, а на данных науки, на рациональной геометрии резца для скоростной обработки металла»[1].

П. Быков отмечает, что в освоении научных знаний ему помогли технологи и инженеры. Об этом же пишет в брошюре «Новые пути» токарь-скоростник Средневолжского станкостроительного завода Василий Колесов: «Рассчитывал я также на поддержку... инженеров, заводских мастеров и токарей. Я знал, что в этих поисках мне поможет коллектив завода, который меня вырастил и воспитал. И это вдохновляло меня, вселяло уверенность в успех дела»[2].

О практической значимости комплексных бригад как коллективных форм борьбы за дальнейшее развитие производительных сил можно судить на основании следующего примера. За три месяца существования (к апрелю 1949) комплексные бригады рационализаторов и изобретателей в городе Комсомольск-на-Амуре дали возможность предприятию сбе-

---

[1] Содружество науки с производством. (Сборник статей изд. «Московский рабочий», 1951, стр. 136.

[2] В. Колесов. Новые пути. Профиздат, 1951, стр. 51.

речь около 1 млн. руб., сэкономить 500 тыс. квт. часов электроэнергии, 378 тонн угля, свыше шести тонн стали.

Решающее значение в достижении этих успехов имело массовое рационализаторство и изобретательство, внедрение в производство различного рода приспособлений и новых орудий производства. Так, по предложению рационализатора Рогожина была применена пневматическая очистка окалины и ржавчины с поверхности деталей[1].

Большое значение, особенно в современных условиях, имеет такая форма сознательной деятельности непосредственных производителей, как непрерывная борьба за модернизацию оборудования.

В процессе производства орудия производства не могут долгое время оставаться на одном и том же техническом уровне. В условиях социалистического производства они (т. е. орудия производства) являются основным фактором повышения производительности труда и на базе этого улучшения материального и культурного благосостояния народа. Понимая общественную значимость непрерывного совершенствования орудий производства в условиях социализма и испытывая на собственном опыте, что этот процесс ведет к улучшению материального и культурного благосостояния общества, непосредственные производители материальных благ все активнее и активнее вовлекаются в борьбу за модернизацию промышленного оборудования.

Июльский Пленум и XX съезд партии призвали трудящихся нашей социалистической промышленности еще активнее использовать данную форму воздействия масс на уровень развития средств труда. А задачи в этой области перед трудящимися промышленности стоят большие. Так, например, только на предприятиях машиностроительной промышленности за один 1956 год необходимо было модернизировать 19800 единиц металлорежущих станков и кузнечно-прессового оборудования, а за все 6-е пятилетие по всей промышленности необходимо модернизировать 400 тыс. металлорежущих станков. За первое полугодие 1956 года было модернизировано в машиностроительной промышленности 9960 станков. Какой экономический эффект дает модернизация оборудования? Она повышает в среднем производительность труда на 20—30 проц., а это равнозначно сокращению затрат на капиталовложения на 4 млрд. руб. или получению дополнительно народным хозяйством не менее 43,5 тыс. единиц нового оборудования.[2]

В осуществлении борьбы за непрерывный технический

---

[1] «Труд», 6 апреля 1949 г.

[2] «Промышленно-экономическая газета», 24 августа и 26 сентября 1956 г.

прогресс непосредственные производители используют и другие формы сознательной деятельности, характерные для периода постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Такой формой деятельности масс является борьба за досрочное освоение выпуска новой продукции, за освоение новых орудий производства для различных отраслей народного хозяйства.

Процесс конструирования и освоения новых станков и оборудования не есть удел только конструкторов и научных работников. В процессе разработки новых систем машин конструкторы и научные работники внимательно прислушиваются к голосу рабочих-практиков. Критические замечания рабочих дают возможность конструкторам своевременно устранять недостатки данной машины, ускорить процесс ее конструирования. Примером коллективного труда рабочих и инженеров над созданием нового оригинального координатно-расточного станка может служить работа коллектива Одесского завода машинообрабатывающих станков имени С. М. Кирова. Работа над этим станком началась сразу же после восстановления завода в 1946 г. Заводской коллектив шел по неисследованным путям. В практике нашего станкостроения подобные станки не конструировались, а две швейцарские фирмы «Силд» и «Хаузер», изготовлявшие аналогичные станки, держали процесс изготовления в строгой тайне. Погоня за прибылью и звериные законы конкуренции — вот что заставляло промышленников этих фирм «строго хранить секреты производства. Очевидцы рассказывают, что сборку наиболее важной части станка фирма «Хаузер» много лет поручала одному и тому же мастеру».[1] Для быстрого выполнения правительственного задания по конструированию координатно-расточного станка коллектив Одесского завода использовал преимущества нашего советского социалистического строя: он использовал товарищескую помощь друг другу в совместной борьбе против общих препятствий. Говоря о причинах быстрого освоения станка, директор завода указывает, что «секрет этот прост. Мы призвали на помощь творчество всего коллектива, и всеобщее общезаводское «думание» сделало поистине чудеса».[2]

В создании нового станка участвовали не только конструкторы, но и рабочие завода, такие как слесарь-универсал В. Эрлих, слесарь-сборщик С. Лозовский, электрик В. Мозжерин и другие. Своим советом во время доводки станка они способствовали устранению многих дефектов и помогли создать первоклассный станок для нашей социалистической промышленности.

---

[1] «Знание—сила» № 9, 1956, стр. 1.

[2] Там же.

Аналогичные примеры можно привести и из других отраслей нашей промышленности. Ограничимся еще одним.

Наша угольная промышленность оснащает шахты современным, высокопроизводительным оборудованием. Создан целый комплекс машин, дающих возможность механизировать большинство процессов угледобычи. Пожалуй, одной из последних по совершенству машин является комбайн. Это совершенное и высокопроизводительное орудие производства является не только результатом творческих усилий конструкторов, но и механизаторов шахт, где проходил технические испытания этот агрегат. «Механизаторы шахты, — пишет машинист комбайна Недвига, — в тесном содружестве с конструкторами с первых дней появления комбайна борются за его усовершенствование. Горловский машиностроительный завод имени Кирова принял 52 наших конструктивных поправки».[1]

Таким образом, практический опыт рабочих, знание конкретных условий, в которых будет эксплуатироваться техника, дает возможность рабочим вносить коррективы в научные разработки. Так практика выступает в данном случае как критерий истинности научного открытия и служит средством углубления его научной разработки. Коллективные формы сознательной деятельности рабочих и инженерно-технических работников нашей промышленности имеют большое будущее. Это объясняется тем, что данная форма сознательной деятельности масс является при данном уровне развития науки и техники наиболее результативной. Она дает людям в меру своих творческих сил и возможностей бороться за непрерывное развитие орудий производства и добиваться больших результатов. Эта форма сознательной деятельности производителей материальных благ способствует более быстрому осуществлению закономерного процесса непрерывного совершенствования техники. Так, например, если изобретателю Московского комбината твердых сплавов тов. Кузнецову, когда он работал в одиночку, понадобилось шесть с лишним лет, чтобы сконструировать автомат для прессования твердосплавных пластин, то коллектив бригады изобретателей, в которую он входил одним из членов, создал более сложный автомат за несколько месяцев[2].

Важной формой сознательной деятельности масс, направленной на дальнейшее совершенствование и развитие орудий производства, является движение скоростников. Зародившись еще в 1935—36 гг. в промышленности, когда фрезеровщик Московского станкостроительного завода имени Г. К. Орджоникидзе И. И. Гудов и сталевар Мариупольского завода

---

[1] «Труд», 14 июня 1951 г.

[2] Там же.

Макар Мазай выступили инициаторами скоростных методов работы, движение скоростников получило широкое распространение в послевоенный период. В настоящее время это одна из массовых форм борьбы трудящихся за непрерывное развитие и совершенствование производительных сил.

Скоростники используют в качестве фактора повышения производительности труда интенсификацию производственного процесса. Интенсификация труда заставляет рабочего «...плотнее заполнять поры рабочего времени, т. е. конденсировать труд до такой степени, которая достижима только в рамках сокращенного рабочего дня.[1]

Интенсификация осуществляется за счет увеличения скорости обработки изделия, за счет экономии вспомогательного времени. С помощью каких факторов работник, занятый в сфере промышленного производства, может интенсифицировать производственный процесс? Он может осуществить это за счет улучшения качественных показателей орудий производства, за счет использования вспомогательных приспособлений, за счет повышения своей производственной квалификации, за счет лучшей организации производственного процесса. В условиях капитализма интенсификация труда осуществляется за счет чрезвычайного перенапряжения физических и духовных сил работника. Об этом свидетельствует следующий факт. «Уже в течение года мы работаем по одиннадцати и двенадцати часов в смену при шести и семидневной рабочей неделе, — рассказывали летом 1955 г. рабочие автомобильного завода Форда «Линкольн-Меркурий», — и делаем при этом до 2500 движений в час. Условия труда у нас бесчеловечные. Хотя наш завод считается современным, в цехах стоит страшная жара, масса пыли, нет солнечного света... Воздух накален ужасно, нормы выработки непосильно велики, рабочий день слишком длинен».[2]

В условиях социалистического производства интенсификация не ведет к преждевременному снашиванию рабочей силы, ибо она осуществляется при максимальном использовании машин, различного рода приспособлений, при создании нормальных производственных условий и т. д. Она сопровождается ростом заработной платы и поэтому находит широкую поддержку в рядах рабочего класса как метод борьбы за повышение производительности труда.

Таким образом, в условиях социалистической действительности основными средствами для интенсификации производст-

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. 1, стр. 415—416.

[2] Цит. по статье Дробкиной «Спид-ап», «Новый мир» № 11, 1956, стр. 212.

венного процесса являются машинные орудия производства, максимальное их использование, развитие и изменение.

Какие же формы породило народное творчество в этом направлении? В послевоенный период широкое распространение получило, как мы уже отметили, движение скоростников, борьба за максимальное использование основных фондов предприятий и т. д.

Распространение данных форм деятельности масс не случайно. В послевоенный период перед промышленностью нашей страны встали грандиозные задачи: необходимо было в течение первой послевоенной пятилетки не только восстановить, но и значительно превзойти довоенный уровень промышленного производства.

Трудность выполнения этой задачи усугублялась еще и тем, что необходимо было перевести экономику нашей страны с рельс военного времени на выпуск продукции мирного времени; осуществление этой задачи происходило в условиях огромного материального ущерба, нанесенного нашему народному хозяйству. И несмотря ни на что, советский народ не только выполнил, но и перевыполнил задание четвертой, а затем и пятой пятилеток.

Это стало возможно благодаря сознательному творческому труду советского народа. Движение скоростников было одним из мощных вкладов народных масс в дело досрочного выполнения плановых заданий за счет максимального использования всех технических возможностей данного станка, за счет внесения в его конструкцию изменений. Это стало возможно в силу того, что отдельные представители производственников подняли свой культурный уровень настолько, что смогли вносить конструктивные изменения в процесс производства и орудия производства.

«Я не придаток к машине, — с чувством законной гордости заявляет П. Быков, — а сознательный полновластный хозяин, подчинивший станок своему разуму, своей воле. Не машина мне, а я ей диктую приемы работы и поведение на производстве».[1]

Каким же образом непосредственные производители материальных благ через эту форму сознательной деятельности осуществляют развитие производительных сил?

Распространение скоростных методов труда предусматривает осуществление модернизации оборудования. Эта модернизация охватывает все основные узлы машинных орудий производства: исполнительный механизм (внедрение твердосплавных резцов с особой геометрией заточки), передаточный

[1] На высоких скоростях, Профиздат, 1949, стр. 69.

механизм (коробка передач, система шкивов и т. д.) и машину-двигатель (увеличение мощности последнего).

Осуществляя перевод участка на скоростные режимы работ, коллектив ст. мастера И. Белова на заводе «Красный пролетарий» понимал, что для этого «...прежде всего нужно модернизировать станки. Дирекция завода пошла нам навстречу и дала возможность заменить трехкиловатные моторы, которыми были оборудованы станки, моторами мощностью по 5,8 киловатта. Затем, повысив расчетную мощность оборудования, мы заменили шкивы на моторах, благодаря чему увеличили предельное число оборотов шпинделя на станках ДИП с 600 до 850, а на многорезцовых — до 650 оборотов в минуту».[1]

Внедрение скоростных методов труда требует изменения организации производства.

Это изменение охватывает не только сферу материально-технического снабжения, но и сферу разделения труда и кооперирования внутри участка, цеха, предприятия. Скоростные режимы работы требуют специализации оборудования и работника производства на выпуске однородной продукции. На необходимость такой специализации указывает токарь-скоростник В. Семинский, об этом же говорит ст. мастер завода «Красный пролетарий» И. Белов. «Каждую операцию мы закрепили за определенным станком и рабочим. Это дает станочнику возможность не только лучше приспособить свой станок, но и самому приобрести наиболее эффективные производственные навыки»[2].

Скоростные методы труда требуют повышения уровня производственно-технической подготовки рабочих.

Модернизация оборудования, изменение форм организации производственного процесса, т. е. изменение материально-вещественного элемента производительных сил требует приведения в соответствие с их уровнем производственного опыта и навыков рабочего.

Станок, модернизированный усилиями инженерно-технических работников и рабочих станкостроительной промышленности, выступает в форме объекта для остальной массы рабочих, которые должны освоить этот станок и использовать его в практической деятельности.

В первое время производственный опыт и навыки работы на данном станке, а также знания технологии производства не позволяют использовать станок на полную мощность. В единстве объекта и субъекта данное противоречие имеет активным началом объект.

---

[1] Славные традиции. «Московский рабочий», 1957, стр. 201.

[2] Там же, стр. 204.

Противоречие разрешается за счет приведения в соответствие производственно-технической квалификации рабочего с уровнем технических требований орудия производства. «Переход на скоростные методы труда вызвал необходимость повышать квалификацию всех станочников. Поэтому мы обращаем особое внимание на организацию учебы.

Все наши станочники учатся на курсах, в школах передового опыта, в кружках, техникумах. На заводе постоянно действует разветвленная сеть производственно-технического обучения, успешно работает вечерний техникум».[1]

Только в случае соответствия производственно-технической подготовки рабочего уровню данной техники, последняя может принести наибольший производственный эффект, только в этом случае создается необходимая предпосылка для того, чтобы рабочий выступил в качестве рационализатора данных орудий производства, т. е. создается предпосылка для перехода второй стороны противоречия в свою противоположность. Воплощение идей, технических замыслов в жизнь в виде определенных средств труда порождает новую, более высокую ступень развития производительных сил, в которой вновь возникают противоречия между орудиями производства и производственно-технической подготовкой рабочего, которые разрешаются в практической борьбе производителей материальных благ. Только через преодоление этих внутренних противоречий между элементами производительных сил и осуществляется процесс их поступательного развития. Скоростники в своей практической деятельности являют пример преодоления этого противоречия. В годы войны и в послевоенное время в промышленность пришло очень много рабочих, не имеющих достаточного производственного опыта, общей производственной культуры. В силу этого техника, находившаяся на вооружении промышленности, использовалась не на полную мощность. Скоростники выступали инициаторами овладения техники, улучшения организации труда, повышения на базе этого производительности труда. «Высокие скорости, — пишет инициатор движения скоростников Г. Борткевич, — немыслимы без высокой культуры труда, сочетания большого умения и основательных знаний. Было время, когда лучшей похвалой рабочему служило выражение: «золотые руки». Сейчас мера другая. Навык, природная сметка, как бы велики они ни были, передовому советскому рабочему недостаточны. Работа у станка — это уже не один физический труд. Это и труд умственный. Он связан с вычислениями, с техническим творчеством»[2].

[1] Славные традиции. «Московский рабочий», 1957, стр. 205.
[2] На высоких скоростях. Профиздат, 1949, стр. 29.

Глубокое знание станка, знание технологии производства позволило таким рабочим, как Г. Борткевич, П. Быков, А. Марков и др., значительно перекрыть технические нормы, внести коррективы в технические данные станка (они значительно продвинули вперед диапазоны работы станка). Но скоростники не остановились на этом. Они пошли дальше в процессе борьбы за совершенствование производительных сил, они выступили в роли рационализаторов орудий производства и организации производственного процесса. Так, например, все новаторы-скоростники значительно увеличили скоростные режимы станка, внесли в связи с этим изменения в передаточный механизм и конструкцию исполнительного механизма машины (резцы с отрицательными углами заточки, введение различных стружколомающих приспособлений и т. д.).

Однако увеличение скорости за счет повышения мощности двигателя, изменения передаточного механизма и геометрии резца не могут быть беспредельными для данного станка. Но это не означает, что процесс воздействия непосредственных производителей на совершенствование средств труда и организацию производства на этом останавливается. Рабочие и инженерно-технические работники выступают с претензиями к работникам научно-исследовательских институтов, дают направление их деятельности и способствуют тем самым рождению нового станка. Развитие движения скоростников привело к тому, пишет Г. Борткевич, что «Токари, работающие на станках «ДИП-200», выпущенных заводом «Красный пролетарий», резонно заявляли, что эти станки недостаточно быстроходны, теперь их конструкция сдерживает в известной мере освоение высоких скоростей».[1]

Выступая на заседании Ученого Совета института машиноведения Академии наук СССР, профессор Шаумян отметил в своем докладе: «Мы как-то привыкли к странному разделению труда. Мы пишем теорию, устанавливаем допускаемое напряжение, технические нормы, устанавливаем предельные скорости, а новаторы на свой риск ломают эти нормы, опрокидывают установленные нами пределы и как будто это так и должно быть. А между тем — достижения новаторов — это критика делом, самая суровая и жестокая критика отставания науки...»[2].

Таким образом, новаторы производства выступили не только в роли двигателя производительных сил, но и науки и через ее развитие оказали большое обратное воздействие на не-

---

[1] На высоких скоростях. Профиздат, 1949, стр. 30.

[2] Материалы расширенного заседания Уч. Совета института машиноведения Ак. наук СССР от 10. XII. 1952 г., стр. 14.

прерывное совершенствование орудий труда и организации производства.

Укрепление связи науки и производства способствовало устранению былого разрыва между ними и имело благотворное влияние как на производство, так и на науку. «До сих пор мы, научные работники, продолжали замыкаться в своих лабораториях и кабинетах, недооценивая роль социалистических предприятий как гигантских лабораторий, а новаторов производства — как своих научных сотрудников»,[1]—отмечал в своем докладе профессор Шаумян.

Таким образом, роль скоростников в развитии производительных сил заключается в том, что, подняв свою производственную квалификацию, они выступили новаторами, прокладывающими новые пути в технологии производства. Овладение этими технологическими приемами всей армией рабочего класса нашей страны значительно повысит уровень развития производительных сил в промышленности. Сами новаторы производства понимали необходимость распространения своих методов работы среди основной массы непосредственных производителей. Так, Н. Российский в своей брошюре «Коллективная организация стахановского труда» писал: «Отдельные достижения рекордсменов, как бы они ни были значительны и важны, не обеспечат выполнение плана. Сама жизнь экономическая потребность, диктовала необходимость такой организации труда, которая бы обеспечила коллективные стахановские достижения»[2].

Такова роль скоростников в подъеме производственно-технической квалификации рабочих промышленности. Но этим их роль в развитии производительных сил не исчерпывается. Скоростники выступают в качестве рационализаторов орудий производства и организации труда. Кроме того, скоростники дают направление деятельности работникам научного фронта и через их деятельность также влияют на подъем уровня производительных сил.

Анализируя роль рабочих и инженерно-технических работников в борьбе за непрерывное совершенствование производительных сил в форме борьбы за внедрение скоростных методов труда, мы должны сделать важный вывод о единстве и взаимной обусловленности форм сознательной деятельности масс.

Сознательная борьба за непрерывное совершенствование производительных сил в форме рационализации и модерниза-

---

[1] Материалы расширенного заседания. Уч. Совета института машиноведения. Ак. наук СССР от 10. XII. 1952 г., стр. 22.

[2] Н. Российский. Коллективная организация стахановского труда. М., 1949, стр. 7.

ции оборудования с необходимостью вызывает осуществление борьбы за улучшение организации производства и повышение уровня производственной квалификации рабочих. В свою очередь появление этих форм сознательной деятельности масс оказывает огромное обратное воздействие на формы сознательной деятельности по совершенствованию орудий производства. Взаимосвязь и взаимная обусловленность форм сознательной деятельности является результатом связи и взаимной обусловленности элементов производительных сил, на совершенствование которых направлены эти формы сознательной деятельности масс.

* * *

Следующим направлением сознательной деятельности масс по развитию и совершенствованию производительных сил является **борьба за непрерывное совершенствование технологических форм организации производственного процесса.**

Объективной основой технологических форм организации производства является разделение труда и кооперирование, которые мы рассматриваем как элементы производительных сил.

Как же используют непосредственные производители в своей деятельности это рациональное направление развития производительных сил, какие формы сознательной деятельности породило народное творчество в этом направлении?

Пожалуй, одной из наиболее распространенных и действенных форм творческой деятельности масс в послевоенный период является борьба за коллективную организацию стахановского труда.

Инициатором этого движения выступил коллектив участка микрометров Московского завода «Калибр», возглавляемый мастером Н. Российским. Борьба за коллективную организацию стахановского труда является ярким примером характеристики роли коллектива и руководителя в осуществлении общей цели. Рабочие участка внесли много новых предложений, направленных на изменение организации труда на участке. Эти предложения касались вопросов улучшения работы оборудования, повышения производственной квалификации, улучшения вопросов, связанных со специализацией и кооперированием на участке, — все это сделало возможным наладить поточное производство микрометров и др. мерительного инструмента. Характеризуя роль рабочих в разработке новых форм организации производственного процесса, Н. Российский писал: «Когда я или сменный мастер замечали, что та или иная операция отстает, мы говорим рабочим: «Вот эта операция занимает слишком много времени. Подумайте, как ее усовершенствовать». И люди думают, изыскивают новые ре-

зервы. Рабочие знают, что ни одно дельное предложение не будет отвергнуто, не затеряется в зыбучих песках рутины и равнодушия».[1]

Такие рабочие, как Киселев, Точилкин, Волкова, Уткин и др., приняли самое деятельное участие в разработке новых форм организации труда. Рабочие на собственном опыте убедились в преимуществах новых форм организации производственного процесса, они увидели рост производительности труда, рост заработной платы. Вот почему почин одного участка быстро был подхвачен рабочими других цехов.

Так, например, если в 1947 году на заводе «Калибр» был только один цех коллективных методов труда, то в 1948 году их стало уже 5, а к середине 1949 г. все цехи завода стали передовыми. Это дало возможность заводу выполнить пятилетний план за три года.

Производительность труда выросла по сравнению с довоенным уровнем в 2,3 раза. Все рабочие стали выполнять нормы.[2] Этот пример служит яркой иллюстрацией тому, что форма организации труда, технологические формы функционирования производительных сил повышают их общий уровень развития, о чем свидетельствует рост производительности труда.

Большая роль в разработке новых форм организации труда принадлежала и руководителю производственного процесса — мастеру. Он не только суммировал единичные достижения рабочих и показывал их общественную значимость, но и разрабатывал новую систему организации работы на участке. «Если достижение единичного рекорда зависит главным образом от способностей отдельного рабочего, от овладения им техникой, от его инициативы, технической смелости, то организация коллективной стахановской работы зависит уже в значительной мере от командиров производства. Они призваны не просто объединить сумму усилий отдельных рабочих, а организовать весь процесс производства таким образом, чтобы все рабочие могли работать по-стахановски»[3].

По каким же направлениям шла борьба за новую, коллективную форму организации труда на участке Н. Российского.

Эта борьба сводилась к: 1. Планированию всех звеньев коллективной работы. 2. Организации выполнения плана. 3. Повышению квалификации рабочих. 4. Использованию результатов массовой рационализации. 5. Рациональному раз-

---

[1] Цит. по работе Чангли «Соц. соревнование—движущая сила развития советского общества», стр. 69.

[2] Н. Российский. Коллективная организация стахановского труда. М., 1949, стр. 16.

[3] Там же, стр. 6.

делению труда и организации на базе этого поточной системы производства.

Таким образом, борьба эта охватывала все элементы производительных сил. Ведущим направлением было: разделение труда и организация на базе этого поточного производства, т. е. изменение форм функционирования производительных сил.

Формой борьбы советского народа за дальнейшее развитие технологических форм организации производственного процесса является борьба за ритмичность работы предприятия, участка.

Процесс производства происходит в определенных объективных условиях. Важным элементом этих условий является время. В процессе труда время является объективным определителем эффективности данных производительных сил. Вот почему борьба за экономию времени есть в первую очередь борьба за развитие и эффективное использование производительных сил. Примером является борьба советских шахтеров за организацию труда на шахтах по графику цикличности.

Уже XVIII съезд партии обратил внимание на значимость этой формы организации производительных сил в угольной промышленности: «...организовать добычу угля на основе внедрения во всех угольных районах страны графика цикличной работы — основы стахановской производительности труда шахтеров»[1].

Прогрессивность данной формы организации производственного процесса состоит в том, что она более четко и более правильно отражает объективные связи между различными технологическими процессами, более правильно отражает определенную пропорциональную зависимость между этими процессами, более четко производит разграничение функций между членами производственного коллектива.

Такая организация труда ведет к повышению эффективности использования орудий производства, повышает производственный опыт рабочего, закрепляет его трудовые навыки. Все это приводит к повышению производительности труда шахтеров. Так, например, введение графика цикличности на некоторых шахтах Донбасса в годы послевоенной пятилетки привело к увеличению добычи угля на 39 проц. и росту производительности труда на 22 проц.

Одним из первых в Донбассе перешли на работу по графику цикличности участок № 12 шахты № 5-6 им. Димитрова треста «Красноармейскуголь» комбината «Артемуголь», где начальником участка был тов. Бридько. Заслуга последнего состояла в том, что он мобилизовал людей участка на практи-

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II, изд. 7, стр. 888.

ческое осуществление требований графика цикличности: на участке была осуществлена продуманная расстановка людей, правильная организация производственного процесса, строго соблюдался график профилактического осмотра оборудования и своевременный его ремонт, была установлена и неукоснительно поддерживалась производственная дисциплина. Все эти мероприятия способствовали значительному повышению производительности труда[1].

Осуществляя внедрение графика цикличности, шахтеры Донбасса вносили свои рационализаторские предложения, которые способствовали подъему уровня развития производительных сил. Так, например, забойщик шахты № 10 им. Артема в Донбассе П. Рындин увеличил длину уступа в лаве и умело разделил труд между членами бригады. Это дало возможность увеличить выработку почти в 15 раз и довести ее до 128 тонн угля в смену при норме в 8,8 тонны[2].

Борьба за использование наиболее рациональных форм организации производительных сил особенно ярко выступает в современных условиях. Декабрьский (1956 г.), а за ним февральский (1957 г.) Пленумы партии, руководствуясь духом решений XX съезда партии, нацелили советский народ на борьбу за совершенствование форм организации производительных сил в нашей стране, на совершенствование организации управления промышленностью и строительством. Эти мероприятия имеют главной целью обеспечить дальнейший подъем производительных сил в промышленности и строительстве и на базе этого осуществить дальнейшее развитие социалистической экономики. Иными словами, эти решения партии и правительства являются конкретными указаниями для выполнения ближайших задач строительства коммунизма. Анализ материалов решений декабрьского и февральского Пленумов ЦК партии указывает на то, что совершенствование организации управления промышленностью и строительством является закономерным и необходимым мероприятием. Необходимость этого мероприятия объясняется тем, что при данном уровне развития производительных сил в промышленности и строительстве старые формы управления, старые методы деятельности нашего государственного аппарата пришли в противоречие с потребностями производства и должны быть изменены. «При существующих масштабах производства нынешние формы управления промышленностью и строительством не соответствуют возросшим требованиям конкретного и оперативного руководства развитием народного хозяйства, они ограничивают возможно-

---

[1] «Труд», 3 июля 1947 г.
[2] «Труд», 3 апреля 1947 г.

сти полного использования резервов, заложенных в социалистической системе народного хозяйства»[1].

Таким образом, структура нашей политико-юридической надстройки, методы ее деятельности пришли в противоречие с потребностями развития производительных сил, с потребностями дальнейшего роста социалистической экономики. Материалы Пленума еще раз подчеркивают закономерность взаимосвязи и развития различных сфер общественной жизни нашего государства. Они указывают на то, что сначала происходят изменения в уровне развития и характере производительных сил. Эти изменения (изменения в уровне производительных сил) охватывают как качественную, так и количественную стороны: наблюдается дальнейший технический прогресс, возникают новые отрасли промышленного производства, наряду с этим происходит дальнейшее увеличение объема старых отраслей производства. Наряду с этим наблюдается дальнейшее усиление общественного характера производства, что находит свое выражение в дальнейшем усилении процесса разделения труда и кооперирования. На базе развития уровня и характера производительных сил наблюдается изменение и социалистической экономики, т. е. социалистических производственных отношений. Эти изменения охватывают их количественную сторону (в первую очередь рост объема социалистической государственной собственности) и в то же время качественная сторона социалистических производственных отношений находится в соответствии с уровнем и характером развития производительных сил. Качественной особенностью социалистического производства является то, что в условиях господства социалистической собственности возрастает роль и значение субъективного фактора общественного развития. Общественные законы всегда прокладывают себе дорогу через практическую деятельность людей. Но эта деятельность может быть стихийной и сознательной. В условиях социализма возрастает роль сознательности, а это ведет к ускорению процессов общественного развития. Сознательность в деятельности людей, общественных учреждений (как носителей сознательности и целенаправленности) состоит в том, что люди познают законы общественного развития, познают общественные условия, в которых данный закон проявляется и используют эти знания в своей практической деятельности.

Так, например, руководствуясь знаниями законов социалистического расширенного воспроизводства, учитывая наши выросшие экономические возможности, нашедшие отражение в увеличении объема социалистической собственности, учиты-

---

[1] «Правда», 30 марта 1957 г.

вая особенность социалистического производства, одной из частей которого является непрерывное совершенствование технического уровня производительных сил, наши планирующие и финансовые органы должны уделить большее внимание вопросам материального обеспечения промышленных предприятий, отраслей народного хозяйства всем необходимым для борьбы за непрерывное совершенствование производительных сил.

Для того, чтобы понять нужды развивающегося производства, для того, чтобы правильно использовать экономические ресурсы, необходимо знать потребности производства, знать возможности производства. Но структура планирующих органов, структура управления промышленными предприятиями вообще не давала возможности глубоко и детально разобраться во всех вопросах производства. Поэтому решения государственных органов зачастую принимались без достаточно глубокого проникновения в суть хозяйственных процессов, а это вело к экономическим промахам и ошибкам. Для повышения уровня хозяйственного руководства, для приведения в соответствие политико-юридической части социалистической надстройки с потребностями развивающейся экономики, нужно было изменить структуру и методы деятельности государственного аппарата. Это изменение, это приведение в соответствие структуры и методов деятельности государственного аппарата с потребностями развивающегося производства окажет обратное воздействие на уровень развития всех элементов производительных сил, в том числе на дальнейшее развитие форм функционирования производительных сил, что найдет свое конкретное воплощение в создании мощных экономических районов, в дальнейшем разделении труда и кооперировании внутри экономических районов и между ними.

В осуществлении грандиозных мероприятий, направленных на изменение организации управления промышленностью и строительством, в осуществлении мероприятий, направленных на дальнейшее изменение структуры самих производительных сил в промышленности партия и правительство широко используют опыт и практические предложения широчайших масс советского народа. Материалы февральского Пленума ЦК, тезисы доклада ЦК на седьмой сессии Верховного Совета строились на учете огромного фактического материала, в них учитывалась многогранная деятельность непосредственных производителей материальных благ. Обобщив этот огромный фактический материал и сделав из него научно-обоснованные практические выводы, партия и правительство вновь обратились к советскому народу с просьбой глубоко и всесторонне обсудить этот вопрос и внести свои замечания и поправки, дополнить общие предложения конкретными предложени-

ями, направленными на дальнейшее совершенствование структуры и методов работы государственного аппарата, на дальнейшее укрепление социалистической экономики, на дальнейшее развитие производительных сил в области промышленности. «ЦК КПСС и Совет Министров СССР решили опубликовать тезисы доклада и провести всенародное обсуждение этого вопроса с тем, чтобы на основе широкого обмена мнениями, всенародного учета имеющегося у нас опыта выработать наиболее целесообразные формы управления народным хозяйством страны»[1], — говорится в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

Только в стране социализма возможно привлечение широчайших народных масс к вопросам совершенствования производительных сил в общегосударственном масштабе, возможно использование богатейшего опыта и народной мудрости в решении этих вопросов. Использование опыта и народной мудрости в деле совершенствования всех сфер нашей общественной жизни является одним из ярких принципов, характеризующих новую роль народных масс как главного двигателя общественного развития при социализме, является ярчайшим показателем преимуществ социалистической системы, которая дает невиданный простор для использования творческой энергии основной производительной силы—народных масс. «Советский народ является полновластным единственным хозяином своей страны. Все, что создано на земле нашей,—все это результат созидательного труда и творческого гения народа. В труде народа, в его ясном сознании, в народной мудрости — источник все новых и новых успехов в продвижении нашей страны к светлому будущему — коммунизму»[2].

Таково, коротко говоря, значение борьбы советского народа за непрерывное совершенствование производительных сил вообще, технологических форм их функционирования — в особенности.

Это значение состоит в том, что если форма соответствует содержанию, то она способствует наиболее эффективному использованию других элементов производительных сил: орудий производства и работника производства, что находит свое практическое выражение в повышении производительности труда.

* * *

Важной линией (направлением) сознательной деятельности непосредственных производителей по развитию производительных сил является постоянная борьба за повышение производственно-технического уровня работника производства. Мы

---

[1] «Правда», 30 марта 1957 г.
[2] Там же.

уже не однократно отмечали, что основной производительной силой в промышленности являются рабочие: «**Первая производительная сила всего человечества,** — писал В. И. Ленин, — **есть рабочий, трудящийся**».[1]

Эта производительная сила может дать наибольший эффект лишь в том случае, если производственно-техническая квалификация будет соответствовать уровню развития орудий производства и организации производственного процесса. В единстве элементов производительных сил, как мы уже отмечали, могут возникать противоречия. Характер разрешения этих противоречий зависит от тех экономических отношений, в которых функционируют производительные силы. В условиях капиталистического производства капиталист не заинтересован в организации систематического обучения и переквалификации своих рабочих. «Большая часть занятых у нас рабочих не посещала школы: они изучают свою работу в течение нескольких часов или дней. Если в течение этого времени они не поймут дела, то мы не можем пользоваться ими»,[2] — писал Г. Форд.

Иной характер носит разрешение данного противоречия в условиях социализма. При социализме это противоречие разрешается не за счет ущемления интересов непосредственного производителя, а в его интересах, за счет постоянного повышения производственной квалификации работника промышленности. Характер разрешения противоречий между элементами производительных сил сказывается на творческой деятельности непосредственных производителей.

Испытывая на собственном опыте преимущества разрешения данного противоречия при социализме, рабочие и инженерно-технические работники нашей промышленности выступают активной и созидательной силой, способствущей его разрешению. В ходе борьбы за повышение уровня производственно-технической квалификации рабочих народное творчество породило многообразные формы деятельности. Несмотря на многообразие этих форм, суть их едина — все они направлены на подъем производственной квалификации всех рабочих путем оказания товарищеской взаимопомощи отстающим со стороны передовиков. Эта суть вытекает из господствующих в стране социалистических производственных отношений, как отношений, основанных на дружбе и взаимопомощи трудящихся нашей страны. Познавая на собственном опыте законы развития социалистических производственных отношений, трудящиеся нашей страны сознательно используют их в своей практической деятельности для развития и совершенствова-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 334.
[2] Г. Форд. «Моя жизнь мои достижения», «Время», 1926, стр. 96.

ния всех элементов производительных сил, в том числе и производственно-технической квалификации рабочих.

Так, например, используя закон распределения общественного продукта по количеству и качеству затраченного труда, наши государственные органы призваны постоянно совершенствовать формы заработной платы с тем, чтобы последние стимулировали работника, постоянно обогащать свой производственный опыт и навыки к труду. С этой же целью народ использует формы обмена взаимной деятельностью, основанные в условиях социализма на товарищеской взаимопомощи и поддержке, для распространения передовых методов труда через конкретные формы производственного обучения.

Наряду с формами производственного обучения, распространяемыми сверху (техминимум, система школ фабрично-заводского обучения, система производственного обучения и т. д.) уже в довоенное время получили широкое распространение такие формы производственного обучения как школы распространения передового опыта. Особенностью этих школ являлось и является то, что в роли учителя в них выступает новатор производства, который практически помогает слушателям овладеть передовыми приемами работы. Эта форма производственного обучения получила широкое распространение именно потому, что она была наиболее доступна и наиболее понятна для самых широчайших масс непосредственных производителей материальных благ. Об эффективности данной формы производственного обучения свидетельствует то, что уже в 1938 г. через школы новаторов производства, через систему производственных курсов повысило свою производственную квалификацию 972 тыс. человек[1].

Уже в предвоенные годы появились такие формы производственного обучения, как посылка передовиков, новаторов производства на другие промышленные предприятия для передачи своего производственного опыта, чтение лекций передовиками производства. Так, передовики Николаевского судостроительного завода за четвертый квартал 1938 года и первый квартал 1939 года прочитали 400 лекций.

В послевоенный период социалистического строительства эти формы производственного обучения получили дальнейшее развитие. Но наряду с ними появляются и новые формы производственного обучения, свидетельствующие о повышении уровня сознательного воздействия непосредственных производителей на процесс развития производительных сил в нашей промышленности.

Так, в январе 1947 года закройщик обувной фабрики «Па-

---

[1] История профсоюзного движения в СССР, 1955, стр. 283.

рижская коммуна», Василий Матросов выступил инициатором планового внедрения передовых методов труда. При составлении таких планов учитывались не только формы производственного обучения, но и создание необходимых условий для нормальной работы всех рабочих участка данной фабрики, цеха, участка, улучшение технологии производства, улучшение эксплуатации орудий производства.

Таким образом, предложение Василия Матросова о необходимости планомерного распространения передовых методов труда намечало осуществление комплекса мероприятий, учитывающих взаимосвязь и взаимную зависимость всех элементов производительных сил. Выступая на производственном совещании со своими предложениями, Василий Матросов заявил, что «Надо создать общий цеховой план внедрения стахановских методов труда. В этом плане на основе изучения работы лучших наших закройщиков нужно учесть, что необходимо сделать на каждом рабочем месте»[1].

О возросшем уровне сознательности непосредственных производителей материальных благ свидетельствует и то, что инициаторы тех или иных форм выступают активными борцами за широкое распространение этих форм, борцами против тех сил, которые препятствуют их распространению. Вот что писал в открытом письме на имя министра Василий Матросов: «Широкое внедрение стахановских методов труда настоятельно требует и более гибкой работы аппарата Министерства. Как могло случиться, что наша фабрика не имеет даже однодневного запаса основных материалов? Произошло это потому, что Главное управление обувной промышленности отстает от жизни, от темпов работы передовых коллективов. Мне думается, что планы внедрения стахановских методов труда, осуществляемые сейчас на фабриках, должны внести много нового и в работу Главков министерства. Главки должны учитывать инициативу стахановцев, стремление передовых коллективов досрочно выполнить план и создать для этого все необходимые условия»[2].

Таким образом, Василий Матросов понимал не только общественную значимость того почина, инициатором которого он выступил, но и сумел понять те препятствия, те общественные недостатки, которые необходимо было бы устранить для широкого распространения новых форм сознательной борьбы народных масс, направленных на дальнейшее развитие производительных сил.

Конечно, не все инициаторы тех или иных форм сознательной борьбы за развитие производительных сил понимают в

---

[1] «Труд», 29 января 1947 г.

[2] «Труд», 1 апреля 1947 г.

полной мере и со всей глубиной общественную значимость тех начинаний, инициаторами которых они являются. Однако общая тенденция в соотношении стихийности и сознательности в этом вопросе таковы, что все больше и больше возрастает роль сознательности. Практическая значимость почина Василия Матросова состоит в том, что он дает возможность повысить производительность труда не отдельных производственников-одиночек, а всего производственного коллектива. Почин Василия Матросова означал борьбу коллектива за повышение производительности труда. По его почину на многих промышленных предприятиях началась борьба за плановое внедрение методов работы новаторов.

Так, на заводе им. Карла Маркса среднесуточная выработка на одного рабочего после обучения повысилась (к довоенному уровню)[1]:

1946 год	1947 год			
	февраль	март	апрель	май
79,3 проц.	100 проц.	111 проц.	116 проц.	119,6 проц.

Эффективность этого почина состоит и в том, что он вовлекает в сферу творческого труда не новаторов-одиночек, а весь производственный коллектив. Эта форма сознательной деятельности дает возможность массе непосредственных производителей вносить свои конкретные предложения, направленные на повышение производительности труда.

Вот почему необходимо вести решительную борьбу против тех администраторов, которые стремятся оказенить формы массовой деятельности рабочих, вогнать эти формы деятельности в узкие, бюрократически созданные берега. Выступая против стремления некоторых администраторов оказенить эту форму деятельности масс, Василий Матросов писал: «Разумеется, план стахановских методов труда принесет пользу лишь тогда, когда в его составлении будет принимать деятельное участие весь коллектив, когда он будет учитывать передовой опыт во всем его многообразии. Кое-где к этому делу подходят формально, бюрократически. Соберутся начальник цеха, председатель цехкома, несколько мастеров и технолог и за какие-нибудь два—три часа план «готов». Нам такие «кабинетные» планы не нужны. Это, по сути дела, не что иное, как отписка, — и мы, мол, поддерживаем хорошее дело»[2].

Почин Василия Матросова активизировал деятельность рабочих и представителей интеллигенции в деле борьбы за повышение своей производственно-технической квалификации. В эту борьбу вовлекались все новые и новые слои трудящихся,

---

[1] «Труд», 14 июня 1947 г.
[2] «Труд», 21 мая 1950 г.

которые использовали этот почин новатора в конкретных условиях своего производства.

Борьба передовых масс за повышение производственного уровня рабочих социалистической промышленности порождала и другие многообразные формы сознательной деятельности. Одной из наиболее распространенных и характерных для послевоенного периода форм борьбы за повышение производственно-технической квалификации рабочих в области промышленности является почин инженера Ф. Ковалева. Суть этого почина состоит в следующем: анализируя работу передовиков производства, инженер Ковалев заметил, что не все операции технологического процесса выполняются новаторами одинаково. Один новатор производства выполнял хорошо одну операцию, другой — другую. Проанализировав процесс производства на своем участке, инженер Ковалев пришел к выводу о необходимости суммирования наиболее рациональных приемов, производственных навыков труда отдельных новаторов производства в единый коллективный производственный опыт, включающий все наиболее рациональные производственные приемы и обучения всех рабочих данной профессии этому коллективному опыту.

В процессе разработки данной формы сознательной деятельности масс по развитию производительных сил наиболее ярко и полно выступает взаимосвязь роли масс и личности в осуществлении этого процесса. Рабочие фабрики, на которой работал инженер Ковалев, явились активными участниками разработанного метода борьбы за повышение производственно-технической квалификации как элемента производительных сил. Эта роль состояла в том, что их производственный опыт и навыки и борьба за развитие этих элементов производительных сил легла в основу анализа обобщенного опыта, разработанного Ф. Ковалевым. Рабочие в этом случае выступали как сила, вносящая крупицы познания в процесс совершенствования производительных сил.

Анализируя диалектику человеческого познания, В. И. Ленин указывал: «... человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из сумм относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания»[1].

Роль инженера Ковалева в разработке этой формы производственного обучения состоит в том, что, глубоко зная весь технологический процесс данного производства, зная взаимо-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 122.

связь и взаимную обусловленность каждой производственной операции, он пришел к заключению, что наивысшую производительность труда можно достичь при условии отличной работы на каждой из операций данного технологического процесса, а для этого необходимо обобщать опыт лучших производственников и распространять его среди всех рабочих данного предприятия.

Таким образом, инженер Ковалев, поняв потребности развивающегося производства, осознав противоречие в развитии производительных сил, пришел к выводу, что для разрешения данного противоречия и развития производительных сил в целом необходимо поднять производственно-технический уровень всех рабочих своего предприятия.

Кроме того, инженер Ковалев понимал общественную значимость того мероприятия, инициатором которого он выступал, ибо это мероприятие шло в направлении тех решений, которые были приняты XVIII съездом партии: повысить производственно-технический уровень рабочих до уровня работников инженерно-технического труда.

Таким образом, цель деятельности инженера Ковалева совпадала с общественными задачами, стоящими перед нашим народом. Вот почему она нашла широкую поддержку со стороны всех общественных организаций. Кроме того, метод инженера Ковалева нашел широкую поддержку и со стороны рабочего коллектива. Эта поддержка объясняется тем, что рабочие видели общественную значимость этой формы повышения производственной квалификации, т. к. она способствовала повышению производительности труда, повышению благосостояния нашего общества.

Правильно использовав принцип материальной заинтересованности, инженер Ковалев дал почувствовать рабочим, что повышение производственно-технического уровня каждым из них способствует не только непрерывному духовному обогащению, но и способствует повышению материального благосостояния каждого рабочего. Только к концу августа 1948 г. по методу инженера Ф. Ковалева было обучено 120 тыс. рабочих текстильной промышленности[1].

Таким образом, метод повышения производственной квалификации, предложенный инженером Ковалевым, давал возможность разрешить противоречие между элементами производительных сил и в условиях нашего социалистического производства совпадал с общественными целями, которые сводились к борьбе за непрерывное повышение материального и культурного благосостояния трудящихся в соответствии с увеличением производительности общественного труда.

---

[1] История профсоюзного движения в СССР, 1955, стр. 396.

Борьба за непрерывное повышение производственно-технического уровня рабочего класса нашей страны является одним из действенных средств повышения уровня развития производительных сил в промышленности, роста на базе этого производительности общественного труда и общественного благосостояния.

Таким образом, борьба за непрерывное совершенствование производительных сил, — решающее условие повышения благосостояния нашего народа. В свою очередь, повышение благосостояния народа — решающее общественное условие дальнейшего развития производительных сил.

Борьба рабочих и инженерно-технических работников за непрерывное повышение своего производственного опыта и навыков постоянно рождало и рождает новые прогрессивные формы сознательной деятельности. Необходимо оказывать всемерную поддержку в деле распространения этих форм, памятуя о том, что непрерывный технический прогресс промышленности требует постоянного обогащения знаний, умений и навыков работника.

«Все дело в том, — учит В. И. Ленин, — чтобы не довольствоваться тем умением, которое выработал в нас прежний наш опыт, а идти **непременно** дальше, добиваясь **непременно большего,** переходить непременно от более легких задач к более трудным. Без этого никакой прогресс вообще невозможен, невозможен и прогресс в социалистическом строительстве»[1].

Говоря о формах сознательной деятельности непосредственных производителей, направленных на развитие производительных сил в области промышленности, мы не можем не сказать о таких массовых формах деятельности, как производственные совещания, общественные смотры производства, коллективные договоры между администрацией и коллективом предприятия, профсоюзные собрания и т. д.

Анализируя условия и средства, необходимые для успешного социалистического строительства в нашей стране, XIV съезд партии указал, что одной из лучших форм организации деятельности масс непосредственных производителей в промышленности являются производственные совещания. «Наилучшей формой втягивания широчайших рабочих масс в дело практического строительства советского хозяйства, воспитания в них понимания тесной зависимости интересов трудящихся от степени хозяйственных успехов социалистического государства, выдвижения и воспитания новых кадров хозяйственников и администраторов из среды рабочих, являются производствен-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 172.

ные совещания при фабриках, заводах и других крупных предприятиях и хозяйствах»[1].

По мере продвижения нашей страны по пути строительства социализма роль производственных совещаний как формы сознательной и коллективной деятельности масс в деле совершенствования орудий производства, организации производственного процесса, в деле повседневного совершенствования производственно-технического опыта рабочих возрастает.

Производственные совещания являются формой коллективного участия рабочих и служащих в деле совершенствования социалистического производства. О широте охвата этой формой деятельности непосредственных производителей материальных благ говорят многочисленные примеры. Так, в 1952 году на предприятиях промышленности, транспорта и сельского хозяйства было проведено более 7 млн. производственных совещаний, на которых было внесено свыше 10 млн. предложений, направленных на улучшение производственного процесса. Свыше 8 млн. из них было внедрено в производство[2].

На прошедших в первом полугодии 1956 г. производственных совещаниях принято более 5 млн. предложений, 78,5 проц. которых выполнено[3].

На производственных совещаниях обсуждается широкий круг вопросов, связанных с улучшением работы того или иного промышленного предприятия. Основное внимание уделяется вопросам непрерывного совершенствования средств труда, непрерывному совершенствованию форм организации производственного процесса и борьбе за непрерывное совершенствование производственно-технической квалификации рабочих.

Так, например, на заводе «Москабель» по инициативе работников отделения рабочего проката № 1 была механизирована приемка фасонной меди. Благодаря творческому усилию коллектива этого отделения значительно облегчен труд прокатчиков, высвободились трое рабочих.[4]

На производственных совещаниях Челябинского тракторного завода широкий отклик получил почин В. Ворошина — помощника мастера Трехгорной мануфактуры, выступившего инициатором борьбы за повышение культуры производства.

На производственных совещаниях, которые были посвящены выявлению резервов для повышения культурного уровня производственного процесса менее чем за месяц поступило свыше двух тысяч предложений, 1212 из которых было внедрено в производство. Наряду с мероприятиями, направленными на наведение чистоты и порядка в цехах и на территории

[1] КПСС в резолюциях и решениях... ч. II, стр. 98—99.
[2] История профсоюзного движения, стр. 426.
[3] «Правда», 28 декабря 1956 г.
[4] Там же.

завода, на улучшение состояния связи большое внимание уделялось вопросам борьбы за распространение наиболее эффективного оборудования, наиболее рациональных форм организации и рациональных приемов и методов работы.

На заводе в 1949 году было создано 135 комплексных бригад, с помощью которых на 600 операциях были внедрены режимы скоростного резанья, что повысило режимы резанья в 1,5—2 раза. Это дало экономию в 65,5 нормо-часов.

На заводе была пересмотрена организация технологического процесса на отдельных операциях.

Так, на сварных работах более четкое разделение труда и специализация сварщиков на отдельных операциях привели к повышению производительности труда в 2 раза.

Почин В. Матросова о плановом внедрении в производство лучшего производственного опыта был также высказан и получил широкую поддержку у рабочих и инженерно-технических работников на производственном совещании.

Производственные совещания, таким образом, являются действенной формой борьбы широких масс рабочих и инженерно-технического персонала предприятий в деле непрерывного совершенствования производительных сил в области промышленности. Эта форма деятельности масс знаменательна еще и тем, что она способствует изменению сознания рабочих и служащих. Она приучает рабочего смотреть на свою деятельность не как на деятельность одиночки, а как на деятельность человека, творящего в интересах коллектива, в интересах всего общества. На этих совещаниях рабочий лучше, полнее понимает общественную значимость своей трудовой деятельности, ибо его деятельность получает общественное признание. Производственные совещания прививают рабочему чувство ответственности за судьбу предприятия, приучают рабочего чувствовать себя хозяином на предприятии, воспитывают у рабочего способность к хозяйственно-организаторской деятельности. Вовлечение широчайших масс трудящихся к повседневному выполнению хозяйственно-организаторских функций на промышленных предприятиях способствует повышению уровня хозяйственно-организаторской деятельности нашего государства в период постепенного перехода от социализма к коммунизму и подготовляет условия для последующего отмирания политико-административных функций в области производства.

Примерно такую же роль выполняют и общественные смотры производства, заключение коллективных договоров и профсоюзные и производственные собрания коллективов предприятий. Общественные смотры состояния производства как коллективная форма сознательной деятельности масс в промышленности имеют своей целью использовать богатей-

ший опыт и творческую инициативу масс для повышения уровня работы предприятия вообще, для непрерывного совершенствования производительных сил промышленности—в особенности.

Так, например, на Кировском заводе в Ленинграде был проведен общественный смотр состояния производства с целью устранения недостатков, мешающих ритмичной работе предприятия.

Для проведения смотра была образована общезаводская комиссия, которая привлекла к работе до 6 тысяч рабочих и служащих. Помимо констатации недостатков, комиссия главное внимание уделяла вопросу учета практических предложений, направленных на повышение уровня работы предприятия. За счет внедрения в производство поступивших предложений завод получил экономию в 524 нормо-часа, было сэкономлено 98 тонн различных материалов, 374 тонны топлива, 65 тысяч квтчас. электроэнергии. В денежном выражении это составляло 10 млн. 700 тыс. руб. Эта экономия была осуществлена за счет дальнейшего совершенствования производственного процесса: за счет совершенствования орудий производства, за счет внедрения передового опыта работы, за счет улучшения организации производства, за счет экономии сырья и вспомогательных материалов.

Так, по инициативе комиссий за два месяца работы было создано 20 поточных линий, переведено на скоростные режимы резанья 35 фрезерных и токарных станка. Это высвободило 12 токарей, 5 фрезеровщиков, 4 сверловщика, 2 настройщика и 16 слесарей. Производительность труда повысилась на 11,4 проц.[1]

Таким образом, коллективная форма деятельности рабочих и служащих позволила проникнуть в суть производственного процесса, вскрыть имеющиеся возможности (резервы) роста и поставить их на службу народного хозяйства.

Могучим средством, действенной формой мобилизации трудовой активности масс производителей на промышленных предприятиях является заключение коллективного договора между администрацией и трудовым коллективом данного предприятия. Если в условиях капитализма коллективный договор является средством защиты, средством обороны классовых интересов пролетариата от посягательства капиталистов, то в условиях социалистического производства основное назначение коллективного договора состоит в мобилизации творческой активности рабочих и инженерно-технических работников и использования этой энергии для осуществления дальнейшего

---

[1] Карамышев и Бородкин. В борьбе за технический прогресс, стр. 85—87, 89.

совершенствования социалистического производства, для повышения материального и культурного уровня жизни рабочих и служащих.

«Рабочие и служащие, — указывалось в постановлении XVI пленума ВЦСПС от 17 —21 апреля 1947 года, — активно участвуют в обсуждении коллективных договоров, вносят много ценных предложений по организации труда и производства и улучшению культурно-бытового обслуживания трудящихся. Обсуждение коллективных договоров на рабочих собраниях помогает шире развернуть деловую критику недостатков в работе предприятий и профсоюзных организаций, способствует дальнейшему росту политической сознательности широких масс рабочих и служащих»[1].

О массовости этой формы сознательного воздействия непосредственных производителей материальных благ на уровень и темп развития производительных сил говорят следующие данные: на собраниях, посвященных заключению коллективных договоров на 1947 г., присутствовало не менее 90 проц. рабочих и служащих, выступило свыше 880 тыс. рабочих, внесено было более 700 тыс. предложений, половина из которых касалась улучшения организации труда, механизации трудоемких работ, усовершенствования технологических процессов, улучшения техники безопасности[2].

Большое место в коллективном договоре отводится вопросам новой техники, трудового опыта и новых форм организации производственного процесса, большое внимание уделяется вопросам рационализации и изобретательства.

Широкое участие народных масс в делах управления и организации производства сочетается в нашей промышленности с последовательным осуществлением принципа единоначалия. В своей работе «Очередные задачи советской власти» В. И. Ленин писал по этому поводу: «Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с **железной** дисциплиной во время труда, с **беспрекословным повиновением** — воле одного лица, советского руководителя, во время труда»[3]. В сочетании принципа единоначалия и широкого демократизма нашли свое отражение требования основных сторон социалистического способа производства. На самом деле: современные производительные силы в области промышленности достигли высокой степени обобществления.

Так, например, в обрабатывающей промышленности СССР

---

[1] Постановление пленумов ВЦСПС (девятого созыва). Профиздат, 1949, стр. 315—316.

[2] Там же, стр. 338.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 241.

в 1950 г. на предприятиях, имеющих 1000 и более рабочих, было занято 62 проц. всех рабочих и служащих, и эти предприятия выпускали 70 проц. всей продукции. В обрабатывающей промышленности США на соответствующих предприятиях было занято 32 проц. всех рабочих и служащих, и эти предприятия выпускали 34 проц. всей продукции[1].

Сосредоточение огромной армии людей, выполняющих отдельные частичные операции, единого технологического процесса, настоятельно требуют правильного использования наиболее рациональных форм организации производственного процесса, подчинения воли отдельных индивидов воле одного лица. «... Известный авторитет, каким бы образом он ни был создан, а с другой строны известное подчинение — независимо от какой бы то ни было общественной организации — обязательны для нас в силу материальных условий, при которых происходит производство и обращение продуктов»,[2] — писал Энгельс в статье «Об авторитете».

Таким образом, принцип единоначалия на наших социалистических промышленных предприятиях является результатом осознания партией и народом требований развивающегося социалистического производства, является методом сознательной деятельности руководителя, соответствующим требованиям непрерывного совершенствования производительных сил.

Однако в условиях социалистического производства единоличный руководитель предприятия не является собственником средств производства, которые необходимы для осуществления руководимого им процесса.

Он является уполномоченным государства, слугой народа, выполняющим определенные производственно-технические функции. Равное отношение граждан нашей страны к средствам производства, положение хозяина по отношению этих средств производств — возлагает на каждого труженика нашей социалистической промышленности обязанность повседневно бороться за непрерывное совершенствование социалистического производства. Примером этой заботы являются многообразные формы сознательной деятельности масс, о которых говорилось выше.

Таким образом, у руководителей промышленных предприятий и армии непосредственных производителей материальных благ в нашей стране наблюдается единство цели в их деятельности: и руководители и руководимые борются за непрерывное совершенствование производительных сил; и руководители и

---

1 Ноткин А. И. Материально-производственная база социализма, М., 1954, стр. 74.

2 К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, М., 1949, стр. 590.

руководимые заинтересованы в преумножении общественного богатства страны, ибо они знают, что это является единственным источником повышения их личного благосостояния. Исходя из этого, партия и правительство постоянно указывают на необходимость сочетания единоначалия и использования творческой активности народа в деле дальнейшего совершенствования социалистического производства.

Нельзя, конечно, полагать, что единоначалие и использование творческой инициативы масс, составляя суть метода управления нашими социалистическими предприятиями, не могут не вступать в противоречие друг с другом. Противоречия этого рода возникали и возникают на отдельных участках нашего социалистического строительства. Возникновение противоречий между отдельными руководителями и производственными коллективами отрицательно сказывается на уровне и темпе развития данного производства. Своевременное устранение этих противоречий является необходимым условием быстрого развития и совершенствования производительных сил в промышленности.

* * *

Рассмотрев вопрос о формах сознательной деятельности масс, направленных на постоянное совершенствование производительных сил в области промышленности, мы должны сделать некоторые выводы.

Появление многообразных форм сознательной деятельности масс в период постепенного перехода от социализма к коммунизму — явление не случайное.

В этом факте проявляется требование социологического закона о взаимосвязи исторического действия с объемом массы его исполнителей. В формах сознательной деятельности работников социалистической промышленности и находит свое проявление данный закон.

В отличие от предшествующих формаций советский народ, руководимый Коммунистической партией, все шире и шире выступает в роли не стихийного исполнителя требований этого закона, а в роли сознательного творца, разрабатывающего наиболее целесообразные формы борьбы, соответствующие определенному этапу развертывания этой закономерности.

Многообразные формы сознательной деятельности имеют под собой объективное основание. Они, в конечном счете, зависят от потребностей развивающегося производства, от наличных материальных ресурсов, необходимых для реализации определенных планов.

Так, движение рационализаторов и изобретателей имеет под собой определенную экономическую базу, необходимую для развертывания активной деятельности масс.

Необходимо эту экономическую базу всемерно расширять

с тем, чтобы большая масса рабочих и инженерно-технических работников вовлекалась в активную борьбу за развитие производительных сил нашей промышленности.

В многообразных формах сознательной деятельности масс проявляется глубокое осознание работниками промышленности противоречий развития нашей экономики, умение правильно использовать материальные возможности, и активная борьба за превращение возможностей в действительность.

Анализ возникновения и развития форм сознательной деятельности советского народа дает возможность сделать вывод о том, что развитие этих форм идет по направлению от единичности, и до некоторой степени случайности, ко всеобщности и необходимости.

Если на первых ступенях развития социалистического общества инициаторами новых форм сознательной деятельности выступали отдельные представители трудящихся, то в современных условиях все большее и большее распространение получают коллективные формы борьбы трудящихся за непрерывное совершенствование производительных сил.

Создание комплексных бригад рационализаторов и изобретателей, комплексные бригады борьбы за модернизацию оборудования, коллективные формы обсуждения производственных вопросов на собраниях, совещаниях и советах с целью совершенствования производительных сил, коллективные формы контроля за осуществлением намеченных мероприятий (коллективные смотры оборудования, производственные совещания и т. д.) являются примером восхождения форм сознательной деятельности от единичности ко всеобщности.

Советский народ под руководством Коммунистической партии борется за устранение всех препятствий, мешающих вовлечению рабочих и инженерно-технических работников в эту борьбу.

Переход от единичных форм сознательной деятельности ко всеобщим происходит через преодоление инертных сил на различных участках социалистического строительства. Чем быстрее эти силы устраняются, тем быстрее осуществляется данный переход, тем быстрее развивается социалистическая промышленность.

Возникновение коллективных форм сознательной деятельности рабочих и инженерно-технических работников промышленности ни в коей мере не умаляет и не сковывает личной инициативы каждого труженика данного коллектива, не устраняет возможности возникновения индивидуальных форм борьбы за совершенствование производительных сил. Напротив, коллективные формы деятельности работников промышленности способствуют росту производственной активности каждого индивида за счет товарищеской поддержки и взаимопомощи.

О влиянии коллектива на формирование и развитие творческой инициативы у рабочих очень хорошо сказал бывший токарь завода «Красный пролетарий» В. Сувиров: «...как и на заводе, я знал, что чувство локтя — великая сила. Когда ты уверен, что рядом с тобой надежный друг, всегда готовый тебе помочь, — ты становишься в десять раз сильнее»[1].

Переход от единичных форм сознательной деятельности ко всеобщим (коллективным) означает дальнейшее устранение случайности и стихийности в борьбе советского народа за непрерывное совершенствование производительных сил.

На самом деле в единичных формах деятельности элемент случайности имеет место. Он проявляется в том, что на этой ступени сознательной деятельности экономическая необходимость проявляется через деятельность отдельной личности, которая в той или иной мере познала эту объективную необходимость и борется за ее реализацию.

Таким образом, реализация объективной необходимости поставлена в зависимость от воли случая (найдется ли быстро личность, способная подметить и реализовать данную необходимость).

Процесс планомерной и организованной работы по созданию коллективных бригад, борющихся за постоянное совершенствование производительных сил, уменьшает зависимость реализации определенной экономической потребности от воли случая.

Указание партии и правительства о необходимости вовлечения широчайших масс советского народа в эту борьбу и претворение этих указаний в жизнь дает возможность еще больше устранить эту зависимость.

Переход к коллективным формам деятельности работников социалистической промышленности означает дальнейшее уменьшение элемента стихийности и увеличение объема сознательности и целенаправленности в этом процессе. Уменьшение стихийности проявляется в том, что работа коллективных бригад по рационализации и изобретательству, работа целых производственных коллективов все больше и больше подчиняется строгому планированию. Разрабатываются планы рационализации и изобретательства, осуществляется планирование модернизации оборудования, планируется работа по реорганизации форм производственного процесса, планируется работа по передаче передового опыта.

Уменьшение стихийности и увеличение сознательности и целенаправленности в рамках коллективных форм борьбы советского народа сказывается еще и в том, что эта форма дает возможность глубже и всесторонне понять общественную зна-

---

[1] Сила коллектива, «Московский рабочий», 1957, стр. 292.

чимость того начинания, инициатором которого выступает данный коллектив, она дает большие возможности в преодолении сопротивления рутинеров при внедрении данного почина.

Усиление роли сознательности и целенаправленности не означает того, что со стихийностью в возникновении, а главное — распространении коллективных форм сознательной деятельности все покончено и вести борьбу со стихийностью уже не следует.

На самом деле вести борьбу со стихийностью нужно и должно. Эту борьбу необходимо вести в направлении более глубокого и продуманного планирования, за счет создания благоприятных производственных условий для широкого распространения этих форм сознательной деятельности масс, за счет решительной борьбы со всеми рутинерами и бюрократами, мешающими превращению этих форм во всеобщие.

Появление и широкое распространение коллективных форм сознательной деятельности масс означает, что эта деятельность поднялась на новую, высшую ступень развития.

Этот переход свидетельствует об усилении творческой роли нашего народа, он свидетельствует о росте сознательности широчайших народных масс, он свидетельствует о том, что только новые общественные условия дают возможность массе непосредственных производителей, опираясь на достижения науки и техники, выступать в роли творцов нового общественного строя в самой необходимой и жизненно важной сфере общественной жизни — в сфере промышленного производства.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

Том XII Выпуск 2

В. И. ЧЕРНОВ
Кандидат философских наук, доцент

ОБ ОСНОВАНИИ ДЕЛЕНИЯ СУЖДЕНИЙ ПО МОДАЛЬНОСТИ

Книга по логике, изданная Институтом философии АН СССР[1], вводит в науку ряд новых положений. Введение новых понятий и положений, двигающее науку вперед, — существенное право автора. Однако из этого права вытекает непреложная обязанность **обосновывать** новые положения.

Почти полное отсутствие обоснования новых положений — самый существенный недостаток новой книги по логике. Книга издана Госполитиздатом, следовательно, рассчитана на более или менее широкие круги читателей. В такой книге указанный недостаток тем более серьезен. Его не извиняет и заявление редакции о том, что книга не претендует на исчерпывающее изложение, что не все проблемы охвачены, не все вопросы изложены с одинаковой полнотой (стр. 3).

Книга дает нечто новое, и, к сожалению, необоснованное в трактовке вопроса о делении суждений по модальности. Рассмотрением этого вопроса мы и ограничимся.

По модальности суждения обычно делят на ассерторические, аподиктические и проблематические. Новая книга по логике переводит названия первых двух видов суждения на русский язык и рекомендует ассерторические суждения называть суждениями действительности, а аподиктические — суждениями необходимости. Против такой замены названий, уже имевшей место в литературе по логике, возражать не приходится.

Сложнее обстоит дело с проблематическим суждением. В книге это суждение называется суждением возможности, и автор глав, посвященных суждению, П. В. Таванец, решительно высказывается против старого названия этого вида суждения на том основании, что оно «толкает на неправильное понимание суждения возможности как недостоверного суждения. Между тем суждения этого вида могут быть не менее достовер-

[1] Логика. Госполитиздат, М., 1956.

ными, чем суждения действительности и необходимости» (стр. 101).

Изменение названия этого вида суждения также не вызывает возражений. Однако основание изменения названия нам представляется странным. Так как вместо доказательства автор приводит только примеры, нам придется рассмотреть их.

Пример 1. «Строительство коммунизма может быть ускорено». Данное суждение автор считает суждением возможности, поскольку в нем утверждается **возможность.** На самом же деле это суждение является суждением **действительности,** а не возможности. Возможность, о которой здесь идет речь, есть неотъемлемый признак и род действительности, ибо имеется в виду **реальное, фактическое,** а не возможное состояние действительности. Это суждение ничем не отличается от других суждений действительности. Правда, оно имеет в виду **возможность** ускорения строительства коммунизма, но эта возможность есть реальный факт самой действительности, столь же непреложный, как и тот факт, что «Ныне советский народ завершает строительство социализма и осуществляет постепенный переход к коммунизму», приводимый автором в качестве примера суждения действительности.

По-видимому, П. В. Таванца ввело в заблуждение имеющееся в суждении выражение «может быть». Однако здесь оно служит логическим и грамматическим средством выражения реальной возможности. Различие между самой реальной действительностью и ее внутренними потенциями (реальной возможностью) является существенным различием форм объективно-реального бытия, и оно очень важно для диалектического материализма, изучающего природу, основные формы и наиболее общие законы развития бытия. Это различие, разумеется, сохраняется и в мышлении, но лишь как различие **содержания** мысли, не задевающее ее формы. А логика изучает именно **формы** мышления, безусловно, определяющиеся содержанием, но непосредственно — лишь содержанием **мышления** (в данном случае — глубиной познания действительности), и лишь в конечном счете — объективным содержанием, т. е. самой объективной реальностью.

Различие между возможностью (реальной) ускорения строительства коммунизма и самим ускорением не совпадает непосредственно с различием суждений об ускорении строительства коммунизма. Различие суждений определяется движением самого познания, ибо мышление не только определяется действительностью, но и направлено от субъекта к объекту, выражает степень приближения субъекта к объекту, — степень освоения объекта.

Первый этап познания—предположение о действительности. В нашем конкретном случае — предположение о возмож-

ности ускорения строительства коммунизма по формуле: «Возможно, строительство коммунизма может быть ускорено». Это и есть суждение возможности или проблематическое. Разумеется, предположение, выражаемое суждением возможности, может опираться на самое глубокое и достоверное знание действительности и само быть чрезвычайно глубоким.

Это предположение толкает нас на изучение, исследование действительности, которое резюмируется достоверным выводом о ней по формуле: «Строительство коммунизма может быть ускорено». Здесь «может быть» уже не синоним «возможно», а достоверное знание; и выражается это знание суждением действительности, независимо от того, что предметом суждения являются потенции (возможности) действительности.

Здесь познание доходит до ступени практики, и дальнейшее развитие его возможно лишь в форме перехода в воление по формуле: «Строительство коммунизма должно быть ускорено». Этот завершающий этап познания возможности ускорения строительства коммунизма находит свое выражение в виде суждения необходимости, выступающей в форме долженствования.

Дальнейшее развитие рассматриваемой нами материи возможно лишь как практический результат воления: действительное ускорение строительства коммунизма (в результате реализации возможностей). Это уже реальная практика, которая могла бы быть выражена суждением действительности.

По мысли П. В. Таванца, переход от суждения возможности к суждению действительности совершается, видимо, лишь на этой ступени. На самом же деле здесь качественно меняется сам предмет суждения: предмет мысли здесь уже не реальная, а реализованная возможность, т. е. сама действительность, которую мы описываем уже просто как реальный факт независимо от того, реализацией какой возможности она является. Здесь мы переходим от модификаций одного предмета суждения к совершенно другому суждению. Модификации этого нового суждения—совершенно другие: «Возможно, что строительство коммунизма ускоряется» (суждение возможности), «Строительство коммунизма ускоряется» (суждение действительности), «Ускорение общественного развития при социализме — непреложный закон действительности» (суждение необходимости).

Суждения «Строительство коммунизма может быть ускорено» и «Строительство коммунизма ускоряется» — не есть суждения разных форм. Это суждения одной и той же формы, но разных предметов. «Возможность» в первом суждении относится не к форме суждения, а к его содержанию. Предмет этого суждения — возможность ускорения. По форме же это — суждение действительности, раз мы утверждаем реальное, дей-

ствительное существование этого предмета. Предмет второго суждения — ускорение. По форме это тоже суждение действительности.

Суждения действительности охватывают любую действительность: прошлую, настоящую и будущую, реальную и потенциальную.

Суждения возможности охватывают любое предположение о бытии или небытии чего-либо, причем—также любом: прошлом, настоящем или будущем, необходимом или случайном.

Все сказанное о суждении «Строительство коммунизма может быть ускорено» относится и ко второму примеру «достоверного суждения возможности»: «Я могу выиграть эту партию в шахматы».

Этот пример — тоньше, сходство с суждением возможности (т. е. проблематическим) здесь гораздо большее, так как в скрытой форме здесь содержится предположение о выигрыше, не исключающее и противоположной возможности, и нет лишь одного, единственно необходимого для суждения возможности: явного, прямого предположения.

Точно так же не является суждением возможности и мысль: «Вода может замерзнуть». При трактовке этого суждения как суждения возможности действительность суживается до непосредственно происходящего. На самом же деле действительность — это не только то, что есть, но и то, что обязательно бывает при определенных условиях. Замерзать при определенных условиях есть общее свойство воды, действительность, а не возможность, которая может и не состояться. Поэтому и суждения о свойствах, обнаруживающихся как непосредственная действительность лишь при определенных условиях, всегда есть суждения действительности. Хотя условия, при которых эти свойства обнаруживаются, не упоминаются в суждении, но они имеются в виду.

Пример 4. «Облигация 3-процентного выигрышного займа может выиграть 100 тысяч рублей». Это простое описание одного из действительных условий выпуска займа. Причем выиграть 100 тысяч может любая облигация займа. Суждение дает точное, адекватное описание действительности. Несмотря на то, что признак «выиграла 100 тысяч рублей» в будущем будет принадлежать лишь некоторым облигациям 3-процентного займа, сейчас он в качестве действительной возможности принадлежит каждой облигации этого займа. Пока речь идет об условиях займа, а не о результатах его розыгрыша, возможность крупного выигрыша входит в **содержание** признака, который приписывается предмету. Признак здесь не «выиграть 100 тысяч рублей», а «возможность выиграть» эту сумму. Принадлежность этого признака предмету утверждается не как возможная, а как **действительная.** Это — не только суждение

действительности, но и **истинное** суждение действительности, поскольку или если оно точно выражает условия займа. Таким образом, это суждение **действительности о возможности выигрыша,** а не суждение **возможности о выигрыше.** В суждениях возможности возможность не входит в содержание признака, а является модусом отношения признака к предмету. Ведь во всех рассмотренных примерах якобы суждений возможности мы постоянно сталкивались с тем, что «предмет **может»** и отношение этого «может» к предмету везде утверждалось как действительное.

Чтобы перейти от рассмотренного вида суждения действительности к суждению возможности, нужно в мысли признак, реально присущий действительности как ее **возможность,** превратить в **действительный** признак, **возможно** присущий действительности, т. е. возможность чего-то, как признак, превратить в действительное что-то, возможно присущее: присущую возможность превратить в возможно присущее, извлечь возможность из **содержания** признака и перенести ее на **отношение, связь** признака с предметом.

По аналогичным причинам не могут быть отнесены к суждениям возможности и другие приведенные в книге суждения, например, суждение о возможности засухи в Поволжье (стр. 102), суждение о том, что «Заболевания гриппом могут сопровождаться высокой температурой», или такие суждения, как «Рабочий класс Германии мог в 1932 г. нанести поражение фашизму», «Я могу в будущем году стать студентом МГУ».

Основным недостатком данной точки зрения на суждение возможности является то, что форма суждения здесь оказалась поставленной в полную зависимость от предмета суждения, от его конкретного содержания.

Насколько неверно исходить в определении формы суждения из того, что именно в нем утверждается, может показать следующий пример: «Этот признак случаен». **Что** утверждается здесь: возможность, действительность или необходимость признака? — Ни то, ни другое, ни третье. Утверждается **случайность** признака. Предлагаемое книгой деление суждений по модальности с точки зрения положенного в качестве основания признака (что утверждается) оказывается неисчерпывающим. Однако совершенно очевидно, что нельзя дополнить предлагаемое деление еще одним членом деления — суждением случайности. Предложенное нами суждение о случайности признака утверждает этот характер признака как действительный, и, следовательно, является суждением действительности.

Возьмем другой пример. «Возможно, что этот человек — мой брат». По логике «Логики» здесь «утверждается возможность чего-либо». Фактически же это суждение о действительности, а не о возможности. Если мы отбросим в нем «возмож-

но», то получим суждение, в котором «утверждается действительность чего-либо», т. е. суждение действительности. Присоединение к этому суждению понятия «возможно» превращает это суждение в **предположение** о действительности, а не в «утверждение возможности».

Далее автор заявляет, что «Языковым показателем того, что в предложении выражено суждение возможности, является наличие в нем слова «возможно» (стр. 102). С этим положением нельзя не согласиться. Но странным является то, что сам автор игнорирует указанный критерий. В его примерах нет ни одного с этим «языковым показателем»! Вместо слова «возможно» он употребляет слова «мог», «могу» и др. Но разве «мог» или «могу» есть «возможно»? Разве суждения «Я могу стать студентом» и «Возможно, я стану студентом» адекватны? Или, может быть, наличие слова «возможно» в суждениях возможности необязательно?

К тому же, разве «возможно» — единственный языковый показатель суждения возможности? А «может быть» (как вводный оборот речи), «кажется», «вероятно», «по-видимому»? Но так пишется «Логика»: без претензий на обстоятельность.

Грамматический (языковый) признак суждения возможности — сложно-подчиненное предложение по типу: «Возможно, что...» Другой вариант — простое предложение с вводным словом «возможно» или синонимичным ему словом, или выражением. И это слово всегда выражает возможность вообще, а не конкретную возможность чего-то. Хотя содержание этой «возможности вообще» всегда указывается конкретно, выступает она как род бытия вообще, отличный от действительности. А конкретное содержание, которое вкладывается в «возможность вообще», всегда относится к действительности (действительному бытию). Род бытия «возможности вообще» — сфера субъективного. Отраженное мыслью действительное бытие, вкладываемое в этот род, оказывается мыслимым бытием. Это мыслимое бытие есть отражение реального бытия, но такое отражение, в истинности которого не убежден сам субъект: оно есть предполагаемое бытие. «Возможность вообще» как род бытия и образует ту форму мысли, которой является суждение возможности.

Это суждение **утверждает** нечто, но содержанием этого утверждения является **возможность.** Суждение утверждает наличие возможности вообще и ничего больше. Вводное слово «возможно» исчерпывает содержащееся в суждении утверждение. Утверждение этой возможности по отношению к ее конкретному содержанию оказывается уже **предположением.** Переход от утверждения возможности вообще к утверждению ее конкретного содержания оказывается переходом от возможности к действительности. Суждение возможности состоит из двух

относительно самостоятельных частей, каждая из которых является утверждением: первая — возможности вообще, вторая — конкретной действительности. Соединение этих двух разнородных утверждений в единую форму и дает своеобразную диалектику суждения возможности: утверждаемое второй частью бытие благодаря первой оказывается лишь мыслимым бытием; возможность же, полагаемая первой частью как бытие, без второй части не обладает реальным содержанием, а наполняясь им, становится предположением о бытии.

В суждениях возможности возможность неизбежно выступает, во-первых, как **форма**, и, во-вторых, как форма именно **суждения,** т. е. мышления о действительности, и в этом ее глубокое отличие от возможности, о которой может идти речь также и в суждениях действительности: здесь возможность полагается как род самой **действительности,** а не мышления, и, во-вторых, отраженная мыслью, она образует ее **содержание,** а не форму. Различие суждений «возможно, есть» и «есть возможно» в том и состоит, что в одном случае возможность выступает как мысль о действительности, в другом — как сама действительность (лишь отраженная мыслью), в одном случае речь идет о возможной (предполагаемой) действительности, в другом — о действительной (утверждаемой) возможности.

Возможность и во втором случае, т. е. реальная возможность, не утрачивает своего отличия от действительности, ибо возможность «чего-то» не есть действительность этого «чего-то». Но она не есть нечто просто не существующее, она существует действительно, реально именно как возможность. Если в действительности вещи нет, но есть ее возможность, тогда действительностью, столь же непреложной, как отсутствие самой вещи, является возможность этой вещи.

По отношению к отдельному бытию его возможность не есть его действительность, но и только. Из этого не вытекает, что возможность этой вещи не есть действительность вообще. Возможность этой вещи действительно существует, логическое понятие «действительности», выступающее в суждениях в виде их модуса, охватывает все действительно существующее (точнее — **полагаемое** таковым, ибо любое суждение может быть истинным или ложным), следовательно, и эту возможность, как впрочем и любую другую реальную возможность.

Таким образом, различие между реально возможным и действительным бытием для логики оказывается **внутренним** различием действительности. Это глубокое, качественное, но — внутреннее различие действительности. Его изучает объективная диалектика. Для логики же, изучающей **формы** мысли, это лишь внутреннее различие **содержания** мысли. Содержание мысли для логики далеко не безразлично. Тем более важно

для нее такое серьезное различие этого содержания, каким является различие между возможностью и действительностью. Логика сохраняет и учитывает его, но от этого оно не становится различием форм суждений.

Объективная диалектика бытия находит свое отражение в мышлении, не только в содержании мышления, но и в его формах. Свойство бытия постоянно порождать новые возможности и изменяться путем превращения их в действительность, наличие объективной необходимости и объективной случайности, невозможность исчерпывающего индивидуального знания течения конкретной действительности определяет наличие таких форм мышления, как возможность, действительность, необходимость. В конечном счете они являются отражением соответствующих форм бытия, но как всякое мысленное отражение— относительно самостоятельным отражением. Будучи формами мышления, они непосредственно определяются самим мышлением. Выбор формы суждения для выражения знаний зависит от многих обстоятельств. Логика изучает не все эти обстоятельства, но самое важное — глубину познания действительности — она указывает. Движение познания от предположения к знанию факта, и от него — к раскрытию его необходимой природы и образует реальное гносеологическое основание деления суждений по модальности. Формы суждений, образованные делением по модальности, различаются, следовательно, не тем, **что** они утверждают, а тем, **как** они утверждают: предположительно, как реальный факт или как необходимый факт («должно быть, есть», «есть», «должно быть» или «есть по необходимости»).

Впервые суждения о возможности и их отношение к суждениям других содержаний и форм исследовал Аристотель. Но он интересовался реальной возможностью, слабо различал утверждение возможности («А может быть Б») и возможность как предположение о действительности («Возможно, что А есть Б»). Значение этого различия, неясное для Аристотеля, должно быть совершенно очевидным для нас, также как и значение того обстоятельства, что члены деления суждений по модальности исключают друг друга только как ступени познания, приближения субъекта к объекту. Деление самой объективности на возможность, действительность и необходимость оказывается логически неправильным (перекрещивающимся и неисчерпывающим): необходимость и возможность, необходимость и действительность не исключают друг друга, отсутствует случайность.

Причина допущенных «Логикой» противоречий кроется, как нам представляется, в смешении объективной и субъективной диалектики, в упрощении процесса отражения. Формальную логику следует разрабатывать с учетом и объективной, и субъективной диалектики, и их различия.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

Том XII Выпуск 2

А. М. СОХОР

Аспирант кафедры педагогики

ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ И НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Педагогический анализ научно-популярной и научно-художественной литературы должен выявить и объяснить объективные закономерности этих видов литературы как важного средства коммунистического воспитания подрастающих поколений.

В. И. Ленин охарактеризовал научно-популярную литературу как «ряд учебников для народа» (1, 280)[1].

Научно-популярная и научно-художественная литература для школьников расширяет и углубляет знания учащихся, способствует совершенствованию их познавательных способностей, учит их находить радость в труде и помогает на основе всего этого выработке марксистского мировоззрения и коммунистической морали. Вызванные средствами научно-популярной и научно-художественной литературы интерес к знаниям, личностное отношение к ним во много раз увеличивают эффективность действия учебников и вообще школьного и всякого иного учения.

Научно-популярная литература помогает перейти от школьного учебника к научной книге и статье. Педагогический анализ должен определить закономерности подготовки этого перехода в научно-популярных и научно-художественных произведениях.

Школьник изучает не науки как таковые, а основы наук — в виде учебных предметов, входящих в программу средней школы. Поэтому учебник (и не только средней школы, но и вы-

[1] Здесь и ниже в скобках дается ссылка на приведенный в конце статьи список научной литературы и, если требуется, — на страницу соответствующей работы.

Ссылки на научно-популярные книги даны непосредственно в тексте. Для уточнения изданий в конце статьи приводится список цитированной научно-популярной литературы.

сшей) — это тоже своего рода научно-популярное произведение. Ленинское определение научно-популярной литературы как ряда учебников для народа не случайно. Теория учебника не исчерпывается теорией научно-популярной литературы, как и наоборот, но они тесно связаны между собой.

Многие материалы научно-популярной и научно-художественной литературы используются учителями непосредственно на уроках. Об этом свидетельствуют, например, имеющиеся в Ленинградском филиале Дома детской книги отзывы ряда учителей на научно-популярные и научно-художественные книги. Как известно, В. И. Ленин, предлагал учителям школ использовать для обучения научно-популярную книгу И. И. Скворцова-Степанова о плане ГОЭЛРО (2). С другой стороны, научно-популярная и научно-художественная литература вобрала в себя богатый опыт лучших учителей, использовала данные педагогической науки. Следовательно, педагогический анализ научно-популярной и научно-художественной литературы на надлежащей ступени разработки его может иметь более общее значение, чем только помощь авторам соответствующих произведений и педагогам, руководящим чтением школьников, хотя и эта задача не может считаться маловажной.

Облегчение процесса познания, поиски наиболее действенных методов изложения трудных для понимания и усвоения вопросов всегда составляли одну из важнейших задач научно-популярной и научно-художественной литературы. Можно считать установленным, что интерес, эмоциональный подъем ведут к резкому снижению утомляемости школьников.

Поэтому педагогический анализ научно-популярной и научно-художественной литературы может принести большую пользу в борьбе с перегрузкой школьников.

Задача борьбы с формализмом в знаниях учащихся представляется весьма важной в связи с общими задачами советской школы на современном этапе. В борьбе с формализмом знаний научно-популярная и научно-художественная литература способна оказать большую помощь уже в силу своих специфических особенностей, которые, как указано ниже, несовместимы с формальными знаниями.

Советская педагогика является научной базой советской детской литературы. Органическая связь научно-популярной и научно-художественной литературы с педагогикой определяет необходимость педагогического анализа этих видов литературы, как и то обстоятельство, что многие выводы такого анализа имеют более общее значение, выходящее за пределы рассматриваемых видов литературы.

Педагогический анализ научно-популярной и научно-художественной литературы может быть плодотворным лишь в том случае, если он проводится на единственно научной методоло-

гической базе марксистско-ленинской философии. Ряд ленинских высказываний о популярной литературе определяет основные принципы научного анализа ее. Специального изучения ждут популярные работы основоположников марксизма-ленинизма.

Важнейшее значение для педагогического анализа научно-популярной и научно-художественной литературы имеют работы Н. К. Крупской, А. М. Горького, Д. И. Писарева, К. А. Тимирязева.

Самый характер педагогического анализа литературы определяет его тесную связь с педагогикой и педагогической психологией. Научно-популярной и научно-художественной литературе посвящен ряд ценных работ советских ученых-педагогов и психологов (А. Г. Калашникова, Т. Д. Корнейчика, Н. Г. Морозовой, А. А. Яковлева, Е. Я. Пастух и др.), а также писателей (О. Н. Писаржевского, М. Я. Ильина и др.).

Педагогический анализ научно-популярной и научно-художественной литературы может строиться только на основе обобщения богатого опыта этих видов литературы.

Поскольку научно-популярная и научно-художественная литература рассчитана на определенное педагогическое воздействие на читателей, необходимо изучать это воздействие, как оно сказывается на читателе-школьнике. Именно педагогический эффект научно-популярной и научно-художественной литературы является критерием истинности выводов анализа ее.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы на основе педагогических требований к научно-популярной и научно-художественной литературе рассмотреть главные проблемы дидактической обработки научного материала в научно-популярной и научно-художественной литературе по технике, физике, химии, математике и другим близким к ним отраслям знания, предназначенной для учащихся старшего школьного возраста (8—10 классы). При этом имеется в виду, что дидактическая обработка научного материала представляет собой неразрывное единство определенной логической структуры содержания и методов формирования познавательных интересов. Обращение к литературе по технике, физике, химии, математике и близким к ним отраслям знания соответствует той роли, какую научно-популярная и научно-художественная литература играет в системе политехнического обучения.

* * *

«Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формулирования, образования понятий, законов etc...» (3, 176).

Абстрактное мышление дает нам знание сущности предме-

тов, явлений, их движущих сил и закономерностей, чего живое созерцание дать не может. Отбрасывая случайное, временное (причем возможность такого отбрасывания, отвлечения заключена в самой природе явления, предмета), абстрактное мышление дает знание главных, наиболее устойчивых сторон, связей, отношений, охватывает движение в целом, что недоступно чувственному знанию. В процессе абстрактного мышления и происходит установление научных закономерностей, которое представляет собой открытие взаимосвязи общего и единичного. Переход от живого созерцания к мышлению диалектичен, т. е. характерен противоречивостью, перерывом постепенности.

На основе знания сущности мы лучше, глубже познаем конкретные явления.

Знание сущности, включающее в себя знание предмета, явления в его необходимости, как результата определенного движения и как части определенной системы, в неразрывном единстве с конкретизацией познанной сущности, ибо общее существует лишь в отдельном, — это и есть понимание. Понимание не может быть достигнуто непосредственно, внезапно. Оно отличается различными уровнями глубины проникновения в сущность, порядком сущности, а также различными уровнями отчетливости понимания, его осознанности. «Совпадение мысли с объектом есть **процесс**... **Отражение** природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», **не без движения,** не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их» (3, 187—188).

Поскольку понимание есть процесс, нельзя считать чтение научно-популярного или научно-художественного произведения бесполезным, если оно не привело сразу к достижению надлежащего уровня понимания. Наши эксперименты показали, что и в случаях неполного, частичного понимания чтение популярных произведений положительно сказывается впоследствии на соответствующей учебной деятельности. (Заметим, что гораздо опаснее неверное, превратное понимание).

Понимание есть активный процесс мышления. Углубление понимания невозможно без оперирования знаниями на уже достигнутом уровне их. В этом и состоит диалектическое разрешение противоречия в процессе перехода от сущности менее глубокой к более глубокой.

Обучение подрастающих поколений подчинено тем же закономерностям, что и исторический процесс научного познания объективного мира. Подобно процессу познания, процесс обучения есть процесс становления и разрешения противоречий, отражающих противоречия объективной действительности. Именно поэтому марксистско-ленинская теория отражения является методологической основой советской дидактики. Одна-

ко закономерности теории познания переносятся в дидактику не механически, а с учетом того, что:

а) «...Способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования» (4, 19).

б) Школьники изучают уже познанное наукой, причем применение полученных знаний в полном объеме для жизненно важных целей может иметь место лишь в будущей практике. Вследствие этого общественная значимость обучения по отношению к конкретному учебному материалу далеко не всегда осознается учащимися.

в) Живое созерцание очень часто заменяется словесным описанием, опирающимся прямо или опосредствованно на имеющиеся у школьников представления. Отсутствие такой опоры делает обучение невозможным.

г) Обучение происходит как часть единого воспитательно-образовательного процесса, определяемого как возрастными особенностями учащихся, так и потребностями общества.

Наличие этих особенностей процесса обучения приводит к тому, что научная и дидактическая системы знаний обладают существенными различиями, игнорировать которые нельзя ни на одной ступени обучения, хотя с продвижением на более высокие ступени эти различия и уменьшаются. Эти различия не следует, однако, и преувеличивать.

Центральным, важнейшим моментом усвоения знаний является понимание, и оно-то вызывает наибольшие трудности и более всего нуждается в дидактическом руководстве. Трудности понимания обусловлены тем, что «значение **общего** противоречиво: оно мертво, оно нечисто, неполно etc. etc., но оно только и есть **ступень** к познанию **конкретного**, ибо мы никогда не познаем конкретного полностью» (3, 285).

Оперирование абстракциями означает для учащегося не только скачок на новую, высшую ступень познания, но и скачок в психологически новую область. Вместо конкретного многогранного явления действительности приходится иметь дело с понятием, которое, как и всякое общее, «есть (частичка или сторона или сущность) отдельного» (3, 327).

Процесс понимания требует наличия у учащихся не только соответствующих представлений, но и определенных логических умений и навыков, без которых невозможно установить взаимосвязь понятий.

Трудности понимания усугубляются следующим обстоятельством. Поскольку внешняя сторона объективной действительности (явления) отражает весьма сложную борьбу противоречий в конкретном и едином целом, явления часто не только не тождественны сущности, но и прямо противоречат ей.

Понимание усложняется и тем, что, как указывает Н. А. Менчинская (5, 17), в процессе обучения возможно привлече-

тие учащимися прежнего житейского или даже учебного опыта, не соответствующего данной учебной задаче, и тогда вместо нужных. «контекстных» связей возникают связи мешающие, «внеконтекстные».

Помощь читателю в преодолении трудностей процесса понимания и составляет главную дидактическую задачу научно-популярной и научно-художественной литературы.

Конечно, эта задача решается и автором учебника и учителем на уроке. Но вследствие специфических особенностей научно-популярной и научно-художественной литературы перед ней эта задача выступает наиболее выпукло. Учебники, как указывает Е. И. Перовский (6, 24), имеют своей главной функцией совершенствование уже воспринятых на уроках знаний, тогда как научно-популярные и научно-художественные произведения, наряду с выполнением этой функции, сообщают и новые знания. Отсутствие требования обязательного соответствия определенной программе, учебному плану дает возможность авторам научно-популярных и научно-художественных произведений сосредоточить внимание читателей на узловых, принципиальных вопросах, тогда как учебник обязан раскрыть каждый пункт учебной программы. Автор популярного произведения имеет возможность находить и использовать связи между отдельными учебными предметами, привлекать материал, которым учебная литература не может воспользоваться уже из-за ограниченности ее объема. Автор популярного произведения, обращаясь к определенной группе читателей, учитывает особые интересы и возможности этой группы, тогда как учебник пишется для всех. Автор научно-популярной или научно-художественной книги не занимается и не может заниматься опросом, повторением и т. п. (по крайней мере, в их обычной форме), уделяя главное внимание процессу понимания. Будучи специалистом в описываемой области, автор популярного произведения может воспользоваться для облегчения понимания всеми особенностями излагаемого материала.

Основы решения указанной главной дидактической задачи научно-популярной и научно-художественной литературы заключаются в следующем:

а) Формируется интерес к объекту изложения что создает наиболее благоприятные условия для понимания.

б) Изложение строится так, чтобы читатель должен был вслед за автором совершать мыслительные операции аналитико-синтетического характера.

в) Абстрагирование происходит в тесном единстве с конкретизацией.

На пунктах а), б), в) мы ниже остановимся особо.

г) Не только вскрывается сущность предметов, явлений дей-

ствительности, но и выясняется, почему, по каким причинам сущность проявляется вовне именно так, а не иначе.

Например, в книге Владимира Орлова «О смелой мысли» объяснено, что падающие звезды обычно представляют собой пыль с размерами частиц в булавочную головку. Только прозрачность и чистота воздуха в определенных условиях обеспечивает видимость этих раскаленных пылинок за сотни километров (стр. 147).

д) Предупреждаются возможные сомнения и ошибки читателей.

Я. И. Перельман указывает, в «Занимательной механике», что, вопреки обычным представлениям, лодка, пущенная на реку без весел и парусов, плывет не со скоростью течения, а быстрее и притом тем быстрее, чем она тяжелее (стр. 153—154).

То обстоятельство, что именно помощь в преодолении трудностей процесса понимания является главной дидактической функцией популярных произведений, подтвердилось анализом высказываний и письменных отзывов учащихся о прочитанных книгах и бесед с ними по существу затрагиваемых в таких книгах вопросов.

* * *

Научно-педагогический подход к популярной литературе для школьников не может не включать анализа этой литературы с точки зрения реализации в ней принципов дидактики. Возьмем принцип сознательного и активного усвоения знаний. Как известно, в обучении старших школьников все большую роль играют мыслительные операции, требующие овладения основными элементами диалектической логики, без которых не может быть сознательного усвоения знаний.

О важности понимания взаимосвязи явлений для сознательного усвоения знаний прекрасно сказано в «Воспоминаниях о камне» А. Е. Ферсмана, где речь идет о геологической карте: «... Постепенно... стали передо мной раскрываться тайны карты, и какие-то отрывки прошлого стали постепенно сливаться в единую общую картину...

Я вижу, как великие законы физики и химии управляют этими грандиозными процессами прошлого, как сливаются значки одного цвета и одной формы в закономерные полосы, пятна, и струи, как беспорядок хаоса превращается на моих глазах в величайшие законы гармонии.

Я понял, наконец, тебя, карта великой страны, и мне сделалось даже непонятным, что так долго ты казалась лишь беспорядочной сменой красок, которые надо было вызубрить к экзамену на многих и скучных страницах учебников геологии и минералогии» (стр. 126—132).

Подход к явлениям с точки зрения их развития обеспечивает сознательное понимание того, почему постоянный ток, который ранее казался непригодным для передачи на большие расстояния, сейчас может быть использован в сверхдальних линиях электропередачи (Фабрики электричества, стр. 144—145).

Но развитие — это не только количественный рост. В книге «Борьба за скорость» показано, что рост скорости в технике порождает качественное изменение этой техники, появляются новые машины, отличающиеся от прежних далеко не только увеличением числа оборотов в минуту (стр. 228).

Проникновение в сущность развития, движения возможно только путем рассмотрения противоречий, лежащих в основе этого развития. Поэтому популяризаторы обращают внимание читателей на двойственную природу микрочастиц (Загадка вещества, стр. 118); на своеобразие доменного процесса, заключающееся в том, что «отнять кислород у окисленного железа можно только при участии газообразного кислорода» (Кислород, стр. 101).

Единство общего и частного становится ясным школьнику, когда он узнает, как из отдельных наблюдений природы возникает ее единый облик (Человек и стихия, стр. 64), как исходя из общих законов гидрологии можно предсказать — путем расчета — все существенное о реке, которую гидролог, может быть, никогда не видел (Там же, стр. 266). Ибо «чтобы изучить деревья в лесу, совершенно незачем изучать в отдельности каждую ель и каждую сосну» (Там же, стр. 265).

Важным признаком сознательности знаний является их гибкость, мобильность понятий — понимание перехода одного понятия в другое, умение пользоваться всеми ранее приобретенными знаниями без неправомерного выпячивания каких-либо отдельных положений, умение перестраивать понятия на основе новых знаний.

Большую роль в осуществлении принципа сознательности играет группировка материала вокруг той или иной важной идеи, принципиальный подход к частностям. Именно такой подход осуществляется в книге «Телевидение», когда, например, неудачи ряда изобретателей первых систем телевидения объясняются двумя основными причинами: отсутствием средств усиления слабых токов и отсутствием безинерционных лампочек (стр. 64).

Как указал А. Н. Леонтьев, сознание «должно быть понято не только как знание, но и как отношение, как направленность личности человека» (7, 65). Именно отсутствие значимости знаний для учащегося, отсутствие педагогически ценных мотивов учения является первопричиной формализма знаний. Значение научно-популярной и научно-художественной лите-

ратуры в повышении сознательности знаний определяется способностью этих видов литературы содействовать формированию педагогически ценных мотивов учения.

Активизировать мысль читателя — значит заставить его производить определенные мыслительные операции с предметом изложения, создать так называемую проблемную ситуацию, т. е. поставить в необходимость решить какую-то интеллектуальную задачу.

Рассказ о том, как была обеспечена возможность резкого изменения мощности тепловоза (вообще дизель не обладает такой способностью), построен в книге «В поисках новых дорог» так, что читатель как бы принимает участие в обсуждении разных вариантов решения этой технической задачи (стр. 110—111). И это обеспечивает мыслительную активность при чтении.

Принцип систематичности и последовательности знаний по отношению к научно-популярной и научно-художественной литературе следует понимать в трех разрезах:

1) Каждое произведение должно иметь четкий план, решать вполне определенную задачу в определенной системе и последовательности. Так, в предисловии к книге «Фабрики электричества» четко перечислены вопросы, ответы на которые читатель найдет в книге (стр. 4).

2) Автор научно-популярного или научно-художественного произведения должен иметь в виду единую систему знаний читателя, складывающуюся из знаний, получаемых в школе, а также почерпнутых путем внеклассного чтения и из жизненного опыта. В книге «Телевидение» К. Гладков начинает объяснение действия электровакуумных приборов с магдебургских полушарий, вводит понятие о вакууме и лишь после этого переходит непосредственно к приборам. Тем самым знания учащихся о вакууме приводятся в стройную систему.

3) Необходимы систематизированные библиотечки, циклы научно-популярных и научно-художественных произведений — во исполнение идеи А. М. Горького о создании «Кругов чтения». Примером такой библиотечки могут служить издаваемые Гостехиздатом «Популярные лекций по математике».

Объединение знаний в систему осуществляется на основе сознательной группировки их вокруг определенной идеи, благодаря чему систематизация уже сама по себе означает углубление знаний.

Было бы вредным упрощенчеством понимать систематичность как обязательное соответствие материала книги школьной программе. На это обращала внимание Н. К. Крупская (8, 66—67 и 70). Следует также учитывать, что существует разница между систематичностью учебника и систематичностью популярной книги, не обязанной касаться всех вопросов дан-

ного раздела науки. Это затрудняет систематическое построение научно-популярных и научно-художественных произведений, но не избавляет от необходимости такого построения.

Принцип прочности усвоения знаний для научно-популярной и научно-художественной литературы означает принятие мер к предупреждению забывания, а также такое качество произведений, которое вызывало бы у читателя желание перечитать их еще раз — полностью или в отрывках.

Большое значение для запоминания имеет важность, значимость содержания книги для читателя.

При чтении учебника у учащихся иногда преобладает узкая направленность на запоминание, что мешает и глубокому пониманию текста и самому запоминанию. При чтении научно-популярной и научно-художественной литературы эта узкомнемоническая направленность не имеет почвы, что положительно сказывается на запоминании.

«...Популярное изложение требует также устранения повторений», — указывал В. И. Ленин (9, 332). Автор популярного произведения вправе воспользоваться лишь таким повторением, при котором излагаемый материал выступает в новом свете, но на основе или с участием ранее сообщенных сведений. В книге «Телевидение» после подробного изложения истории открытия принципов телевидения вновь дается обобщенная формулировка этих принципов (стр. 66), которая воспринимается как вывод из сказанного, служа в то же время целям закрепления знаний. Целям закрепления служит обычно и конкретизация научных обобщений, а также введение всякого рода заданий для самостоятельной работы, о чем говорится ниже.

Доступность научно-популярного или научно-художественного произведения определяется не только характером вводимых научных понятий, но и общим стилем, той культурой, тем жизненным опытом, которые требуются для его полного понимания. Доступность разных разделов книги «Электричество работает» весьма неодинакова, но в целом книга доступна учащимся 10-х классов, владеющим элементами общетехнической культуры. Без овладения такими элементами чтение книги оказывается бесполезным.

Принцип наглядности реализуется в научно-популярной и научно-художественной литературе, во-первых, в иллюстрациях и, во-вторых,—и это главное—в виде словесных образов. Поскольку научно-художественная литература оперирует образами в значительно большей степени, чем научно-популярная, в ней и принцип наглядности реализуется в большей степени.

На высших ступенях обучения наглядность выступает в более тесном синтезе с интеллектуальной и эмоциональной сферами, чем на низших. Поскольку такой синтез легче всего до-

стигается в научно-художественной литературе, значение этого вида литературы для старших школьников во всяком случае не уменьшается.

Изучение познавательной роли иллюстраций в научно-популярной и научно-художественной литературе следует, как нам представляется, основывать на работах Л. В. Занкова по исследованию взаимодействия слова и наглядности в обучении (10). В соответствии с этим можно различать следующих четыре способа дидактического использования иллюстраций в научно-популярной и научно-художественной литературе:

1) На основе наблюдения иллюстраций в тексте делаются определенные выводы и обобщения.

2) Знания, сообщаемые автором и содержащие уже обобщения, подтверждаются, конкретизируются ссылкой на иллюстрации.

3) Комбинированный способ, когда оба предыдущих способа используются по отношению к одним и тем же иллюстрациям.

4) Иллюстрации связаны с текстом только тематически, дополняя содержание книги и разрешая самостоятельные познавательные задачи.

Предварительные эксперименты показывают, что последний способ эффективен лишь в тех случаях, когда у читателя уже сформирован интерес к предмету изложения.

Вследствие представляемых ими возможностей заслуживают внимания иллюстрации, которые можно назвать иллюстрациями-сравнениями.

На стр. 25 книги С. Д. Клементьева «Электронный микроскоп» изображены рядом схемы действия электронного и оптического микроскопов, что весьма облегчает понимание устройства электронного микроскопа. Иллюстрация «Схема гидроузла» на стр. 63 книги «Фабрики электричества» позволяет видеть гидроузел в целом и на отдельных выносках — земляную плотину, водосливную бетонную плотину, генератор, шлюз, в котором пунктиром показаны два положения судна. Такой рисунок, позволяя видеть отдельные части, дает в то же время возможность понять их место в целом.

* * *

Уже отбор фактов из многочисленного их разнообразия, уделение большего места тем или другим из них представляет собой одно из важнейших средств дидактической обработки научного материала. Нет ни необходимости, ни возможности привести в популярном произведении слишком большое число фактов: дело заключается в яркости, показательности, типичности этих фактов.

Как указывал К. Д. Ушинский, чрезвычайно важно «привести факты, необходимые сознанию для того или другого ре-

шения, в такую форму, чтобы возможно большее число их улеглось в кругозоре сознания...» (11, 608). Такой формой может быть только концентрация фактов вокруг определенной идеи.

Важным дидактическим средством научно-популярной и научно-художественной литературы является обращение к опыту читателей, умение подвести читателя к глубокой мысли. «исходя из самых простых и общеизвестных данных», как требовал В. И. Ленин от популярного писателя (12, 285). Однако прежний опыт школьника нельзя представлять себе как пассивную опору для новых знаний. Под влиянием прежнего опыта возможна столь сильная модификация новых знаний, что произойдет их недопонимание, непонимание, или даже искажение (13).

При самостоятельном чтении популярных произведений возможность недопонимания или искажения особенно опасна.

Каждая наука имеет свои основные категории, и если понятия о них сложились у читателя неверно, то это неизбежно скажется на восприятии книги. Вот почему **особая забота о правильном усвоении главных, узловых понятий (категорий), излагаемой отрасли знания составляет одну из специфических черт научно-популярной и научно-художественной литературы.** Она реализуется при опоре на критически освещенный опыт читателя. Я. И. Перельман показывает в «Занимательной механике», что отсутствие ясного понимания такой важной категории фазики, как единица работы (килограммометр), способно привести к грубым ошибкам (стр. 115—116). Ввиду важности для теории телевидения такого понятия, как инерция глаза, К. Гладков в книге «Телевидение» уделяет достаточно много места выяснению этого понятия (стр. 62—66).

В научно-популярной и научно-художественной литературе широко применяется такое важное средство, как сравнение — первый этап аналитико-синтетической деятельности.

Сравнение помогает систематизировать факты, понятия, группировать их вокруг той или иной ведущей идеи. Так, сравнение механизированного арифметического сложения с действиями орудийного артиллерийского расчета (О смелой мысли, стр. 63—64) поясняет основной принцип действия ряда счетных машин.

Важнейшим элементом дидактической обработки научного материала является обобщение и установление внутренних существенных связей (закономерностей), особенно причинно-следственных.

Как бы искусно ни обобщал автор популярного произведения, он не достигнет цели, если не сумеет заставить читателя проделать это обобщение вместе с ним. Вместе с Б. Лянуновым читатель продумывает вопрос как узнали, что космиче-

ские лучи представляют собой поток заряженных частиц (Рассказы об атмосфере, стр.69).

Процессы обобщения, абстрагирования представляют ценную возможность для формирования научного мировоззрения читателей: нужно показать, что абстрагирование плодотворно лишь постольку, поскольку оно не отрывается от действительности. Гипертрофирование роли абстракций, возможность отлета мысли от объекта является важнейшей основой идеализма. Хороший пример того, что теория, абстрагирование должны сообразовываться с практикой, проверяться практикой, представляет конструирование доменных печей на основе изучения очертаний стенок долго работавших печей (Книга о металле, стр. 96).

В единстве с обобщением осуществляется конкретизация понятий, что отражает диалектическое единство конкретного и абстрактного. Дидактическое значение конкретизации состоит в том, что конкретизация, раскрывая смысл абстракций, одновременно является средством передачи новых знаний и развития познавательных способностей читателя. **Конкретизация понятий—одного из главных средств популяризации знаний,** тем более, что объем и структура учебников ограничивают возможность конкретизации в них. «Наука кажется трудной не потому, чтоб она была в самом деле трудна, а потому, что иначе не дойдешь до ее простоты, как пробившись сквозь тьму тем готовых понятий, мешающих прямо видеть» (14, 119). Отсутствие конкретизации лишает книгу популярности, делает ее сухой и непонятной. Следует избегать и видимости конкретизации, которая никак не облегчает мыслительной работы читателя.

Конкретизация позволяет приобрести новые знания, потому что в процессе ее выясняются не только общие, но и специфические черты конкретного явления, конкретное познается во всем присущем ему многообразии. Так, говоря об основном назначении радиоприемника — приеме модулированных колебаний, отделении сигналов модуляции от несущей частоты и превращении сигналов модуляции в звуки, — К. Гладков в процессе конкретизации этого положения описывает работу соответствующих узлов приемника, начиная от «оживления» сигналов в усилителе высокой частоты, «сортировки» сигналов в дискриминаторе и т. д. (Телевидение, стр. 178). Здесь мы имеем дело с несколькими ступенями конкретизации.

В соответствии с данными педагогической психологии (15, 122), в процессе конкретизации понятий необходимо заботиться о том, чтобы конкретизация не уводила в сторону от обобщения, не привела к доминированию в представлении читателя наглядных, но несущественных признаков. Очень важно

также избежать односторонности в процессе конкретизации, дать возможность применения понятия в разнообразных условиях. В книге «Земля и маятник» в связи с конкретизацией понятия «инерция» рассказано о том, что инерция катящегося вагона проявляется не только в том, что трудно замедлить его движение, но и в том, что так же трудно это движение ускорить (стр. 28).

Вместе с процессом обобщения и конкретизации происходит закрепление и уточнение известных понятий, а в нужных случаях — и перестройка их в свете новых знаний. В нашей литературе (16) отмечалось уже, что в практике школьного обучения старые знания воспроизводятся учащимися обычно на том уровне, на котором они были усвоены в свое время, и к ним не применяются полученные позже сведения, новые точки зрения. Это находит объяснение (но не оправдание) в том, что в учебнике трудно найти место для возвращения к ранее изученному на уровне новых обобщений. Научно-популярная и научно-художественная литература обладает в этом отношении значительно лучшими условиями. Поэтому **уточнение, развитие, углубление известных знаний является одной из основных функций научно-популярной и научно-художественной литературы.** Так как эта задача связана с определенного рода реконструкцией динамического стереотипа, не следует полагать, что ее решение может быть достигнуто мимоходом, без особых усилий. Успех дела решает здесь установление прочной связи между прежними и новыми знаниями, а также деавтоматизации привычного механизма использования закрепленных знаний. Особенную важность представляют случаи, когда требуется перестройка понятий ненаучных, почерпнутых из разнородных влияний обыденной жизни. Экспериментально установлено, что имеющиеся у школьников ненаучные, полученные помимо школы сведения, оказываются, если не принять специальные меры, более прочными и живучими, чем знания научные (17). Поэтому в таких случаях необходимо убедительно показать ошибочность прежних знаний на ярких примерах, выяснить существо ошибки, ввести правильные понятия и в процессе показа их преимуществ закрепить эти понятия.

В процессе конкретизации происходит обогащение, уточнение и развитие новообразованных понятий, наряду с тем же процессом по отношению к понятиям старым.

Одним из важных и специфических в значительной мере именно для научно-популярной и научно-художественной литературы дидактических средств является привлечение материала ряда наук и учебных предметов, отказ от строгого ограничения одной описываемой области знания. Привлечение материала ряда научных дисциплин, умножение числа ассоциаций

обеспечивает сознательность и систематичность знаний, способствует их прочности и наглядности и делает их более доступными, потому что прокладывает к ним различные пути. Таким образом, привлечение материала ряда наук переплетается в своем значении со всеми принципами дидактики. Однако важность такого привлечения определяется далеко не только узко дидактическими соображениями. Понимание предмета, явления во всех его связях и опосредствованиях может быть достигнуто в сколько-нибудь значительной степени только тогда, когда связи между различными науками будут вполне осознанными и прочными. Привлечение материала смежных наук позволяет по-новому осветить факты, поднимая самое знание на более высокую ступень. Именно этой цели служит, например, рассказ о выделении кислорода растениями в книге «Кислород» (стр. 52—57).

Весьма важно обеспечить в структуре научно-популярного или научно-художественного произведения правильное дидактическое соотношение главного и второстепенного материала. Главная идея, как говорил К. Д. Ушинский о педагогическом рассказе, должна выдаваться далеко вперед, а побочная к ней естественно привязываться (18, 165).

Главная идея должна быть тем звеном в цепи рассуждений, овладение которым означает в какой-то мере овладение всей цепью. Возможны, однако, случаи, когда дидактическое ударение делается не на главной идее изложения, но лишь для того, чтобы в конце концов перейти к этой главной идее и лучше ее усвоить.

Во многих научно-популярных и научно-художественных произведениях дается материал для упражнений и самопроверки. Авторы подобных произведений не могут рассчитывать на то, что их задачи, упражнения, опыты будут заданы школьникам в обязательном порядке. Они могут рассчитывать лишь на возбуждаемый их книгами интерес.

Упражнения, задачи, опыты, вопросы являются в научно-популярной литературе отнюдь не только материалом для самоконтроля и закрепления полученных знаний. Они играют очень часто и гораздо более активную роль, обеспечивая то избирательно деятельное состояние коры больших полушарий, о котором говорил А. Н. Леонтьев (19, 8—9).

Все задачи и упражнения, все вопросы в популярной литературе должны быть рассчитаны на догадку, на активную работу мышления. К сожалению, вопросы к первой (стр. 268—272) и второй (стр. 281—285) книгам «Занимательной физики» Я. И. Перельмана рассчитаны на простое припоминание и в этом отношении совершенно не соответствуют духу книг.

Отсюда не следует, что примеры выполнения заданий, ответы на задания, указания (в особенно трудных случаях) в попу-

лярной литературе являются излишними. Ответы необходимы читателю для контроля своих успехов, и отсутствие их лишает его одного из стимулов преодоления трудностей. Но следует предложить читателю такую помощь, которая не превращалась бы в мелочную опеку и не оставляла бы на его долю только формальную сторону работы. К задаче на стр. 24 книги «Электричество работает» имеется указание на стр. 25, как приступить к решению. Затем на стр. 43—44 дано и решение задачи, причем ранее о наличии решения в книге не упоминается. Такой способ обеспечивает и самостоятельность читателя и помощь ему.

Существуют научно-популярные сборники заданий такого рода, что при выполнении их читатель систематически вводится в определенную область теории. Такие сборники представляют большую ценность, если интерес к соответствующей проблематике уже сформирован. В качестве удачных примеров подобных сборников можно указать на «Математические беседы» Е. Б. Дынкина и В. А. Успенского, «Избранные задачи и теоремы элементарной математики» Д. О. Шклярского и др.

* * *

От строго логического построения научной и учебной книги построение книги научно-популярной или научно-художественной обычно отличается тем, что в ней, по определению А. И. Молодчикова (20, 56), развертывается ряд эмоционально-зрительных картин. Отметим, однако, что картины эти связываются и строятся таким образом, чтобы организовать, направить логическую мысль читателя.

Чрезвычайно большое значение имеет степень насыщенности произведения материалом. Наиболее сжатое изложение характерно для научной литературы, и лаконичность стиля справедливо считается в ней достоинством. Однако высокая насыщенность материалом, проявляющаяся и в учебниках (хотя и в меньшей мере), сильно затрудняет овладение им. При насыщенности материалом каждая фраза и даже каждое слово несут столь большую смысловую нагрузку, что для полного понимания текста требуется значительный опыт и кропотливая работа. Этого нельзя требовать от читателей-школьников. С другой стороны, чрезмерно малая насыщенность текста материалом, «водянистость» также приводит к отрицательным результатам. Не следует забывать, что популярное произведение должно быть кратким.

Как показывают эксперименты, нормальной следует считать такую концентрацию материала, при которой процессы чтения и осмысливания происходят одновременно. (Речь идет в данном случае о читателях, не имеющих специального инте-

реса к предмету произведения, и о средней концентрации; отступления в отдельных местах неизбежны).

Подобно тому как удобопонятная устная речь немыслима без пауз, во время которых происходит осмысливание речи, в научно-популярном или научно-художественном произведении необходимы своего рода логические паузы. Наличие таких логических пауз представляет собой специфическую особенность научно-популярной и научно-художественной литературы, сравнительно с литературой научной и учебной. Однако, как и в устной речи, эти паузы не должны быть ни слишком частыми, ни слишком продолжительными.

Не следует представлять себе логическую паузу как перерыв изложения для сообщения «развлекательных» украшений. Как правило, логическая пауза означает перерыв логически последовательного изложения (эта логическая последовательность имеет место и в популярной книге, по крайне мере внутри отдельных частей) и заполняется полезными сведениями, но имеющими подчас только косвенное отношение к предмету изложения.

Часто читателю нужно некоторое время, чтобы самостоятельно придти к выводам, без которых дальнейшее чтение будет бесполезным. И это самостоятельное раздумывание окажется гораздо эффективнее, чем механическое чтение выводов автора книги.

Вредна как недооценка, так и переоценка мыслительной активности читателя в процессе чтения.

Не следует пытаться рассказать в одном произведении (или в одной самостоятельной части большого произведения) слишком много нового, пугать читателя многочисленностью вводимых понятий. Дидро проявил глубокое понимание психики школьника, когда писал: «Если бы, когда вам было 15 лет, вам сказали: «Вся математическая наука сводится к решению двенадцати проблем», то я не сомневаюсь, что вы теперь были бы математиком. Многочисленность теорем отталкивает нас больше, чем трудность некоторых из них» (21, 273). На стр. 49 «Занимательной механики» говорится о поистине сказочных результатах , которые дали науке два простейших по идее прибора — отвес и маятник. Наши наблюдения показали, что это место книги вызывает у читателей большой интерес к указанным приборам.

Достаточность обоснования излагаемых положений, предвидение возможных сомнений и возражений, возможных ошибок читателя — одно из фундаментальных требований к научно-популярной и научно-художественной литературе. К сожалению, оно не во всех случаях выполняется.

При чтении рассказа о серебристых облаках на стр. 59 «Рассказов об атмосфере» у одного из школьников возникли

вопросы: Почему частицы соли сравниваются с магнитиками? Почему магнитики собирают водород? Почему водород и без соли не может соединиться с кислородом? Ответов на эти вопросы в книге нет.

* * *

Особенность научно-популярной и научно-художественной литературы состоит в том, что она не предполагает, подобно научной литературе, интерес к знаниям, уже имеющимся у читателя, и не возлагает, подобно учебникам, большую часть работы по созданию такого интереса на учителя, **а активно участвует в формировании интереса к знаниям одновременно с изложением научного материала и на основе этого изложения.**

Интерес к знаниям представляет собой активное положительное отношение к приобретению знаний, имеющее характерную эмоциональную окраску. Именно эта связь интереса с эмоциональной сферой, физиологической основой которой являются безусловные рефлексы, обеспечивает его силу.

На низшей своей ступени интерес к знаниям мало устойчив и, главное, мало активен, нуждаясь в определенных качествах объекта интереса, которые обозначаются как внешняя занимательность. На высших ступенях интерес обладает максимумом активности, становится мотивом деятельности, легко обнаруживая в объектах интереса так называемую внутреннюю занимательность.

Интерес представляет собой общественное явление и тесно связан с общественными идеалами, с отношениями в коллективе.

Поскольку речь идет о старшеклассниках, следует учитывать, что у них интерес к знаниям в определенной области тесно переплетается с профессиональным интересом. Уже к 7-му классу у большинства учащихся наблюдается более или менее ярко выраженный профессиональный интерес (22). Часто у школьника наблюдается не один, а несколько профессиональных интересов. Профессиональные интересы не только влияют на интерес к определенным научно-популярным и научно-художественным произведениям, но и подвергаются обратному влиянию со стороны последних.

Интерес не является изолированным психическим явлением. Он тесно связан с процессами внимания, памяти, мышления, воли, активизируя эти процессы и содействуя их наиболее успешному протеканию. В свою очередь, существует и обратная зависимость такого же рода: хорошая память на числа может способствовать развитию интереса к математике и т. п.

Физиологической основой возникновения интереса является ориентировочный рефлекс (или исследовательский, или рефлекс «Что такое?»).

Первостепенное педагогическое значение имеет то обстоятельство, что интересы возникают и формируются в деятельности. Если бы интерес к знаниям можно было воспитать каким-то иным путем, вне процесса познания, то существование научно-популярной и научно-художественной литературы было бы в значительной мере излишним. Но «только музыка пробуждает музыкальное чувство человека», — говорил Маркс (23, 627), и это положение имеет общее значение.

Упомянутая выше внешняя занимательность знаний характеризуется, согласно К. Д. Ушинскому (24, 406), тем, что достигается внешними по отношению к содержанию знаний средствами. Этим она отличается от внутренней занимательности, которая связана с сущностью излагаемых знаний.

По мере роста читателей внутренняя занимательность должна приобретать все большее значение, становясь, в конце концов, основой создания интереса. Чрезмерное увлечение внешней занимательностью воспитывает качество, которое М. А. Данилов удачно назвал «интеллектуальным иждивенчеством» (25, 65). Однако было бы неверным считать, что в научно-популярной и научно-художественной литературе для старшеклассников элементы внешней занимательности абсолютно неприемлемы. Во-первых, очень часто нельзя четко разграничить элементы внешней и внутренней занимательности. Во-вторых, чтобы привлечь читателя, мобилизовать его внимание, особенно в начале произведения, приходится иногда прибегать к элементам внешней занимательности. Наблюдения показывают, что от отношения читателя к началу книги очень часто зависит, дочитает ли он ее до конца. В-третьих, следует иметь в виду, что научно-популярная и научно-художественная литература для старшеклассников, подобно ее читателям, не представляет собой единого потока. Одни произведения рассчитаны на тех, у кого интерес к науке уже, в основном, создан. Ясно, что в таких произведениях элементы внешней занимательности едва ли уместны. Другие произведения, напротив, рассчитаны на читателей, интерес которых к науке если не отсутствует, то находится на начальной стадии формирования. Здесь уместно воспользоваться и элементами внешней занимательности. «Прогулка по зоологическому саду — не зоология в учебном смысле слова. Однако мне кажется, что нужно сначала заинтересоваться животными, а потом уже заниматься их классификацией и анатомией. Сад открыт для всех, в том числе и для тех, кто смотрит на животных только для развлечения», — пишет в предисловии к научно-популярной книге «Математический калейдоскоп» ее автор Г. Штейнгауз (стр. 3).

Педагогам хорошо известны многочисленные факты, ког-

да учащиеся замечают и сохраняют в памяти только занимательный материал, опуская и забывая материал научный.

Соотношение внешней и внутренней занимательности — это соотношение близкой и дальней перспективы. Нельзя игнорировать или принижать значение близкой перспективы, но воспитывать нужно перспективу дальнюю.

Интерес к знаниям не может возникнуть, если знания эти не поняты. Подобно тому как дети, слабо владеющие техникой чтения, не любят читать самостоятельно, те учащиеся, которые не понимают сущности науки за ее формой, не могут заинтересоваться знаниями. Понимание и интерес, таким образом, связаны неразрывно. Поскольку понимание не может быть отделено от наличия некоторых знаний, интерес к знаниям может иметь место только на базе знаний.

Было бы ошибочным считать, что наличие интереса автоматически предопределяет понимание излагаемых знаний. Но интерес (в более общем смысле: мотив) необходим для активной деятельности, какой является понимание.

Преодоление посильных трудностей в процессе овладения знаниями, рост уверенности в своих силах является основой создания интереса к науке вообще и к конкретному научно-популярному или научно-художественному произведению. Развиваемая некоторыми зарубежными педагогами «теория спонтанности», проповедующая усвоение знаний без всяких или почти без всяких усилий со стороны учащихся, является перепевом давно отвергнутых прогрессивной педагогикой взглядов. Именно самостоятельное решение трудных, но посильных познавательных задач создает интерес к науке, мобилизует на преодоление ее трудностей, вызывая эмоциональный подъем. Вначале этот интерес при чтении научно-популярной и научно-художественной литературы имеет преимущественно процессуальный характер, но постепенно он приобретает черты предметности.

Особенно важное значение имеет успешное преодоление первоначальных трудностей науки. «Всякое начало трудно, — эта истина справедлива для каждой науки» (4,3). Трудность эта обычно связана с введением значительного числа первичных абстрактных понятий, без которых нельзя обойтись в последующем изложении. В научно-популярной и научно-художественной литературе в силу особенностей ее часто возможно отнести эту трудность на последующий этап, начав, подобно реальному процессу исследования, с конкретных фактов, представляющих основу для первичных обобщений. Только твердо установив физические свойства «холодного» свечения, акад. С. И. Вавилов приступает к упорядочению терминологии, к установлению необходимых абстрактных понятий (О «теплом» и «холодном» свете, стр. 26). Глава

IV книги «Телевидение», посвященная радио, рассказывает сперва о волнах, о колебаниях, о свете и лишь после этого переходит к радио.

Читатель должен осознать перспективы науки, важное общественное и личное значение рассматриваемых ею проблем, осознать реальность своих успехов, свою способность применять знания на практике.

Зная, что тела, скорости которых мало отличаются, приходят в соприкосновение без удара, машинист Борщев в 1935 году предотвратил железнодорожную катастрофу, приняв на свой поезд без удара покатившийся под уклон состав из 36 вагонов (Занимательная физика, кн. 1, стр. 39).

Иногда отсутствие интереса к науке вызывается бытующим мнением, будто сейчас уже «все решено». Нужно уметь убедительно опровергнуть это мнение.

Иногда в научно-популярных и научно-художественных произведениях неясна, не ощущается эмоционально связь между достижениями и перспективами науки и излагаемыми конкретными знаниями. Если учебник возлагает установление такой связи на учителя, то автор популярного сочинения должен сам позаботиться о ней.

Интерес к излагаемому материалу в значительной степени зависит от того, насколько удается ввести читателей в **процесс** творчества, **в процесс** развития науки. Школьники, как отмечено многими исследователями, не любят читать чисто описательных произведений на научные темы. Основу конфликта в научно-популярных и научно-художественных произведениях составляет преодоление трудностей развития науки. И этот конфликт должен быть показан так, чтобы читатель переживал его.

С точки зрения воспитания познавательных интересов чрезвычайно велика роль становления и обсуждения гипотез, поскольку именно при этом наилучшим образом осуществляется самостоятельность мышления. Как указывал Энгельс, «формой развития естествознания, поскольку оно мыслит, является **гипотеза**» (26, 191). В процессе реального исследования исследователь формулирует (более или менее явно) гипотезу (а чаще—одновременно несколько возможных гипотез), которая и проверяется им с точки зрения соответствия действительности. Такими так называемыми рабочими гипотезами широко пользовался И. П. Павлов (27, 107). Процесс мышления читателя научно-популярного или научно-художественного произведения должен быть — с учетом возрастных особенностей — аналогом этого способа научного исследования.

В книге Б. Ляпунова «Рассказы об атмосфере», где в связи с вопросом о строении атмосферы приводится рассказ о

гипотезе распределения слоев атмосферы по удельным весам соответствующих газов, показано, что из такой гипотезы следовала возможность «вечного полета» самолета без запасов земного топлива (стр. 7—8).

Способ исследования (и мышления) одновременно с точки зрения нескольких рабочих гипотез обеспечивает необходимую критичность мышления. Именно в процессе обдумывания рабочих гипотез, доказательства их достоверности или ошибочности вырабатывается сообразительность, вкус и привычка к творческому мышлению.

Процесс мышления на основе рабочих гипотез часто прямо подсказывается самим ходом исторического развития той или иной науки. Как известно, и Энгельс (28, 235) и Ленин (29, 33) отмечали значение исторического способа изложения для популяризации.

Историко-генетический подход к изложению науки позволяет вскрыть причины, смысл возникновения той или иной проблемы, без чего она кажется абстрактной, надуманной. При историко-генетическом подходе к науке изложение неизбежно следует от простого к сложному, что является важным в дидактическом отношении. Такой подход, наконец, в значительной мере способствует формированию диалектического мировоззрения, поскольку исторический процесс развития является высшим принципом его.

Генетический подход к научно-техническим проблемам заставляет читателя размышлять над этими проблемами, а не ждать пассивно ответа от автора. Именно так в книге «О смелой мысли» рассказывается о том, как инженеры заставили прожекторы поворачиваться вслед за стоящими вдали звукоулавливателями (стр. 57—67).

Что касается трудностей в развитии науки, то они не всегда носят чисто познавательный характер. Борьба идейная, борьба с неблагоприятными социальными и природными условиями находит отражение в научно-популярной и научно-художественной литературе, повышая интерес к науке, воспитывая смелых, принципиальных людей.

Нельзя вызвать интерес у читателя, если не войти в мир его интересов и опыта. Понятие о коэффициенте восстановления при ударе упругого тела можно ввести различными способами, но Я. И. Перельман вводил это понятие для теннисного мяча, разбирая вопрос о том, какими качествами должен обладать хороший теннисный мяч, сколько времени такой мяч будет подскакивать и т. п. (Занимательная механика, стр. 97—99). Тем самым учитывался интерес школьников к спорту.

Плодотворным средством возбуждения интереса к науке являются разного рода дидактические интеллектуальные иг-

ры — своего рода интеллектуальный спорт. Об интересе к ним говорит широкая популярность не только среди школьников, но и среди взрослых всякого рода кроссвордов, викторин и т. п. Интеллектуальные игры, в основе которых лежит возбуждение ориентировочного рефлекса, удовлетворяют потребность в активной деятельности наиболее непосредственным образом. Это, а также важное значение мотивов самооценки участников и роднит интеллектуальные игры со спортом.

В известной мере любая научно-популярная или научно-художественная книга содержит элементы интеллектуальной игры. Примером популярной книги, целиком составленной из разного рода интеллектуальных игр, является «100 занимательных задач юного радиолюбителя» Э. Вальдмана.

Средством возбуждения интереса к произведению служит и юмор. Описывая солнечную машину, в которой 1700 зеркал направляют солнечные зайчики на котел, В. Орлов приводит шутку механика этой машины, утверждавшего, что мощность ее не 15 лошадиных, а 1700 «солнечно-зайчиных» сил (О смелой мысли, стр. 127).

Разумеется, юмор должен быть уместным и не превращаться в самоцель. В «Волшебном Двуроге» С. Боброва многочисленные шутки, прибаутки, занимательные приключения не помогают, а мешают пониманию основного материала.

Нельзя также недооценивать роли яркости, красочности, остроумия иллюстраций, полиграфического оформления в целом в создании интереса к произведению.

* * *

Постановка, обнажение противоречий между известным и неизвестным, между явлением и сущностью, между формальными и истинными знаниями и др. **является важнейшим и специфическим моментом научно-популярной и научно-художественной литературы.**

Во многих научно-популярных и научно-художественных произведениях противоречие выявляется в том, что, вопреки привычному рассмотрению предмета, явления с одной какой-либо стороны, в определенных, привычных обстоятельствах, предмет или явление рассматриваются под новым углом зрения, в необычных обстоятельствах. Возможность использования такого рода противоречий объективно заключается в многогранности предметов и явлений действительности.

Объективным источником противоречий является несоответствие предметов, явлений тем эталонам, с которыми читатель обычно привык их сравнивать. Противоречия такого рода очень часто используются в научно-популярной и научно-художественной литературе.

Не всякий читатель отчетливо представляет себе, что существуют жидкости, которые зимой на морозе 30—40° кипят более бурно, чем вода на сильном огне. Однако именно так ведет себя жидкий кислород (Кислород (стр. 38).

В помещении «говорящих часов» на автоматической телефонной станции не только темно но и тихо: часы эти говорят только по телефону (Покоренный электрон стр. 351). Следовательно, не все, что воспринимается слушателем как звук, обязательно должно быть звуком и в начале проводной (или беспроволочной) линии связи.

Сильное впечатление обычно производят на школьников те случаи противопоставления фактов привычным эквивалентам, которые находят количественное выражение. На стр. 19 книги «Из истории мер и весов» приводится цитата из О. Генри: «Я измерил себе температуру и не без удовольствия увидел, что у меня 101 градус». Разумеется, речь идет о шкале Фаренгейта.

Неожиданное сходство объективного содержания научных понятий с привычными предметами и явлениями быта лежит в основе интересных и поучительных сравнений, довольно часто встречающихся в научно-популярной и научно-художественной литературе. Детектор радиоприемника работает как дверца мышеловки или как клапан насоса, пропуская электроны только в одну сторону (Покоренный электрон, стр. 193).

Видное место в научно-популярной и научно-художественной литературе занимает постановка противоречий, объективная основа которых заключается в изменчивости всех предметов, их отдельных свойств. «...Земной шар, который считался безупречным судьей всех наших часов, сам оказался не вполне надежными часами». (Покоренный электрон, стр. 226).

Часто постановка противоречия реализуется в виде противопоставления имеющихся достижений тому, что было еще сравнительно недавно. Книга «В поисках новых дорог» начинается следующими словами: «Всего лишь полтораста лет назад возможность путешествия по железной дороге была, пожалуй, не меньшей фантастикой, чем в наши дни межпланетные путешествия» (стр. 6).

Основой ряда противоречий в научно-популярной и научно-художественной литературе является единство противоположностей, совмещение того, что на первый взгляд кажется несовместимым. Чтобы увеличить огнегасительную силу воды, к ней иногда добавляют порох, который, быстро сгорая, выделяет негорючие газы, обволакивающие горящие предметы и затрудняющие горение (Занимательная физика, кн. 2, стр. 159).

Объективной основой противоречия может служить и диалектический закон отрицания отрицания. Рядом с опасным (в смысле прочности) местом детали делают так называемый разгружающий надрез, принимающий на себя напряжение (Борьба за скорость, стр. 44—45).

Нередко в популярных произведениях обнаруживается, выявляется противоречие между формой и содержанием. Г. Н. Берман рассказывает читателям об интересной особенности проблем теории чисел: они кажутся простыми и понятными, результаты решения их могут быть рассказаны каждому грамотному человеку; но способы решения этих проблем часто весьма сложны и недоступны даже выдающимся математикам (Число и наука о нем, стр. 5).

Часто в научно-популярной и научно-художественной литературе используется постановка противоречия между фантазией и путями ее реального осуществления, между мыслимым и действительным — более богатым и сложным — путями развития науки и техники.

Наиболее эффективной является постановка практической проблемы, возбуждающей противоречие между имеющимися и необходимыми для ее решения знаниями, что приводит к поискам решения. Лет 60 назад кое-кто в Москве считал нужным отказаться от водопровода и вернуться к доставке воды ведрами и бочками из колодцев и Москва-реки, потому что то и дело без видимой причины лопались прочные водопроводные трубы магистральной сети. Загадка была разрешена, когда к изучению вопроса привлекли Н. Е. Жуковского (Крылья Родины, стр. 45).

Уместной и очень часто весьма целесообразной формой постановки противоречия является разоблачение софизмов, ошибок в рассуждениях.

Важным средством постановки противоречия является раскрытие новых сторон, закономерностей в методах решения тех или иных задач. Здесь противоречие выявляется между кажущейся определенностью и законченностью знаний и фактическим многообразием действительности. Это противоречие имеет достаточно общий и отнюдь не только дидактический характер.

«Две тысячи лет решаются задачи о бассейнах и — такова сила рутины! — две тысячи лет решаются неправильно» (Занимательная физика, кн. 2, стр. 114).

Определенной формой постановки противоречия является и установление связей излагаемого материала со смежными, а тем более отдаленными отраслями знания. Читатели, как правило, не представляют себе такой связи, вследствие чего создается противоречие. Наиболее часто устанавливаются связи науки и техники с художественной литературой.

О работах советского метеоролога Б. П. Мультановского, который, изучив «Одиссею», обнаружил циклон, пронесшийся над Средиземным морем и разметавший корабли Одиссея, рассказано в книге «Человек и стихия» (стр. 19).

Связь климата, оптики и истории искусства устанавливает В. Орлов, рассказывая о том, почему в Египте и Ассирии было много барельефов и мало статуй, в древней Греции же, напротив, заметно исчезают барельефы и появляется много статуй (О смелой мысли, стр. 94).

Постановка противоречия между «чистой» наукой и обыденной практикой, бытом также основана на кажущемся отсутствии связи между ними. Поэтому доказательные сообщения о том, что с наукой мы имеем дело буквально на каждом шагу, воспринимаются с интересом.

В. И. Ленин, характеризуя обычное представление, остроумие и ум, писал:

«(1) Обычное представление схватывает различие и противоречие, но не **переход** от одного к другому, **а это самое важное.**

(2) Остроумие и ум.

Остроумие схватывает противоречие, **высказывает** его, приводит вещи в отношения друг к другу, заставляя «понятие светиться через противоречие», но не **выражает** понятия вещей и их отношений.

(3) Мыслящий разум (ум) заостривает притупившееся различие различного, простое разнообразие представлений, до **существенного** различия, до **противоположности.** Лишь поднятые на вершину противоречия разнообразия становятся подвижными и живыми по отношению одного к другому, — приобретают ту негативность, которая является **внутренней пульсацией самодвижения и жизненности».** (3, 140—141).

В научно-популярных и научно-художественных произведениях осуществляется — в меру возрастных особенностей читателей — именно такой путь от обычных представлений к пониманию внутренней основы самодвижения.

Остроумие, которое «заставляет «понятие светиться через противоречие», является необходимым качеством научно-популярного и научно-художественного произведения, облегчающим и подготовляющим переход мыслящему разуму к более глубокому анализу. Старшие школьники высоко ценят остроумие, проницательность, умение проникнуть в суть проблемы. Именно постановка противоречия, которая физиологически соответствует противоречию нового раздражителя имеющимся нервным связям, активизирует ориентировочный рефлекс, стимулирует интерес, любознательность. Вот почему в научно-популярной и научно-художественной литературе особенно нетерпимы трафареты — в теме, в стиле, даже в

иллюстрациях. Не случайно А. М. Горькому понравилась предложенная одним из молодых ученых тема научно-популярного произведения «О роли лягушек в науке» (30, 98).

Можно рассказать о том, что желтое стекло свободно пропускает желтые и красные лучи, а фиолетовые и синие поглощает, в стиле учебника, и рассказ этот сам по себе едва ли произведет сильное впечатление. В. Орлов в книге «О смелой мысли» прежде рассказывает о том, что Репин, восстанавливая испорченную картину «Иван Грозный и его сын Иван», погубил было ее, налегая на фиолетовые тона; что это было вызвано постепенным пожелтением хрусталика глаза в старости (стр. 34—36).

Постановка противоречия необходима уже для того, чтобы подготовить читателя к изложению сущности проблемы, суметь вызвать у него вопрос о проблеме. Вопрос — это обнажение противоречия. И если это противоречие является для читателя важным, существенным, то можно не сомневаться, что он займется (с помощью автора) поисками ответа на этот вопрос.

М. Я. Цузмер обратил внимание на то, что многим популярным произведениям присуща внутренняя диалогическая структура, наличие внутренних вопросов и ответов, хотя внешне произведение является повествовательным. Он же указал, что «Коммунистический манифест», задуманный первоначально К. Марксом и Ф. Энгельсом в форме катехизиса, сохранил впоследствии внутренее вопросно-ответное строение (31, 24—25).

Там, где вопрос фигурирует в явном виде, следует различать вопрос риторический, вопрос-связку, нужный только автору произведения, и вопрос, вскрывающий характерные, жизненные, а не надуманные противоречия. «Что означает порядковый номер элемента? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо хотя бы кратко ознакомиться со строением атома». (Кислород, стр. 32). Ясно, что читателю, не знающему строения атома, вопрос о значении порядкового номера элемента не может показаться важным. Это было подтверждено в ходе наших бесед со школьниками.

Из сказанного о постановке противоречия следует, что было бы ошибочным понимать ее только как постановку вопроса.

Очевидно, что постановка противоречия может базироваться только на известном читателю материале, иначе не будет элементов для составления противоречия.

Чем старше школьники, чем больше они сами в состоянии осознать разрешаемое противоречие, чем ближе популярная литература к научной, тем менее явной и менее острой является постановка противоречия.

В наиболее острой форме постановка противоречия вызывает так называемый эффект новизны, удивление.

Удивление читателя вызывает тот факт, что верхняя часть катящегося колеса движется быстрее нижней (Занимательная физика, кн. 1, стр. 23—24); что тонна дерева тяжелее тонны железа (там же, стр. 108—109).

Важную роль удивления хорошо понимал К. Д. Ушинский, который требовал, чтобы воспитатель сохранил это чувство во всей его свежести (32, 284). Ведь когда речь идет о дидактической системе изложения знаний, то новое для читателя не является новым для автора, а если чувства удивления не будет у автора, то он не сможет возбудить его и в читателе.

Как указывает Т. Ц. Корнейчик, стремление использовать эффект новизны приводит иногда (например, у Л. Гумилевского) к научной небрежности, что недопустимо (33, 111).

Говоря о значении изобретения супругами Лазаренко электроискрового метода обработки металлов, В. Орлов пишет о положении в металлообрабатывающей промышленности до этого изобретения: «Вращение было душой двигателей и душой станков; и поэтому только круглые детали обрабатывались естественно и просто, а любую более сложной формы деталь можно было сделать только вручную или на станке мудреного устройства» (О смелой мысли, стр. 44). Между тем обработка плоских поверхностей на фрезерных станках, отнюдь не являющихся «мудреными», автором не принята во внимание.

Особая роль в научно-популярной и научно-художественной литературе таких дидактических средств, как сравнение и конкретизация понятий, объясняется не только их чисто познавательной ценностью, но и тем, что именно эти средства в силу их дидактических особенностей открывают особенно большой простор для выявления, обнажения противоречий. Тем самым они служат и целям создания интереса к произведению.

Всякое сравнение, поскольку оно не отождествление, означает установление единства противоположностей — предмет, явление есть и не есть то, с чем он (оно) сравнивается.

Установление единства теории и практики вместе с выявлением отличий между ними, выявление противоречий между формой и содержанием, явлением и сущностью составляет основу конкретизации. Поскольку, в отличие от абстрагирования, при конкретизации осуществляется переход в более психологически привычную сферу, конкретизация столь важна для популяризации науки.

Своеобразной формой постановки противоречия является

и гипотеза, почему введение гипотез также способствует формированию интереса к популярным произведениям.

С другой стороны, постановка противоречия, если она воспринята читателем, обладает высокой познавательной ценностью: она является результатом сложной аналитико-синтетической деятельности и означает достижение более высокой ступени познания, готовность к определенным умозаключениям.

Некоторую постановку противоречия представляет собой и рассказ о науке в более или менее образной форме. В одной из работ по эстетике говорится о поэме, что поэтическую жизнь ее слушатель (или читатель) познает путем постоянного разрешения противоречий, непрерывного перехода «от музыкальности к значениям и обратно» (34, 105). Ясно, что в произведении научно-популярном или научно-художественном такого рода переходы еще более противоречивы.

Отметим, что объективная возможность формирования познавательных интересов заложена уже в самой противоречивости перехода от незнания к знанию, от знания менее глубокого к знанию более глубокому.

Обнажение, постановка противоречий освобождает мышление от привычных канонов, революционизирует его, воспитывает вкус к открытиям.

* * *

Наука и искусство—разные способы отражения единой объективной действительности. Реалистические произведения художественной литературы, как и других областей искусства, обладают большой познавательной ценностью. Энгельс говорил, что из книг Бальзака он даже в смысле экономических деталей узнал больше, чем из книг историков, экономистов и статистиков этого периода (35, 405—406). Ленин назвал Л. Толстого зеркалом русской революции. Поэтому представляется неверным применять термин «познавательная» только к научно-популярной и научно-художественной литературе: литературы не познавательной вообще нет. Нет оснований видеть какой-то разрыв, пропасть между литературой художественной и научной. «Философ **доказывает**, поэт **показывает**, и оба **убеждают**... Но первого слушают и понимают немногие, другого — все» (36, 453). Для педагогического анализа научно-популярной и научно-художественной литературы чрезвычайно важно установить причину массовой доступности художественной литературы, сравнительно с научной.

Художественная литература оперирует, мыслит типическими художественными образами, тогда как наука имеет дело с логическими понятиями. Понятия образуются в результате абстрагирования от конкретно-чувственных сторон действительности, от реального многообразия проявлений сущ-

ности с тем, чтобы лучше выявить сущность. Абстрагирование, как указывал Ленин (3, 286), представляет собой отход от действительности. Правда, отход этот производится для того, чтобы затем на основе понятий, законов глубже познать действительность, включая и те проявления сущности, от которых мы первоначально абстрагируемся. Но этот момент отхода от действительности, известного обеднения ее и создает трудности в оперировании логическими понятиями, выводя мышление за пределы психологически привычной конкретно-чувственной сферы.

В отличие от логических понятий, художественные образы, имея основой ту же действительность, что и понятия, и отражая также существенное в этой действительности, образуются не путем абстрагирования, а, напротив, путем выделения таких конкретно-чувственных сторон действительности, которые наилучшим образом выражают существенное. Это выражение существенного посредством конкретно-чувственных образов нельзя смешивать с наглядным представлением сущности. Последнее невозможно, потому что невозможно непосредственное восприятие сущности. Но зато вполне возможно показать с помощью конкретно-чувственных образов, **в чем** проявляется сущность, **как** конкретизируется то или иное научное понятие. Это обстоятельство, наряду с указанными выше, определяет ведущую роль, конкретизации в научно-популярной и научно-художественной литературе.

Искусство для объяснения жизни использует формы самой жизни. Вот это использование форм самой жизни, использование конкретно-чувственных образов и придает искусству, художественной литературе общепонятность. В отличие от языка науки, которым нужно прежде овладеть, чтобы понять науку, искусство говорит на языке жизни, которым владеет каждый — правда, в меру своего знания жизни.

Сказанным, однако, не исчерпываются причины большей доступности художественной литературы, сравнительно с научной. В научной литературе выработался стиль — и выработался не случайно и не только экономии времени и места ради, — в котором трудно, не владея совершенно свободно языком науки, уловить какие-либо эмоциональные элементы, понять отношение ученого к излагаемому материалу за внешней сухостью и бесстрастностью изложения. В отличие от этого, художественная литература рассчитана на эмоциональное восприятие, на создание того или иного настроения. Этому служит изображение действительности через восприятие конкретного лица — автора или его героя. «Понять художественное произведение — значит, прежде всего, прочувствовать, эмоционально пережить его и уже на этом основании поразмыслить над ним» (37, 99). Поскольку в жизни ее про-

явления неразрывно связаны с эмоциональным воздействием, ясно, что и с этой стороны художественная литература более непосредственно связана с жизнью, чем наука. С эмоциональностью содержания связана высокая устойчивость внимания при чтении художественной литературы, равно как и высокая степень запоминаемости прочитанного. В отличие от науки, художественная литература не только объясняет действительность, но и дает ей эстетическую оценку.

Школьник, читая популярное произведение, должен не только понять, но и почувствовать, ощутить эмоционально систему науки. Без этого и самое понимание не будет полным.[1]

С научным абстрагированием связано и то, что в научном сочинении исследуется тот или иной более или менее узкий вопрос, тогда как автор художественного произведения пытается показать, объяснить и оценить действительность в ее целостности, в единстве, что также соответствует психологически привычному восприятию действительности.

В художественном произведении автор не выпячивает своей идеи, не придает ей, как в научной литературе, логически непреложной и потому поучающей формы, а передает ее через действие, через образы. «Чем больше скрыты взгляды автора, тем лучше для произведения искусства», — писал Энгельс (35, 405). Это не лишает художественную литературу дидактичности (в лучшем смысле слова), но обеспечивает авторам позицию, которая с точки зрения педагогики параллельного действия является наиболее выгодной.

В качестве прекрасного примера можно привести рассказ А. Е. Ферсмана о целестине на стр. 101—103 «Воспоминаний о камне».

Наконец, художественная литература — это человековедение, в отличие от науки, и это также в немалой степени способствует ее доступности и общезначимости. Когда к одному из очерков «Воспоминаний о камне» взяты в качестве эпиграфа слова из «Синей птицы»: «Надо быть смелым, чтобы видеть скрытое» (стр. 122), читатель воспринимает это как естественную связь между наукой и характером человека, овладевающего ею.

Таковы специфические особенности художественной литературы, обеспечивающие ей, сравнительно с литературой научной, доступность, популярность. Использование этих средств (в том или ином объеме) не только возможно, но и

---

[1] К. Андреев видит различие между научно-популярной и научно-художественной книгой в эмоциональности, драматичности последней, тогда как образы не чужды и научно-популярным книгам (38). Но ведь и черты эмоциональности не чужды научно-популярным книгам.

необходимо в литературе научно-популярной, которая при значительном использовании средств образно-художественного воздействия становится литературой научно-художественной. Естественно, что между научно-популярной и научно-художественной литературой нет и не может быть резкой разграничительной черты.

Нельзя игнорировать эмоциональность, романтическую приподнятость как характерные возрастные черты старших школьников. Научно-художественная литература позволяет учесть их наиболее полным образом при популяризации знаний.

Важность применения образно-художественных средств в популярной научной литературе для школьников определяется и тем, что при ведущей роли второй сигнальной системы образное и словесное мышление у школьников образуют единство.

Но художественная литература — это человековедение. Как же можно писать художественные произведения о положениях науки? Мы ответим на этот вопрос словами А. М. Горького, которому принадлежит и определение художественной литературы как человековедения: «Техника — не место для романтики? Но вещество превращается посредством включения в него человеческой энергии, а она всегда достойна похвал и удивления, достойна любви» (39, 440).

Еще Н. Г. Чернышевский установил в «Эстетических отношениях искусства к действительности» — и это было ударом по идеалистической эстетике, — что «искусство воспроизводит все, что есть интересного для человека в жизни» (40, 131), а не только прекрасное в узко эстетическом смысле. В самой науке, как и в отражаемой ею действительности, есть своя эстетика, своя поэзия. Положения, открытия науки могут быть подвергнуты и эстетической оценке. Вместе с углублением в науку, с пониманием ее языка растет и способность эстетического восприятия ее.

Художественно писать о науке—совсем не значит привносить в нее украшения извне, художественно описывать только обстановку, в которой создается наука. В умении найти и показать красоту в самой науке проявляется талант популяризатора. О математике, которая кажется непосвященному самой сухой, самой бедной поэзией даже среди других наук, Н. Е. Жуковский говорил: «В математике есть тоже своя красота, как в живописи и поэзии. Эта красота проявляется иногда в отчетливых, ярко очертанных идеях, где на виду всякая деталь умозаключений, а иногда поражает она нас в широких замыслах, скрывающих в себе что-то недосказанное, но многообещающее» (41, 228).

Рассказывая о том, что для украшения свечам придают

различные формы, М. Фарадей отмечал в «Истории свечи», что иногда свечи портят этим. «...В красоте любого предмета самое главное — его совершенство, иначе говоря, его целесообразность» (История свечи, стр. 15).

Трудясь физически и умственно, человек «наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил» (4, 185). В связи с этим наслаждением игрой интеллектуальных сил возникает возможность сильного эмоционального воздействия научных положений. Эпиграф из Д. И. Менделеева к книге О. Писаржевского «Д. И. Менделеев» — «Наука только тогда благотворна, когда мы ее принимаем не только разумом, но и сердцем» (стр. 7) — относится и к жизни великого русского ученого и к тем, кто находится на начальных ступенях познания.

В популярной литературе очень важно внутреннее эмоциональное отношение автора к описываемому. Эмоциональность изложения неотделима от искренности.

«...Там, где советские рабочие и инженеры побеждают огонь, превращая бесформенный кусок руды в тяжелый чугун и крепчайшую сталь, прежде всего там и создается простое и реальное человеческое счастье», — пишет С. Болдырев в «Книге о металле» (стр. 4).

Умение видеть эстетическую сторону науки и техники вызывает чувство гордости и радости по отношению к возможностям человеческого творчества, желание приобщиться к этому творчеству. Учащийся не просто воспринимает знания, а переживает их.

Одним из источников эмоционального воздействия науки является то, что при помощи ее человек не только объясняет мир, но и овладевает им, борется с враждебными силами природы и общества. Нельзя забывать ленинских слов о невозможности человеческого искания истины без эмоций (42, 237).

Борьба изобретателя «электрической свечи» П. Н. Яблочкова с газовыми компаниями, заинтересованными в том, чтобы не дать ходу новому источнику освещения (О смелой мысли, стр. 18), производит на читателя впечатление потому, что он чувствует ее драматичность, его привлекает мужественность и правота изобретателя.

* * *

Научно-популярная и научно-художественная литература должна подготовить читателя (особенно старшего школьника) к чтению научной литературы. Эта задача представляется особенно актуальной в связи с тем, что на нынешнем этапе своего развития советская школа посылает своих воспитанников главным образом в практическую трудовую жизнь, а

не только в высшую школу, где приучение к чтению научной литературы осуществляется под руководством преподавателей. Между тем значение науки для современных работников промышленного и сельскохозяйственного производства настолько велико, что чем раньше и основательнее они к ней приобщатся, тем больше пользы будет для общества.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

а) Научная

1. Ленин В. И. Несколько мыслей по поводу письма 7 ц. 6 ф. Соч., изд. 4, т. 6, стр. 279—284.

2. Ленин В. И. Предисловие к книге И. И. Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства». Соч., изд. 4, т. 33, стр. 217—218.

3. Ленин В. И. Философские тетради. М., Партиздат, 1936.

4. Маркс К. Капитал, т. 1, Госполитиздат, 1950.

5. Менчинская Н. А. К проблеме психологии усвоения знаний. «Известия АПН РСФСР», вып. 61, 1954, стр. 3—22.

6. Перовский Е. И. Методическое построение и язык учебника для средней школы. «Известия АПН РСФСР», вып. 63, 1955, стр. 3—139.

7. Леонтьев А. Н. О некоторых психологических вопросах сознательности учения. «Советская педагогика», 1946, № 1—2, стр. 65—75.

8. Крупская Н. К. О детской литературе и детском чтении. М., Детгиз, 1954.

9. Ленин В. И. Ложка дегтя в бочке меда. Соч., изд. 4, т. 33, стр. 331—332.

10. Занков Л. В. К проблеме взаимодействия слова и наглядности в обучении. «Советская педагогика», 1955, № 8, стр. 10—27.

11. Ушинский К. Д. Собр. соч. т. 8, М.-Л., изд. АПН РСФСР, 1950.

12. Ленин В. И. О журнале «Свобода», Соч., изд. 4, т. 5, стр. 285—286.

13. Богоявленский Д. Н., О некоторых особенностях анализа и синтеза при усвоении знаний. «Вопросы психологии», 1956, № 2, стр. 64—73.,

14. Герцен А. И. Избр. философск. произв., т. 1, Госполитиздат, 1946.

15. Менчинская Н. А. Выступление на совещании по вопросам психологии (1952 г.). «Известия АПН РСФСР», вып. 45, 1953, стр. 118—123.

16. Гиттис И. В. и Знаменская А. А. К вопросу о повышении сознательности знаний учащихся по истории. «Известия АПН РСФСР», вып. 59, 1954, стр. 53—86.

17. Корман Т. А. О перестройке понятий (знаний) у школьников. В книге: Доклады на совещании по вопросам психологии 3—8 июля 1953 г. М., изд. АПН РСФСР, 1954, стр. 89—100.

18. Ушинский К. Д. Собр. соч., т. 3, М., изд. АПН РСФСР, 1948.

19. Леонтьев А. Н. Опыт экспериментального исследования мышления. В кн.: Доклады на совещании по вопросам психологии 3—8 июля 1953 г., М., изд. АПН РСФСР, 1954, стр. 5—12.

20. Молодчиков А. И. Популярно-научная литература по естествознанию. М., 1938.

21. Дидро Д. Собр. соч., т. II. М.-Л., изд. «Academia», 1935,

22. Кревневич В. В. Формирование профессиональной направленности у учащихся старших классов средней школы. Автореферат кандидатской диссертации М., 1953.

23. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. III, М.-Л., Госиздат, 1929.

24. Ушинский К. Д. Собр. соч., т. 10, М.-Л., изд. АПН РСФСР, 1950.

25. Данилов М. А. Подготовка учащихся к активному восприятию новых знаний. «Советская педагогика», 1947, № 8, стр. 56—65.

26. Энгельс Ф. Диалектика природы. Госполитиздат, 1950.

27. Павлов И. П. Полн. собр. соч., т. III, кн. 1, М.-Л., изд. АН СССР, 1951.

28. Маркс К. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1950.

29. Ленин В. И. Рецензия на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки», Соч., изд. 4, т. 4, стр. 32—40.

30. Горький М. О детской литературе. М.-Л., Детгиз, 1952.

31. Цузмер М. Я. Некоторые вопросы научно-популярной литературы для подростков. «Советская педагогика», 1945, № 4, стр. 19—27.

32. Ушинский К. Д. Собр. соч., т. 9, М.-Л., изд. АПН РСФСР, 1950.

33. Корнейчик Т. Д. О книгах, расширяющих политехнический кругозор учащихся и воспитывающих у них любовь к труду. «Советская педагогика», 1955, № 1, стр. 100—114.

34. Лефевр А. Введение в эстетику М., изд. иностр. литер., 1954.

35. Маркс К. и Энгельс Ф. Избр. письма. Госполитиздат, 1947.

36. Белинский В. Г. Избр. философск. соч., т. 2, Госполитиздат, 1947.

37. Теплов Б. М. Психологические вопросы художественного воспитания. «Советская педагогика», 1946, № 6, стр. 96—112.

38. Андреев К. Борис Житков — автор научно-художественной книги. В кн. Жизнь и творчество Б. С. Житкова. М., Детгиз, 1955, стр. 126—160.

39. Горький М. Собр. соч., т. 30, М., Гослитиздат, 1955.

40. Чернышевский Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности. Госполитиздат, 1948.

41. Жуковский Н. Е. Полн. собр. соч., т. VII, М.-Л., Гостехиздат, 1950.

42. Ленин В. И. Рецензия на книгу Н. А. Рубакина «Среди книг». Соч., т. 20. стр. 236—238.

б) Научно-популярная и научно-художественная

1. Орлов В. О смелой мысли, 3 изд., доп. М., Детгиз, 1954.

2. Перельман Я. И. Занимательная механика, изд. 5, испр. М.-Л., Гостехиздат, 1948.

3. Ферсман А. Е. Воспоминания о камне. Изд. «Молодая гвардия», 1953.

4. Голей М. и Ляпунов Б. Фабрики электричества. М.-Л., Детгиз, 1953.

5. Ляпунов Б. Борьба за скорость. Изд. «Молодая гвардия», 1952.

6. Мезенцев В. Загадка вещества. М.-Л., Детгиз, 1951.

7. Медведовский В. Кислород. М.-Л., Детгиз, 1953.

8. Ильин М. Человек и стихия. Изд. «Молодая гвардия», 1954.

9. Гладков К. Телевидение. М.-Л., Детгиз, 1955.

10. Арлазоров М. С. В поисках новых дорог. М., Трансжелдориздат, 1954.

11. Клементьев С. Д. Электронный микроскоп. М.-Л., Детгиз, 1949.

12. Ляпунов Б. Рассказы об атмосфере, М.-Л., Детгиз, 1951.

13. Болдырев С. Книга о металле. Изд. «Молодая гвардия», 1956.

14. Бублейников Ф. Земля и маятник. М., Детгиз, 1954.

15. Перельман Я. И. Занимательная физика, кн. 1, изд. 14, М.-Л., Гостехиздат, 1947.

16. То же, кн. 2.

17. Бабат Г. И. Электричество работает. М.-Л., Госэнергоиздат, 1950.

18. Дынкин Е. Б. и Успенский В. А. Математические беседы. М.-Л., Гостехиздат, 1952.

19. Шклярский Д. О. и др. Избранные задачи и теоремы элементарной математики, ч. 1, М.-Л., Гостехиздат, 1950.

20. Штейнгауз Г. Математический калейдоскоп. М.-Л., Гостехиздат, 1949.

21. Вавилов С. И. О «теплом» и «холодном» свете. М., изд. «Знание», 1956.

22. Вальдман Эд. 100 занимательных задач юного радиолюбителя, М., Связьиздат, 1955.

23. Бобров С. Волшебный Двурог. М.-Л., Детгиз, 1949.

24. Ивановский М. Покоренный электрон. Изд. «Молодая гвардия», 1952.

25. Горячкин Е. Н. Из истории мер и весов. М., изд. АПН РСФСР, 1953.

26. Берман Г. Н. Число и наука о нем. М., Гостехиздат, 1954.

27. Гумилевский Л. Крылья Родины. М., Детгиз 1955.

28. Фарадей М. История свечи. М., Детгиз, 1956.

29. Писаржевский О. Д. И. Менделеев. Изд. «Молодая гвардия», 1949.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

Том XII Выпуск 2

Н. М. ЯКОВЛЕВ

Кандидат педагогических наук, доцент

НАЧАЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ ОБЩЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КАРТЫ В V КЛАССЕ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

1. Географическая карта есть условное изображение земной поверхности. Системой специфических средств она отображает форму, очертания, строение, величину, пространственное размещение, взаимные связи и отношения элементов поверхности Земли.

Это обстоятельство сообщает карте исключительно ценное качество: она становится важнейшим источником географических знаний.

2. Карта есть генерализованное изображение земной поверхности. Она отображает все существенные в географическом плане природные явления и стороны, свойства, признаки природных явлений, отбрасывая все несущественные.

В этом отношении географическая карта отвечает задачам научно-и учебно-географического исследования больше, чем любое из научно-учебных пособий и иногда даже чем сама непосредственная природная среда. При изучении географии карту ничем заменить нельзя.

3. Для того чтобы использовать в полной мере богатства содержания карты, необходимо научиться читать ее.

Чтение карты означает последовательное воспроизведение по ней географии заданного участка земной поверхности.

Чтение карты есть средство изучения географии.

4. Чтение карты в школе является одним из лучших средств активного, сознательного, прочного и, вместе с тем, легкого усвоения основ географической науки.

5. Чтение карты, вместе со связанными с ним ориентированием, измерениями, вычислениями, графическими построениями, чтением планов, профилей и др., относится к категории универсальных и политехнических навыков, представляя их закрепление, развитие и совершенствование в специальной области. Поэтому оно приобретает особенно большое

значение в свете задач политехнического обучения, поставленных XIX и XX съездами партии.

6. Основоположником методики чтения карты в русской школе является крупнейший методист — географ второй половины XIX века, друг и соратник К. Д. Ушинского, Д. Д. Семенов, давший первую законченную систему пропедевтического школьного географического картоведения. Свое окончательное оформление дореволюционная концепция чтения карты получила в трудах другого крупного методиста — И. Н. Михайлова. Дальнейшая разработка проблемы школьного географического картоведения принадлежит советским ученым-географам, методистам и практическим работникам школы, — в первую очередь В. П. Буданову, Н. Н. Баранскому, А. А. Половинкину, В. В. Кистяковскому, В. Г. Эрдели, П. Г. Терехову, А. В. Калгановой, А. Н. Иванову, И. И. Заславскому.

7. В школьном чтении карты условно можно различить две ступени.

Первоначальной ступенью является такое чтение, в котором основная задача ограничивается извлечением географического содержания, непосредственно данного на карте (географическое положение, форма, очертания, строение, величина) и характеризующего статику географических явлений. Оно основано на использовании, главным образом, географических понятий. Эта ступень могла бы быть названа формальным (или статическим) чтением карты.

8. Более высокую ступень чтения карты представляет умение делать географические обобщения, умозаключения о явлениях, непосредственно в содержании карты не отображенных, но, при известных условиях, вытекающих из него (о климате, развитии рельефа, жизни рек, о растительном и животном мире и др.) и характеризующих динамику географических явлений. Это — ступень творческого (или динамического) чтения карты. Оно основывается на использовании не только понятий, но и основных закономерностей, управляющих взаимодействием географических явлений.

9. Школьное чтение физической карты с точки зрения конкретной задачи исследования может быть подразделено на: а) топографическое, б) орографическое, в) гидрографическое, г) климатографическое и д) биогеографическое, — характеризующие соответственно: положение явлений на пространстве земной поверхности, рельеф, водную сеть, основные черты климата, растительного и животного мира.

10. Главнейшим условием сознательного и достаточно осмысленного чтения карты является наличие у учащихся до-

статочного объема и качества предметно-чувственного мыслительного материала, почерпаемого из живого созерцания живой природной среды.

В связи с этим огромное значение приобретает общеобязательное учебно-географическое краеведение, в частности экскурсии и практические работы на местности — по ориентированию, измерениям, съемке, пользованию топографическим планом и картой, построению схематических профилей, устным и письменным географическим описаниям своей местности и др.

11. Чтение карты в школе покоится на исследовании картографического изображения. Результаты исследования затем сводятся учащимися в связный, последовательный рассказ — элементарное физико-географическое описание. Последнее необходимо как для синтезирования в сознании расчлененного анализом целестного природного явления, так и в интересах развития географической речи — свободного, правильного, точного и творческого изложения мыслей, что является единственным радикальным средством борьбы с механическим пересказом содержания учебника — злом, к сожалению, еще весьма распространенным.

12. Основным содержанием курса географии в средней школе является страноведение. Ему в V классе предпосылается «Начальный курс географии», носящий все черты пропедевтического. Соответственно и в работе с картой должен быть выделен пропедевтический «курс» географического картоведения. Его задачу должно составить: а) способствовать наилучшему, активному, сознательному и прочному усвоению начального курса географии и, одновременно б) вооружить учащихся первоначальными умениями и навыками чтения карты в той степени, чтобы была создана элементарная, но прочная основа физико-географических характеристик по курсу VI класса.

Эти обстоятельства делают работу с картой в V классе особенно важной и ответственной.

13. Существующая практика работы с картой в V классе объективно имеет в виду решение двух задач: 1) дальнейшего накопления номенклатурного материала в расчете создать достаточную топографическую основу для географических построений как в самом V, так и, главным образом в VI и VII классах; 2) создания и закрепления технических навыков ориентирования на карте, измерений по масштабу, определения географических координат, трех гипсометрических уровней (низменности, возвышенности и горы) по шкале и абсолютных высот горных вершин по их высотным отметкам, — в расчете, что эти навыки будут использованы в курсах страноведения. Таким образом:

а) только номенклатурный материал имеет какое-то отношение к географическому содержанию курса V класса, б) картоведческие же навыки, во-первых, очень бедны содержанием, во-вторых, почти никакой роли в усвоении географического содержания курса не играют, обычно они культивируются на случайном материале, чаще всего вне всякой конкретной географической задачи.

Практически «заготовленные впрок» картоведческие навыки, как известно, не находят систематического использования и в VI классе. Главная причина этого в том, что для курса страноведения нужны не столько единичные технические навыки ориентирования, измерений и пр. сами по себе, сколько навыки и привычка географического их использования: для определения географического положения, описания формы, очертаний, строения, величины, рельефа, основных черт климата и т. д., т. е. нужно то, чего при существующем положении V класс не дает.

14. Задача заключается в том, чтобы, не изменяя программного объема картоведческой работы в V классе, придать ей другое, географическое, направление, полностью подчинив интересам курсов географии — как V, так и VI классов, путем использования получаемых картоведческих умений, навыков для решения конкретных географических задач.

Задача заключается, следовательно, в рационализации работы с картой в интересах географии.

15. Соответственно этой задаче основные контуры пропедевтического «курса» (школьного) географического картоведения для V класса можно представить в следующем виде: 1) Ориентирование на местности и на карте. 2) Измерения на местности и на карте. 3) Глазомерная съемка местности и сопоставление топографической карты с местностью. 4) Усвоение программного объема номенклатуры. 5) Описание географического положения природных объектов ближайшего окружения школы относительно друг друга. 6) То же — своего села, города относительно других сел, городов, рек, морей, гор, своей части света и т. д. — по карте. 7) Описание географического положения избранных низменностей, возвышенностей, гор, морей, рек и др. относительно: а) части света, б) занимаемой поверхности, в) непосредственного природного окружения, г) своей местности (города, области, республики, Родины) и начальных линий градусной сетки. 8) Описание отдельных форм рельефа и совокупности этих форм в пределах поля зрения экскурсии. Схематическое картирование местности и зарисовка профилей. 9) Описание формы, очертаний, длины, ширины, высоты, глубины, строения поверхности и важнейших форм рельефа

избранных низменностей, возвышенностей, гор, затем полуостровов и островов; морфологическое описание рек, — все по крупномасштабной карте. 10) Сводные физико-географические описания по схеме: географическое положение, форма и очертания, длина, ширина, высота, строение поверхности, главнейшие формы рельефа реки и озера. 11) Описание важнейших черт климата избранных территорий и пунктов по общей физической карте с использованием изученных закономерностей климатообразования.

12) Биогеографическое чтение физической карты. Относится на VI кл.

Вся работа по предлагаемому «курсу» покоится на использовании понятий, закономерностей и навыков, приобретаемых учащимися V классов в ходе изучения «Начального курса географии». Работа с картой представляет в основном формальное чтение карты, но уже со 2-го полугодия перерастающее в творческое на материале темы «Погода и климат».

16. Опытная проверка в ульяновских школах показала, что предлагаемая «Пропедевтика школьного географического картоведения» в основном может быть вполне жизнеспособной. Проведенное же Министерством просвещения сокращение программ и учебников, означая, в частности, увеличение удельного веса упражнений, в том числе по карте, внушает уверенность, что она может быть реализована с еще большим успехом.

17. Правомерность включения в картоведческую пропедевтику усвоения географической номенклатуры не вызывает сомнений.

Номенклатура имеет основной задачей создать достаточно богатую и прочную «опорную топографическую сеть» для географических построений в связи с изучаемыми курсами географии. Работа с ней основывается на использовании умения учащихся различать условные обозначения, жизненных навыков ориентирования в пространстве, «узнавания» предметов и навыков определения направлений на карте.

18. Слабым местом в методике работы с номенклатурой является вопрос о способах, пользуясь которыми учащийся может легче отыскать на карте данное изображение. В числе этих способов заслуживают внимания: а) последовательная фиксация в сознании учащихся особенности рисунка, расцветки, относительной величины данного изображения и его «вида» в системе комплексного картографического образа (архипелага, горной страны, моря и т. д.), что способствует более легкому выделению изображения из системы других изображений, б) организованное создание системы ориентиров, облегчающих определение положения на карте (нахождение) данного изображения.

19. Система ориентиров состоит из: а) ориентиров наиболее общего порядка, определяющих положение объектов на пространстве всей карты, б) ряда промежуточных ориентиров, сужающих пространство, в пределах которого находится объект, в) частных, собственных ориентиров, непосредственно определяющих его положение.

Логический прием определения — сужение пространства целеуказания путем последовательного выключения из сферы обзора пространств, не нужных в данной связи.

20. Соответственно изучаемому курсу географии, каждый класс имеет свою систему ориентиров. Для V класса это: а) полушарие, б) материк (часть света) в) соответствующая (центральная, восточная и т. д.) часть материка, г) соответствующее море, полуостров, горная страна, река и т. д., д) их часть, е) изображения, непосредственно граничащие с данными. При всех обстоятельствах ученик обязан знать всю систему ориентиров — до исходного включительно.

21. Физико-географическое положение означает то место, которое предмет занимает на пространстве земной поверхности среди других предметов, составляющих его природную среду и взаимодействующих с ним. Оно определяется направлением и расстоянием от морей, гор, экватора и меридиана, центров действия атмосферы и т. д.

Географическое положение отличается от топографического тем, что в нем отражаются не любые пространственные отношения с любыми элементами земной поверхности, а лишь те, в которых отчетливо вскрывается связь и взаимодействие географических явлений. Соответственно при отборе элементов земной поверхности, относительно которых должно быть определено географическое положение объекта, выбираются, как правило, только такие, которые являются в том или ином отношении географическими факторами, так или иначе обуславливают его географическую физиономию.

22. Определение географического положения в V классе: а) является средством более осмысленного, а, значит, и более прочного усвоения номенклатуры, б) закрепляет навыки ориентирования на карте, измерения расстояний на ней, знание условных обозначений, градусной сетки, в) придает навыкам совершенно определенный, географический смысл, что само по себе способствует лучшему их усвоению, г) служит хорошим средством проверки знаний учащихся в области ориентирования, измерений, пользования градусной сеткой и др., д) является прекрасным средством развития связной, логически правильной и точной речи учащихся, е) наилучшим образом подготовляет учащихся к работе в VI классе, где определение географического положения становится самостоятельной темой исследования.

Определение географического положения должно стать непременным элементом пропедевтического «курса» картоведения в V классе.

23. Работа по определению географического положения начинается как только ученик познакомился с первыми двумя соответственными названиями из программного перечня номенклатуры (следовательно, еще в начальной школе). Постепенно эта работа приобретает развернутый вид определения географического положения относительно: а) своего материка (части света), б) поверхности, которой приурочено рассматриваемое явление, в) непосредственного окружения, г) начальных линий градусной сетки, д) местности, в которой проживает ученик.

При изучении темы «Атмосфера» учитель сталкивается с необходимостью определять географическое положение с специальной целью—установить основные черты климата территории. В этом случае оно определяется относительно: а) соответствующего теплового пояса, б) направления господствующих ветров, в) океана, г) крупных форм рельефа.

24. Морфологические описания по карте (определение формы, очертаний, строения, конкретных форм горизонтального и вертикального расчленения, связаны с изучением картографических изображений. Вопрос же об изучении картографических изображений (низменностей, возвышенностей, гор и т. д.) в методической литературе даже не ставится. В результате как ученик, так и учитель нередко видят в них только особенности рисунка или расцветки, позволяющие различать реки от городов, горы от низменностей и т. д., и совершенно не замечают всего богатства их содержания.

Сущность работы над картографическим изображением состоит в: а) наполнении его живым, предметным содержанием, свойственным природному образу, б) установлении в нем существенных признаков данного явления из числа тех, с которыми учащиеся познакомились в ходе отработки соответствующего географического понятия.

25. Программа V класса обращает большое внимание на формирование понятий, связанных с морфологией земной поверхности. Следовательно, сама программа наталкивает на то, чтобы в ходе отработки понятий их существенные признаки были устанавливаемы также и на карте, чтобы производился элементарный морфологический анализ изучаемой формы рельефа или водной системы. Однако в практике систематическая работа над морфологией по карте — крайне редкое явление. В результате картографическое изображение (карта) оказывается исключительно бедным содержанием,

никаких ассоциаций не вызывает и, естественно, не может служить источником знаний.

26. Морфологические описания в V классе: а) прямо отвечают требованиям географического содержания программы, б) способствуют наглядному восприятию изучаемых форм поверхности земли, в) превращают карту в полноценный источник географических знаний, г) развивают внимательность, наблюдательность, связную и правильную речь учащихся, д) создают прочную основу для работы в VI классе, где морфологические описания составляют самостоятельную программную работу. Морфологические описания по карте должны стать непременным элементом пропедевтического картоведения в V классе.

27. В развернутом виде работа над картографическим изображением включает главным образом связное описание по карте морфологии горизонтального и вертикального расчленения избранного участка земной поверхности. Примерная схема таких описаний может иметь вид:

Для береговой линии: а) Какие берега (прямые, слабо-извилистые, изрезанные)? б) Какие формы берегового расчленения образуют? в) Известные полуострова, заливы и острова у побережья, их положение по отношению к морю.

Для рельефа: а) Общая форма и ориентировка, б) Общий характер поверхности, в) Степень тектонического (для гор) и эрозионного расчленения, г) Конкретные формы этого расчленения, их положение в орфографической системе, д) Микроформы, отсутствующие на карте, но известные по курсу географии.

28. При изучении морфологии рельефа огромное значение имеет чтение и построение орографических профилей, которые, сохраняя всю количественную и качественную определенность карты, вместе с тем являются более наглядной картиной земной поверхности. Можно категорически утверждать, что, не дополняя карту профилем, невозможно добиться, чтобы представления учащихся о рельефе, получаемые из карты, учебника или рассказа учителя, стали достаточно отчетливыми, живыми.

Использование (чтение и построение) профилей, начавшись в V классе, должно сопровождать работу с картой до IX класса включительно.

29. В качестве «Первой книги для чтения» картографических изображений целесообразно ввести в обиход V класса набор специальных крупномасштабных «немых» карт низменностей, возвышенностей, плоскогорий и горных стран с присущей им речной и озерной сетью.

30. Практикуемая в школе работа по воспитанию карто-

метрических навыков нуждается, с одной стороны, в некотором расширении (однако не противоречащем духу программы, а с другой — в практическом использовании этих навыков в географическом плане для характеристики размеров конкретных объектов на карте. Расширение выражается в использовании масштабного значения градусной сетки и более полном использовании гипсометрической шкалы. Значение картометрических работ в V классе заключается: а) в закреплении соответствующих навыков, б) в более отчетливом восприятии изучаемых по курсу географии понятий и закономерностей, в) в развитии внимательности, наблюдательности и аккуратности, г) в создании прочной основы, на которой в VI классе будут характеризовать величину территории и рельеф.

Картометрические работы также должны быть включены в пропедевтический курс картоведения.

31. Наиболее слабо разработанным в школьной картометрии является вопрос о переводе результатов градусных определений по долготному направлению в километры. Представляется целесообразным при работе с картами, сетка которых не слишком искажает масштаб (равновеликая Ламберта для частей света, особенно конические для отдельных стран), все градусные протяжения по всем направлениям) выражать в градусах большого круга (в градусах широты) и километровое значение этих протяжений получать обычным способом — умножением 111 км.

32. Работа по высотной картометрии состоит в определении абсолютных и относительных высот с помощью гипсометрической шкалы, изогипс и высотных отметок. Определяется абсолютная высота подошвы орографической системы («наименьшая высота»), абсолютная («наибольшая») и относительная высота всей системы в целом, высочайших вершин, а в необходимых случаях—и отдельных пунктов. Данные гипсометрической шкалы корректируются высотными отметками точек.

33. Климатографические описания в V классе школы не практикуются. Вследствие этого, тема «Погода и климат» усваивается учащимися крайне поверхностно и непрочно, а тема «Климат» во всех разделах курсов страноведения оказывается самой трудной и также плохо усваиваемой. Больше того, все явления, так или иначе связанные с климатом (динамика рельефа, растительность и т. д.), оказываются до конца не понятыми учащимися. Подробно останавливаться на климатографических описаниях в курсах страноведения нет времени, тем более, что в климате отдельных стран приходится учитывать не только общие факторы климатообразования, но и местные, иметь дело с анализом изотерм и проч. Совершенно необходимо в V классе заложить основы элементар-

ного климатографического чтения карты, сделав его заключительной частью пропедевтического «курса» картоведения.

34. Опыт показал, что при условии если: а) каждая основная закономерность при изучении темы «Погода и климат» была «положена» на физическую карту и хорошо усвоена учащимися, б) учащиеся свободно владеют уменьем различать картографические изображения, ориентироваться на карте, знают номенклатуру и градусную сеть, — элементарные климатографические описания для них существенных трудностей не представляют.

35. Примерная схема для климатографических описаний в V классе может иметь примерно следующий вид: 1. Географическая широта и тепловой пояс 2. Высота солнца сравнительно с другими поясами. 3. Изменение высоты солнца на протяжении года и времена года. 4. Температура воздуха. 5. Название климата в зависимости от широты. 6. С какой стороны, с суши или с моря, дуют ветры? 7. Какой они несут воздух? 8. Сколько примерно выпадает осадков. 9. Полное название климата.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

Том XII Выпуск 2

А. ЕВСТАФЬЕВА
Старший преподаватель

ПЕСЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО М. В. ИСАКОВСКОГО (двадцатые годы)

Творчество М. В. Исаковского давно и по праву заняло видное место в истории советской поэзии. Выдающийся мастер песенного стиха тонкий и задушевный лирик, М. В. Исаковский отразил в своих стихах и песнях целую эпоху в жизни народа, раскрыл богатый душевный мир советских людей, с большим искусством отразил сложный процесс формирования нового социалистического сознания колхозного крестьянства, показал героизм нашей армии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, воспел сыновнюю безграничную любовь к своей Родине.

В настоящее время Исаковский — признанный народный поэт, хорошо известный в Советском Союзе и далеко за его пределами. Разговор о песенном творчестве М. В. Исаковского сейчас особенно необходим в связи с укреплением связей между народами всего мира. Братские отношения трудящихся всего мира требуют создания языка песен—самого задушевного и понятного на земле. Недавно он звучал в Москве на 6-м Международном фестивале молодежи всего мира. Среди многочисленных песен, создаваемых советским народом, встречаются подчас и песни-однодневки, не отвечающие большим задачам нашего времени—дней сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции.

Снова следует обратиться к творчеству талантливых поэтов-песенников, необходимых народу на всех этапах исторического развития Родины. Одним из таких поэтов-песенников и является М. В. Исаковский, вдумчивый учитель молодых поэтов.

Он неустанно работал в те первые десятилетия жизни Советского государства, выполняя гражданский долг советского писателя. И в наши дни песенное творчество М. В. Исаковского и его теоретические высказывания помогут выполнить одно из основных требований Коммунистической партии Советского Союза, которое недавно напомнил Н. С. Хрущев: «Высшее общественное назначение литературы и искусства — поднимать народ на борьбу за новые успехи в строи-

тельстве коммунизма»[1]. М. В. Исаковский написал более 50 стихотворений, переложенных композиторами на музыку и превращенных народом в песни. Они обошли весь мир. «Катюша», «Провожанье», «Летят перелетные птицы» и другие исполняют на своем языке французы и китайцы, они раздаются в Египте, Америке, в Индии и Японии, — народы мира приняли советские песни. М. В. Исаковский рано начал писать песни, опираясь на богатство народного творчества («Просьба солдата» 1915 г). Поэт шел той же трудной дорогой, какой шли и другие советские поэты-песенники.

Народ, поднявшийся в дни Великой Октябрьской революции на новую—высшую ступень своего исторического развития — на ступень созидания социалистического общества, потребовал настоящей человеческой жизни и, взяв в свои руки материальные ценности, не забыл и о художественных богатствах «Историю творят теперь самостоятельно миллионы и десятки миллионов людей».[2]

Эти слова В. И. Ленина, написанные в 1918 году, жили и живут в сердцах многомиллионного и многонационального советского народа. Пафос борьбы за Советскую власть на фронтах гражданской войны и в тылу выразился в расцвете советской поэзии. Лиризм поэтических жанров вылился и в песенном творчестве.

Оно дало многообразие тематики и жанров. Бойцы Красной Армии разносили по бескрайным просторам Родины песни фронтовые о Ворошилове и Буденном, о Чапаеве, о Щорсе; звонкие и хлесткие частушки в деревнях и городах; матросское «Яблочко»; массовая народная песня, агитпесни и гимны революции — все это звенело счастьем пробуждения и упорством в борьбе за Октябрь.

Наряду с безымянными песнями появились песни В. Маяковского, Демьяна Бедного, М. Светлова и др. Народ полюбил и принял «Проводы» Демьяна Бедного и «Гренаду» М. Светлова, «Возьмем винтовки новые» В. Маяковского и «Молодую гвардию» А. Безыменского, «Взвейтесь кострами» А. Жарова и «Комсомольскую песню» П. Уткина.

Вслед за этими старшими поэтами-песенниками во второй половине двадцатых годов и в начале тридцатых выступали с песнями такие поэты, как М. Исаковский, А. Сурков, В. Лебедев-Кумач и другие. Но советской песне пришлось принять длительный бой с песней старого мира. Мещанские и блатные, кулацкие и контрреволюционные песни жили, распространялись в отсталой, классово-враждебной среде го-

---

[1] Н. С. Хрущев. «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». «Правда». 28 августа 1957 г. № 246.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 136.

рода и деревни. Вместе с другими советскими поэтами в этот бой вступил тогда еще молодой поэт, редактор смоленской газеты «Рабочий путь» Михаил Васильевич Исаковский.

В Смоленске и смоленщине двадцатых годов велась такая же сложная литературная борьба, как и в центре.

М. В. Исаковскому приходилось пробиваться сквозь рогатки смоленских эпигонов символизма, футуризма (литературное общество «Арена»), бороться с рапповскими извращениями, противопоставляя всему этому верное решение проблемы литературного наследства. И в эти годы писал Исаковский, следуя таким учителям, как Пушкин и Некрасов.

О творчестве М. В. Исаковского имеется богатая критическая литература. Почти невозможно указать критика, который бы прошел мимо проблемы песенного творчества.

Но общим недостатком большинства работ оказывается стремление дать обзор песенного творчества М. В. Исаковского, начиная с ранних лет его жизни и до нашего времени. В развитии советской критики сейчас такой этап работы является пройденным, хотя в свое время он был и необходим.

Статьи А. Бочарова[1], В. Литвин[2], В. Александрова[3], Т. Бесединой[4] и многих других, анализируя творчество поэта, ставят важные проблемы, дают ценный в фактическом отношении материал, но отличаются обзорностью.

Необходимость создания работ монографического характера назрела.

Образцом исследования такого рода является, к сожалению, пока еще неопубликованная работа И. Н. Розанова о «Катюше». В ней И. Н. Розанов рассматривает многочисленные варианты этой песни, любимой и исполняемой не только советскими людьми, но и народами других стран. Он говорит о второй песенной жизни «Катюши».

Данная статья и ставит целью дать анализ песенного творчества М. В. Исаковского периода двадцатых годов.

В работе использованы архивные материалы, особенно смоленские, письма и устные воспоминания поэта и его друзей — Б. С. Бурштына, Я. М. Заборова.

Радостно отметить, что сейчас все чаще и чаще появляются работы, рассматривающие смоленский период творчества М. В. Исаковского. В 1956 году, например, появилась

---

[1] А. Бочаров. «Михаил Исаковский». Лекции по истории русской советской литературы. МГУ, 1953, стр. 10.

[2] В. С. Литвин. Михаил Исаковский и народное творчество, 1956.

[3] А. Александров. «Михаил Исаковский», М., 1950.

[4] Т. Беседина. Уч. записки Вологодского института, 1950, (О Исаковском М. и Твардовском А.).

статья В. В. Бузник «Раннее творчество М. Исаковского и традиции русской классической поэзии»[1].

Автор статьи показывает процесс становления социалистического реализма в творчестве поэта периода двадцатых годов (условно назовем его «Смоленским»), обстоятельно раскрывает проблему литературного наследства. Но, к сожалению, автор только мимоходом упоминает о песенном творчестве, не давая его анализа.

Песенное же творчество поэта и в ранний смоленский период необходимо рассматривать в единстве формирования его поэзии в целом. Единство работы Исаковского-журналиста — и Исаковского-поэта, о чем вполне справедливо говорит автор статьи, не могло не отразиться на формировании его песенного творчества, о чем в статье не сказано.

В 1921 году в Смоленске была очень сложная литературная обстановка. В этом году там был организован театр «Пропро», — театр производственной пропаганды и революционной сатиры.

В газете «Рабочий путь»[2] извещалось: «Согласно постановлению коллектива Губотнароба в Смоленске организован совершенно самостоятельный театр производственной пропаганды и революционной сатиры («Пропро»), в распоряжение которого предоставлено здание театра «Красный Путь» на Старопетроградской улице».

Почти все вещи, вошедшие в новую программу, принадлежат местным авторам: Г Цейтлину, М. Исаковскому и другим.

Для Смоленска и Смоленской губернии открытие театра «Пропро», состоявшееся 5 июля 1921 года было заметным событием. Зрителям предлагалась обширная программа. Судя по названиям номеров программы, преобладала сатирическая направленность театра: «Комиссарская коза», «Совбарышня». «Хирургия» и т. д.

«Театр «Пропро». — рассказывает М. В. Исаковский[3], — был уже в Смоленске, когда я туда приехал. Сам я в его организации участия не принимал, но не мог не помочь ему потом. Это был театр типа маниатюр. Я переделал для «Пропро» фельетоны, придавая им сценическую форму. Это были не мои фельетоны, а других авторов».[4] Делал я это раза два; фельетоны я сам никогда не писал. Думаю, что никаких материалов из репертуара «Пропро» не сохранилось». В шутку этот театр называли «Пропади пропадом».

---

[1] В. Бузник. Вопросы советской литературы, 1956, стр. 288.

[2] Газета «Рабочий путь», 1921, 5 июля, Смоленск.

[3] Беседа М. Исаковского с автором настоящей работы 9.XII-54.

[4] М. Исаковский этим высказыванием опровергает доказательства Мартыновой («Поэзия М. Исаковского») о том, что поэт писал фельетоны.

Но эта работа давала поэту возможность видеть, хотя и небольшие свои произведения на сцене, сближала с массой. Хотя эти произведения очень слабые в художественном отношении (таково мнение самого поэта), хотя и среди них не было полноценных песен, но какие-то попытки драматизации уже налицо. Драматизация, сюжетность — одно из обязательных условий песенного творчества.

Забывает В. Бузник подчеркнуть и большую заслугу Б. С. Бурштына, первого председателя «Арены», оставшегося другом М. В. Исаковского и теперь, в освещении истории литературной борьбы в Смоленске, а между тем широко пользуется его «Воспоминаниями»[1]. В изложении В. Бузник сделана только единственная (на стр. 231) ссылка на данный материал. М. В. Исаковскому пришлось значительно труднее, чем это указывается В. Бузник.

М. В. Исаковский сыграл большую роль и в разоблачении «Арены», после которого она, совершенно уничтоженная в глазах читателей Смоленщины, не могла приносить вреда. Многое им сделано и для перевоспитания ее членов. Необходимо отметить, что в критической литературе и в диссертациях этот вопрос освещен недостаточно. Вспомним об одном важном обстоятельстве, рисующем облик М. В. Исаковского в начале двадцатых годов. Когда об «Арене» заговорила газета «Рабочий Путь», актив «Арены» обратился в редакцию, настаивая на том, чтобы их опровержение было напечатано. Б. Бурштын вспоминает, что в этом опровержении коллектив пролетарских писателей при редакции «Рабочий путь» сравнивался с тремя старыми девами. Б. Бурштын был поражен, что М. В. Исаковский встретил «делегацию» сурово, строго и категорически отказался печатать опровержение в форме фельетона, а согласился лишь на печатание письма.

Прямое, откровенное высказывание своего мнения характеризует молодого редактора как последовательного коммуниста. М. В. Исаковский очень высоко уже в те годы оценивал роль советского писателя и не мог допустить, чтобы небольшую, но сильную группу писателей, выражающих истинную линию партии, порочили и высмеивали в органе областной печати. Он не допустил подобного унижения личности писателя.

Члены «Арены» смотрели в тот далекий период на М. В. Исаковского как на поэта «не только не талантливого, но прямо скажу, — пишет Борис Бурштын, — едва ли не более

---

[1] Б. Бурштын. «Четыре года». Воспоминания о литературной жизни Смоленска 1921—1924 г. журнал «Наступление», Смоленск, 1935, № 8, стр. 66—78, стр. 291.

безнадежного из всех местных поэтов...»[1]. Казалось, что мимо Исаковского, — продолжает Б. Бурштын, — проходят все завоевания поэзии, что он как глухой, совершенно не слышит раскатов борьбы, так шумно развертывающейся тогда на поэтическом фронте»[2].

Но прав был поэт, не желая участвовать в поднимаемой «Ареной» шумихе и кривляниях, а всячески разоблачая ее деятельность, обнажая в ней помеху подлинному созиданию социалистической культуры, литературы.

В. И. Ленин говорил о необходимости «...бороться против буржуазии и военным путем и еще более путем идейным, путем воспитания...»[3]. Массу надо воспитывать в духе социализма. Вот почему основной задачей литературы является ее высокая идейность, помогающая социалистическому воспитанию и перевоспитанию.

Значительная часть художников и писателей под маской «нейтральности» пытались обособить искусство, литературу, школу от партии. В. И. Ленин показал буржуазную сущность этих учений и призывал воспитывать наиболее отсталые слои учительства, писателей. Это определило и судьбу «Арены», в чем М. В. Исаковский принял активное участие.

Настаивая на прекращение существования «Арены», как кастовой группы, партийные и общественные организации Смоленска пришли к решению ввести в ее состав членов партии и комсомольцев. Было избрано новое правление «Арены». Это событие Б. Бурштын так же обстоятельно описал[4].

В беседе Б. С. Бурштын вспоминает, что с этого времени и началась дружба с М. В. Исаковским, продолжающаяся и до сих пор.

Для движения двадцатых годов типично, что в Смоленске и Смоленщине столкнулись два лагеря: с одной стороны — члены общества «Арены», эпигоны символизма и формализма, а с другой стороны—коллектив поэтов при редакции газеты «Рабочий Путь», следующих в своем творчестве генеральной линии партии. В то время как поэт Навесский разгуливал в красной турецкой феске по улицам Смоленска, а за ним бежала толпа ребятишек, в то время, как он создавал стихи типа —

---

[1] Б. Бурштын. Статья «Четыре года», жур. «Наступление», 1935, № 8, стр. 78.

[2] Там же.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 340.

[4] Б. Бурштын. «Четыре года». Воспоминание о литературной жизни Смоленска 1921—1924 гг. журн. «Наступление», Смоленск, 1935, № 8, стр. 66—78.

Закрывайте занавесочки,
Нашим дамам на беду,
Я в своей турецкой фесочке
Вдоль по улице иду, —

в это время М. В. Исаковский шел на заводы, на электростанцию, продолжая дело агитмассовой работы, начатое им еще в театре «Пропро».

Но если в «Пропро» он наспех создавал свои тексты, затерявшиеся, к сожалению, и еще не отысканные исследователями, то уже в 1933 году, будучи редактором журнала «Колхозник» и работая под руководством А. М. Горького, М. В. Исаковский знал вполне четко, что он делает, и сознательно создавал тексты, которые потом превратились в песни.

М. В. Исаковский не совсем обычный поэт-песенник. В книге «О поэтическом мастерстве» он писал о сёбе: «За очень редкими исключениями я никогда не писал специально песен. Я писал просто стихи, т. е. материал, рассчитанный на то, чтобы его можно было читать. Если же, думал я, будет к тому же написана и музыка, то тем лучше. Другими словами, я стремился в меру моих сил создать произведения, имеющие самостоятельное художественное значение, независимо от музыки. На готовую музыку я писать не умею и делаю это очень редко, в самых необходимых случаях».[1]

Поэт указывает на песню «Где же вы, где же вы, очи карие», считая ее исключением из этого своего правила.

В книге «О поэтическом мастерстве» он говорил: «К песне надо относиться с большой любовью; в каждую песню надо, что называется, вкладывать свою душу, и только в таком случае мы сможем поднять нашу советскую песню на еще большую высоту»[2]. Так он и творит.

Песенное творчество М. В. Исаковского началось с создания стихотворения «Просьба солдата», которое является первым печатным произведением поэта. Оно было напечатано в 1914 г. в московской газете «Новь». В критике существует две точки зрения на это стихотворение. Одна принадлежит профессору И. Н. Розанову,[3] другая — В. Александрову.[4]

Розанов считает, что «Просьба солдата» литературное подражание Кольцову, а В. Александров говорит, что это ученический вариант известной народной песни «Степь Моздокская». Справедлива вторая точка зрения. Сам поэт пи-

---

[1] М. Исаковский. «О поэтическом мастерстве». «Советский писатель» М., 1953, стр. 29.

[2] Там же, стр. 23.

[3] Розанов И Н. «Михаил Исаковский», «Новый мир», 1945, № 7, стр. 142.

[4] В. Александров. «Михаил Исаковский», 1950 г.

сал, что создал свое первое стихотворение «под влиянием известной народной песни».

В двадцатые годы поэт уже пишет стихотворения о новой советской деревне. В эти годы создано три песни: «Я не клала в печку дров» (1927 г.), «Вдоль деревни» (1925 г.), «Где ж ты, лето знойное» (1925 г.). Только одна из них положена на музыку композитором В. Г. Захаровым. На «Где ж ты, лето знойное» и «Я не клала в печку дров» музыки пока еще не написано. Поэт создал их как стихотворения; простые и ясные они несли в себе все данные, чтобы сделаться песнями. Исаковский пишет правдиво и просто. Одним из первых он поднял тему об электрификации. Поэт обратился к ней значительно раньше 1925 года — года появления стихотворения «Вдоль деревни». Газета «Рабочий Путь» (Смоленск) дает новый для критической литературы материал, показывающий, что уже в 1926 г. поэт писал стихи об электрификации.

Третьего августа 1923 года в газете «Рабочий Путь» появилось сообщение — отчет о вечере, который был устроен редакцией для рабочих Смоленской электростанции. На этом вечере М. В. Исаковский прочитал «Частушки об электричестве». Они не вошли в сборники стихотворений, привожу их полностью:

ЧАСТУШКИ ОБ ЭЛЕКТРИЧЕСТВЕ

Скоро сгинет керосин
И исчезнут спички.
Каждый будет брать огонь
Только с электрички.

* * *

Берегись, пророк Илья,
Скоро тебя взбесим.
В каждой хате к потолку
Молнию повесим.

* * *

Пеной брыжжется река,
И шумит машина,
Уходи-ка на покой
Русская лучина.

* * *

Недопахана земля
Тетушки Наташи,
На-ка, трактор запрягай
Мигом все запашем.

* * *

Мы прогнали в Октябре
К черту их величества.
И разруху победим
Силой электричества.

Эти частушки легли в основу работы М. В. Исаковского над стихотворением «Вдоль деревни». Стихотворение вовсе не составлено механически из собственных же частушек поэта. В нем заметно сходство с материалом, над которым уже работал поэт. Например, в стихотворении «Вдоль деревни» сказано:

Нам такое не встречалось и во сне,
Чтобы солнце загоралось на сосне,
Чтобы радость подружилась с мужиком,
Чтобы у каждого звезда под потолком.

В частушках «Об электричестве» было выражение «В каждой хате к потолку молнию повесим». А здесь «молния» превратилась в «звезду». Это более реально и понятно. Ритм частушки бесспорно повлиял на ритм стихотворения. «Вдоль деревни». Он такой же бодрый, энергичный.

Стихотворение «Вдоль деревни» появилось в 1925 г. Оно дает новое и богатое содержание:

Вдоль деревни от избы и до избы
Зашагали торопливые столбы,
Загудели, заиграли провода —
Мы такого не видали никогда.

Это не только прекрасные стихи. Это чудесная песня. Кто не знает песни Захарова на эти слова; кто не слыхал их в исполнении хора им. Пятницкого? Народный поэт, народный композитор, народный хор соединились в этом гимне расцвету новой жизни в нашей стране.

Что-то песенное и праздничное сразу же привлекло к себе композитора Захарова. Стихотворение музыкально. Кажется, что идешь дальней дорогой, бескрайними полями и слушаешь, как гудят провода, бьется в них новая жизнь.

Сколько здесь движения! Какие счастливые и образные обороты: «Зашагали торопливые столбы». Представляешь себе, что столбы именно шагают в темную до этого деревню.

Небо льется, ветер бьется все больней,
А в деревне — частоколы из огней.

Опять удачный, редкой изобразительности образ: торопливые столбы, частоколы из огней. Свет в деревне, которую столько столетий держали в темноте. Сперва дворяне-помещики, затем Калупаевы и Разуваевы, становые урядники. Чудесный сон народных русских сказок становится явью. Деревня, недавно еще отсталая и забытая, смело приобщается к культуре. Огни освещают новую жизнь молодой советской рес-

публики. Огни будят тех, кто еще не успел проснуться. Подгоняют отстающих, нерешительных, сомневающихся, горят и переливаются победным светом. Гудят провода и все дальше несут радостную весть.

А давно ли в этой же деревне при лучине писали письмо «Ильичу», а «Лучинушка» была песней настоящего.

Теперь для нас электрификация деревни стала обычной картиной, обычным делом. Много большого и прекрасного дала новая советская жизнь народу за сорок лет.

Но стихотворение написано в 1925 году, когда еще не зажили раны, нанесенные войной, и в памяти были бедствия разрухи. Тогда «частоколы из огней» были великой победой молодой Советской страны. Тогда чудом казался переход от лучины к «звезде под потолком».

Молодой поэт чутко отозвался на прекрасное новое, и в немногих строках создал незабываемую картину. Читаешь и любуешься подлинной поэзией, такой близкой и родной. И понимаешь, почему народного поэта не только ценят, признают и уважают, но любят везде в Великом Советском Союзе и далеко за его пределами. Требовательный поэт ни в одном из последующих стихотворений не повторяет ни эти образы, ни эти художественные приемы.

Стихотворение построено очень ново и интересно. Никогда еще электричество в деревне не было темой стихотворения и его сюжетом. Поэт рассказывает, как пришел свет в крестьянскую хату.

Самое появление стихотворения «Вдоль деревни» было знаменательным событием. Этим М. В. Исаковский вступал на верный путь развития советской поэзии. Он правильно решает проблему литературного наследства, идя вслед за М. Горьким, В. Маяковским, Д. Бедным. Стихотворение «Вдоль деревни» выражает и эстетические взгляды М. В. Исаковского.

В те годы в Смоленске и Смоленской области были распространены мещанские романсы, например, «Маруся отравилась», на который В. Маяковский дал пародию того же названия, и «Сухой бы я корочкой питалась». Где-нибудь вечером на окраине Смоленска, в переулках «водочных» пелись бывшими поповнами, заштатными девицами, бывшими лавочниками и околоточными эти романсы. Так и звучит даже сейчас гнусавый мотив с особенно растянутыми звуками «а» и «о»:

«Сухой бы я ко-о-о-рочкой пита-а-а-лась
И вооду мутнуюпиила,
Тообой бы я, милый, наслаждалась
И тем бы я счастлива бы-ы-ла».

Не только в Смоленске жили подобные романсы и песни. Но не они волновали М. В. Исаковского. Уже в двадцатые годы складывались его эстетические взгляды.

Очень точно и ясно излагает он свои взгляды на обязанности поэта в книге «О поэтическом мастерстве»[1]. Эта книга представляет сборник статей, выступлений поэта и писем к начинающим поэтам. Образцом «прекрасной, сюжетной» песни поэт считает «Проводы» Д. Бедного, которая в свое время была одной из популярнейших песен в нашей стране:

Как родная меня мать провожала,
Тут и вся моя семья набежала.
«Ах, куда ты, паренек? Ах, куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек, да в солдаты!..»

И т. д.

Тут ни к чему не придерешься. Тут все стоит на месте. Найдены именно те слова и те интонации, которые в данном случае нужны. Тут, между прочим, мастерски использован фольклор. Он вошел в песню не в качестве какого-то придатка или привеска, а слился воедино со всеми остальными элементами песни.

Мне думается, что приведенные примеры могут служить наглядным образцом того, как надо работать над словами песни»[2].

Песни Д. Бедного, В. Маяковского были острым оружием как в дни гражданской войны, так и в период социалистического строительства. Политика партии, насущные задачи социалистического строительства вызывали у советских поэтов живые отклики. Так, план ГОЭЛРО ввел в советскую поэзию, а из нее и в песенное творчество образ Света.

В агитпоэме «Света, света, света!» Д. Бедный требует пробуждения старой деревни поповнической:

В поповнической — темная, темная ночь,
Там сильней, чем научная книга, газета —
Заговор, ворожба, заклинанье, примета,
Бабий брех и поповская белиберда!
Света! Света! сюда!
Све-е-е-е-та!![3]

Д. Бедный датирует это произведение маем 1929 года

---

[1] М. Исаковский. «Сборник о поэтическом мастерстве». «Советский писатель», М., 1953 г.
[2] Там же, стр. 22.
[3] Д. Бедный. Собрание соч., в одном томе, Гихол. М., 1937, стр. 280.

М. В. Исаковский, создавший «Частушки об электричестве» в 1923 г., а «Вдоль деревни» — в 1925 г., влияет своим произведением на своего же учителя, песнями которого он восхищается. Это взаимодействие двух больших поэтов заставляет рассмотреть и другое творческое содружество.

В. Г. Захаров, написавший музыку на текст М. В. Исаковского, дал вторую жизнь произведению нашего поэта.

А. М. Горький, любитель, знаток и чуткий ценитель русской песни, на I съезде писателей в 1934 г. говорил: «Мир очень хорошо и благодарно услышал бы голоса поэтов, если б они вместе с музыкантами попробовали создать песни — новые, которых не имеет мир, но которые он должен иметь»[1].

В первой половине 30-х годов в этом направлении сделано было количественно очень много. Достаточно сказать, что на конкурс русской песни, состоявшийся в 1936 году, было дано 4.389 литературных и 2.185 музыкальных произведений, но в качественном отношении среди них было много слабых.

Со всей серьезностью встал вопрос о привлечении к важному делу лучших поэтов и лучших песенных композиторов. Теперь уже авторами текстов становились М. В. Исаковский, А. А. Сурков, Е. А. Долматовский, В. И. Лебедев-Кумач, а авторами музыкальными композиторами В. Г. Захаров, В. И. Соловьев-Седой, Б. А. Мокроусов, М. И. Блантер, а позже А. Г. Новиков, Т. Н. Хренников и И. О. Дунаевский.

М. В. Исаковский, не помышлявший до того о звании песенного поэта, оказался им почти случайно. В 1935 г. в кино он услыхал песню «на очень знакомые ему слова». Это была песня «Вдоль деревни». Оказывается, композитор В. Г. Захаров, где-то прочитавший стихотворение, положил его на музыку. Сначала песню исполнял хор им. Пятницкого, а после она перекочевала в деревню, и скоро стала популярной чуть ли не на всем пространстве Советской земли. Состоялось знакомство с В. Г. Захаровым, который попросил дать еще что-нибудь. Так появилось «Провожанье» — вторая песня на текст Исаковского; затем третья «И кто его знает» и т. д. Так «Серде сердцу весть подавало». Началась дружба и совместная работа двух песенников и хорового коллектива имени М. Е. Пятницкого. Эта близость продолжалась до смерти композитора (1956 г.). Союз народного поэта с народным композитором и народным хором, который получил дружелюбное название «заповедника русской песни». Нужно сказать, что это название — очень удачное и меткое. Им в известной степени определяется роль и значение хора им. Пятницкого в

---

[1] А. Горький. Сб. «О литературе. 1955 г. «Заключительная речь на 1-м Всесоюзном съезде сов. писателей 1-го сентября 1934 г.», стр. 771.

истории русского песенного искусства. Получился союз двух талантливых авторов текста и музыки с хорошим коллективом, замечательно передающим русскую народную песню старого и нового времени. В. Г. Захаровым написана музыка примерно к двадцати стихотворениям М. В. Исаковского. И все они стали любимыми и популярными у бесчисленных слушателей в городе и деревне; на заводах и на кораблях дальнего плавания, в концертах, собраниях и на вечеринках.

Совсем не случайно, что первым из песенных композиторов к текстам М. В. Исаковского пришел В. Г. Захаров. Эти дарования близки и родственны. То, что говорили мы об особенностях творчества поэта, можно сказать о музыкальном творчестве композитора. Оба они чувствуют музыку и красоту русского поэтического языка. А когда два автора соединяют свои силы и создают произведения общие, т. е. музыку В. Г. Захарова на слова М. В. Исаковского, то это гармоническое целое дает художественное наслаждение всем, любящим русский язык и русскую песню. Одному и другому свойственны ясность и выразительность письма и большая подлинная его красота. В. Г. Захаров в своих песнях умело воспринимает и продолжает традиции старой русской песни. В его произведениях всегда слышится свое родное, неподдельное, идущее в сердце и хорошо, радостно волнующее. Мы не хотим этими высказываниями умаливать значение песен на текст того же поэта, написанных другими композиторами. Хороши песни М. И. Блантера, особенно «Катюша», «В лесу прифронтовом», «Под звездами балканскими», «Лучше нету того цвету», — хороши и позднее написанные песни В. И. Соловьева-Седого и В. А. Мокроусова. Но первое место, по нашему мнению, все же принадлежит В. Г. Захарову, и можно только пожалеть, что союз поэта и композитора был прерван смертью последнего.

Каково же поэтическое мастерство М. В. Исаковского? Почему эта песня живет уже почти 40 лет? Да и не собирается умирать!

Критики неизбежно пытаются ответить на данный вопрос. Например, А. Бочаров в статье М. Исаковский[1] вполне справедливо отмечает, что в основе композиции стихотворения «Вдоль деревни» лежит лирическая гипербола. Автор отмечает и народность содержания, музыкальность и кристаллическую чистоту стиха, но он не останавливается на роли использования поэтом средств русского языка для выражения своих чувств и мыслей.

Динамичность сюжета достигается умелым использованием М. В. Исаковским глаголов. Стихотворение состоит из

---

[1] А. Бочаров. «Михаил Исаковский», МГУ, 1953, стр 10.

простых распространенных предложений. Каждое из них в то же время является вполне законченной стихотворной строчкой. Поэт требует писать песни простым языком «без всяких вычурностей и тяжеловесных нагромождений. Нужно, чтобы при чтении язык не спотыкался. Смысл песни должен быть выражен с предельной четкостью и краткостью»[1]. И в этой песне он употребляет очень богатые по смыслу, но простые глаголы: побежали, заиграли, загудели, не снилось, подружилась. В семантическом отношении эти глаголы распадаются на две группы. В первой части стихотворения использованы глаголы первой группы, указывающие действие (заиграли, побежали, загудели), а во второй части — глаголы, показывающие состояние. Следовательно, подбор глаголов делает описание динамичным.

Необходимо остановиться и на роли частушки в композиции и истории создания этого стихотворения. А. Бочаров упоминает о частушке, но не показывает историю создания стихотворения, о чем говорилось выше.

В 20-е годы частушка является наиболее любимым жанром. Хлесткая, предельно выразительная, меткая и тонкая по вложенному в нее юмору или злая и едкая по сарказму, частушка — любимый массами жанр. Вспомним частушки Демьяна Бедного, В. Маяковского, Ал. Блока, который в поэму «Двенадцать» вводит частушку («Уж я ножичком»). М. Исаковский, конечно, знал эти литературные образцы, но не они, а прежде всего народная частушка города и деревни непосредственно влияли на поэта.

Двухстрочное построение строфы, парная рифма — все признаки частушки налицо.

Но не случайно критики упоминают (А. Бочаров)[2] о песенности стихотворения, о его мелодичности. Поэт вносит в стихотворение основные качества песенного жанра — сюжет и рефрен. Повторяется в начале и конце стихотворения две строфы. Остальные четыре строфы развивают собственно сюжет — кратко, сжато. Мы уже говорили о бодром ритме — шестистопном хорее.

«Вдоль деревни» — поэтическая находка М. В. Исаковского двадцатых годов.

Каковы же другие его песни этого периода? Остановимся на трех стихотворениях — «Где ж ты, лето знойное», «Я не клала в печку дров» и «Песенка».

Анализ стихотворения «Где ж ты, лето знойное» дал сам поэт в статье «Работа над песней».[3] Поэт долго не мог по-

[1] М. Исаковский. «О поэтическом мастерстве», М., 1953, стр. 21.
[2] А. Бочаров. «Михаил Исаковский», 1953, стр. 10.
[3] М. Исаковский. Сборник «О поэтическом мастерстве», М., 1953, стр. 24—30.

нять, почему слова этой песни «не приглянулись ни одному композитору». А потом понял, что его песня перегружена деталями, подробностями. «Ведь одних эпитетов здесь три (знойное, беспокойная, курчавая). Далее — пять имен существительных (лето, радость, голова, рощи, сады). И это всего в четырех строках!».[1]

Отталкиваясь от этой фразы, З. С. Литвин осуждает стихотворение, зачеркивая его идейное, художественное значение.

Говоря о поэзии М. В. Исаковского, нельзя не вспомнить полное песенной красоты стихотворение «Где ж ты, лето знойное». Написано оно с настоящим, подлинным мастерством. Чудесный язык, выдержанный и образный. Стихотворение как бы перекликается со старинными русскими песнями и от начала до конца выдержано на большом подъеме. Картина природы и любовный мотив соединяются в широком поэтическом звучании. Тоскует в разлуке девушка. Вспоминает «дни покосные», вспоминает «ночи росные» и томится в любовном горении.

По тропе нехоженой дни ушли погожие,
Облетели рощи, стынут зеленя...
Саночки скрипучие да снега сыпучие
Разлучили с милым девушку, меня.

Всем существом своим девушка связана с природой, которую чувствует и звонко поет. В самих описаниях природы что-то привольное, широкое и размашистое. — Природа живет, движется, в тихое, росное утро и бушует в зимние, вьюжные дни.

Чуткий поэт с одинаковой свободой владеет и говором нашего времени и старинной напевной речью, красота которой близка и понятна ему. Уверенный рукой наносит он вдохновенные строки:

Были дни покосные, были ночи росные,
Гнулись ивы тонкие к светлому ручью...
На лугу не кошенном, на лугу заброшенном
Встретила я молодость, молодость свою.

Но пришло горе:

Разлучили-бросили до весны, до осени,
До весны ль, до осени ль или навсегда.
Закатилась, скрылася, скрылась, закатилася
Молодости девичьей первая звезда?

---

[1] М. В. Исаковский. Сб. «О поэтическом мастерстве», М., 1953, стр. 21

Зима. Стынут поля и леса. Метели заметают пути-дороги. И только девичье сердце бьется тревожно. Горько одиночество, и не зовет, а кличет милого душа-девица.

Ласковый да радостный, молодой да сладостный,
Напиши мне весточку — любишь или нет?.
А в ответ метелица по дорогам стелется,
Белая метелица заметает след.

Стихотворение редкой выразительности, большой поэтической силы. Произведение такого звучания нельзя считать беспредметной лирикой. Это картина «настоящей, большой любви»; песнь любви и природы.

З. Н. Литвин забыла общественное звучание этой песни. М. В. Исаковский не мог молчать в двадцатые годы, когда отношение полов у инакомыслящих получали пошлое, принижающее человека освещение, имели вредное, разлагающее влияние. В его произведениях нет черствой и суровой дидактики старого времени, нет призыва к суровой отчужденности, к аскетизму. Он любит жизнь и внимательно следит, как складывается советское общество, как разрешаются вопросы любви и семьи, как живет советская молодежь. Естественно, что теория «стакана воды» у М. В. Исаковского вызвала только осуждающее к ней отношение. Не только разврат, распущенность, но и небрежное отношение мужчины к женщине встречают с его стороны решительное, строгое осуждение. Поэзия М. В. Исаковского, высокохудожественная и всегда понятная, получившая широкое распространение среди советских читателей, — была и остается актуальной и необходимой. Нравственное влияние ее велико.

Мы видим, что нельзя отрывать форму от содержания, З. С. Литвин заявила, что «содержание песни было слишком бедно и условно». Подробным заявлением изолируется это стихотворение из конкретной общественной и исторической обстановки. Надо знать, что в 25—26 годах учащиеся Опытно-показательной школы при Смоленском институте это стихотворение использовали как пощечину защитникам теорий «любви без черемухи» и «стакана воды». Молодежь отстаивала «старые взгляды на любовь».

Любовная лирика М. В. Исаковского вносит большой вклад в советскую литературу в целом и в песенное творчество, в частности.

С первых лет революции партия и Советское правительство много внимания уделяют молодежи. Война и революция подвергли пересмотру представления о старых ценностях.

Молодежь, не удовлетворенная прежними взглядами на

любовь, на семью, на брак, на дружбу, начала пересматривать их. Особенное внимание приобрели вопросы пола; на диспуты по вопросам пола недоставало докладчиков. Некоторую часть советской молодежи захватила так называемая «теория стакана воды».

В. И. Ленин резко отвергает эту «теорию». Он говорил в 1923 году Кларе Цеткин: «Вы, конечно, знаете знаменитую теорию о том, что будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды... Я считаю знаменитую теорию «стакан воды» совершенно не марксистской и совершенно противообщественной»[1].

В. И. Ленин возражал против низведения чувства любви до одного явления биологии. Он считает, что нормальный человек при нормальных условиях не «ляжет на улице в грязь», не будет «пить из лужи или даже из стакана, край которого захватан десятками губ»[2].

В. И. Ленин выступает против воспитания молодежи в духе аскетизма, он говорит: «Коммунизм должен нести с собой не аскетизм, а жизнерадостность и бодрость, вызванную также и полнотой любовной жизни».[3]

Партия и весь советский строй воспитывают молодежь закаленной физически, жизнерадостной, бодрой, честной и чистой, способной к преодолению всех трудностей.

В первый период своего творчества М. В. Исаковский посвещает проблеме любви такие стихотворения как «Раздумье», «Песенка», «Подснежник», «Песня», «Мы живем с тобой поодиночке», «Письмо», «Я не клала в печку дров», «У Ванюши не пахана пашенька», «Формула любви», «Рассказ о кольцевой почте», «Политпросвет», «В позабытой стороне» и др.

М. В. Исаковский с первых же стихотворений, говорящих о чувстве любовном, является горячим, убежденным противником вульгаризаторов, сводящих великое и красивое чувство к узкополовому влечению и налагающих на отношения любящих печать пошлости или прямого издевательства.

Отношение М. В. Исаковского к вопросу о любви — бережное и целеустремленное. Самое чувство любви молодое, свежее и нежное. В описаниях поэта вдумчивая и ласковая лиричность нередко сменяется шуткой. Но и шутка эта всегда добрая, незлобная. Нельзя и представить себе, чтобы его

---

[1] Сб. В. И. Ленин о молодежи. Изд. «Молодая гвардия», 1935, стр. 189.
[2] Там же.
[3] Там же.

шутка где-нибудь переходила в грубую насмешку, чтобы она роняла достоинство влюбленных.

Трудно было поэту в 20-х годах. В Смоленске он был окружен не только чуждыми, но и прямо враждебными ему авторами. Они не скрывали своего издевательского отношения к поэту, который верил в настоящую, хорошую любовь и вел поэтическую агитацию за чистые и прочные отношения у новой, советской молодежи.

Но поэт шел своим путем, не разменивая на мелочи того, что считал большим и ценным. Стихотворений, говорящих о любви, пока еще (в двадцатые годы) у поэта немного. Но то, что сказано в них, сказано хорошо, с трогающей сердечностью и подлинной поэтичностью.

Горе любящего юноши, потерявшего свою подругу, просто и сильно передано в стихотворении «Песенка».

Губы, словно вишенка,
Вся-как цветик аленький
Говорила: «Мишенька»,
Называла «Маленький».

* * *

У порога лунного
На скрипучей лесенке,
Близкая и юная,
Ты мне пела песенки.

Но девушка умерла. «И осталась в памяти только эта песенка». Искренностью и печалью веет от стихотворения. В немногих словах дается картина первой любви и скорбный ее конец. Так грустно, грустно звучит песенка о чистой, хорошей любви, которую оборвала неумолимая смерть. Скорбь юноши выливается в простых, но за сердце хватающих словах. В стихотворении «Песенка» поэт не случайно употребляет уменьшительное существительное «Мишенька», «вишенька» и прилагательные. Они ласкают слух, ими создается светлое настроение, выражено чувство глубокой и чистой любви. В ней еще много робкого. Вот почему ничего грубого нет и в словарном составе стихотворения. Совершенно иначе оно выглядело бы, если бы «лесенку» поэт заменил бы «лестницей», а вместо «Мишеньки» было бы сказано — «Миша» или «Мишка». Лиризм стихотворения был бы снижен, а идея извращена. Нежная и чистая, робкая и немного наивная, в процессе становления лирики Исаковского эта «Песенка» превращалась в оружие против опошления сознания советской молодежи. Именно такими стихами, поэт отстаивал в двадцатые годы, как и впоследствии право человека на человеческие чувства. «Я человек, и мне не чуждо ни-

что человеческое». Эти слова Маркса поэт горячо принял в свое сердце. С негодованием отбрасывает он слова, опошляющие любовь, и, словно беря за руку юную чету, говорит им: «смотрите, каким чистым и трогательным может быть ваше счастье. Учитесь беречь юную любовь от того, что чернит и опошляет ее, от всяких «теорий», «без черемухи».

Для М. В. Исаковского характерно это соединение простого, казалось бы, описания с высокой художественностью, которая делает его стихотворения незабываемыми. А критика замечает только перегруженность деталями («Где ж ты, лето знойное») или слабость сюжета («Песенка»), т. е. те признаки, которые помешали этим стихотворениям сделаться песнями.

Но критики не замечают упорных исканий поэта. А он не останавливается на «неудачах». Снова и снова обращается к народному творчеству. И после стихотворения «Где ж ты, лето знойное» создает «Я не клала в печку дров».

З. Н. Литвин убедительно раскрыла историю создания этого стихотворения. Поэт берет частушки о неудачной любви. На их основе и выросло стихотворение о том, как девушка сожгла письма гармониста Вани, желая доказать право на свою новую любовь к учителю.

Нельзя не согласиться с З. Н. Литвин, что это стихотворение является «зерном» будущих песен «Провожанье», «На горе белым бело» и др.

Но, к сожалению, З. Н. Литвин дальше не идет в своем анализе. Она не заметила, что характер девушки вырван из типичных обстоятельств и превращен в схему.

Неудачник Ваня с его преданной любовью—живой образ, а девушка только изрекает, что «учителя любить много интересней». Почему? За что? Неубедительно. Схематично.
Вот почему стихотворение так и не прижилось в песенном репертуаре.

Итак, в 20-х годах М. В. Исаковский ищет свой творческий путь. В его творчестве этих лет намечена разнообразная тематика, набросаны силуэты будущих песенных образов, созданы новые жанры: советская социальная песня—«Вдоль деревни»; девичья лирическая — «Я не клала в печку дров», «Где ж ты, лето знойное» и автобиографическая—«Песенка».

Все это раскрывается, обогащается под пером поэта и композиторов в тридцатые годы.

В двадцатые годы намечаются особенности, свойственные песенному стилю Исаковского зрелых лет. Особенно полно эти особенности проявились в песне «Вдоль деревни». Можно сказать, что это поэтическая находка молодого поэта.

Поэтическая же находка появляется при наличии гармони-

ческого единства теории и практики. В чем же заключается секрет мастерства поэта?

Поэт идет к своему читателю с большим, искренним доверием. И встречает не только доверие взаимное, но признание и признательность. Создается то редкостное единение читателей с поэтом, которое может быть только в отношении к близкому, понятному и родному человеку.

Естественно, что это поэтическое слово вдохновляет композитора, который украшает его основной мелодией и сложным оркестровым построением и доносит его до слушателей в форме песни на слова М. В. Исаковского. Слово определяет характер музыки. Не случайно поэт назвал музыку—крыльями, а песню — душой.

Если мы возьмем только те стихотворения, которые положены на музыку и вошли в наш советский песенный фонд, то обращает на себя внимание разная тематика и разные жанры произведений.

Среди них мы видим торжественные стихотворения, посвященные Величию Родины и мудрости ее вождей («Славься Россия», «На реке, реке Кубани»); подвиги Советской Армии в годы великой войны. Творчество его проникнуто началами, которые изложены в его хорошей, поучительной книге. И если мы возьмем только песенную часть его работы, то каждое произведение может быть иллюстрацией к высказанным им положениям.

Он не подлаживается к требованиям композиторов, к указкам и указаниям со стороны, а творит свободно, он не мнит себя песенником, помня, что песенное стихотворение прежде всего должно быть «самостоятельным художественным произведением». И песенное стихотворение его, и на большие и на малые темы, всегда художественны.

Поэт не допускает никаких бессюжетных блужданий. Сюжет у него всегда есть, и дается четко, выпукло, умело и интересно. Даже самая малая тема в его изложении как бы вырастает и получает значительность.

Нужно отметить еще одну особенность творчества М. В. Исаковского, ему свойственную и звучащую во многих его произведениях: редкостную их напевность, даже — музыкальность. Еще нет написанной мелодии, нет сопровождения инструментального, а стихи звучат, как песня или «просятся в песню». Не удивительно, что ряд наших композиторов, и прежде всего В. Г. Захаров, не могли пройти мимо такого материала, богатого содержанием и насыщенного лирической напевностью.

Стихи хороши и по форме поэтической и потому, что написаны они прекрасным и чистым русским языком. Настоль-

ко понятным и ясным, что он легко воспринимается самым неподготовленным читателем и слушателем. Настолько красочным и богатым, что он удовлетворяет требованиям самой суровой критики. Мы уже говорили, что, читая стихотворения М. В. Исаковского, мы переживаем, чувствуем их и любуемся. У поэта необычайно развито чувство эстетического и чувство художественной меры. Бывают в этом направлении некоторые погрешности, но они свойственны любому крупному автору. Притом это в редких случаях. В подавляющем же большинстве стихотворения выдержаны в должных соответствующих сюжету тонах и свидетельствуют не только о большом таланте, но и большом вкусе поэта.

То, что стихотворения М. В. Исаковского, не предназначающиеся для песен, стали песнями и в этом качестве приобрели широкую популярность — объясняется сюжетной их ценностью, художественно-поэтическими достоинствами и, наконец, складом и строем этих произведений. Содержание их разнообразно, но все они связаны единой линией творчества, единой направленностью. В них говорится о том, что интересно, важно и нужно советскому человеку; что привлекает и волнует; радует его или, напротив, вызывает законный гнев возмущение и протест.

К такому высокому качеству песенного жанра М. В. Исаковский пришел путем долгих исканий.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

Том XII Выпуск 2

Р. ДОМБРОВСКИЙ

Кандидат филологических наук, доцент.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И ЕГО РОМАН «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Творчество Достоевского[1] занимает важное место в истории нашей литературы. Было бы отступлением от ленинских традиций игнорировать этого художника, предать его забвению, отказаться от изучения его книг.

В то же время нельзя согласиться с теми критиками, которые рядили Достоевского в революционные одежды, приглаживали кричащие противоречия этого писателя. Такая тенденция в свое время совершенно справедливо подверглась решительному осуждению партийной печати.

Если присмотреться к тому, как относились к Достоевскому Добролюбов, Салтыков-Щедрин, Некрасов, Писарев, то мы увидим, что они более диалектично подходили к произведениям этого художника: решительно осуждая реакционные черты его мировоззрения, они высоко ценили критический пафос его творчества, его реализм. Таков смысл статьи Добролюбова «Забитые люди», Писарева «Борьба за жизнь», оценок Салтыкова-Щедрина и Некрасова. Известно, например, что, несмотря на острую полемику с Достоевским, Салтыков-Щедрин и Некрасов в 70-е годы сочли возможным пригласить этого писателя к сотрудничеству в журнале «Отечественные записки», напечатать его роман «Подросток».

Новый этап в понимании творчества Достоевского открывают оценки, которые дают Достоевскому В. И. Ленин и А. М. Горький.

Бонч-Бруевич в воспоминаниях о В. И. Ленине писал: «Беспощадно осуждал Владимир Ильич реакционные тенденции творчества Достоевского... Вместе с тем Владимир Ильич не раз говорил, что Достоевский действительно гениальный писатель, рассматривавший больные стороны современного общества, что у него много противоречий, изломов, но одновременно и живые картины действительности»[1].

Такую же сложность отмечал в Достоевском и А. М. Горький. Его статьи утверждали творческое отношение к Досто-

---

[1] В. Бонч-Бруевич. Ленин о книгах и писателях», «Лит. газета», 21 апр. 1955 г.

евскому. Так, например, Горький настойчиво осуждал реакционное отношение автора «Бесов» и его последователей к революции, их стремление развенчать человека, увидеть в нем только злую, жестокую силу.

А. М. Горький разоблачал достоевщину, как выражение всего отсталого, реакционного в творчестве писателя. Он разоблачал и тех либеральных литераторов и публицистов, которые пытались именем Достоевского оправдать свое ренегатство после поражения революции 1905 года.

В 1913 году, выступая против инсценировки Художественным театром «Бесов», Горький писал: «Это «представление» —затея сомнительная эстетически и безусловно вредная социально».

В то же время Горький видел в Достоевском крупного реалиста, с громадной силой обличавшего старый мир. Вот почему он писал в статье «О литературе»:

«Я предпочел бы, чтобы культурный мир объединялся не Достоевским, а Пушкиным, ибо колоссальный и универсальный талант Пушкина — гигант психически здоровый и оздоровляющий. Но не возражаю и против влияний ядовитого таланта Достоевского, будучи уверен, что он действует разрушительно на «душевное равновесие» европейского мещанина»[1].

Произведения Достоевского с острыми вопросами, которые в них выдвинуты, будили у читателя, в том числе и у западного, тревогу, беспокойство, заставляли его задумываться над сложными конфликтами жизни.

Только глубокий, всесторонний подход к Достоевскому, который свойственен Ленину и Горькому, позволяет понять силу и слабость этого художника, его противоречия. А противоречия эти действительно кричащие. С одной стороны, в лице Достоевского мы имеем большого реалиста, который сумел в картинах, исполненных большой художественной силы, запечатлеть обездоленность и полное бесправие миллионов простых людей, их огромную боль за попранное человеческое достоинство, писателя, разоблачившего многие стороны буржуазно-крепостнического общества; а с другой стороны, в лице того же Достоевского мы видим художника, который в решающий момент своего жизненного и творческого пути отошел от освободительного движения, выступил против революции, защищая идеи непротивления и пассивности. Корни этих противоречий следует искать в том, что в эпоху ломки старого феодального мира и замены его капиталистическим Достоевский явился выразителем той части мелкой буржуазии, разночинной интеллигенции, которая ненавидела буржуаз-

[1] М. Горький. «О литературе», М., 1953, стр. 409.

но-крепостнический строй, стонала под его гнетом, но не была связана с освободительным движением, не видела выхода в революционной борьбе, наоборот, часто шла на примирение с этим строем. Нередко эти слои были захвачены лихорадкой погони за деньгами, влиянием буржуазного хищничества.

С большой остротой противоречия Достоевского, его яркий талант реалиста-обличителя и слабость положительных идеалов сказались в лучшем романе второго периода «Преступление и наказание».

Этому роману, главным образом мастерству писателя, проблеме, еще недостаточно разработанной в критике, мы и посвятим нашу статью.

* * *

Период 50—60-х годов, когда Достоевский вновь вернулся в литературу и писал «Преступление и наказание», — один из самых бурных в истории нашей Родины. Крымская война (1853—1855 гг.), закончившаяся поражением, показала, как говорил Ленин, гнилость и бессилие крепостнической России. В 1855 году умер Николай I, жестокий тиран и угнетатель русской земли, на престол взошел новый царь — Александр II. В русском народе все больше и больше растет ненависть к самодержавию. По всей России прокатываются крестьянские волнения. Все острее становится вопрос о необходимости ликвидации крепостного права. Реформа 1861 г., как известно, не смогла решить крестьянского вопроса.

Именно в это время на общественную арену выступили революционные разночинцы во главе с Чернышевским и Добролюбовым, последовательные защитники закрепощенного народа. Революционно-демократическому лагерю противостоит самодержавно-помещичий лагерь, поддерживаемый либералами. Борьба между этими двумя лагерями с большой остротой проявилась в литературе, искусстве, науке.

Достоевский в эти годы выступает как враг революционных демократов, враг революционно-демократического движения, как проповедник христианской идеи смирения и покорности. Достоевский со злобным ожесточением нападает на Добролюбова и Чернышевского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина. Он разделывается с «грехами» юности—клевещет на Белинского и Петрашевского.

Но в то же время, как мы говорили, Достоевский ненавидел буржуазно-крепостнический строй, горячо сочувствовал простым людям; большой критический талант позволил ему показать кричащие противоречия действительности.

В 60-е годы в литературе усиливается наступление реакционных сил на революционно-демократический лагерь. Один

за другим выходят так называемые антинигилистические романы Писемского, Клюшникова.

Даже Гончаров в это время делает шаг вправо, пытается в романе «Обрыв» в карикатурном виде представить революционное движение.

В этот поход на демократический лагерь включается и Достоевский. Он создает роман «Преступление и наказание», в котором пытается резко осудить роман «Что делать?» Чернышевского и все революционное движение в целом.

Роман «Преступление и наказание» опубликован в 1866 году в реакционном журнале «Русский вестник», возглавляемом одним из консервативных деятелей этого времени Катковым. В. И. Ленин так характеризует Каткова: «Либеральный, сочувствующий английской буржуазии и английской конституции помещик Катков во время первого демократического подъема в России (начало 60-х годов XIX века) повернул к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству»[1].

Катков считал, что идея романа Достоевского вполне соответствовала направлению журнала, именно потому, что в своем произведении писатель старался осудить революционно-демократический лагерь, его программу, его деятелей. С этим как будто соглашался и сам Достоевский. Но реакция серьезно просчиталась, не увидев в книге Достоевского критического заряда огромной силы, направленного прежде всего на буржуазно-крепостническое общество и ее апологетов. Правда, консервативная позиция писателя нанесла серьезный ущерб этому реализму, обузила его. В угоду ложным тенденциям Достоевский часто уродовал свои характеры, приписывал им такие черты, которые никак не вязались с правдой жизни, с логикой органического развития тех качеств, которые в этих характерах были заложены. Тем не менее так велик реализм художника, что он должен был отметить некоторые важные черты эпохи и воплотить их в картины, исполненные большой глубины и художественной силы.

Достоевский оказался совершенно несостоятельным там, где он осуждает самое передовое по тому времени революционное движение, но там, где он обратился к живым противоречиям времени, он выступает художником-реалистом.

Самым ценным в романе является умение правдиво показать контраст между богатством и бедностью, показать мучительные страдания простых людей, стонущих под игом эксплуататоров, их страстное желание понять причины своего отчаянного положения.

Если внимательно присмотреться, какими путями шел пи-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 250.

сатель, чтобы раскрыть эту проблему, то можно увидеть три идейно-художественные центры книги — три тематические линии. Одна линия связана с изображением самого положения героев в обществе, их бесправия, обездоленности, другая — с отношением этих людей к миру, к окружающей действительности и, наконец, третья — с поисками выхода из того тупика, куда их загнало эксплуататорское общество, поисками, которые, как правило, заканчиваются новой катастрофой, но которые свидетельствовали о беспокойных ищущих характерах героев книги и в то же время об их идейной беспомощности и слабости.

Для раскрытия каждой из этих тем Достоевский нашел свои неповторимые краски и формы.

2

Говоря о положении бедняков, как это положение представлял Достоевский, следует подчеркнуть, что при всех кричащих противоречиях, он уловил много реальных, правдивых черт из жизни простых людей.

Известно, как резко критиковали революционные демократы тех дворянских писателей из либерального лагеря, которые, говоря о социальных противоречиях, обращали внимание на отдельные изъяны современной системы, не касаясь ее существа, ее основных принципов. Такая беззубая, либеральная критика в конечном счете приводила к оправданию существующего строя, лила воду на мельницу эксплуататоров. В статье «Забитые люди» Добролюбов писал:

«У одних по необходимости, вследствие внешних требований, а у других и наивно, простосердечно, — миросозерцание явилось чрезвычайно узким и односторонним; в чиновнике так и видели только чиновника; в беде, происшедшей от взяточничества городничего, так и видели только следствие его взяточничества, всякого станового изображали, как конечную цель и крайнюю точку существующих порядков. Никто, кажется, исключая Щедрина, не вздумал заглянуть в душу этих чиновников-злодеев и взяточников — да посмотреть на те отношения, в каких проходит их жизнь»[1].

Те же мысли настойчиво развивал и Чернышевский. Насколько важен был этот вопрос для своей эпохи показывает то, что Добролюбов и Чернышевский резко полемизировали даже с Герценом, когда тот в период идейных колебаний взял под свою защиту эту либеральную литературу.

Осуждая либеральное зубоскальство, руководители «Современника» в то же время горячо приветствовали смелых художников, которые умели говорить об отношениях не только

---

[1] Добролюбов. Соч. в одном томе. М., 1947, стр. 333.

возможных, но и необходимых в старом обществе, вызванных определенной системой. Вот почему они горячо приветствовали «Губернские очерки» С.-Щедрина.

При всех своих противоречиях Достоевский, как крупный реалист, умел с такой художественной силой показать остроту социальных противоречий, нищету бедных людей, их зависимость от сильных мира сего, что лучшие его произведения 50—60-х гг. заняли важное место в литературе, получившей высокую оценку руководителей революционного лагеря.

Добролюбов, например, разбирая творчество Достоевского 40—50-х гг., отмечал большую правду произведений писателя и прежде всего его романа «Униженные и оскорбленные». По мнению критика, сталкивая знатного князя Валковского с разночинцем Ихменевым, писатель так метко и остро раскрыл социальные контрасты, что в этих контрастах можно было увидеть отражение тех условий и принципов, которые утвердились в буржуазно-крепостническом обществе.

Говоря о конфликте между Ихменевым и Валковским, Добролюбов замечает, что Валковский огражден от всякой попытки Ихменевых защитить себя, ответить на оскорбление князя таким же оскорблением «своим экипажем, швейцаром, связями, наконец, даже полицейским порядком, необходимым для охранения общественного спокойствия»[1].

Конечно, Добролюбов понимал, что у Достоевского критика существующих порядков сочетается с реакционной проповедью смирения, тем не менее он ценил писателя за его умение показать страдания маленьких людей.

Добролюбов умер в 1861 г. Он не мог знать произведений, созданных Достоевским в 60-е годы, не мог знать и «Преступления и наказания». Но это последующее творчество и прежде всего роман «Преступление и наказание» получило оценку Писарева. Писарев в статье «Борьба за жизнь» отмечает, что в своем романе Достоевский с громадной силой показал безвыходность положения Раскольниковых, их нищету и страдания, что художник рисует такие отношения между эксплуататорами и эксплуатируемыми, которые неизбежно устанавливаются в старом строе.

Действительно, в «Преступлении и наказании» Достоевский ярко отразил бедственное положение простых людей. Известно, что писатель подошел к созданию образа разночинца в этом произведении, как и в других книгах, не как наблюдатель, а как активный участник разночинной среды, горячо заинтересованный в судьбе своего героя, хорошо чувствующий на себе все тяготы и невзгоды. В какой-то мере Рас-

---

[1] Добролюбов. Соч. в одном томе М., 1947, стр. 333.

кольниковы и Мармеладовы — это сам Достоевский, с его огромными муками, с его бедственным положением, с постоянным вопросом: что делать?

При всей разнице положений между прославленным художником и бедным студентом юридического факультета Раскольниковым, тот и другой могли влачить самое жалкое существование. Надо сказать, что «Преступление и наказние» задумывается Достоевским за границей в Висбадене, куда он приезжает, чтобы вдали от петербургской суеты заняться творческой работой. Крах с журналом «Эпоха» окончательно опустошил карманы писателя. Он отправляется в поездку с ничтожной суммой денег. Нет средств, чтобы заплатить за обед, ночлег, элементарно себя поддержать. Письма его, относящиеся к этому периоду, полны горьких жалоб на нищенское существование, на голод, нужду.

«Рано утром мне объявили в отеле, что мне не приказано давать ни обеда, ни чаю, ни кофе», — пишет Достоевский. «Продолжаю не обедать и живу утренним чаем вот уже третий день,—пишет он в другом письме,—и странно, мне вовсе не так хочется есть. Скверно что меня притесняют и иногда отказывают в свечке по вечерам».

Совершенно очевидно, что писатель мог хорошо понять нищего, голодного, обездоленного своего героя. Со свойственной ему чуткостью Достоевский увидел в своей судьбе судьбу очень многих несчастных людей.

Проницательный реализм помог Достоевскому в «Преступлении и наказании» создать громадные по своему значению типические характеры бедных людей, в которых узнавали свою долю тысячи униженных и оскорбленных.

Этой цели — широкой типизации подчиняет писатель все средства художественного письма.

Чтобы понять, какой характер носят эти пути обобщения, следует вспомнить очень важное указание Горького о том, что писатель, создавая типический образ, идет на какое-то преувеличение явлений, черт жизни не в смысле их гиперболизации, а в смысле сгущения красок, большей концентрации. Такое сгущение позволяет ему увидеть самое главное, самое существенное в характере героя. Именно таким путем шел Достоевский, — это художник не мягких акварельных красок, не полутонов, а резких линий. Он сознательно стремился к предельному обнажению противоречий действительности, но при этом всегда старался сохранить жизненное правдоподобие и реализм в изображении окружающего мира.

В центре своего романа писатель поставил своеобразный характер студента юридического факультета Петербургского университета Родиона Раскольникова. В образе своего героя писатель настойчиво подчеркивал черты незаурядности,

даже таланта, большого ума, умения чувствовать прекрасное. Даже во внешнем облике Раскольникова отмечены черты тонкой красоты и оригинальности, которые так не соответствовали его нищенскому одеянию.

«Кстати, — говорит писатель, — он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темнорус, роста выше среднего, тонок и строен»[1].

Писатель настойчиво подчеркивал доброту и человечность героя; сам голодный и раздетый, он оставил семье бедного чиновника Мармеладова последние копейки; он вынес из горящего здания двух детей, не покинул в беде своего больного товарища по университету и его старого отца.

Настойчиво отмечая эти качества героя, писатель в то же время показывает огромные муки молодого талантливого студента: он нищ, обездолен до такой степени, что ему не на что купить себе куска хлеба, прилично одеться — ходит в таких лохмотьях, что ему стыдно встречаться с товарищами. Он вынужден оставить университет, забросить книги. На каждом шагу его унижают, преследуют. При этом тяжесть его положения усиливается тем, что он ничем не может помочь горячо любимой матери, сестре, которые бедствуют так же, как и он.

Мы видим, что в судьбе Раскольникова резко подчеркнуто трагическое положение бедных людей города. В этом образе могли бы узнать свою участь многие такие же Раскольниковы. Их типичность заключается не только в нужде, голоде, но и в нравственной обездоленности и бесправии. Они ничем не защищены от богатого господина, полицейского надзирателя, от всего враждебного общества.

Обрисовав положение Раскольникова, писатель сделал только первый шаг в обобщении характерных черт действительности. На этом он не останавливается. Он продолжает сгущать краски. Стремясь выпукло оттенить драматизм судьбы людей, брошенных на дно, писатель группирует вокруг Раскольникова множество близких ему характеров, в которых с еще большей резкостью раскрыта безвыходность голодного и раздетого люда. Перед читателем проходят образы, которые как будто повторяют жизнь Раскольникова и в то же время освещают эту жизнь с какой-то новой мучительной стороны: образ несчастного чиновника Мармеладова, его больной жены Катерины Ивановны, его детей. В Мармеладове мы узнаем знакомое нам по Раскольникову противоречие между умом, добрым сердцем и несчастным, отчаянным по-

---

[1] «Преступление и наказание», стр. 4, ГИХЛ, М., 1955 (в дальнейшем ссылки на это издание).

ложением, в которое этот человек попал. Характерен портрет Мармеладова. Писатель говорит:

«Но что-то было в нем очень странное; во взгляде его светилась как будто даже восторженность, — пожалуй, был и смысл и ум, — но в то же время мелькало как будто и безумие»[1].

Писатель отмечает в лице чиновника смысл и ум, но в то же время подчеркивает, что этот ум все больше гаснет, заменяется безумием.

Такой же контраст между гордостью, трудолюбием, энергией и безысходным положением подчеркивает Достоевский и в Катерине Ивановне, жене Мармеладова: она больна чахоткой, гаснет с каждым днем, с каждым часом, сходит с ума. Путь этих людей, как мы говорили, сходен с дорогой Раскольникова, но этот путь не просто повторяет судьбу главного героя, но острее подчеркивает всю безвыходность, мучительность его существования.

Жизнь Мармеладовых — это будущее Раскольникова: если молодой студент находится на грани катастрофы, то Мармеладов эту катастрофу уже переживает. Раскольников может видеть, что ждет его и на примере Катерины Ивановны — он уже сейчас чувствует, как под бременем обстоятельств теряет самообладание, теряет рассудок.

«Мармеладов и его рассказ действует на него (то есть Раскольникова) так, — пишет Писарев в статье «Борьба за жизнь», — как действуют обыкновенно на юного медицинского студента те куски разлагающегося человеческого мяса, с которыми он встречается и принужден знакомиться самым обстоятельным образом при первом вступлении в анатомический театр.

Прошу читателей извинить меня. Мое сравнение грешит тем, что оно слишком слабо. Оно могло бы сделаться верным только в том случае, если бы мы предположили, что в анатомическом театре производятся вивисекции над самими студентами, и что каждый из этих студентов, превратившись под ножом прозектора в куски кровавого разлагающегося мяса, продолжает в течение многих месяцев, страдать, стонать, метаться, чувствуя и сознавая свое собственное гниение»[2].

Такую же цель — как можно резче показать мучительные переживания бедных людей — преследует и другая группировка образов: Дуни, Сони, пьяной девушки, которую встречает Раскольников на бульваре, маленькой Полечки. Дуня еще стоит перед мучительным рубежом, она еще только готовится продать себя богатому дельцу Лужину. Соня уже пе-

---

[1] «Преступление и наказание», стр. 12.
[2] Писарев. Соч. в 2 томах, М., 1935, т. 1, стр. 507.

решла этот рубеж: спасая семью Мармеладовых от голода, она продает себя на улице. Такова же судьба упомянутой несчастной бедной девушки. Полечку ожидает еще более страшная, мучительная участь.

Писатель до предела доводит трагическую ситуацию, тем самым раскрывая бездну страданий простых людей.

Все более сгущая краски, обнажая суровую правду, Достоевский раскрывает самые важные стороны жизни своих героев. Он настойчиво подчеркивает мысль о том, что в этом обществе труд обесценен до такой степени, что он не спасает людей ни от нищеты, ни от голодной смерти. Тема эта проходит красной нитью через все размышления и действия Раскольникова. В одном месте романа герой жалуется на нищенскую плату за обучение детей на дому.

— За детей медью платят. Что на копейки сделаешь? — продолжает он с неохотой, как бы отвечая собственным мыслям.

Через несколько страниц этот мотив в еще более заостренном виде повторяется в письме матери Раскольникова к сыну: его сестра Дуня терпит циничные издевательства в доме Свидригайловых, а получает за это гроши. Еще резче писатель обнажает эту тему в рассказе Мармеладова о Сонечке.

«Теперь же обращусь к вам, милостивый государь мой, сам от себя с вопросом приватным, — говорит Мармеладов Раскольникову, — много ли может, по-вашему, бедная, но честная девица честным трудом заработать?.. Пятнадцать копеек в день, сударь, не заработает, если честна и не имеет особых талантов, да и то рук не покладая работавши! Да и то статский советник Клопшток, Иван Иванович,—изволили слышать?—не только денег за шитье полдюжины голландских рубашек до сих пор не отдал, но даже с обидой погнал ее, затопав ногами и обозвав неприлично, под видом будто бы рубашечный ворот сшит не по мерке и косяком»[1].

Самые разные художественные средства романа подчинены писателем той же цели: раскрыть муку простых людей. Сопоставляя Мармеладова с Раскольниковым, писатель расширял круг своих наблюдений. Но этого ему было мало — надо было найти средства прямо отметить широту размеров того бедствия, которое испытывает народ. Вот почему писатель так строит композицию произведения, что за единичным фактом, единичной судьбой открываются судьбы многих тысяч людей.

Характерен такой пример. Достоевский подробно рассказывает о переживаниях Раскольникова после прочтения им письма матери: мысль о судьбе сестры Дуни, согласившейся

---

[1] «Преступление и наказание», стр. 17.

выйти замуж за Лужина, как-то сама собой связывается с судьбой Сонечки Мармеладовой. Брак с Лужиным — какой-то вариант той же жертвы, которую принесла дочь Мармеладова, чтобы спасти свою семью. Эти размышления Раскольникова представляют собой какую-то попытку обобщить явления жизни. Но вот в эту часть романа включается сцена, которая призвана не только подтвердить мысли Раскольникова, но и в свою очередь явиться отправной точкой для еще более смелых раздумий. Раскольников встречает на бульваре пьяную девочку-подростка, видимо, обманутую кем-то.

«Вернее же всего где-нибудь напоили и обманули... в первый раз... понимаете? да так и пустили на улицу», — говорит он подошедшему городовому.

После этого эпизода писатель вновь возвращается к думам Раскольникова. Теперь мысль об этой несчастной девушке у Раскольникова соединяется не только с Дуней и Соней, но и с многими другими девушками, вынужденными идти на позор и надругательство.

Очень важно отметить, что иногда обобщение дается писателем не в прямой форме выводов и раздумий, а в своеобразной художественной детали или сцене, имеющей типическое значение. Например, любопытна такая подробность из только что указанной сцены: невдалеке от пьяной девочки Раскольников увидел жирного франта, который ожидал, когда эта девушка останется одна, чтобы перехватить ее.

«Раскольников ужасно разозлился, ему вдруг захотелось как-нибудь оскорбить этого жирного франта. Он на минуту оставил девочку и подошел к господину.

— Эй вы, Свидригайлов! Вам чего тут надо? — крикнул он, сжимая кулаки и смеясь своими запенившимися от злобы губами»[1].

Он называет незнакомца Свидригайловым. Да, этот франт одна из разновидностей свидригайловых, тех, кто подобно известному Раскольникову Свидригайлову, преследует Дуню, преследует множество других, таких же беззащитных и слабых девушек, как эту пьяную девушку на бульваре. И вся сцена, которую приводит здесь писатель, — одна из многих, какие постоянно разыгрываются в разных местах города.

Глубина реализма писателя заключается в том, что он показал не только типические характеры обездоленных, но и типические обстоятельства, где эти люди жили. Речь идет о комнатах, где находятся эти люди, воздухе, которым они дышат, одежде, которую они носят, речь идет о материальных страданиях, которые вызывают страдания духовные. Все эти обстоятельства подчеркиваются писателем, причем и на

[1] «Преступление и наказание», стр. 46.

этот раз он старается идти путем обнажения кричащих противоречий жизни, сгущения красок.

Так, например, писатель несколько раз останавливается на маленькой убогой комнатке Раскольникова, называя ее шкафом, клетушкой, морской каютой, гробом, — каждое такое название все ощутительнее передает нищету, убожество того места, где живет герой романа. Характерно, что Достоевский прямо связывает страдания Раскольникова, его мрачный пессимизм и само преступление со средой, где проводит Раскольников большую часть своей жизни — с низким потолком, который как бы заставляет молодого человека пригибаться к земле, с грязными обоями, разрушенной печкой, разбитым диваном, которые ежеминутно напоминают Раскольникову о его нищете.

«Там-то, в углу, в этом-то ужасном шкафу и созревало все это (то есть преступление)», — говорит писатель[1].

Казалось бы, рисуя комнату своего героя, писатель до предела сконцентрировал густые краски, однако, когда через несколько страниц он рисует быт семьи Мармеладовых, то находит новые, еще более мрачные тона, чтобы подчеркнуть размеры нищеты бедняков.

«Маленькая закоптелая дверь в конце лестницы, на самом верху, была отворена. Огарок освещал беднейшую комнату шагов в десять длиной; всю ее было видно из сеней. Все было разбросано и в беспорядке, в особенности разное детское тряпье. Через задний угол была протянута дырявая простыня. За нею, вероятно, помещалась кровать. В самой же комнате было всего только два стула и клеенчатый очень ободранный диван, перед которым стоял старый кухонный сосновый стол, некрашеный и ничем не покрытый. На краю стола стоял догоравший сальный огарок в железном подсвечнике. Выходило, что Мармеладов помещался в особой комнате, а не в углу, но комната его была проходная. Дверь в дальнейшие помещения или клетки, на которые разбивалась квартира Амалии Липпевехзель, была приотворена. Там было шумно и крикливо. Хохотали. Кажется, играли в карты и пили чай. Вылетали иногда слова самые нецеремонные».[2]

Условия жизни Мармеладовых — это какая-то новая ступень в нищете, обездоленности по сравнению даже с комнатой Раскольникова.

Но и этого еще мало — оказывается можно жить в еще более отчаянных, мрачных условиях; в сенных бараках или просто на берегу Невы. И эту стадию нищеты пережил Мармеладов: убежав из дому, он провел в таких бараках пять

---

[1] «Преступление и наказание», стр. 52.
[2] Там же, стр. 24.

суток. В дальнейшем Достоевский будет постоянно возвращаться к этим шкафам, конурам, гробам, в которых влачили жалкое существование те, кто был обречен на муки и голод.

Отмечает Достоевский и атмосферу, в которой приходится жить Раскольниковым, воздух, отравляющий своим дыханием их организмы; неизменно говорится о затхлости, духоте тех помещений, где находятся бедные люди. Опять и опять идет речь о такой обстановке, в которой становится возможным появление самых черных мыслей, самых кровавых преступлений. Чернышевский в статье «Русский человек на свидании» говорил, что, живя в кабаке, трудно не пропитаться запахом водки, имея в виду пагубное влияние среды на человека. Такую же мысль писатель проводит и в «Преступлении и наказании». При этом Достоевский подчеркивает, что гнилые испарения, отсутствие свежего воздуха характерно не только для клетушек, где живут Раскольниковы и Мармеладовы, для трактиров, где они бывают, но и для всего Петербурга с его пыльными улицами, удушающей атмосферой.

«На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса́, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу, — все это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы юноши»[1].

Даже в сновидениях Раскольникова преследует эта духота, гнилая обстановка. Так, рисуя картину сна, Достоевский говорит:

«Время серенькое, день удушливый, местность совершенно такая же, как уцелела в его памяти; даже в памяти его она гораздо более изгладилась, чем представлялась теперь во сне».[2]

Именно такая атмосфера соответствует звериным жестоким нравам, которые дальше рисуются писателем, — издевательству Миколки и пьяной компании над бедной лошадью, воплотившей страдание простых людей.

Таким образом, в романе с большим реализмом выражено горе простых людей, их огромные муки в эксплуататорском обществе. Однако этот реализм вступает в резкий диссонанс с бессилием писателя понять корни социальных противоречий, его неумением найти выход из этих противоречий.

3

Продолжая дальше развивать тему о страданиях простых людей, писатель раскрывает, как относятся бедняки к своему положению, к социальным контрастам, каков их нравственный облик, воля, понимание жизни.

---

[1] «Преступление и наказание», стр. 4.
[2] Там же, стр. 53.

Так образуется тот второй идейно-художественный центр романа, о котором мы говорили.

Выбор героя из среды униженных и оскорбленных был для Достоевского неслучаен. Несмотря на призыв к смирению и покорности, он как писатель-реалист, не мог не услышать голоса негодования людей, доведенных до отчаяния. Таким, например, в «Униженных и оскорбленных» выступает Ихменев.

Еще более резкую позицию занимает герой романа «Преступление и наказание» Раскольников. Как бы писатель ни относился к протесту своего персонажа, как бы ни старался он противопоставить ему идеал смирения, покорности, объективное значение этого протеста было велико: Раскольников до предела обнажает противоречия действительности. Он не знает, как решить конфликт между богатыми и бедными, но понимает этот конфликт очень глубоко.

«С одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому ненужная, и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет... С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь! Сотни, тысячи, может быть, существований, направленных на дорогу; десятки семейств, спасенных от нищеты, от разложения, от гибели, от разврата, от венерических больниц, — все это на ее деньги».

Это говорит не Раскольников, а какой-то студент своему товарищу в трактире, но приведенные слова выражают раздумье самого героя. Вопрос поставлен очень остро. По какому праву умные, честные люди терпят нужду, страдают, в то время как люди-слизняки, подобные процентщице, Свидригайлову, владеют огромным богатством, сосут кровь близких? Есть ли смысл в том, что в сундуках у старухи без всякой пользы лежат сокровища, которые могли бы спасти от голодной смерти, тюрьмы, венерических больниц и публичных домов тысячи молодых жизней?

А как верно понимают герои Достоевского, что весь капиталистический мир построен на преступлении, что самые большие преступники пользуются самым большим уважением.

«Кто много имеет, тот у них и прав, — говорит Раскольников. — Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, а кто больше всех может поспеть, тот и всех правее!».

Еще более резко он говорит о самых страшных преступлениях, совершенных собственниками, — об опустошитель-

ных, захватнических войнах, и о том, что в буржуазном мире за эти войны, за море крови, которое льется, как шампанское, венчают в Капитолии, называют благодетелем человечества. При этом надо сказать, что герой высказывает настолько смелые и верные мысли, что они и сейчас звучат злободневно. Разве нельзя отнести указанную характеристику мастеров кровавых дел к современным поджигателям войны... Разумеется, Раскольников, осуждая преступность буржуазного мира, сам становится его участником, но это не изменяет того положения, что он может метко характеризовать ненавистный ему подлый мир.

В одной из первых глав романа приведен характерный разговор Раскольникова с работницей домохозяйки Настасьей. Настасья спрашивает Раскольникова:

— ...пошто ничего не делаешь?

— Я делаю... — нехотя и сурово проговорил Раскольников.

— Что делаешь?

— Работу...

— Каку работу?

— Думаю, — серьезно отвечал он, помолчав. Настасья так и покатилась со смеху.[1] Юмористическая окраска этого разговора не лишает его большого смысла: да, Раскольников думает, думает много, упорно, над жизнью, ее противоречиями, думает здраво, смело, и в этих думах — его сила, его зрелость.

Трезвый и ясный ум Раскольникова решительно отбрасывает какие бы то ни было маниловские грезы и иллюзии, а поэтому его размышления отличаются беспощадной прямотой и резкостью. Нередко поэтому писатель так строит свое произведение, что оценка Раскольникова как бы обнажает скрытый смысл той или иной стороны жизни. Например, в первой части романа Раскольников получает письмо от матери. Письмо это написано мягкой, нежной романтической натурой, написано в шиллеровских тонах, как говорит сам Раскольников. Но герой решительно отказывается смотреть на мир сквозь розовые очки, как это делает мать.

«И так-то вот всегда у этих шиллеровских прекрасных душ бывает, — думает Раскольников, — до последнего момента рядят человека в павлиньи перья, до последнего момента на добро, а не на худо надеются; и хоть предчувствуют оборот медали, но ни за что себе заранее настоящего слова не выговорят; коробит их от одного помышления; обеими руками от правды отмахиваются до тех пор, пока разукрашенный человек им собственноручно нос не налепит».

---

[1] «Преступление и наказание», стр. 28—29.

В этой прямоте и резкости и раскрывается важнейшая особенность характера Раскольникова —его трезвый реализм. Матери, например, хочется представить буржуазного дельца Лужина человеком, хотя, быть может, и ограниченным, но не злым, умеющим ценить благородные чувства. Раскольников с ожесточением срывает эти розовые покрывала, обнажает правду до предела.

«Гм, это правда, — продолжал он, следуя за вихрем мыслей, крутившимся в его голове, — это правда, что к человеку надо «подходить постепенно и осторожно, чтобы разузнать его», но господин Лужин ясен. Главное, «человек деловой и, кажется, добрый: шутка ли, поклажу взял на себя, большой сундук на свой счет доставляет! Ну как же не добрый? А они-то обе, невеста и мать, мужичка подряжают, в телеге, рогожею крытой (я ведь так езжал)! Ничего! Только ведь девяносто верст, «а там преблагополучно прокатимся в третьем классе», верст тысячу. И благоразумно: по одежке протягивай ножки; да вы-то, господин Лужин, чего же? Ведь это ваша невеста... И не могли же вы не знать, что мать под свой пенсион на дорогу вперед занимает? Конечно, тут у вас общий коммерческий оборот, предприятие на обоюдных выгодах и на равных паях, значит и расходы пополам; хлеб-соль вместе, а табачок врозь, по пословице. Да и тут деловой-то человек их поднадул немножко: поклажа-то стоит дешевле ихнего проезда, а, пожалуй, что и задаром пойдет. Что же они обе не видят, что ль, этого аль нарочно не замечают?»[1].

Мать хочет изобразить брак Дуни с Лужиным как самый естественный шаг в жизни дочери. Раскольников и теперь добирается до истины, он понимает, что Дуня продает себя Лужину.

Таким же путем обнажает Раскольников ложь и в словах самого Лужина. Лужин пытается прикрыть красивой оболочкой свой звериный эгоизм. Он витиевато рассуждает о том, что каждый должен прежде всего заботиться о себе, своем благополучии—тогда, мол, наступит общее довольство, а Раскольников говорит ему: «А доведите до последствий, что вы давеча проповедывали, и выйдет, что людей можно резать». То есть он показывает, что вся лужинская теория и все его дела основаны на преступлении, подлости.

Отмечая такую прямоту Раскольникова, опять следует сказать, что она сочетается у него с идеей примирения с Лужиными и Свидригайловыми, с идеей прощения врагов, которую он позаимствовал у Сони. Вот, где вскрываются те кричащие противоречия писателя, которые так характерны для этого большого, но изломанного, изуродованного дарования.

---

[1] «Преступление и наказание», стр. 40—41.

Так выражена и эта важная сторона жизни простых людей — их понимание противоречий жизни, их желание изменить ее. Через все повествование настойчиво проходит мысль: так больше жить нельзя!

А как же жить, какие пути избрать?

Третья идейно-художественная линия произведения, не менее существенная, чем первые две, связана с характеристикой тех путей, которые ищет Раскольников, которые открывает перед ним жизнь в буржуазно-крепостническом обществе.

Решая эту проблему, писатель обнаруживает глубокое реалистическое чутье, но в то же время именно здесь с особой силой выступают знакомые уже нам диссонансы.

Чтобы понять, как решается Достоевским эта сторона жизни Раскольникова, надо вновь представить себе композицию произведения, ту группировку образов, о которой говорилось выше.

Поставив рядом с Раскольниковым Мармеладова, писатель хотел не только оттенить страдания своего героя, но и представить какой-то вариант его будущей жизни. Это самый мучительный, горестный путь, без проблеска надежды и упования, без какой бы то ни было возможности счастья и радости. Именно так расценил его сам Мармеладов, когда говорил Раскольникову:

«Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда больше идти? Нет! Этого вы еще не понимаете...»[1].

Недаром судьба Мармеладова кончается так трагично: в пьяном виде он попадает под лошадь, окровавленный, с разбитой грудью, с раздробленным лицом он вскоре умирает у себя дома. Затем гибнет и Катерина Ивановна — во время припадка сумасшествия она падает на панель, обливаясь кровью, хлынувшей из горла несчастной женщины.

С тяжелым сердцем видит Раскольников страдания этих людей. Сам он часто подходит к краю пропасти, даже заглядывает в нее — не раз в нем возникает желание покончить с собой, избавиться от тяжелых мук и горя. Однако сделать этот шаг Раскольников не решается — слишком любит он жизнь, чтобы отказаться от нее.

Помимо Мармеладова и Катерины Ивановны перед Раскольниковым раскрываются еще две судьбы: Свидригайлова и Сони. И это не случайно: тот и другой образы выражают, по мысли автора, какие-то возможные для героя дороги: первый — дорогу насилия, полного разрыва с светлыми, гумани-

---

[1] «Преступление и наказание», стр. 16—17.

стическими порывами, второй—христианского смирения, отказа от своего я, жертвенности.

Свидригайлов —человек без принципов и морали, глубоко развращенный и низкий, является живым выражением того буржуазного мира, который был так ненавистен Достоевскому. Звериный эгоизм выступает в Свидригайлове с предельным, обнаженным цинизмом: ради удовлетворения самых низких страстей Свидригайлов готов насиловать, убивать, мучить. Он надругался над бедной глухонемой девочкой, явился виновником ее самоубийства, он покупает новую жертву своего сластолюбия — шестнадцатилетнюю девочку бедных чиновников, собирается жениться на этой девочке; он преследует Дуню, пытается изнасиловать ее. Кажется, нет такого преступления, на которое не решился бы этот человек.

Раскольникову омерзителен Свидригайлов, но в отдельные минуты отчаяния герой задумывается, не пойти ли ему по этому пути. Прав Ермилов, когда в статье «Ф. М. Достоевский» говорит, что если попытка зацепиться за заботу о семье Мармеладовых, за детскую чистоту была попыткой жить после преступления по-человечески, то была у Раскольникова и попытка обратная: нельзя ли ему жить не по-человечески, утвердиться в праве на преступление, на полный аморализм? В этом внутренний смысл его смутной тяги к Свидригайлову, неясной ему самому надежды на то, что он может что-то получить, что-то узнать, чем-то «морально», вернее аморально подкрепиться в сближении с ним. И Свидригайлов, со своей стороны, говорит ему, что у них есть общее, намекая на то, что оба они — убийцы. Приглядевшись к этому совершенно выпотрошенному субъекту, на которого цивилизация оказала влияние только тем, что воспитала в нем «многосторонность ощущений», способность и любовь к преступлению, и одновременно к «доброте», поняв зловонный омут свидригайловской «души», Раскольников окончательно убеждается в полной невозможности для себя утвердиться на пути аморализма.

Непосредственно с Свидригайловым связаны еще и образы старухи-процентщицы, дельца Лужина и другие. И они представлены в романе не изолированно от Раскольникова, а в связи с ним, с теми путями, которые возможны для героя книги.

Старуха-процентщица отличается скупостью, жадностью, деспотизмом. Она взимает огромный процент за выданные деньги; едва закладчик просрочит срок, продает заложенные вещи, нещадно грабит бедных людей. Она дает мизерную сумму за последнюю вещь, которую может принести Раскольников, — отцовские часы — 1 рубль 50 копеек. Из этой же суммы она вычисляет проценты за прежний вклад. Настоль-

ко нагло и цинично ведет себя эта старуха, что даже Раскольников, хорошо знавший повадки ростовщицы, поразился ее жадности. Скупость сочетается в старухе с деспотизмом: она нещадно эксплуатирует забитую свою сестру Лизавету, заставляет ее работать на себя день и ночь. Процентщица жестока — она со зла укусила палец Лизавете. Эта паразитка, которую сравнивает один из персонажей с вшой, тараканом.

Не менее отвратителен облик состоятельного дельца Лужина, преуспевающего адвоката, человека, считающего, что все в мире покупается и продается. Брак с Дуней для Лужина это сделка, в которую он вкладывает известный капитал, но который должен в свою очередь принести проценты: ведь Лужин слыхал, что в Петербурге с помощью хорошенькой женщины большую карьеру можно сделать. Если в Свидригайлове его развращенность и преступность выступает в обнаженном виде, то подлость Лужина прикрыта внешним блеском. Это делает его образ особенно омерзительным, гадким и опасным.

Чтобы показать, что Лужин и процентщицы — не случайное явление, писатель населил свой роман множеством второстепенных эпизодических лиц эксплуататорского мира. Причем и эти паразитические образы представлены в романе глазами Раскольникова. В книге появляется и образ толстого трактирщика, и краснорожего Митьки, избившего лошадь, и содержательницы публичного дома, с которой встречается Раскольников в полицейском управлении, и многих других. При этом, Достоевский объединяет указанные характеры в одну группу. Недаром писатель нередко рисует их сходными красками, настойчиво подчеркивает эпитет: жирный.

«Он был в поддевке и в страшно засаленном черном атласном жилете, без галстука, а все лицо его было как будто смазано маслом, точно железный замок»[1]. Так дан образ трактирщика.

А вот как изображен господин, преследующий пьяную девочку на бульваре.

«Господин этот был лет тридцати, плотный, жирный, кровь с молоком, с розовыми губами и с усиками и очень щеголевато одетый».[2]

Характерно, что в портрете старухи отмечается это же знакомое нам определение «жирный». «Белобрысые, мало поседевшие волосы ее были жирно смазаны маслом»[3].

Да, это жирные пауки, сосущие кровь простого люда.

Так, вслед за Свидригайловым перед Раскольниковым рас-

---

[1] «Преступление и наказание», стр. 11.
[2] Там же, стр. 46.
[3] Там же, стр. 7.

крывается мир Лужиных и процентщиц, мир сытых трактирщиков, подлых содержательниц публичных домов.

Раскольников враждебно относится к этому миру. Между тем, убив старуху, сам становится на этот путь. Как это произошло?

В объяснении причин преступления Раскольникова имеются две стороны — фальшивая и реалистическая. Первая связана с борьбой Достоевского против революционного лагеря. Фальшь заключается в том, что Достоевский пытается объяснить убийство старухи и ее сестры Раскольниковым влиянием той теории о праве сильных на решающее слово, действие, даже преступление, которое будто бы отстаивал революционно-демократический лагерь. Согласно этой теории все люди делятся на избранные личности и массу, которая должна им подчиниться. Сильные имеют право на преступление, на любое действие, которое они сочтут нужным предпринять. Ясно, что это человеконенавистная теория буржуазного анархизма и своеволия не имеет ничего общего с ясной, целеустремленной революционной программой Чернышевского и Добролюбова. Глубокую мысль выразил Писарев в статье «Борьба за жизнь»: «Кровопролитие становится неизбежным вовсе не тогда, когда какое-нибудь живое препятствие мешает этому необыкновенному человеку осуществить свою личную фантазию, а только тогда, когда две большие группы людей, две нации или две сильные партии резко и решительно расходятся между собой в своих намерениях и желаниях».

Достоевский пользуется излюбленным приемом врагов революции, которые, стремясь опорочить передовых борцов за народное дело, приписывали им всякие уголовные преступления.

Сам облик Раскольникова никак не похож на революционера — он оторван от коллектива, от народа, в одиночку, втайне от всех задумывает свой план ограбления старухи и совершает его. Отношения, которые, по его мнению, составляют идеал общества, — это отношения господ и рабов, а не отношения равенства, дружбы, товарищества, которые являются столь характерным для революционного демократического движения.

Таким образом, если подойти к теории Раскольникова и его преступлению с той позиции, которую хочет подчеркнуть писатель, то можно прямо сказать, что во всей этой части романа нет ни капли правды, а есть злобное желание оклеветать ненавистный ему демократический лагерь. Характерно, что сам Достоевский вынужден был заставить Раскольникова признаться, что между ним и социалистами нет ничего общего.

В одном месте романа герой говорит: «За что давеча дурачок Разумихин социалистов бранил? Трудолюбивый народ и торговый; «общим счастьем» занимаются. Нет, мне жизнь однажды дается и никогда больше ее не будет: я не хочу дожидаться всеобщего счастья».

Как нельзя более резко подчеркивается этим высказыванием анархический индивидуализм Раскольникова.

Интересен для понимания идеологических колебаний Достоевского один вариант в записях автора «Преступления и наказания», не воплотившийся в роман. Этот вариант показывает, что Достоевский чувствовал полную несовместимость раскольниковского преступного индивидуалистического бунта с социалистическими идеями. Согласно этому варианту Раскольников решил донести на себя именно потому, что понял чуждость и враждебность своего преступления человеческому счастью, золотому веку. Словом «золотой век» Достоевский часто заменял слово социализм.

Интересно отметить, что и ряд критиков реакционного направления был вынужден, несмотря на увертки, признать, что в Раскольникове нет ничего от демократического лагеря. К таким, например, выводам вынужден был прийти один из близких Достоевскому критиков Н. Страхов.

Следует сказать, что подобная ложь значительно ослабляла типичность образа Раскольникова, придала ряду сцен романа фальшивый характер.

Однако в мотивировке причин преступления есть другая, важная сторона, как и в других частях книги, писатель и теперь уловил немало верного. А верно здесь то, что убийство объясняется влиянием того общества, в котором находится герой романа: живя среди волков, Раскольников сам заражается их волчьими правилами, сам становится на путь буржуазного преступления. Осуждая старух-процентщиц и Лужиных, как мы говорили, он идет по их же пути — грабит и убивает также, как они.

Полна глубокого смысла такая деталь из сцены убийства: Раскольников занес топор не только над жестокой процентщицей, но и над жертвой этой старухи — Лизаветой, к которой Раскольников не питал уже никакого злобного чувства. Если бы попался еще кто-либо на его пути, он, верно, уничтожил бы и этого человека.

После расправы с процентщицей и Лизаветой, когда кто-то подошел к двери и стал дергать ручку, Раскольников готов был проломить голову и этому человеку. Иными словами, автор подчеркивает мысль, что, став на путь преступления, Раскольников уже не мог остановиться — один преступный шаг повлек за собой другой.

О том, что действительно убийством старухи Раскольников

приобщился к миру Лужиных, говорят переживания героя книги после преступления. Так возникает тема наказания, которая, как и тема убийства, имеет две стороны — одна опять-таки ложная и другая глубоко реалистическая. Первая сторона связана с религиозными воззрениями Достоевского: Раскольникова, думает писатель, наказала за убийство его собственная совесть больше, чем правосудие. Вся сцена, рисующая поведение героя романа непосредственно вслед за убийством, построена писателем так, что благодаря счастливому стечению обстоятельств Раскольников вышел, как говорится, сухим из воды: перед ним возникает и тут же устраняется опасность.

Раскольников мог быть и не обнаруженным полицией, но, по мнению Достоевского, его замучило религиозное, нравственное чувство. Оно заставило во всем признаться. Такова одна сторона этой темы наказания, как мы говорили, связанная с религиозным настроением Достоевского.

Однако в теме наказания есть и другая важная сторона, вновь подтвердившая огромную силу реализма писателя. Реализм этот заключается в том, что писатель правдиво показал страдания человека, наделенного хорошими задатками, но оказавшегося в одном ряду с теми, кого он презирал всеми фибрами души — Свидригайловыми, Лужиными, и в силу этого на какое-то время духовно порвавшего с близкими ему людьми — матерью, сестрой, друзьями.

«Ему показалось,—говорит Достоевский, передавая чувства Раскольникова после преступления, — что он как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего в эту минуту»[1].

Острота и драматизм этих частей основаны на контрасте между тем светлым, что сохранилось в душе Раскольникова, несмотря на все испытания судьбы, и тем положением убийцы и насильника, в котором он оказался. Особенно тяжело ему видеть мать и сестру, которые так любили его, так хотели ему помочь.

Неожиданно застав у себя дома приехавшую мать и сестру, Раскольников переживает страшные минуты и часы.

«Радостный, восторженный крик встретил появление Раскольникова. Обе бросились к нему. Но он стоял, как мертвый: невыносимое внезапное сознание ударило в него, как громом. Да и руки его не поднимались обнять их: не могли. Мать и сестра сжимали его в объятиях, целовали его, смеялись, плакали... Он ступил шаг, покачнулся и рухнулся на пол в обмороке»[2].

Тонко отмечено, что задумав убийство старухи, становясь на путь Лужиных, Раскольников испытывает глубокую враж-

---

[1] «Преступление и наказание», стр. 110.

[2] Там же, стр. 183.

ду к людям. Когда же он временно отказывается от своего замысла, он чувствует, как с него падает тяжелая ноша, и он начинает питать симпатию к окружающим его людям.

«...он глядел уже весело, — говорит писатель, — как будто внезапно освободясь от какого-то ужасного бремени, и дружелюбно окинул глазами присутствующих»[1].

Больше того, в эти светлые мгновенья он даже чувствовал, что в нем совершилось что-то новое и вместе с тем ощущалась какая-то жажда людей.

Совершив убийство, Раскольников как никогда видит подлость того мира, который был ему так омерзителен, но который отравил его своим дыханием. В этих частях Достоевский с большой силой подчеркивает то противоречие между подлинно человеческим и буржуазным, которое позже с такой силой раскроет Горький в своих героях—выходцев из собственнического мира. Вспомните, например, хотя бы Фому Гордеева из одноименного романа, или Лунева из романа «Трое», их ненависть к собственническому миру. Вспомните, с каким негодованием посылает проклятия Фома Гордеев купцам.

«О, сволочи,—воскликнул Гордеев, качая головой, — что вы сделали. Не жизнь вы сделали — тюрьму, не порядок вы строили — цепи на человека выковали. Душно, тесно, повернуться негде живой душе, погибает человек. Душегубы вы. Понимаете ли, что только терпением человеческим вы живы?».

Еще более резко обвиняет собственников в подлости и преступлении Илья Лунев, вышедший из простых людей.

Достоевский и Горький подходят к этой теме с разных позиций — Горький противопоставляет луневской линии линию Павла Грачева, линию революционной борьбы. Достоевский же противопоставляет Раскольникову идею христианского непротивления злу насилием, «Сонечкину правду»; тем не менее есть известная точка соприкосновения между творчеством этих писателей — она заключается в том, что оба художника показали тот конфликт между классовым, буржуазным и человеческим, которое Маркс считал одним из важных противоречий, характерных для тех, кто связан с буржуазным миром, но видят его пороки, хотят порвать с ним.

Таким образом, открывая перед Раскольниковым и эту дорогу, дорогу Лужиных, заставляя героя произведения в конечном итоге отвергнуть ее, Достоевский показал грязь и подлость того мира, который трубадуры реакции и сейчас расценивают, как высший человеческий идеал: ведь стать бизнесменом, по мнению лакеев американского империализма, — это предел мечтаний молодого человека, а вот большой рус-

[1] «Преступление и наказание», стр. 10.

ский писатель еще в свое время прямо сказал, что за идеалом этим скрывается насилие, кровь, преступление.

* * *

В группе образов, окружающих Раскольникова, есть один характер, резко противоположный Свидригайлову и Лужину, — образ дочери Мармеладова Сони — символ смирения, кротости, жертвенности. С этим характером связан еще один возможный путь для Раскольникова.

Соня никогда не ропщет, она по-каратаевски прощает своих врагов, смиряется с своей участью, как бы горька она ни была. Образ Сони не является эпизодическим в романе. Этот характер выражает положительные идеалы писателя. Недаром к этому характеру он так настойчиво возвращается и в других произведениях — в князе Мышкине (роман «Идиот»), Алеше Карамазове («Братья Карамазовы»). В самом романе этот образ несколько раз варьируется в других характерах: черты Мармеладова мы узнаем то в больной, убогой девушке, дочери хозяйки Раскольникова, на которой Раскольников хотел жениться, то в Лизавете, сестре старухи-процентщицы, также кротко, терпеливо сносившей самые жестокие издевательства старухи. Наконец, вся семья Куперманов, у которых поселилась Соня, состоит из таких же, как она, убогих, больных, но добрых людей.

Если взять образы Сони и ее двойников самих по себе, в них можно найти немало реальных черт — таких робких, забитых, пассивных людей можно было найти в той среде, которую описывает Достоевский.

Однако фальшь образа Сони заключается в том, что Достоевский хотел его представить как типичный характер, выражающий исконную черту русского народа. Вот почему он заставляет всех героев произведения склониться перед Сониной правдой.

Совершенно прав был Горький, когда, резко полемизируя с врагами революции, вставшими на защиту реакционных сторон творчества Достоевского, так осуждал писателя за то, что тот хотел сказать, что русский народ представлен или Свидригайловыми или Сонями, «или анархистами-сладострастниками или полумертвыми фаталистами».

Несомненно, что, рисуя образ Сони, сближая его с Раскольниковым, Достоевский больше всего отступал от правды. Однако и теперь важно понять, что реализм художника сказался в ряде очень важных моментов.

При первом взгляде может показаться, что из всех характеров, расставленных вокруг Раскольникова, образ Сони наиболее близко герою романа. Ее путь он в конце концов и выбирает: по совету Сони Раскольников идет в полицейский

участок, признается в преступлении и вместе с ней отправляется на каторгу. Но при более внимательном рассмотрении оказывается, что и этот вариант во многом осужден художником, хотя и не до конца это осуждение дается осознанно. В романе то и дело сталкиваются два взгляда на мир — озлобленный, негодующий Раскольникова и кроткий, смирный — Сони. Раскольников утверждает, что Лужины — подлецы и мерзавцы, что они готовы ради своего благополучия на любую гадость, преступление, что судьба бедных трагична и выхода нет. В ответ на все эти жестокие истины Соня твердит слова любви, милосердия, христианской покорности. Раскольников с большой силой высказывает правду жизни, Соня не имеет ничего, что можно противопоставить этой правде — она только закрывает глаза во время опасности.

Большой талант реалиста заставляет Достоевского с такой силой выразить правду Раскольникова, что позже эту правду ему, писателю, уже не удается поколебать никакими доводами христианской морали. Чтобы понять этот реализм, надо обратиться к одной важной стороне мастерства писателя.

Если бы мы постарались определить, в чем состоит неповторимая особенность художественного почерка Достоевского, то мы сказали бы, что эта особенность заключается в страстном лиризме повествования — все образы романа тесно связаны с его творцом. Вот почему большая часть произведения — это исповедь героев, выраженная то в форме внутреннего, то в форме внешнего монолога. Таких больших и сложных монологов, иногда составляющих целые главы, мы не встретим ни у одного писателя. В «Преступлении и наказании» так раскрывается образ Раскольникова, образ Мармеладова, образ Катерины Ивановны, образ Разумихина и многие другие. Ярким примером такого монолога является размышление Раскольникова после чтения письма матери, его раздумье о судьбах близких ему людей, о своей судьбе. Однако лиризм, выраженный в страстных признаниях героев, составляет только одну сторону творческой манеры Достоевского. Он умеет сочетать этот лиризм с широким эпическим изображением действительности. На таком сочетании строится композиция лучших произведений писателя и в том числе «Преступления и наказания». Не случайно Достоевский, приступая к разбираемому нами роману, долгое время колебался, какую форму избрать — дневника Раскольникова или авторского повествования о судьбе героя. В конце концов он решил эти две линии соединить вместе. Вот пример такого соединения: размышление Раскольникова о письме матери, сложный ход его чувств и мыслей прерывается картиной, которую мы уже упоминали — герой, проходя по бульвару, ви-

дит пьяную девушку, сидящую на скамейке, и жирного франта, издали ожидающего, когда можно будет подойти к девушке.

Для нас ясно, что эпические сцены всегда связаны с психологией, внутренними монологами. Но возникает вопрос: как они связаны с ними, развивает ли писатель в этих сценах мотивы лирических переживаний или считает, что сам ход жизни опровергает эти суждения, а главное в споре между героями, в первую очередь между Раскольниковым, резко осуждавшим эксплуататоров, и Соней, на чью сторону становится художник? Вот вопрос, от решения которого зависит наше понимание проблемы, о которой мы говорили выше. Надо сказать, что в наиболее ярких реалистических сценах романа писатель ближе к Раскольникову, чем к Соне. Не случайно в одну из глав Достоевский вводит сцену, где Лужин злобно клевещет на Соню: сам пригласил ее к себе в комнату, и, ласково беседуя, незаметно положил ей в карман 100 рублей, а затем в присутствии всех гостей обвинил девушку в краже. Вся эта история нужна Лужину, чтобы оскорбить не только Соню, но и Раскольникова, который горячо защищал девушку. Введя указанный эпизод, Достоевский как бы подтверждает правоту Раскольникова в споре с Соней. Писатель с новой силой объясняет причины той ожесточенной ненависти, которую его герой питает к Лужину, и в то же время этот эпизод камня на камне не оставляет от христианских идей Сони, от ее надежды на исправление врагов. Раскольников говорит Соне, что если бы он и Лебезятников не защитили ее от оскорблений, то Лужин упрятал бы ее в острог. Он показывает девушке, на какие подлости готов был пойти этот человек, чтобы только добиться своих грязных целей. Сила реализма писателя настолько велика, что он рисует отвратительную натуру подлеца в момент, когда еще можно спасти находящуюся в его руках жертву.

Раскольников задает Соне вопрос, который выдвинут самой жизнью, вопрос, который с новой силой подтверждает силу и правоту центрального героя и слабость и беспомощность Сони: «Представьте себе, Соня, что вы знали бы все намерения Лужина заранее, знали бы (то есть наверно), что через них погибла бы совсем Катерина Ивановна, да и дети; вы тоже, впридачу (так как вы себя ни за что считаете, так впридачу). Полечка также... потому ей та же дорога. Ну-с, так вот: если бы вдруг все это теперь на ваше решение отдали: тому или тем жить на свете, то есть Лужину жить и делать мерзости, или умирать Катерине Ивановне? то как бы вы решили: кому из них умереть? Я вас спрашиваю».[1]

---

1 «Преступление и наказание», стр. 388.

Достоевский, идя таким путем, рисуя правдивые сцены, взятые из жизни, оправдывает негодование Раскольникова. И хотя в конце романа художник, вопреки истине, все же заставил Раскольникова отказаться от протеста и протянуть руку Соне, объективный ход повествования утверждает то, что писатель пытается предать анафеме.

Почти до последних страниц произведения Раскольников ропщет и уже совсем под занавес, буквально в последних строчках книги писатель рисует его религиозное перерождение, причем в решающий момент, когда должна начаться история просвещения героя, роман заканчивается. Такое противоречие объясняется тем, что Достоевский, как талантливый мастер, чувствует, что эта новая страница не поддается художественному изображению. Она нереальна. Вот почему он говорит: «Но тут уже начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новою, доселе совершенно неведомою действительностью. Это могло бы составить тему нового рассказа, — но теперешний рассказ наш окончен»[1].

Достоевскому казалось, что как бы ни сильны были его реалистические сцены, рисующие протестантский дух героев, они неизбежно отступят перед силой религии, выраженной в Сонечкином образе. Однако случилось наоборот: ложные идеалы Сони отступили перед правдой жизни, которую уловил писатель.

Несостоятельность идеи христианской незлобивости выступает в романе и тогда, когда мы обращаемся к такой стороне мастерства, как портрет героев. С одной стороны, кажется, что писатель должен был как можно более проникновенно рисовать портреты тех, кто является носителем близкой ему христианской нравственности: Сони, больной дочери хозяйки, Лизаветы. И действительно, чувствуется, что Достоевский стремится внушить симпатию к этим слабым, но, по мнению художника, светлым душам: вот почему он в лице Сони подчеркивает нежность, в лице Лизаветы простоту. Однако, как ни пытается писатель оживить эти образы, они кажутся малопривлекательными — бросается в глаза их предельное убожество. В образе Лизаветы писатель отмечает почти идиотизм — черта в разной степени характерная и для болезненной Сони и близкой к ней дочери хозяйки— обе они кажутся пришибленными, юродивыми. Вот где с новой силой проявился реализм писателя, который как-то инстинктивно почувствовал, что юродивый скорее начнет искать убежище в христианском смирении, чем здоровый человек. Писа-

[1] «Преступление и наказание», стр. 524.

тель отмечает в этих характерах и отсутствие самобытности, яркого индивидуального начала.

Зато в образах Раскольникова, Дуни, Катерины Ивановны, даже Мармеладова, в образах людей, не склонных к смирению, подчеркиваются черты, которые привлекают нас: черты силы, гордости, ума, человеческого достоинства. Так, например, в портрете Дуни, сестры Раскольникова, писатель настойчиво отмечает энергию, волю, твердость характера. В сочетании с женственностью эти черты и придают ее образу обаяние и прелесть: «Авдотья Романовна была замечательно хороша собою — высокая, удивительно стройная, сильная, самоуверенная,—что высказывалось во всяком жесте ее и что, впрочем, нисколько не отнимало у ее движений мягкости и грациозности»[1].

Таким образом, на каждом шагу мы видим кричащие противоречия между реализмом писателя и ложными идеями, ложными путями, которые пытается отстоять художник. Надо сказать, что, несмотря на все старания писателя отстоять эти религиозные идеи, они отступают перед правдой жизни.

Итак, те дороги, которые были воплощены для Раскольникова в лице Мармеладова, Свидригайлова, Лужина, Сони, в сущности не могли быть им приняты.

Конечно, Достоевский знал еще один путь, на который звал обездоленных и угнетенных революционный лагерь, возглавляемый Чернышевским и Добролюбовым, — путь беспощадной революционной борьбы с насильниками, путь крестьянской революции. Этот путь писатель также пытается изобразить в своей книге, но будучи противником революции, он в совершенно превратном виде показал этот путь.

Мы уже видели, как он тенденциозно представил революционные идеи в образе Раскольникова. Еще более злобное отношение к революционному лагерю проявилось у Достоевского при характеристике другого персонажа, который он связывает с демократическим движением — Лебезятникова. Создавая этот образ, Достоевский глумится над лучшими социальными и нравственными идеями революционных деятелей. Он смыкается с врагами демократов, с авторами пасквильных, антинигилистических произведений — Клюшниковым, Писемским и другими. Эта измена реализму не замедлила сказаться и на художественном уровне указанных образов — они лишены той правды, той психологической мотивировки, которые отличают лучшие страницы произведения писателя.

Отвергая революционный выход, писатель не смог вывести своего героя из тупика, в котором он находился. Оттого так

---

[1] «Преступление и наказание», стр. 193.

мрачен колорит всего произведения: печать тоски, безвыходности лежит на всей книге.

Однако, несмотря на эти противоречия, сила реализма в романе чувствуется отчетливо.

Показав трагедию обездоленных, писатель всем ходом повествования утверждал не смирение, а ненависть к насилию и произволу. Этим же чувством негодования пронизана вторая и третья идейно-тематические линии романа, где писатель раскрывал зрелость и силу ума Раскольниковых, где он говорил о поисках ими выхода из создавшегося положения, хотя, как мы заметили, реакционная идеология художника значительно снизила эту силу.

Большое значение для глубокого выяснения противоречий писателя, торжества реализма в его романе играл анализ мастерства автора. Без такого изучения нельзя понять, в чем сила созданных им образов. Исследование художественных путей Достоевского показывает, что лучшие реалистические краски служат ему средством правдиво показать самые мучительные конфликты действительности.

Об этом говорит и прием группировки образов, сопоставления Раскольникова с Мармеладовыми, Дуни с Соней и пьяной девочкой, благодаря чему писателю удалось показать трагическую безысходность своих героев; об этом говорит и композиция произведения, когда за судьбой одного героя открываются судьбы многих других таких же горемык, что подчеркивает значительность поднятых писателем вопросов; об этом свидетельствует и стремление Достоевского показать обстоятельства, в которых живут его герои, что позволяет ему указать на неизбежность тех трагедий, которые развертываются в этом мире.

О победе реализма говорит сочетание лирического и эпического начал, умение писателя в обрисовке действительности остаться верным правде даже тогда, когда эта правда противоречила его взглядам.

Там же, где Достоевский оказался в плену реакционных идей, он фальшивил и как художник. Вот почему такими бледными оказались образы Сони, Лизаветы, сцены, где Раскольников отказывается от своих бунтарских настроений.

Таково значение романа «Преступление и наказание», сила и слабость его идейного содержания и художественного своеобразия.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

Том XII Выпуск 2

Н. Б. ПОДВИЦКИЙ

Кандидат педагогических наук, доцент

ПРИЕМ ПОРТРЕТНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ В РОМАНЕ А. М. ГОРЬКОГО «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»

I

Изучение мастерства писателей в целях более глубокого понимания сущности, особенностей литературного процесса представляется сейчас одной из наиболее важных, значительных задач, стоящих перед советским литературоведением.

Особый интерес вызывает творчество А. М. Горького, основоположника литературы социалистического реализма, тесно связанного в то же время с лучшими традициями классической литературы. Анализ художественных особенностей творчества Горького дается покамест все еще недостаточно тщательный, сделаны, в сущности, только первые попытки разработать данную тему. Следует указать на исследования Михайловского, Тагер (в книге «Творчество М. Горького», 1954 г., имеется специальный раздел «Художественное мастерство Горького-прозаика», отдельные вопросы данной темы освещены в книге А. Мясникова «М. Горький», 1953).

Специальных исследований о художественных особенностях крупнейшего произведения Горького — романе «Клим Самгин» — пока нет.

Особенности построения, идейного содержания романа «Клим Самгин» определяют и своеобразие художественных особенностей романа. Роман написан как бы в двух планах: все события даются глазами Самгина и в то же время мы явственно ощущаем иронический, а иногда даже прямо сатирический подтекст автора. Это создает дополнительные трудности и в композиционном отношении и в отношении портретных, языковых характеристик, поскольку они даются через призму восприятия Самгина.

А. М. Горький выносит самый суровый приговор буржуазному индивидуализму, раскрывает весь процесс формирования, развития буржуазного интеллигента, духовно убогого, идущего к полному распаду своей личности. Горький подчеркивает закономерность гибели таких людей, пытающихся сопротивляться народу; победа народа — это их политическая, моральная и физическая гибель. Путь буржуазного ин-

теллигента Самгина рисуется не просто «на фоне» крупнейших исторических событий, а в самой тесной связи с этими событиями, обусловившими особенности его развития.

Горький рассказал в одном из своих выступлений историю замысла написания романа и наметил основные вехи развития такого буржуазного интеллигента: от участия в революционном кружке до защиты буржуазной государственности и белой эмиграции. «Мне хотелось, — заключает Горький, — изобразить в лице Самгина такого интеллигента средней стоимости, который проходит сквозь целый ряд настроений, ища для себя наиболее независимого места в жизни, где бы ему было удобно и материально и внутренно» (XXXI, 99).[1]

Задачей настоящей работы является изучение только одного художественного приема А. М. Горького, использованного писателем при создании романа,—портретной характеристики. На общей палитре красок А. М. Горького этот прием занимает одно из важных мест, так как изображение восприятия Самгиным различных событий, людей и составляет основное содержание романа.

Сам Горький придавал большое значение изображению внешности персонажей, портретной зарисовке, помогающей раскрыть наиболее важные, ведущие стороны характера: «...Они (Л. Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров.—**Н. П.**) писали пластически, слова у них — точно глина, из которой они богоподобно лепили фигуры и образы людей, живые до обмана, до того, что когда читаешь их книги, то кажется: все герои, волшебно одухотворенные силою слов, окружают тебя, физически соприкасаясь с тобой, ты до боли остро чувствуешь их страдания, смеешься с ними и плачешь, ненавидишь их и любишь, тебе слышны их голоса, виден блеск радости и влажный туман скорби в их глазах, ты живешь с ними жизнью дружески сострадающего или враждебно отталкиваешь их от себя, и все это так же мучительно хорошо, как настоящая жизнь, только понятнее и красивее ее» (XXIV, 235).

Именно так, живыми во плоти, проходят перед нами персонажи этого последнего и значительнейшего романа Горького; мы ощущаем физическую близость, жизненность героев Горького — и это в значительной степени потому, что «слышны их голоса, виден блеск радости и влажный туман скорби в их глазах».

Горький неоднократно высказывал мысль о необходимости создавать художественные образы «почти физически ощутимы для читателя» (XXIX, 446), «как бы в трех измерениях»

---

[1] Здесь и в дальнейшем даются ссылки на полное собрание сочинений, М., 1951—55 гг.

(XXIX, 484). Это еще более подчеркивает значение исчерпывающей, глубокой и точной внешней характеристики персонажей, позволяющей разобраться и во внутренних качествах описываемых людей.

Зачастую автор вообще ограничивается портретной зарисовкой персонажа. Такая портретная характеристика позволяет различить некоторые из основных черт персонажа. Портретная характеристика в ряде случаев успешно заменяет характеристику внутренних переживаний персонажей. Такая портретная зарисовка позволяет автору одновременно характеризовать и объект, и субъект, то есть не только того, чей портрет воспринимается Самгиным, но и самого Клима Самгина, его отношение к окружающим.

Очень глубоко и тщательно Горький прослеживает путь развития своих многочисленных персонажей — и это прежде всего раскрывается в изменении портретных зарисовок.

Сатирическое изображение Горьким буржуазного класса также дается прежде всего при помощи портретной характеристики.

Новаторство Горького, как мастера изображения большого человеческого коллектива, активно борющегося за социальную справедливость, также находит интересное и яркое выражение в создании обобщенных портретных зарисовок.

С анализа групповых портретных зарисовок мы и начнем анализ портретных приемов в романе. Новым у Горького является раскрытие большой активности массы, народа. Изображение коллектива, масс мы видим и у Л. Н. Толстого, но, как правило, там нет изображения их политической силы, сознательности; у Горького — иное: дается изображение коллектива как высоко сознательного, активного, энергичного.

В основном Горький изображает коллектив через призму восприятия Самгина — и это служит в значительной степени средством для раскрытия взглядов, мировоззрения последнего.

Характерно то, что мы видим «глазами Самгина», — мельчает, становится незначительным, уродливым, карикатурным. Этот прием позволяет Горькому более четко выявить общее неуважение Самгина к людям, его боязнь перед народом, показать растущую ненависть Самгина к народу, борющемуся за свою свободу.

Самгин считает себя необычным, великим человеком; у него все усиливается презрение к массе, к народу — и одновременно — боязнь народа, коллектива. Особенно выросла эта ненависть после его приезда в Петербург: «Среди этих домов люди, лошади, полицейские были мельче и незначительнее, чем в провинции, были тише и покорнее. Что-то рыбье, ныряющее заметил в них Клим, казалось, что все они судо-

рожно искали, как бы поскорее вынырнуть из глубокого канала, полного водяной пылью и запахом гниющего дерева...

Быстрая походка людей вызывала у Клима унылую мысль: все эти сотни и тысячи маленьких воль, встречаясь и расходясь, бегут к своим целям, наверное — **ничтожным,** но ясным для каждой из них. Можно было вообразить, что горьковатый туман — горячее дыхание людей и все в городе запотело именно от их беготни. Возникала боязнь **потерять себя в массе маленьких людей...»** (XIX, 190—191).

Характерно для Клима Самгина это унижение окружающих его людей, стремление представить их маленькими, их цели — ничтожными. Ненависть к большому городу — к Петербургу — объясняется тем, что здесь сильнее видны социальные противоречия, политическая борьба идет более организованная и мощная, чем в провинции.

И это отношение к людям, к народу становится лейтмотивом для Самгина: «Зрелище ничтожества людей не огорчало Клима Ивановича Самгина, но и не радовало его, он давно уже внушил себе, что это зрелище — нормально» (XXII, 353).

Самгину приятно отмечать именно черненькие, маленькие фигурки людей: «...темные маленькие лошади качали головами, шли толстые мужики в тулупах, — все было игрушечно мелкое, и приятное глазам» (XXI, 118). Здесь то же видение людей уродливыми, ничтожными, иного Клим и «не видит», не замечает.

Но Самгин не только презирает людей, он, прежде всего, — боится их, боится их силы, сплоченности: «Сбоку Клима Ивановича что-то рявкнуло и зарычало, он взглянул в окно, отделенные от него только стеклами двойных рам, за окном корчились, страшно гримасничая, бородатые, зубастые лица. **Сабля офицера не испугала его, но эти два лица заставили вздрогнуть.** Вот их уже не два, а пять, десять и больше. Оскаливая зубы, невероятно быстро умножались они. Двое рассказывают, взмахивая руками, возбуждают неслышный смех группы тесно прижавшихся друг к другу серых, точно булыжник, бесформенных людей. Они все плотнее наваливаются на окно, могут выдавить стекла, вломиться в ресторан» (XXII, 395).

Самгин боится именно простых людей, боится народа, этим определяются его основные чувства и действия. И дальше: «Равнодушно слушая пониженный говор людей, смотрел в окно, за стеклами пенился густой снег, мелькали в нем бесформенные серые фигуры, и казалось, что вот сейчас к стеклам прильнут, безмолвно смеясь, бородатые, зубастые рожи» (XXII, 404). И надолго Самгин сохранит в памяти это воспоминание о зубастых, враждебных ему людях, настойчивое

повторение этого видения (а мы видим, что и через несколько недель Самгин вспоминал: «Плотники усаживались за стол, и ряд бородатых лиц напомнил Самгину о зубастых, бородатых рожах за стеклами окна в ресторане станции Новгород» (XXII, 421) становится кошмаром для Самгина. Так Горький раскрывает глубину боязни Самгина перед народом, поднимающимся на революционную борьбу. Характерна и эта бессильная злость Самгина, которая звучит в слове «рожи», когда Самгин вспоминает о лицах солдат.

Самгин пытается упростить, схематизировать, обобщить коллектив, свести все лица — в одно; это еще более подчеркивает низкое мнение Самгина о коллективе, его непонимание — и нежелание понять — обилия различных и ярких характеров внутри рабочего коллектива: «...всматриваясь сверху в лицо толпы, он достаточно хорошо видел над темносерой массой под измятыми картузами и шапками костлявые, чумазые, закоптевшие, мохнатые лица и пытался вылепить из них одно лицо. Это не удавалось и, раздражая, увлекало все больше...». «...Нет, все это — не так, не то. Стиснуть все лица — в одно, все головы в одну, на одной шее...». Вспомнилось, что какой-то из императоров Рима желал этого, чтобы отрубить голову. «Мизантропия, углубленная до безумия...» (XXII, 544).

В последних словах особенно ярко видна циничная неприкрытая ненависть Самгина к революционному народу.

Эта боязнь народа подчеркивается тем, что Самгин не чувствует никакой вражды, антипатии к обществу либералов, болтунов. «Он — богаче. Он сильнее. И не требуется особенной храбрости, чтобы выступить перед ними. Над столом колебалось сизое облако табачного дыма, в дыму плавали разнообразные физиономии, светились мутноватые глаза, и все вокруг было туманно, мягко, подобно сновидению...» (XXII, 308). Мы видим здесь не изображение сильных людей, а плавающие в дыму физиономии, «мутноватые глаза» людей, не способных в борьбе, лишенных ясной цели, энергии, активности.

Групповая характеристика «глазами Самгина» дает возможность раскрыть его желание бежать от окружающей жизни, боязнь суровой действительности, вскрывает его низменные моральные принципы.

Изображая коллектив, Горький выделяет из него одну—две типичные фигуры, которые в максимальной степени выражают ведущие черты коллектива. Так, описывая артель грузчиков, он конкретизирует это описание: «Запевали «Дубинушку» двое: один—коренастый, в красной, пропотевшей, изорванной рубахе без пояса, в растоптанных лаптях, с голыми выше локтей рукавами, точно покрытыми железной

ржавчиной...» (XX, 279). «Лицо у него было грубое, солдатское, ворот рубахи надорван...» (XX, 281). И дальше раскрывается, как этот грузчик, поразивший и напугавший Самгина, становится для него страшным символом — обобщением непонятного и чуждого ему народа: «...он жил в памяти неприятным пятном и, как бы сопровождая Самгина, вдруг воплощался то в одного из матросов парохода, то в приказчика на пристани пыльной Самары, в пассажира третьего класса, который, сидя на корме, ел орехи... У всех этих людей были такие же насмешливые глаза, как у грузчика, и такая же дерзкая готовность сказать или сделать неприличное» (XX, 283).

Сопоставление двух групповых массовых сцен позволило Горькому наглядно и красочно раскрыть рост сознательности рабочих, организованности революционного движения в период от первой русской революции к октябрьским дням 1917 года: «...вот так же было в Москве осенью пятого года, исчезли чиновники, извозчики, гимназисты, полицейские, исчезли солидные, прилично одетые люди, улицы засорились серым народом, но там трудно было понять, куда он шагает по кривым улицам, а здесь вполне очевидно, что большинство идет в одном направлении, идет поспешно и уверенно. Спешат темнолицые рабочие, безоружные солдаты, какие-то растрепанные женщины, — люди, одетые почище, идут не так быстро, нередко проходят маленькие отряды солдат с ружьями, но без офицеров, тяжело двигаются грузовые автомобили, наполненные солдатами и рабочими. Мелькают красные банты на груди, повязки на рукавах» (XXII, 536).

К концу романа все большее значение приобретают обобщенные характеристики рабочих, рабочий коллектив вырисовывается как все более сознательная, волевая, активная сила.

II.

Одним из основных приемов портретной характеристики является изображение основных черт характера при помощи развернутого описания внешности «глазами Самгина».

Автор придает большое значение этому приему, очень широко используя его, иногда заменяя им прием изображения внутренней жизни героев. Горький наделяет Самгина способностью хорошо наблюдать, указывает, что он «...тонкий мастер внешних наблюдений». (XXII, 138). Следует при этом учесть, что характеристики Клима Самгина, как правило, прямо противоположны авторской оценке событий и людей.

Луначарский замечал по поводу этого приема: «Горький описывает события всегда так, что они, как бы велики они ни были, проходят мимо наблюдателя — Самгина. Но в то же время, почти нечувствительно, во всяком случае никогда не выходя сам из-за кулис автор делает и нас непосредст-

венными свидетелями фактов, представленных здесь так, как он их (классово-партийно) понимает...». В романе, — пишет он далее, — «совсем нет ничего, чему не был бы Самгин прямым или косвенным свидетелем».

Как правило, одна из первых сцен, вводящих новый персонаж, сопровождается развернутой портретной характеристикой данного персонажа, определяющей основные стороны его характера и раскрывающей основное отношение к нему Самгина. Так дается представление о характере Дронова и его внешности: «Кривоногий, с выпученным животом, с приплюснутым, плоским черепом, широким лбом и большими ушами, он был как-то подчеркнуто, но притягательно некрасив. На его широком лице, среди которого красненькая шишечка носа была чуть заметна, блестели узенькие глазки, мутноголубые, очень быстрые и жадные» (XIX, 39). В дальнейшем Горький уже не будет столь подробно, развернуто характеризовать внешность Дронова, — будет идти накапливание новых черт, дополняющих и отчасти изменяющих ту основную портретную характеристику, которая дана здесь.

Мы видим в портретной характеристике подчеркивание основной черты Дронова: его жадность, ощущается и брезгливо пренебрежительное отношение «интеллигента в третьем поколении» — Клима Самгина — «к кухаркиному» внуку. Такое выделение, явное подчеркивание основной черты характера — обычный для Горького прием.

Именно так, начиная с развернутой портретной характеристики, знакомит нас писатель и с другими персонажами, такими, как Макаров, дядя Клима, Нехаева, Л. Сомова, Федосова, Никонова, товарищ Яков, Попов и др.

Большую роль при раскрытии внутренних черт характера играет портретная зарисовка Клима Самгина, данная в начале его жизненного пути: «На семнадцатом году своей жизни Клим Самгин был стройным юношей среднего роста, он передвигался по земле неспешной, солидной походкой, говорил не много, стараясь выражать свои мысли точно и просто, подчеркивая слова умеренными жестами очень белых рук с длинными кистями и тонкими пальцами музыканта. Его суховатое, остроносое лицо украшали дымчатого цвета очки, прикрывая недоверчивый блеск голубоватых холодных глаз, а негустые, но жесткие волосы, остриженные по форме, коротко, и аккуратный мундир подчеркивали его солидность» (XIX, 84). Мы видим здесь в развернутой портретной характеристике Клима дано представление об основных чертах его характера: перед нами человек, не знающий труда, мало физически развитый, суховатый, с большим запасом скептицизма, он эгоистичен и равнодушен к людям, замкнут в себе.

Луначарский, считая портретную характеристику Клима

Самгина своеобразным «ключом» к раскрытию всей сущности его образа, создает яркую характеристику образа при помощи внешнего изображения образа: «Клим — это звучит сухо, узко, напоминает слово «клин». Самгин — вы чувствуете здесь эту «самость», эту опору на себя, это желание быть самим собой. При звуках этого имени мне сразу рисуется наружность вроде знаменитого «человека в очках» Добужинского. Но это не только такое же узкое, такое же безглазое, такое же искусственное, такое же скучное существо — это еще Самгин — у него голова несколько поднята вверх с чувством собственного достоинства, у него есть в чем-то — в воротничках, в галстуке, в прическе, при всей их холодной корректности, — нечто, претендующее на собственный стиль, и как бы некоторую сдержанную артистичность. Фигура небольшая, невысокая, но как бы постоянно — в обществе, — приподнятая желанием казаться выше... Таков Самгин наружно, и, право, никак нельзя назвать только что начертанный силуэт иначе, чем Клим Самгин».

Эта характеристика индивидуального буржуазного интеллигента Самгина становится еще значительнее, если мы вспомним определение В. И. Ленина, данное им буржуазной интеллигенции: «...Интеллигенция, **как особый слой** современных капиталистических обществ, характеризуется, в общем и целом, **именно индивидуализмом** и неспособностью к дисциплине и организации...» (III изд., VI т., стр. 212).

Горький не мотивирует внешность чертами характера, не дает подробно все черточки внешности, но часто выделяет, подчеркивает какую-либо одну черту внешности, исчерпывающе определяя ее, он тем самым подводит к выяснению важной черты характера. Зачастую это делается даже по отношению к второстепенным персонажам романа.

Изредка даются и развернутые портретные характеристики положительных героев, врагов Самгина.

Самгин был «побит» на вечере революционной молодежи, был осмеян со своими призывами к Учредительному собранию, «... в память его крепко вросла ее (Гогиной.—**Н. П.**) напряженная фигура, стройное тело, как бы готовое к физической борьбе с ним, покрасневшее лицо и враждебно горящие глаза; слушая его, она иронически щурилась, а говоря — открывала глаза широко, и ее взгляд дополнял силу обжигающих слов...» (XX, 488).

Горький подчеркивает душевную силу, энергию Татьяны Гогиной, ее революционную страстность, непримиримость; здесь выражены искренняя убежденность и цельность ее натуры, что подчеркивает слабость, двоедушие, душевную изломанность Клима Самгина («ее взгляд дополнял силу обжигающих слов»).

Горький использует прием портретных характеристик и для передачи отдельных психологических переживаний, настроений героев. И все это неизменно дается «глазами Самгина»: «Когда приехали на каникулы Борис Варавка и Туробоев, Клим прежде всех заметил, что Борис, должно быть, сделал что-то очень дурное и боится, как бы об этом не узнали. Он похудел, над глазами его легли синеватые тени, взгляд стал рассеянным, беспокойным. Так же, как раньше, неутомимый в играх, изобретательный в шалостях, он слишком легко раздражался, на рябом лице его вспыхивали мелкие, красные пятна, глаза сверкали задорно и злобно, а улыбаясь, он так обнажал зубы, точно хотел укусить» (XIX, 69).

Вместо того, чтобы сказать об изменении в характере Бориса Варавки, изменении в его настроении после того, как его высекли и исключили из училища, Горький описывает изменение внешности персонажа, изменение его поведения через восприятие Самгина.

Горький не дает зарисовок внутренних переживаний других персонажей (кроме Самгина). Это связано с тем, что все дается через восприятие главного героя, отсюда исключительное значение внешней зарисовки. Внутренние переживания даются в основном через их внешние проявления, то есть так, чтобы это «заметил» Самгин.

III

Прием изображения персонажей «глазами Самгина» позволяет охарактеризовать не только галерею проходящих перед Самгиным лиц, но, прежде всего, его самого, его отношение к людям.

Горький раскрывает усиливающуюся враждебность Самгина к людям. Причина этого нарастания ненависти к людям в том, что народ становится более сознательной и активно действующей силой, непримиримее относится к царскому режиму, все более глубоко расшатывает старые устои. Боясь народа, Клим ненавидит его, презирает простых людей, «ему все более приятно было видеть людей ничтожными, мелкими» (XXII, 344). Он пытается поставить себя выше людей, чтобы оправдать свою ненависть к ним. «Люди были интересны Самгину настолько, насколько он, присматриваясь к ним, видел себя не похожим на них» (XXII, 150).

Самгин видит оригинальность Туробоева, завидует ему, и вот он берет реванш, — как ему кажется: «...он увидел, что бледное лицо Туробоева неестественно изменилось, стало шире, он, должно быть, крепко сжал челюсти, а губы его болезненно кривились. Высоко подняв брови, он смотрел в потолок, и Клим впервые видел его красивые, холодные глаза так угрюмо покорными. Как будто над этим человеком наклонился врач, с которым он не находит сил бороться и который

сейчас нанесет ему сокрушающий удар... — Он болен, — сказал Клим тихо и не без злорадства...» (XIX, 348).

Самгину было приятно увидеть слабость, бессилие Туробоева, его страдания.

Даже ходынская катастрофа, горе и страдания людей вызывают у него только брезгливое сожаление, усиливают презрение к людям: «Самгин почувствовал себя на крепких ногах. В слезах Маракуева было нечто глубоко удовлетворившее его, он видел, что это слезы настоящие и они хорошо объясняют уныние Пояркова, утратившего свои аккуратно нарубленные и твердые фразы, удивленное и виноватое лицо Лидии, закрывшей руками гримасу брезгливости, скрип зубов Макарова, — Клим уже не сомневался, что Макаров скрипел зубами, должен был скрипеть.

Все это обнаруженное людями внезапно, помимо их воли, было подлинной правдой, и знать ее так же полезно, как полезно было видеть голое, избитое и грязное тело Диомидова» (XIX, 469).

Страдания, унижение людей интересны Климу только в той мере, в какой они помогают ему поверить в себя, в свою «силу». Поэтому Самгин тщательно отмечает слабость окружающих, не думая о них, а только любуясь собой.

С тем же удовольствием Самгин отмечает некрасивость пианиста (XIX, 333), безобразно некрасивое лицо Лютова (XIX, 343—4). Столь же неприязненна в восприятии Самгина характеристика внешности Тагильского (XXII, 155), больной Варвары (XXII, 162); все спутники в вагоне кажутся ему уродами (XXII, 398).

Самгину неприятно видеть «стройную фигуру, тонкое лицо» (XIX, 326) Туробоева, красоту Макарова: «Было неприятно признать, что красота Макарова становится все внушительней. Хороши были глаза, прикрытые густыми ресницами, но неприятен их прямой, строгий взгляд» (XXI, 43—44).

Самгина всегда радует, когда он видит изменение людей к худшему, ухудшение здоровья, настроения. Так, увидя Тагильского, Самгин «... почувствовал злорадное любопытство: Тагильский нехорошо, почти неузнаваемо изменился. Его круглая, плотная фигура потеряла свою упругость, легкость, серый, затейливого покроя костюм был слишком широк, обнаруживал незаметную раньше угловатость движений, круглое лицо похудело, оплыло, и широко открылись незнакомые Самгину жалкие, собачьи глаза» (XXII, 333—4).

Для изображения внутреннего уродства, аморальности Самгина Горький показывает циничное отношение Самгина к женщинам; никого не любя, Самгин был близок со многими женщинами; характерно, что наибольшая духовная близость была у него с провокаторшей Никоновой.

Цинизм Самгина проявляется и в его грубом отношении к внешности женщин. Так, уже в юношеские годы его внимание фиксируется на стройных ногах Алины Телепневой, груди горничной и т. п. (XIX, 120). Постепенно этот цинизм возрастает. Крайне цинично его отношение к Дуняше, во внешнем облике ее Самгин отмечает грудь, губы (XXI, 134); ноги (XXI, 135 и др.); не менее грубо он относится к Марине; еще более грубо его отношение к Тосе.

У Самгина сравнительно мало враждебных характеристик людей буржуазного круга, его критика, вражда полностью относятся к рабочим, к большевикам.

Особенную ненависть Самгина вызывает Кутузов, убежденный большевик, цельный по своему характеру человек; эта ненависть к характеру, к взглядам Кутузова переносится даже на внешность Кутузова: «Ему не нравились демократические манеры, сапоги, неряшливо подстриженная борода Кутузова...» (XX, 111). Самгин хорошо понимает внутреннюю силу, убежденность Кутузова, но это еще больше озлобляет его. «Самгин видел перед собой Кутузова в тесном окружении раздраженных, враждебных ему людей вызывающе спокойным, уверенным в своей силе, — как всегда, это будило и зависть и симпатию...

«Уметь вот так сопротивляться людям...» Он представил Кутузова среди рабочих, неохотно шагавших в Кремль. «Как бы он вел себя в этих случаях?» Этого он не мог представить, но подумал, что, наверное, многие рабочие не пошли бы к памятнику царя, если бы этот человек был с ними. Потом память воскресила и поставила рядом с Кутузовым молодого человека с голубыми глазами и виноватой улыбкой; патрона, который демонстративно смахивает платком табак со стола; чудовищно разжиревшего Варавку и еще множество разных людей. Кутузов не терялся в их толпе, не потерялся он и в деревне, среди сурово настроенных мужиков, которые растащили хлеб из магазина». (XX, 423).

Самгин хорошо представляет силу Кутузова, его близость к народу, —но это вызывает у него только страх, усиливает ненависть к революционерам. Каждый раз, когда он думал о большевиках, — большевизм олицетворялся перед ним в лице коренастого, спокойного Степана Кутузова (XXII, 310).

«Глазами врага» показаны важнейшие стороны характера Кутузова, его глубокая духовная жизнь. Кутузов остался ночевать у Самгиных, только что узнав об аресте Сомовой. «Через полчаса он сидел во тьме своей комнаты, глядя в зеркало, в полосу света, свет падал на стекло, проходя в щель неприкрытой двери, и показывал половину человека в ночном белье, он тоже сидел на диване, согнувшись, держал за шнурок ботинок и раскачивал его, точно решал, — куда швыр-

нуть? Кулаком правой руки он бесшумно бил по колену. Так сидел он минуту, две. Потом, опустив ботинок на пол, он взял со стула тужурку, разложил ее на коленях, вынул из кармана пачку бумаг, пересмотрел ее и, разорвав две из них на мелкие куски, зажал в кулак, оглянулся, прикусив губу так, что острая борода его встала торчком, а брови соединились в одну линию. Лицо у него незнакомо угрюмое. Открытый ворот рубахи обнажил очень белую, мускулистую шею и полукружия ключиц, похожие на подковы. Глаза его округлились, и, несомненно, он сжал зубы — резко выступили скулы. Было ясно, что Кутузовым овладел приступ очень сильного чувства, должно быть — злости или — горя. Вот он встал, показался в зеркале во весь рост, затем исчез, и было слышно, что он отдернул драпировку окна...

Кутузов, задернув драпировку, снова явился в зеркале, большой, белый, с лицом очень строгим и печальным. Провел обеими руками по остриженной голове и, погасив свет, исчез в темноте более густой, чем наполнявшая комнату Самгина». (XX, 428—9).

Глубокое горе, сильную выдержку, искреннюю, большую любовь, человечность — вот что ярко показывает здесь Горький. Эти качества Кутузова даются как бы в прямом сопоставлении с Самгиным жалко подглядывающим за ним в щелку двери; Самгин видел горе Кутузова — и тогда ему кажется, что Кутузов стал слабее, чем обычно, он уже хочет использовать это для откровенного разговора... о себе, в первую очередь.

Интересно сопоставить отношение Самгина к окружающим людям с их отношением к нему, — и окажется, что эти отношения полностью совпадают. Люди не любят Самгина, понимая его эгоистичность, духовное ничтожество.

Наиболее грубо и определенно выражается о его внешности богачка Трусова, назвав его «козлом в очках» (XX, 586), Любаша отмечает, что у Самгина злое лицо, Иноков подмечает в его лице что-то щучье; ужасное лицо, — когда Самгин, волнуясь, как бы сбрасывает внешнюю маску благопристойности, — видят у него и мать, и Марина. Дуняша видит, что у Самгина «жалкие глаза», — и это очень существенно характеризует общую его душевную дряблость, несостоятельность. Все эти зарисовки, рассеянные по всему роману, вместе создают единое впечатление о ничтожном и слабом человеке. Это один из элементов единой целеустремленности произведения.

Сравнительно большое значение в романе имеет характеристика внешности Самгина при помощи зеркала. Этот прием имеет большое значение потому, что изложение ведется от лица Самгина; характеристика его внешности при помощи

изображения в зеркале становится почти единственной. Эта характеристика зачастую заменяет изображение внутренних переживаний героя, иногда — соединяется с ним.

Прежде всего, следует отметить самолюбие Самгина; «Клим Иванович Самгин остановился перед зеркалом, внимательно рассматривая свое лицо. Это стало его привычкой — напоминать себе лицо свое в те минуты, когда являлись важные, решающие мысли. Он знал, что это лицо — сухое мимически бедное, малоподвижное, каковы почти всегда лица близоруких, но он все чаще видел его внушительным лицом свободного мыслителя, который сосредоточен на изучении своей духовной жизни, на работе своего я. Он снял очки и, почти касаясь лбом стекла, погладил пальцем седоватые волосы висков, покрутил бородку, показал себе желтые мелкие зубы, закопченные дымом табака» (XXII, 228). И еще: «Лицо показалось ему значительным и умным. Несколько суховатое, но тонкое лицо человека, который не боится мыслить свободно и органически враждебен всякому насилию над независимой мыслью, всем попыткам ограничить ее. «Ин-те-ллигент», — мысленно и с уважением называл он себя. — Новая сила истории, сила», еще недостаточно осознавшая свое значение и направление (XXII, 207). Самгин комически преувеличивает свое значение и значение интеллигенции, «выдумывает себя», по выражению Горького. Здесь явно видны и его мечты о власти.

Самгин старается убедить себя, что он стоит выше окружающих людей; его лицо, как ему кажется, это «лицо недюжинного человека в очках, с остренькой, светлой бородкой» (XX, 47).

При помощи этого приема Горькому удается раскрыть, как позирует, лицемерит Самгин. Он играет роль перед зеркалом, «примеряет» на себя различные выражения: — «Рассматривая себя в зеркале, он видел, что лирическая, грустная мина делает его лицо незначительным... Когда он хмурился, сдвигал негустые брови, лицо становилось интересней и умней. От лирической мины пришлось отказаться» (XIX, 183—4).

И еще: «Когда он вышел в прихожую, зеркало показало ему побледневшее лицо, сухое и сердитое. Он снял очки, крепко растерев ладонями щеки, нашел, что лицо стало мягче, лиричнее», (XIX, 428; то же — XX, 267; XXII, 176).

Иногда, впрочем, Самгин понимал, насколько невыразительно его лицо, или насколько неприятно, отталкивающе выражение его лица. В основном, если суммировать, то все эти выражения дадут (помимо желания Самгина) полное представление не только о его физиономии, о выражении его лица, но и о его внутренней сущности.

Вот несколько подобных примеров. Лицо Самгина было «обиженное, измятое миной недоумения» (XIX, 154), злое, (XIX, 337), бледное, растерянное (XIX 510), озабоченное и вытянутое (XX, 23), сероватое, угнетенное (XX, 601), сухое, длинное, с мутными глазами (XXI, 134), истощенное, бледное (XXI, 184), неумное, унылое (XXII, 66) и т. п. Мы видим полное совпадение в общем тоне характеристик выражений лица, это — наиболее типические для Самгина, выражающие его социальный пессимизм, его недоверие и ненависть к людям, сознание своей слабости, несостоятельности.

Наконец, характерен прием сравнения героев по внешности, употребляемый Горьким не часто, но с большой убедительностью, выразительностью. Дается оно также при помощи зеркального отражения.

Таково сравнение Клима Самгина с Мариной Зотовой. Это не просто сопоставление двух прямо противоположных портретных характеристик, но сравнение двух различных жизненных типов. В чем разница между ними? Яркая любовь к жизни, искренний интерес к людям Марины Зотовой противопоставлены мизантропии Самгина, его неверию в людей, отчуждению от них, общему пессимистическому, крайне одностороннему отношению к жизни.

Горький сопоставляет как бы две фигуры людей, но мы видим внутренний смысл такого противопоставления.

Самгин «...увидел в зеркале рядом с белым стройным телом женщины человека в сереньком костюме, в очках, с острой бородкой, с выражением испуга на вытянутом, желтом лице, — с открытым ртом...» (XXI, 372). После изображения красивой, сильной фигуры Марины Горький снова сравнивает ее с «...плоской серенькой фигуркой человека с глазами из стекла». (XXI, 372). Горький писал, что Марина «...двигалась мягко и бесшумно, с той грацией, которую дает только сила» (XXI, 121).

Физическая красота, гармония и сила Марины подчеркивают ее душевную силу, богатство ее нерастраченных душевных сил — и еще большее отвращение вызывает это вытянутое желтое лицо — «с открытым ртом», «с глазами из стекла», Самгина, стоящего рядом с красавицей Мариной.

Горький утверждает любовь к жизни, любовь к людям — и все художественные приемы целенаправленно служат раскрытию этой задачи.

Прием самохарактеристики внешности при помощи зеркала почти не используется автором в романе, кроме изображения Самгина. Можно отметить только, в виде исключения, такую самохарактеристику Лидии Варавки и Гапона, то есть людей болезненно изломанных, искривленных. Лида Варавка любит смотреться нагой в зеркало, она гладит свое тело и

это создает впечатление душевной неопрятности, ранней искалеченности Лидии, характеризует ее извращенное отношение к жизни.

Провокатор Гапон, подведя к убийству тысячи людей, мечется от испуга, пытается разыгрывать роль «вождя», не забывая в то же время посмотреться в зеркало, чтобы найти наилучшее выражение для позирования. Этот прием — замечательная находка Горького для вскрытия лицемерия, крайней эгоистичности и Самгина, и Лидии, и Гапона.

IV

Горький показывает персонажей романа в непрерывном развитии. Каждое изменение дается на историческом фоне, в неразрывной связи с крупными общественными изменениями, мотивируется ими.

Эти изменения прослеживаются при помощи приема портретной характеристики, приобретающей и здесь (как и для изображения внутренней жизни персонажей) зачастую решающее, исключительное значение, т. к. эти изменения не сопровождаются дополнительными авторскими комментариями.

Изображение изменения внешности героев дается в восприятии Самгина, что позволяет автору охарактеризовать не только объективные изменения героев, но и изменения точки зрения самого Самгина.

Горький дает два типа изменений портрета: мгновенное изменение, в связи с отдельными переживаниями, и коренные, радикальные изменения, дающие представление об изменении отношения к жизни.

Характерно высказывание Самгина об изменении людей: «Несмотря на свое уменье следить за людьми, Климу всегда казалось, что люди изменяются внезапно, прыжками, как минутная стрелка затейливых часов, которые недавно купил Варавка: постепенности в движении их минутной стрелки не было, она перепрыгивала с черты на черту. Так же и человек: еще вчера он был таким же, как полгода тому назад, но сегодня вдруг в нем является некая новая черта» (XIX, 150).

Горький использует прием мгновенных изменений для характеристики мгновенных внутренних переживаний героев. В сущности, такая зарисовка мгновенных изменений представляет собой психологическую характеристику персонажа. Как правило, портретная обрисовка является единственной для характеристики мгновенных внутренних переживаний персонажей, она исключает необходимость дополнительного комментария. Этот прием используется автором и по отношению

к главным героям романа, и по отношению к эпизодическим персонажам.

Так, например, желая подчеркнуть усиление классовой борьбы в 1905 году, усиление осознанной классовой ненависти неимущих, бесправных людей к правящим классам, Горький дает характеристику изменения внешности коридорного в гостинице после расстрела рабочих 9 января: «Этот парень, давно знакомый, еще утром сегодня был добродушен, весел, услужлив, а теперь круглое лицо его странно обсохло, заострилось, точно после болезни: он посматривал на Самгина незнакомым взглядом...» (XX, 550—1).

Мы видим здесь, как в течение нескольких часов вырос этот человек, почувствовал свою кровную связь с забастовщиками, расстреливаемыми по приказу царя; отсюда — собранность, решительность, злость в лице, изменившийся взгляд.

Очень важно, что все эти выводы коридорного, его развитие вызывают враждебное отношение Самгина, который старается не слушать «его воркотню»(!) и скорее уехать из Петербурга.

Характерно то, что Горький находит возможным и оправданным противопоставить психологическую характеристику («добродушен, весел, услужлив...») — портретной зарисовке («лицо его странно обсохло, заострилось...»), несущей в себе, так сказать, психологическую зарядку. Это лишний раз подчеркивает значительность, весомость портретной характеристики, иногда полностью заменяющей специальную психологическую характеристику.

Горький характеризует развитие своих персонажей, проводя их через различные, зачастую очень важные общественные события. Он показывает падение буржуазных интеллигентов, эта характеристика развития приобретает часто явно сатирический оттенок.

Особенно полно и четко можно проследить второй тип изменений портрета — коренные, радикальные изменения, — по изменениям портретных зарисовок Лидии Варавки и Дронова. Мы встречаемся с этими персонажами на всем протяжении развития сюжетной линии романа.

Характеризуя Лидию Варавка, Горький отмечает, что в детские годы ей были свойственны большая искренность, горячность, душевная чистота и независимость. Ее отличала большая выдержка, настойчивость, ловкость в играх (см. XIX, 29). Хорошо характеризует душевную ясность, чистоту Лидии-девочки такой эпизод: она уверена, что, полюбив, нужно все рассказать о себе любимому человеку — и поэтому ей больно за своего брата Бориса, несправедливо высеченного товарищами. «Ты подумай, — говорит она Климу, — вот он

влюбится в какую-нибудь девочку, и ему нужно будет рассказать все о себе, а как же расскажешь, что высекли?» (XIX, 76). Эта душевная чистота, требовательность Лидии вызывают удивление, даже почтительное отношение, любование со стороны Клима, которому все это кажется непонятным и напыщенным. В это время Клим смотрит на Лидию «снизу вверх», он не может не заметить ее душевной яркости и красоты.

Лидия строго, серьезно относится к жизни в ранней молодости, ей свойственны высокие жизненные искания, она резко осуждает окружающих, видя их жадность, эгоистичность, духовную ограниченность. Интересно высказывание о Лидии Алины Телепневой, цинично признающейся: « — Подруги упрекают меня, дескать — польстилась девушка на деньги, — говорит Телепнева, добывая щипчиками конфеты из коробки. — Особенно язвит Лидия, по ее законам необходимо жить с милым и чтобы — в шалаше». (XIX, 269).

Эта внутренняя жизнь находит адэкватное выражение и во внешней привлекательности Лидии: это «... тоненькая девочка, смуглая, большеглазая, в растрепанной шапке черных, курчавых волос. Она изумительно бегала, легко отскакивая от земли, точно и не касаясь ее; кроме брата, никто не мог ни поймать, ни перегнать ее (XIX, 29). И несколько позже: «Лицо ее... загорелое до цвета бронзы, тоненькую, стройную фигурку красиво облегало синее платье, обшитое красной тесьмой, в ней было что-то необычное, удивительное, как в девочках цирка» (XIX, 76).

Но эта душевная яркость, чистота, искренность, что так отличали Лидию в начале ее жизненного пути, скоро, под влиянием окружающей жизни, уступают место духовным извращениям; интерес к жизни суживается до интереса к половой жизни, а позднее — к религиозной мистике. Общество искалечило ей душу, извратило ее лучшие стремления. Эта душевная несостоятельность, никчемность находит у Горького яркое выражение в описании того отталкивающего впечатления, которое она теперь производит.

И это изменение дается «глазами» Клима Самгина, который с удовлетворением подмечает душевную деградацию Лидии, теряет к ней уважение и даже добивается того, что Лидия стала его любовницей.

Горький характеризует переломный этап, начало ее духовного обнищания: «Она стала угловатой, на плечах и бедрах ее высунулись кости, и хотя уже резко обозначились груди, но они были острые, как локти, и неприятно кололи глаза Клима; заострился нос, потемнели густые и строгие брови, а вспухшие губы стали волнующе яркими. Лицо ее было хорошо знакомо Климу, тем более тревожно удивлялся он,

когда видел, что сквозь заученные им черты этого лица таинственно проступает другое, чужое ему. Порою оно было так ясно видимо, что Клим готов был спросить девушку: «Это вы?». Иногда он спрашивал:

— Что с тобою?

— Ничего, — отвечала она с легким удивлением. — А что?

— У вас изменилось лицо.

— Да? Как же?

На этот вопрос он не умел ответить. Иногда он говорил ей вы, не замечая этого, она тоже не замечала.

Его особенно смущал взгляд глаз ее скрытого лица, именно он превращал ее в чужую. Взгляд этот, острый и зоркий, чего-то ожидал, искал, даже требовал и вдруг, становясь пренебрежительным, холодно отталкивал» (XIX, 98).

Эта душевная холодность, эгоистичность — в соединении с большой эмоциональностью — вот то новое в ней, чего тогда не мог понять Клим.

Встретившись с нею через несколько лет, Клим уже почти не узнает ее. «...Темные глаза стали светлее, но взгляд их — незнаком и непонятен» (XX, 464). И тут же: «... капризное лицо ее все-таки сильно изменилось, на нем застыла какая-то благочестивая мина, и это делало Лидию похожей на английскую гувернантку, девицу, которая уже потеряла надежду выйти замуж» (XX, 471).

Автор постепенно усиливает комическое впечатление от ее внешности. Проходит еще несколько лет, началась война: «В костюме сестры милосердия она показалась Самгину жалостно постаревшей. Серая, худая, она все встряхивала головой, забывая, должно быть, что буйная шапка ее волос связана чепчиком, отчего голова, на длинном теле ее, казалась уродливо большой». (XX, 588).

И дальше: «Слева распахнулась не замеченная им драпировка, и бесшумно вышла женщина в черном платье, **похожем на рясу монахини**, в белом кружевном воротнике, в дымчатых очках; курчавая шапка волос на ее голове была прикрыта жемчужной сеткой, но все-таки голова была несоразмерно велика сравнительно с плечами. Самгин только по голосу узнал, что это — Лидия...

Она говорила непрерывно, вполголоса и в нос, а отдельные слова вырывались из-за ее трех золотых зубов крикливо и несколько гнусаво. Самгин подумал, что говорит она, как провинциальная актриса в роли светской дамы.

За стеклами ее очков он не видел глаз, но нашел, что лицо ее стало более резко цыганским, кожа — цвета бумаги, выгоревшей на солнце; тонкие, точно рисунок пером, морщинки около глаз придавали ее лицу выражение улыбчивое

и хитроватое; **это не совпадало с ее жалобными словами»**. (XXI, 173—4). Это уже другая женщина; внешнее благообразие не может обмануть даже Клима, который подмечает несоответствие между ее лицемерными словами и выражением лица.

По-своему характерен и жизненный путь Дронова. Внук няньки у Самгиных, бедняк, он проходит нелегкую жизненную школу. Суровые условия жизни уже в детские годы значительно повлияли на его характер, у него развивается жадность, зависть, эгоистичность. Непривлекателен Дронов и внешне: «Кривоногий, с выпученным животом, с приплюснутым плоским черепом, широким лбом и большими ушами, он был как-то подчеркнуто, но притягательно некрасив. На его широком лице, среди которого красненькая шишечка носа был чуть заметна, блестели узенькие глазки, мутноголубые, очень быстрые и жадные. Жадность была самым заметным свойством Дронова; с необыкновенной жадностью он втягивал мокреньким носом воздух, точно задыхаясь от недостатка его. Жадно и с поразительной быстротой ел, громко чавкая, пришлепывая толстыми, яркими губами» (XIX, 39). Дронов духовно искалечен с детства, — и это усиливается изображением его отталкивающей внешности.

Но у Дронова была мечта о другой, более интересной и содержательной жизни, чем та, которой он жил. Он выдумал фантастическую историю о своих родителях; эти мечтания как бы выводили его в иную жизнь, мечты окрыляли его, —изменялось и само выражение его лица: «...плоское лицо нянькина внука становилось красивее, глаза его не бегали, в зрачках разгорался голубоватый огонек радости, непонятной Климу» (XIX, 40).

Характерно, что именно в этот момент Клим перестает понимать Дронова, ему эти мечты были непонятны. Так же уродливо развивался Дронов и дальше: отсутствие определенной, высокой цели привело его к раннему разврату, цинизму в идеологических вопросах. Это уродливое духовное развитие хорошо подчеркивается и характеристикой изменения его внешности: «Приплюснутый череп, должно быть, мешал Дронову расти вверх, он рос в ширину. Оставаясь низеньким человечком, он становится широкоплечим, его кости неуклюже торчали вправо, влево, кривизна ног стала заметней...» (XIX, 85). Пренебрежительно-ироническое отношение Самгина к Дронову выступает здесь с полной очевидностью. И несколько дальше: «В темносинем пиджаке, в черных брюках и тупоносых ботинках фигура Дронова приобрела комическую солидность. Но лицо его осунулось, глаза стали неподвижней, зрачки помутнели, а в белках явились красненькие жилки, точно у человека, который страдает бессонницей» (XIX, 150).

Дронов начинает «делать карьеру» — наживать состояние. Это оказывается успешным для него. «Весь в новеньком, он был похож на приказчика из магазина готового платья. Потолстел, сытое лицо его лоснилось, маленький носик расплылся по румяным щекам, ноздри стали шире» (XXI, 139). И далее он становится все более преуспевающим дельцом, жадным и эгоистичным. «Он обрил голову, уничтожил усы, красное лицо его опухло, раздулось, как пузырь, нос как будто стерся, почти незаметен, а толстые, мясистые губы высунулись вперед и жадно трепетали, показывая золото зубов, точно еще не прожеванную, не проглоченную пищу. И под рыжими бровями блестели, перекатываясь, подпрыгивая, быстрые, косенькие глазки» (XXII, 464). Наступают предреволюционные годы. Дронов явно растерян: он видит надвигающееся крушение буржуазного класса, крушение старой жизни — и свое крушение, так как другого места, возможностей жить иначе для себя он так и не нашел. «Он сильно старел, на скуластом лице, около ушей, на висках явились морщины, под глазами набухли серые мешки, щеки, еще недавно толстые, тугие, жидко тряслись » (XXII, 525).

На протяжении всей жизни переплетаются жизненные судьбы Самгина и Дронова; у Дронова растет сознание некоторой близости к Самгину, симпатии к нему; в нем все сильнее проступают черты «самгинщины»: крайний индивидуализм, циническое, эгоистическое отношение к жизни; он теряет единственного близкого человека — Тося уходит к большевикам. Самгин не хочет признаваться в близости к Дронову, он пытается иронизировать над ним, иногда даже отталкивает его на время, но в предреволюционный период они сходятся все теснее.

Горький дает также серьезную характеристику развития революционеров и людей, близких к ним — Любови Сомовой, Дмитрия Самгина, Татьяны Гогиной, а также Дуняши, Марины, Инокова.

Писатель отмечает, как постепенно, сложным путем, с большими, но всегда искренними колебаниями шел Дмитрий Самгин к большевикам: но всегда, на всех этапах, он был близок к народу, уважал простых людей. И Горький характеризует некоторую душевную угловатость, колючесть Дмитрия: «Дмитрий сильно вырос, похудел, на круглом, толстом лице его обнаружились угловатые скулы, задумчивость, он неприятно, как дед Аким, двигал челюстью. Задумывался он часто, на взрослых смотрел недоверчиво, исподлобья» (XIX, 62). Горький подчеркивает близость Дмитрия к народу — в отличие от Клима. Это ярко видно и во внешности Дмитрия: «В пестрой ситцевой рубахе, в измятом, выцветшем пиджаке, в ботинках, очень похожих на башмаки

деревенской бабы, он имел вид небогатого лавочника. Волосы подстрижены в скобку, по-мужицки; широкое, обветренное лицо с облупившимся носом густо заросло темной бородою; в глазах светилось нечто хмельное и как бы даже виноватое» (XX, 167).

Постепенно Дмитрий становится сильнее, увереннее в себе, сближается с ленинцами. «Дмитрий, видимо, только что постригся, побрился, лицо у него простонародное, щетинистое, седые усы делают его похожим на солдата, и лицо обветренное, какие бывают у солдат в конце лета, в лагерях» (XXII, 513).

В развитии дан и образ Марины. Первые впечатления от нее весьма невысокие: перед нами довольно грубоватая девица, лишенная, по-видимому, каких-либо серьезных духовных исканий. Этому соответствует и описание ее внешности: «Она была так распаренно красна, как будто явилась не с улицы, а из горячей ванны, и была преувеличенно, почти уродливо крупна. Клим чувствовал себя подавленным этой массой тела, туго обтянутого желтым джерси, напоминавшим ему «Крейцерову сонату» Толстого» (XIX, 194). И дальше: «...в беспокойном хождении Марины было что-то тревожное, чувствовался избыток животной энергии...» (XIX, 198).

Проходит несколько лет, Марина так и не смогла найти для себя дороги в революцию, только иногда помогает большевикам, увлекается сектанством. Но, хотя она и не нашла настоящей жизненной цели, ее глубоко интересует общественная жизнь, ей присущи серьезные духовные искания, чего не было у нее в молодости. И соответственно с этим внутренним развитием изменяется и внешний облик Марины, пропадает грубо-чувственное, животное начало; Горький подчеркивает теперь именно духовную красоту, выражение: «...теперь она стала выше, стройнее...» (XXI, 120); «Улыбалась она не так плотоядно и устрашающе широко, как в Петербурге, двигалась мягко и бесшумно, с той грацией, которую дает только сила» (XXI, 121). И дальше: «Черты ее красивого, но несколько тяжелого лица стали тоньше, отчетливее» (XXI, 169).

Горький подчеркивает способность Марины к глубоким и сильным переживаниям, к серьезному чувству — и это находит свое выражение прежде всего в изображении ее внешности: «Она, видимо, сильно устала, под глазами ее легли тени, сделав глаза глубже и еще красивей. Ясно было, что ее что-то волнует, — в сочном голосе явилась новая и резкая нота, острее и насмешливей улыбались глаза» (XXI, 230).

Важно отметить, что совсем не показываются изменения Кутузова; их и нет: Кутузов с самого начала дан как принципиальный, убежденный большевик, ленинец.

Следует, однако, подчеркнуть, что образы положительных

героев в эпопее раскрыты менее полно, чем образы отрицательных персонажей. Это объясняется, в первую очередь, принципом изображения «от Клима Самгина», через призму его взглядов, его отношения, его наблюдений.

V

Горький широко использует еще один прием портретной характеристики: выделение одной черты внешности. Такое выделение имеет у Горького двоякое назначение: а) подчеркивание одной, обычно важнейшей черты характера героя и б) характеристика индивидуального отличия данного героя, не имеющая серьезной связи с внутренней жизнью персонажа. Писатель придавал этому приему портретной характеристики большое и серьезное значение. «Писатель должен смотреть на своих героев именно как на живых людей, а живыми они у него окажутся, когда он в любом из них найдет, отметит и подчеркнет характерную, оригинальную особенность речи, жеста, фигуры, лица, улыбки, игры глаз и т. д. Отмечая все это, литератор помогает читателю лучше видеть и слышать то, что им, литератором, изображено. Людей совершенно одинаковых нет, в каждом имеется нечто свое—и внешнее, и внутреннее» (XXV, 117—8).

Остановимся сначала на первом назначении.

Горький дает резкую характеристику буржуа-хищнику Варавке, грубому и жадному цинику, сластолюбцу, настойчиво идущему к власти и погибающему от ожирения, раздувшись, как пузырь; — это символ всего буржуазного класса. У Варавки нет наследников, как нет будущего у всего класса «варавок».

В полном соответствии с этой внутренней характеристикой, подчеркивая и углубляя ее, дается и зарисовка внешности Варавки; автор отмечает: «...у Варавки как-то жадно и уродливо вываливалась из бороды его **тяжелая, мясистая губа»** (XIX, 72). И дальше: «Выслушав ответ Клима, он недоверчиво осмотрел его, налил полный фужер вина, благочестиво выпил половину, облизал свою **мясную губу** и заговорил, откинувшись на спинку стула...» (XIX, 177).

Это подчеркивание «мясной губы» вызывает отталкивающее впечатление грубой, животной силы, жадности.

Желая подчеркнуть близость к народу Кутузова, Горький отбирает другую черту внешнего облика: в описание внешности Кутузова вставляется изображение его бороды. «Коротко, клином подстриженная бородка, толстые, но тоже подстриженные усы не изменяли его **мужицкого лица»** (XX, 468). И дальше: «Кутузов посмотрел в лицо его, погладил бороду и негромко выговорил:..» И еще: «...мелькнуло красное, всег-

да веселое лицо эсдека Рожкова рядом с **бородатым лицом Кутузова...**» (XX, 635). И еще один пример: «...Кутузов одет в шведскую кожаную тужурку, похож на железнодорожного рабочего и снова **отрастил обширную бороду».** (XXII, 312). Наконец, эта характеристика бороды Кутузова становится настолько постоянным признаком, что определение бороды даже заменяет его фамилию: «Самгин подумал: не следовало бы **человеку с бородой** (то есть — Кутузову.—**Н. П.**) говорить в таком тоне» (XXII, 314).

Еще более характерно дается определение сущности англичанина Кройтона — крупного офицера разведки. Горький совсем не раскрывает внутренней жизни Кройтона, вся характеристика дана только приемами его портретной и языковой характеристики и беглого перечня его внешне «благовидных» поступков. В портрете не случайно особое внимание уделяется описанию его «зубастой улыбки», так хорошо передающей его хищность, жестокость: «...улыбался он охотно, любезно, обнажая ровные, желтоватые зубы, — от этой **зубастой улыбки** его бритое, приятное лицо становилось еще приятней». (XXI, 332). И дальше: «—Я думаю, это—очень по-русски, — **зубасто улыбнулся** Кройтон» (XXI, 347). И еще: «И, **показав веселые зубы,** Кройтон завязал пальцем в воздухе узел...» (XXI, 348).

Большое значение имеет прием выделения одной черты для раскрытия внутреннего мира Никоновой. Горький выделяет, многократно подчеркивает одну особенность ее внешности: ее фальшивую, лицемерную улыбку, что прекрасно вскрывает двойную, лицемерную, предательскую жизнь Никоновой, как провокатора. «Улыбка казалась вынужденной, жестковатой и резко изменяла ее лицо, каких много» (XIX, 341). И дальше Горький многократно называет ее улыбку «неохотной улыбкой» (XIX, 446), «насильственной улыбкой» (XX, 140). И только очень редко, когда Никонова уже чувствует душевную близость к Самгину, разгадывая и его душевную дряблость, лицемерие, двоедушие, «Самгин увидал незнакомую ему улыбку, широкую и ласковую» (XX, 430).

Характерно, что изображая одну черту внешности, Горький показывает и изменение этой черты, что позволяет ему раскрыть изменение характера, а иногда даже — отдельных переживаний, настроений персонажей.

Так, Горький обращает наше внимание на изменение своеобразного, ищущего характера Макарова; он становится более опытным, житейски зорким человеком. В конце концов он приходит к закономерному выводу о том, что только большевики являются истинными революционерами. И Горький подчеркивает эти изменения: «Странно было видеть, что в двуцветных вихрах медика уже поблескивают серебряные нити,

особенно заметные на висках» (XX, 115). И дальше: «Макаров еще более поседел, виски стали почти белыми и сильнее выцвели темные клочья волос на голове. Это сделало его двуцветные волосы более естественными» (XX, 359).

Более тщательно характеризует Горький небольшие, мгновенные изменения отличительной черты героев в зависимости от изменения в настроении персонажа. Это хорошо видно в характеристике таких ведущих, сквозных (проходящих через все развитие сюжета) персонажей, как Варавка и Варвара.

Отличительной чертой внешности Варавки Горький изображает бороду; по ней можно прослеживать изменения в его отношении к жизни, к окружающим. После возвращения из-за границы Варавка становится более самоуверенным, деятельным хищником: «Из-за границы Варавка вернулся помолодевшим, еще более насмешливо веселым; он стал как будто легче, но на ходу топал ногами сильнее, и часто останавливался перед зеркалом, любуясь своей бородой, подстриженной, так, что ее сходство с лисьим хвостом стало заметней» (XIX, 46). Горький умело подчеркивает эту «европеизацию» Варавки, его хитрость и жадность дельца.

Варавка смущен, расстроен своим сыном, и — его «холеная борода измята» (XIX, 78), расстроен из-за дочери: «Варавка, ожесточенно встряхивая бородою, увел Игоря за руку на улицу...» (XIX, 93) и: XIX, 152, 171, 285. Вот он занят делами: «...Варавка щелкал косточками счет и жужжал в бороду...» (XIX, 177). Энергично и деловито он отдает распоряжения: «...играя бородой, прижав Клима животом к стене, начал командовать...» (XIX, 298). Вот Варавка поучает окружающих, считая себя одним из хозяев жизни: «...ораторствовал Варавка со стаканом вина в одной руке, а другою положив бороду на плечо и придерживая ее там» (XIX, 506).

Изображение бороды Варавки усиливает общую его сатирическую характеристику: «Борода придала краснолицей, лохматой голове Варавки сходство с уродливым изображением кометы из популярной книжки по астрономии». (XIX, 367).

Важно подчеркнуть, что Горький, описывая такую черту внешности Варавки как борода, часто присоединяет к ней эпитет: «лисья борода», и это сразу раскрывает хитрость, лицемерие Варавки, помогает понять сущность его характера.

Значение этого выделения «бороды» Варавки хорошо видно и в таком эпизоде: Спивак, глядя на портрет Варавки, спрашивает: «— Портрет над роялем, — это ваш отчим? У него борода очень богатого человека». (XIX, 335). Это замечание помогает понять значение этой портретной детали для раскрытия всей сущности характера. Такая же глубокая и

тщательно выписанная характеристика дается при изображении внешности и ряда других персонажей.

Значительное место в портретной характеристике Горького занимает изображение одной черты персонажа, необходимое только как индивидуальное отличие, без связи с психологической характеристикой. Так перед нами проходят Макаров с двуцветными волосами, мужик с деревянной ногой, усатая женщина-прачка, бритоголовый либерал, кудрявый парень, лысый мужик, усатый мужик.

VI

Дополняя прием изображения ведущей черты внешности, Горький часто прибегает к выделению характерной детали внешнего облика, помогающей раскрытию черт характера персонажа.

Описывая сцену гибели Бориса Варавки, Горький все внимание сосредоточивает на описании маленьких, красных рук его, подчеркивая беспомощность Бориса и страстное его желание жить: «...он слышал холодный плеск воды и видел две очень красные руки; растопыривая пальцы, эти руки хватали лед на краю, лед обламывался и хрустел. Руки мелькали, точно ощипанные крылья странной птицы, между ними подпрыгивала гладкая и блестящая голова с огромными глазами на окровавленном лице; подпрыгивала, исчезала, и снова над водою трепетали маленькие, красные руки... маленькие, мокрые руки, красно поблескивая, подвигаются ближе, обламывая лед» (XIX, 83).

Зачастую у Горького одна небольшая деталь внешности помогает раскрытию сущности данного персонажа. Так, характеризуя безликую смиренную Таню Куликову, домоправительницу Варавки с ее жертвенным отношением к жизни, Горький пишет: «На висках у нее появились седые волосы, на измятом лице — улыбка человека, который понимает, что он родился неудачно, не во-время, никому не интересен и очень виноват во всем этом» (XIX,99). Много жизненных невзгод, унижения испытала эта женщина, не знавшая личных радостей, прежде чем появились у нее седые волосы, прежде чем стало измятым ее лицо и печальными, виноватыми ее глаза.

Раскрывая страх Никоновой оказаться разоблаченной, когда Самгин случайно обнаружил ее тайнопись, Горький прежде всего дает описание выражения ее глаз: «Открыв дверь и медленно притворяя ее, она стояла на пороге, и на побледневшем лице ее возмущенно и неестественно выделились потемневшие глаза...» (XX,452).

Желая подчеркнуть комические элементы характера,

Горький также прежде всего дает это комическое во внешней зарисовке. Он описывает вялые и бессодержательные споры буржуа и вводит следующую сцену: «Сильно постаревший адвокат Гусев отрастил живот и, напирая им на хрупкую фигуру Спивака, вяло возмущался распространением в армии балалаек» (XIX,502). При помощи комических деталей усиливается ироническое отношение к Варавке и богачу Радееву: «Клим Самгин отметил у Варавки и Радеева нечто общее: у Варавки были руки короткие, у мельника смешно коротенькие ножки» (XIX,494).

Иногда изображение таких эффектных деталей дается в прямом противопоставлении изображаемым событиям, обличая таким образом отсутствие внутренней логики, цельности события или переживания человека. Так, описывая трагическую сцену возвращения искалеченных людей после Ходынской катастрофы, описывая, как везли на подводах сотни трупов погибших людей, Горький вставляет описание празднично сиявшей медной каски: «Ехала бугристо нагруженная зеленая телега пожарной команды, под ее дугою качался и весело звонил колокольчик. Парой рыжих лошадей правил краснолицый солдат в синей рубахе, медная голова его ослепительно сияла. Очень странное впечатление будили у Самгина веселый колокольчик и эта медная башка, сиявшая празднично. За этой телегой ехала другая, третья и еще, и над каждой торжественно возвышалась медная голова» (XIX, 452). С этой деталью, подчеркивающей трагизм события, хорошо согласуется и то, в частности, что царь не отменил бала в день катастрофы. Характерно и такое сопоставление двух демонстраций: мощной рабочей демонстрации в Петербурге, расстрелянной в день кровавого воскресенья, — и демонстрация монархистов-черносотенцев: «Площадь пустела. В десятке шагов от решетки на булыжнике валялась желтенькая дамская перчатка, пальцы ее были сложены двухперстным крестом; это воскресило в памяти Самгина отрубленную кисть руки на снегу». (XX,576). Если в первом случае была истинная борьба, большое столкновение, повлекшее гибель сотен демонстрантов, то во втором случае ограниченный обывательский характер «демонстрации» подчеркивается этой дамской перчаткой: вот все «жертвы» демонстрантов.

Таким образом, и этот, казалось бы, незначительный прием, приобретает существенное значение для полной и яркой характеристики персонажей.

VII

В общей идейной направленности романа большое значение имеет разоблачение духовной несостоятельности буржуа-

зии, буржуазных интеллигентов; отсюда ясна роль сатирического портретного изображения врагов революции. Следует учесть, что при изображении врагов Горький почти не дает специального изображения внутренней жизни персонажей. Портретная характеристика (наряду с речевой характеристикой и изображением персонажей в действии) приобретает особенно важное, а зачастую даже решающее значение.

Горький создает целую галерею сатирически изображенных типов буржуазии и ее идеологических лакеев. Этой сатирической манерой Горький достигает обнажения, раскрытия решающих черт мировоззрения и характера; портретная зарисовка здесь полностью заменяет специальную психологическую характеристику. Такова, например, зарисовка внешности богача-фабриканта Ермолаева, столетнего слепца с его «зеленоватым, длиннобородым лицом усопшего». (XX,573). Горький прежде всего подчеркивает, что этот человек мертв для окружающей жизни, ничего в ней неспособен увидеть, понять, хотя это и не мешает ему оказывать грубое жестокое давление на рабочих фабрики, на общество. Он участвует в демонстрации реакционнейшего «Союза русского народа», «переставляя деревянные ноги, вытирал ладонью мертвый, мокрый нос и хрипел:

-- Не допускайте, православные, не допускайте!» (XX,574). И дальше: «...Лысая, в черных очках на мертвом лице голова Ермолаева, он, должно быть, тоже пел или молился; зеленоватая борода его тряслась. Он был страшен, его, должно быть, затем и вывели, чтобы устрашить народ» (XX,576).

Горький создает не сатирические образы, а сатирические зарисовки внешности, дающие представление о неприглядных внутренних чертах характера. Таково, например, изображение внешности ростовщицы Трусовой; у нее отмечены «нагло выпученые и всех презирающие глаза» (XX,494); вот тунеядец Безбедов, боящийся суда: «...круглое, пухлое лицо его противно шевелилось, точно под кожей растаял и переливался жир, — глаза ослепленно мигали, руки тряслись, он ими точно паутину снимал со лба и щек» (XXI,285).

Не менее остро и последовательно разоблачает Горький несостоятельность буржуазных интеллигентов, раскрывая реакционность, ничтожность их крикливых фраз о «свободе духа», о духовных исканиях. В значительной степени это «срывание масок» дается при помощи сатирического изображения их внешности. Мы видим изображение «модного писателя, дубоватого человека с неподвижным лицом, в пенснэ на деревянном носу» (XX,485); или лицо прокурора Тагильского «...надутое, выпуклое, как полушарие большого резинового мяча, свиные красные глаза сердито выкатились. Коро-

тенькие толстые ножки бесшумно, как лапы кота, пронесли его по мокрому булыжнику двора...» (XXI, 126).

Вот зарисовка ничтожного пустослова, псевдо-ученого, доцента Пыльникова, рассуждающего о «культурных задачах демократии»: «Доцент был среднего роста, сытенький, широкобедрый, лысоватый, с большими красными ушами и бородкой короля Генриха IV.

Шаркая лаковыми ботинками, дрыгая ляжками, отталкивал ими фалды фрака, и ягодицы его казались окрыленными... Говорил он легко, с явной радостью, с улыбками на добродушном, плоском лице» (XXI,144).

Горький использует прием постепенного накапливания сатирических черточек внешности, он показывает, как все более уродливыми внутренне и внешне становятся эти «хозяева жизни». Тупеет, становится все более жадным Варавка, теряющий уверенность в будущем, — и это изменение подчеркивается и изменением портретной характеристики: Варавка..., наполнив своим жиром и мясом глубокое кресло, говорил, чавкая и задыхаясь... Он сильно разбух, щеки оплыли, под глазами вздулись мешки; но **глаза стали еще острее, злей,** а борода выцвела, в ней явился свинцовый блеск» (XX, 209—10) подчеркнуто мною.—**Н. П.**).

Вот истеричный офицер, жестокий каратель крестьянских восстаний: «Самгин зажег спичку и увидел перед собою широкую спину, мясистую шею, жирный затылок; обладатель этих достоинств, прижав лоб свой к стеклу, говорил вызывающим тоном...» (XXI, 108). Здесь характерна и ироническая интонация, с которой Горький говорил об обладателе этих «достоинств», и самый прием сатирического изображения, начиная с описания отдельных элементов его внешности. И дальше: «Он захлебнулся смехом, засипел, круглые глаза его выкатывались еще больше, лицо побагровев, надулось...» (XXI, 115). Здесь усиливается, дополняется сатирическая зарисовка его внешности.

Важно отметить, что сатирические портретные характеристики — за редким исключением — даются независимо от Клима Самгина, от его точки зрения, естественно, не совпадающей с точкой зрения автора. Обычно Самгин только присутствует при данной сцене, но его отношение к сатирически изображаемым персонажам, как правило, весьма снисходительное, примиренческое, лишенное всякого социального элемента. Горький в резкой сатирической манере описывает внешность шпика Митрофанова, Варавки, Трусовой, жандармского полковника и др., но у Самгина с ними вполне деловые, нормальные взаимоотношения, а Митрофанова он даже считает близким человеком, чуть ли не единомышленником, любуется «основательностью» его взглядов.

Горький неоднократно использует общие сатирические зарисовки представителей правящих классов (они напоминают лучшие страницы «Воскресения» Л. Н. Толстого); эти картины позволяют уяснить общее, главное отношение писателя к важнейшим общественным событиям. Горький показывает моральное разложение, духовную нищету, несостоятельность, как признак разложения, приближающейся гибели целого класса буржуазии. Это дано в сатирической заостренной зарисовке публики у Омона, пришедшей наслаждаться циническими сценами: «перед ослепленными глазами открывалась продолговатая, в форме могилы, яма, а на дне ее и по бокам в ложах, освещенные пылающей игрой огня, краснели, жарились лысины мужчин, таяли, как масло, голые спины, плечи женщин, трещали ладони, аплодируя ярко освещенным и еще более голым певицам...» (XX,323);

«...в этом капище собрались действительно отборные люди. Среди мужчин преобладали толстые, лысые, среди женщин — пожилые и более или менее жестоко оголенные. Нагих спин, плеч, рук, обтянутых красноватой и желтой кожей, было чрезвычайно много. На барьерах лож, рядом с коробками конфет, букетами цветов, лежали груди, и в их обнаженности было что-то от хвастовства нищих, которые показывают уродства свои для того, чтобы разжалобить. Зеркала фантастически размножали всю эту массу жирной плоти, как бы таявшей в жарком блеске огней, тоже бесчисленно умноженных белым блеском зеркал» (XX, 326-7). Не случайно, что Горький сравнивает театр Омона с могилой, это сразу придает определенную направленность для развертывания всей последующей характеристики.

В гротескной форме Горький описывает уродливую внешность людей светского общества с его извращенными вкусами, стремлениями. Эта духовная извращенность выражается в стремлении уйти в религиозную мистику, что охватило значительные круги буржуазной интеллигенции в период после поражения первой русской революции. Горький описывает как бы коллективное сумасшествие десятков людей, участвующих в «радении»; они теряют человеческий облик, утрачивают нормальное, естественное отношение к жизни: «Кольцеобразное, сероватое месиво вскипало все яростнее; люди совершенно утратили человекоподобные формы, даже головы были почти неразличимы на этом облачном кольце...» (XXI,368).

Такие обобщенные (хотя и менее развернутые) характеристики Горький употребляет и в ряде других случаев. Дав описание выражений лиц ряда депутатов, он как бы делает вывод: «Преобладают какие-то люди без лиц, и, вероятно, без речей» (XXII,323).

Одним из элементов сатиры является некоторое преувеличение, концентрация отталкивающих черт характера для более глубокого восприятия данного художественного образа.

Одним из сатирических приемов Горького является подмена изображения человека — изображением одной части тела, что создает неприязненное, ироническое отношение к характеризуемому персонажу, принижает его. В романе мы встречаем такую зарисовку либеральствующего профессора: «Внизу, над кафедрой, возвышалась, однообразно размахивая рукою, половинка тощего профессора, покачивалась лысая, бородатая голова, сверкало стекло и золото очков» (XIX,208).

Горький отказывается от изображения здесь лица человека, его фигуры — вместо этого в пародийной манере дается описание атрибутов фигуры профессора («стекло и золото очков»), подчеркивается его безжизненность («возвышалась, однообразно размахивая рукою, половинка тощего профессора»).

В том же плане изображен некий безличный «рассуждающий господин»: «Говорила чья-то круглая, мягкая спина в измятой чесунче, чесунча на спине странно шевелилась, точно под нею бегали мыши, в спину неловко вставлена лысоватая голова с толстыми ушами синеватого цвета» (XX,491). В монархической демонстрации «...пред Самгиным поплыли разнообразные, но одинаково серьезно настроенные профили...» (XX,575). Еще более едко характеризуется президент Франции Пуанкаре, приезжавший в Россию накануне первой мировой войны, в восприятии кухарки Агафьи: «— Да у него и не видно головы-то, все только живот, начиная с цилиндра до сапог», — ответила женщина» (XXII,360).

Эти преувеличения оправданы, они позволяют писателю резче выделить наиболее существенные черты сатирически изображаемых явлений и отдельных персонажей.

Горький использует, правда в сравнительно редких случаях, прием подтекста, то есть параллельное изображение внешнего и внутреннего порядка, причем одно противоречит другому. Так изображен, например, «величественный индюк» — «известный адвокат» Платон Александрович, циник и краснобай: «Глаза Платона Александровича, большие красивые, точно у женщины, замечательно красноречивы, он владел ими так же легко и ловко, как языком. Иногда он молчал, глаза придавали холеному лицу его выражение разочарованности, а глядя на женщин, широко раскрывались и как бы просили о помощи человеку, чья душа устала, истерзана тайными страданиями. ...Теперь говоря о

философах-моралистах, он прищурился и зажег в глазах надменную улыбку, очень выгодно освещая ею покрасневшее лицо» (XXII,298—9).

И далее Горький пишет о нем: «Он устало прикрыл глаза, покачал головою, красивым движением кисти швырнул папиросу в пепельницу,— швырнул ее как обыгранную карту и, вздохнув глубоко, вскинув энергично красивую голову, продолжал...» (XXII,328). «Он играл голосом и словами с тонким, отлично разработанным искусством талантливого лицедея, удивляя обилием неожиданных интонаций, певучестью слов, которыми он красиво облекал иронию и печаль, тихий гнев и лирическое сознание безнадежности бытия» (XXII,329).

Горький сразу же указывает на исключительное лицемерие адвоката, его умение принимать любое выражение, сразу показывает, что адвокату нельзя верить, ни когда он говорит о философах, ни когда рассуждает о женщинах. Красивая форма противопоставлена полной внутренней ничтожности. Характерно, что Горький сразу же вызывает к нему ироническое отношение, сравнивая его с индюком.

Тот же прием использован Горьким и при изображении богатого торговца Фроленкова, рассказывающего о случае исключительной жестокости царского суда, когда в 1906 году был осужден и тут же повешен за революционную деятельность Сергей Постников. Рассказ об этом случае жестокого произвола не потрясает Фроленкова, помогавшего в качестве свидетеля вынести смертный приговор Постникову. «Рассказывал Фроленков мягко, спокойно поглаживая бороду обеими руками, раскладывал ее по жилету, румяное лицо его благосклонно улыбалось» (XXII,388). У Горького есть глубокое высказывание о врагах, являющееся как бы «ключом» для истолкновения и данного эпизода: «...Враг вполне заслуживает непрерывного внимания к нему, он доказал это. Нужно уметь чувствовать его, даже когда он молчит и дружелюбно улыбается, нужно уметь подмечать иезуитскую фальшивость его тона за словами его песен и речей». Эта внешняя красота и благосклонная улыбка Фроленкова не могут скрыть его жестокости, ненависти к революционерам.

Иногда такое «снимание маски» дается при помощи сатирического изображения коренного изменения внешности персонажа: под влиянием каких-либо важных событий в привычном (и благопристойном!) внешнем облике начинают проступать те черты, которые дают настоящее, истинное представление о сущности характера. Этим приемом разоблачается сущность провокатора Гапона: после расстрела 9 января он мечется, пытаясь спастись, он остриг свои длинные волосы. «Без рясы, ощипанный, Гапон был не похож на того

попа, который кричал и прыгал перед рабочими, точно молодой петушок по двору, куда внезапно влетел вихрь, предвестник грозы и ливня. Теперь, когда попу, точно на смех, грубо остригли космы на голове и бороду, — обнаружилось дерганное, темненькое, почти синее лицо, черные зрачки, застывшие в синеватых, масляных белках, и большой нос, прямой, с узкими ноздрями и сдвинутый влево, отчего одна половина лица казалась больше другой» (XX,543—4).

В том же плане дана характеристика реакционера Брагина.

Наконец, в большом и разнообразном «арсенале» приемов сатирического изображения следует указать прием сатирического изображения отдельных элементов лица персонажа. Это можно сопоставить с известным изображением Л. Н. Толстым отвратительных ушей Каренина, что помогло Толстому передать то отвращение, которое появилось у Анны к своему мужу. Горький мало использует этот прием, но разработка его отличается выразительностью. При помощи этого приема он раскрывает, как постепенно растет неприязненное отношение Варвары к Самгину. Самгин начинает догадываться об этом. Припоминая различные случаи, обрывки разговоров, он вспоминает и слова Варвары: «...не так давно она заботливо, но как будто и упрекая, сказала:

— У тебя от очков краснеет кончик носа». (XX,385).

Неприязненное отношение к Самгину здесь еще маскируется внешне заботливым тоном, но оно выражает растущее отвращение к Самгину, хотя и обращено, казалось бы, только на одну черту его внешности.

VIII

В романе уделяется большое внимание изображению одежды персонажей, причем зачастую оно имеет даже самостоятельное значение. Описание одежды персонажей дается в восприятии Клима Самгина; почти всегда это сопровождается специальным комментарием Самгина к внешнему облику персонажей.

Основным приемом здесь является изображение характера одежды в соответствии с внутренней сущностью персонажа, своеобразным приемом параллелизма. Так, изображая Томилина, в то время чудаковатого, далекого от жизни «мыслителя», Горький дополняет его внутреннюю характеристику изображением одежды: «...Томилин—в длинном, до пят, черном пальто, в шляпе с широкими полями. Клим усмехнулся, найдя, что костюм этот очень характерно подчеркивает странную фигуру провинциального мудреца» (XIX, 268). Здесь дано изображение не только внешности Томилина, но и оценка ее

Самгиным. Автор подчеркивает такие нелепые в данной обстановке детали одежды, как длинное до пят пальто, шляпа с широкими полями. Лидия Варавка после увлечения сексуальными вопросами приходит к религиозному мистицизму и крайнему консерватизму; эта мрачная мистика, реакционная фанастика подчеркивается и ее внешним обликом:

« — Это — ужасно, Клим! — воскликнула она, оправляя сетку на голове, и черные драконы с рукавов ее халата всползли на плечи ее, на щеки. Самгин слышал ее крики, но эта женщина, в широком, фантастическом балахоне, уже не существовала для него в комнате...» (XXI,290).

Подчеркивая богатство Бердникова, жестокого и циничного хищника, автор прибегает для этого к обрисовке одежды и украшений: «Бердников, говоря, поправлял галстук с большой черной жемчужиной в нем, из-под галстука сверкала крупная бриллиантовая запонка, в толстом кольце из платины горел злым зеленым огнем изумруд» (XXII,70).

Изображение одежды в романе иногда дает представление и о взглядах героев, об их отношении к жизни. Вот, например, изображение рабочей женщины-революционерки в демонстрации: «Широколицая женщина в клетчатой юбке, в черной кофте, перевязанной накрест красной лентой, в красном платке на рыжеватых волосах, шагая рядом с мужиком без шапки и лысоватым, счастливо улыбаясь, смотрела в его кругло открытый, ощетинившийся рот» (XXII,552). В этой мимолетной зарисовке выражено главное о сущности эпизодического персонажа. Уже описание одежды Елены Прозоровой дает представление об ее отношении к жизни, интересах: «...явилась женщина среднего роста, в пестром облаке шелка, кружев, в меховой накидке на плечах, в тяжелой чалме волос, окрашенных в рыжий цвет, румяная, с задорно вздернутым носом, синеватыми глазами, с веселой искрой в них» (XXII,265).

Здесь очень показательно выражение: «В пестром облаке шелка, кружев»; это сразу создает впечатление дорогого, изысканного, вычурного платья.

Сравнительно часто у Горького описание одежды заменяет, делает ненужным специальное указание на социальное положение характеризуемого персонажа. Так он изображает, например, богача: «человек в шубе с лисьим воротником, в меховой шапке с наушниками» (XXI,110) и дальше он именуется уже: «человек в шубе», «человек в шапке с наушниками» (XXI, 110—1).

Столь же типично обрисовывается внешность молодого рабочего Лаврушки: «Оратор — небольшого роста, узкогрудый, в сереньком пиджаке поверх темной косоворотки, подпо-

ясан широким ремнем, растрепанные, вихрастые волосы делают голову его не по росту большой, лицо его густо обрызгано веснушками» (XXII,501).

Иногда даже настроение героя подчеркивается, выявляется при помощи изображения одежды; это значительно усиливает общую портретную характеристику, даваемую автором. Горький изображает ожесточенный принципиальный спор Сомовой с Маракуевым: «Сомова как-то подтянулась, бантики и ленточки ее кофты ощетинились...» (XX,125).

Крупные психологические черты Самгина также раскрываются с помощью изображения одежды; так, боязнь людей выражается у него следующим образом: «большие сборища людей подавляли его, в толпе он внутренне сжимался и не слышал своих мыслей; среди однообразно одетых и как бы однолицых студентов он почувствовал себя тоже обезличенным» (XIX, 208).

При помощи приема описания одежды Горький показывает серьезные изменения во взглядах персонажей на жизнь, изменения в чертах их характеров; это изменение — внутреннее — обязательно выявляется Горьким и во внешнем облике героя.

Так, описывая переживания Томилина, «уездного философа», связанные с его неудачной любовью к матери Клима, его желание оригинальничать, выделиться из общей массы людей, Горький так изображает изменение одежды Томилина: «С Томилиным что-то случилось: он переоделся в цветные рубашки «фантазия», носил вместо галстука шнур с кистями, серый пиджак и какие-то сиреневого цвета, очень широкие брюки. Все это казалось на теле его чужим и еще более оттеняло огненную рыжеватость подстриженных волос, которые над ушами торчали горизонтально и дыбились над его белым лбом. Особенно заметны были запонки на обшлагах — большие, тяжелые, лунные серпики» (XIX, 148).

Весьма характерно передаются изменения в жизни Ивана Дронова, бывшего однокашника Самгина, становящегося средним буржуазным дельцом: «В темносинем пиджаке, в черных брюках и тупоносых ботинках фигура Дронова приобрела комическую солидность. Но лицо его осунулось, глаза стали неподвижней, зрачки помутнели, а в белках явились красненькие жилки, точно у человека, который страдает бессонницей (XIX,150). И дальше: «Он становился все богаче, это явно было по разнообразию и добротности костюмов, по осанке дельца, по рассказам его» (XXII,350). Горький усиливает психологическую характеристику описанием одежды: интересно, что описание одежды (внешнего преуспевания Дронова) дается в резком противоречии с изображе-

нием его лица (внутренне он опустился, становится ограниченным дельцом — и сам это сознает).

Иногда описание одежды противоречит внутренней сущности персонажа, и Горький специально обращает на это несоответствие внимание читателей. Умная и сильная душевно, Марина Зотова становится... торговкой церковной утварью — и это несоответствие в ее положении с душевными задатками, возможностями женщины раскрывается в следующей сцене: «Самгин думал, что к ее красивой, стройной фигуре не идет скромное, темненькое платье торговки» (XXI,187). Еще более «не идет» к ее душевной силе увлечение сектантством, которому она отдалась в последние годы своей жизни; это несоответствие и дается Горьким во внешнем выражении.

Наконец, описание одежды помогает Горькому усилить сатирические портретные зарисовки. Так, весьма сатирически дан Стратонов с его чрезмерной заботой о своих костюмах. Самгин встречается с ним в вагоне поезда. Стратонов показался ему сильной фигурой: «...теперь ему вдруг захотелось украсить этого человека какими-то достоинствами, и через некоторое время он наделил его энергией Варавки, национальным чувством Козлова и оптимизмом Митрофанова, — получилась очень внушительная фигура» (XX,350). Но вот Самгин наблюдает, как Стратонов любовно надевает «новенькие светлые брюки» (там же). И дальше: Стратонов нечаянно «плеснул кофе из термоса на колени себе, на светлосерые брюки, вспыхнул и выругался математическими словами» (XX,351). И даже Самгин понимает, что перед ним ограниченный буржуа-делец и политик, с ничтожными интересами, расчетливый и бездушный: «Стратонов опрокинул себя в его глазах этим глупым жестом и огорчением по поводу брюк. ...сидя в пролетке извозчика, думал с презрением: «Бык. Идиот. На что же ты годишься в борьбе против людей, которые, стремясь к своим целям, способны жертвовать свободой, жизнью?» (XX,351-2).

Желая подчеркнуть фальшь Варвары, искусственность, стремление играть заметную роль, Горький так характеризует ее одежду. «Одетая, как всегда, пестро и крикливо... Дома она одевалась в какие-то хитоны с широкими рукавами, обнажавшими руки до плеч, двигалась скользящей походкой, раскачивая узкие бедра, и, очевидно, верила, что это у нее выходит красиво» (XX,86).

Декадентка, лишенная каких-либо серьезных жизненных стремлений, она так же выдумывает себя, как и свою одежду, уродливо-нелепую и крикливую.

Горький и здесь, в сатирическом описании одежды, дает обобщенные широкие зарисовки большого количества людей,

враждебных революции. Так он изображает монархическую демонстрацию, шествие с иконой: «За иконой медленно двигались тяжеловесные, золотые и безногие фигуры попов, впереди их — седобородый, большой архиерей, на голове его — золотой пузырь, богато украшенный острыми лучиками самоцветных камней, в руке — длинный посох, тоже золотой» (XXI, 360).

Характерно, что для Самгина этот поток кажется даже красивым, но Горький «снимает» положительные, впечатляющие краски картины, характеризуя бесформенные, «безногие фигуры попов», «золотой пузырь» на голове архиерея. Так 2—3 штриха, введенные Горьким, ослабляют впечатление от «красоты» зрелища, придают ему сатирический оттенок.

* * *

Подводя итоги всему разобранному материалу, можно сделать следующие выводы.

Все портретные приемы, использованные А. М. Горьким, объединяются общей целеустремленностью, позволяют создать целостное и яркое представление не только о внешности персонажей, но и об их внутренней жизни, стремлениях, переживаниях.

А.М. Горький, развивая и творчески обогащая лучшие художественные приемы, разработанные классиками русской литературы XIX века, высоко ценил достижения Л. Н. Толстого в реалистическом изображении человеческих характеров: «У Толстого можно научиться тому, что я считаю одним из крупнейших достоинств художественного творчества, — это пластике, изумительной рельефности изображения.

Когда его читаешь, то получается — я не преувеличиваю, говорю о личном впечатлении — получается ощущение как бы физического бытия его героев, до такой степени ловко у него выточен образ; он как будто стоит перед вами, вот так и хочется пальцем тронуть». (XXVI, 68). Эти слова в полной мере характеризуют и художественные достижения А .М. Горького.

Горький значительно видоизменяет и разрабатывает дальше принципы портретной характеристики, сравнительно с творческими приемами Л. Н. Толстого.

Так, Горький широко вводит групповую портретную характеристику, причем, как правило, это описание выявляет цельность и активность коллектива людей. У Толстого мы не встречаем такой групповой характеристики, да и самый прием этот используется сравнительно редко. Использование данного приема Горьким позволяет ему раскрыть основное идейное содержание романа, показать рост силы и сознательности рабочего коллектива.

В романе «Клим Самгин» Горький использует своеобраз-

ный прием портретной характеристики «глазами Самгина», когда все события и персонажи даются как бы через призму восприятия этого персонажа. Нельзя сказать, чтобы этот прием изображения внешности не использовался раньше, например, Тургеневым и Толстым, но у них он имел явно второстепенное, подчиненное значение; у Горького же этот прием является определяющим, основным, он вытекает из особой композиции романа, когда все события концентрируются вокруг Самгина, даются через преломление его взглядов.

Широкое систематическое использование данного приема определяет и своеобразие в использовании других портретных приемов. Совершенно верно замечание Михайловского и Тагер (в книге «Творчество М. Горького») о том, что Горький, в отличие от Толстого, не сопровождает портретную характеристику тщательным психологическим комментарием; это было бы и невозможно без нарушения художественной цельности в данном произведении, иначе такую психологическую характеристику пришлось бы давать от имени Самгина.

Художественные приемы, использованные А. М. Горьким в романе, отличаются большой цельностью и внутренним единством; именно это и позволило писателю с такой яркостью и убедительностью раскрыть и донести до читателя идейное содержание романа.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

Том XII Выпуск 2

И. З. ДЕРКАЧЕВ

Кандидат филологических наук, доцент

ЗАМЕТКИ О СИЛЛАБИЧЕСКОМ СТИХЕ

В науке установилось мнение, что русские силлабические стихи были написаны наподобие польских силлабических стихов. В XVIII веке об этом говорили Ломоносов и Тредьяковский. В прошлом веке об этом писал академик Л. Майков: «...в стихотворных упражнениях своих, — писал он, — ученые киевской коллегии руководствовались образцами, которые доставляла им, во-первых, польская литература и, во-вторых, латинская поэзия... средних веков и XV—XVII столетий, поэзия, которой подражали и в значительной мере служили сами польские писатели».[1]

Эта точка зрения сохранилась и в нашей науке. Она разделяется Д. Д. Благим, который в своем учебнике по литературе XVIII века писал, что, создавая русский силлабический стих, ученые Киевской духовной академии исходили «из системы польского стихосложения».[2] В учебнике по древней русской литературе Н. К. Гудзии говорится: «В практике русского стихотворства второй половины XVII века укореняется правильно организованное силлабическое стихотворство, отличительной особенностью которого является равносложность стиха, цезура в середине стиха и парная женская рифма. Все эти особенности силлабического стихотворства выработались на польской почве, где они обусловлены были самим характером польского ударения, постоянно приходящегося на предпоследний слог, и затем были усвоены украинской литературой, через посредство которой привились на первых порах и в русском стихотворстве»[3].

Можно ли с этим согласиться? Конечно, литературный стих XVII века испытывал на себе известное влияние поль-

---

1 Л. Н. Майков. Очерки по истории русской литературы XVII и XVIII столетий, СПБ, 1889, стр. 94.

2 Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII, 1946, стр. 34.

3 Н. К. Грудзии. История древней русской литературы, 1950, стр. 466—467.

ской системы стихосложения. Культурные связи Украины с Польшей тогда были таковы, что элементы подражания киевских ученых полякам могли иметь место. Через Украину польский стих проник и в московскую литературу.

Не следует забывать, однако, о том, что в XVI и XVII веках Украина тяготела не к Польше, а к Москве, а Москва в это время не расположена была к заимствованиям и подражаниям. Как раз в этот период она, объединяя русскую землю в национальное государство, создавала теории независимости и самобытности русского народа, теории превосходства его культуры.

Не оставалась в стороне от этого и русская православная церковь. Начиная с XV века, она выступает против католичества и римского папы. В недрах церковной науки возникают в это время теории величия России и русского самодержавия. Россия рассматривается теперь как сосредоточие тех прогрессивных идей, которые в свое время были характерны для Византии и Рима.

Совершенно естественно, что русская литература в XVI и XVII веках, в том числе и церковная литература, развивались на русской национальной почве. Ее стихосложение обусловливалось не столько польскими влияниями, сколько собственными нашими традициями устного народного творчества.

Для силлабического польского стиха характерно было следующее: наличие равного количества слогов в стихотворной строке; беспорядочное расположение ударных и неударных слогов внутри строки, вследствие чего междуударные слоговые промежутки не подвергались никакому нормированию; наличие обязательного ударения на предпоследнем слоге строки, т. е. женской рифмы. Основной ритмической единицей польского стиха был слог. По этой причине, собственно, его и называют силлабическим.

Есть ли эти элементы силлабики в наших стихах XVII века? Возьмем отрывок из песни известного поэта XVII века П. А. Квашнина:

Много-то гулено, мно́го-то видено,
Такова же друга не наживано,
Дороже был чистого жемчуга,
Нрава был послушного,
Слова был утешного и т. д.

Равносложия строк здесь нет. В первой строке 12 слогов, во 2-й — 11, в третьей — 10, в четвертой и пятой — по 7. Женской рифмы нет и в помине. На чем же основывается ритм этих стихов? Подобно тому, как это имеет место в устной народной

поэзии, здесь существует упорядоченное расположение ударных слогов.

Стихи известной «Повести о Горе-Злочастии» также нельзя назвать силлабическими. В слоговом отношении они не одинаковы. В них то семь, то восемь, то десять, то одиннадцать слогов, ударения в стихе располагаются свободно, и поэтому последнее ударение в строке падает то на последний, то на предпоследний, а то и на третий от конца слог. В этих стихах используется ритмический строй народного стиха.

Влияние польской силлабики сказывается более на церковной поэзии XVII века. Церковные поэты, однако, тоже не удовлетворялись силлабическим стихом. Они нарушали правила польского стихосложения. Обращая внимание на это, Тредьяковский писал, что «у нас в великой России не видно сия польские исправности в самых первых рифмических стихах. Стихи, положенные в заглавии Московской библии, напечатанные с помянутые Острожские и вышедшие в 1663 году, как в полстишиях имеют иное число слогов, нежели какое было уже тогда в Киеве по польскому составу, так и рифму употребляют то двусложную, то трисложную, и то односложную безразборно».[1]

Характерно, что, не удовлетворяясь польской силлабикой, поэты пытались создать свою собственную версификацию. Попытки эти в общем и целом были неудачными, потому что они основывались не на традициях устного народного творчества, учитывавшего свойства русского языка, а на традициях греко-римского стихосложения, основанного на свойствах греческого и римского языков.

Так, видный деятель начала XVII века Мелетий Смотрицкий предложил писать стихи греческими и римскими стопами. В приложении к своей «Грамматике» славянского языка, опубликованной в 1619 году, он поместил стихи, написанные хореями, ямбами и т. д.

* * *

Виднейшим поэтом и теоретиком русского силлабического стиха во второй половине XVII века был Симеон Полоцкий. Наши ученые обычно на него ссылаются в целях доказательства силлабической природы стихосложения XVII века. Действительно, Симеон Полоцкий писал настоящими силлабическими стихами. Вместе с тем, однако, он изыскивал новые формы стиха. Больше, чем кто-либо другой в XVII веке, он доказывал, что силлабика не пригодна для русского языка и что мы должны были создать новую систему стихосложения.

В предисловии к Псалтыри Симеон Полоцкий отмечает, что хотя польские стихи преисполнены «сладости пения»,

---

[1] Тредьяковский. 1935 г., стр. 430.

тем не менее он не счел возможным при переводе псалтыри на русский язык придерживаться польского стихосложения, «не подражах преводника полскаго во украшении пиитическом».[1]

Сначала он объясняет это тем, что польское стихосложение ему самому недостаточно было известно («не всех ми псалмов полских гласы суть известни»). С этим никак нельзя согласиться, потому что польские стихи на самом деле были ему очень хорошо известны. Затем, отбрасывая в сторону эту невольную неискренность, проистекавшую, вероятно, из нежелания противоречить высокопоставленным любителям польского стиха, которых тогда немало было в России, он исподволь доказывает, во-первых, что польский стих не соответствует свойствам русского стиха («не всякого убо псалма полского пению тогожде числа славенский подложением знамении может соответствовати») и что польские стихи, во-вторых, не всегда могли выразить содержание Псалтыри. Они, по его мнению, не располагали той напевностью, какая требуется для выражения важного и во многих случаях поэтического содержания книги. Не во всех, а только «во инех псалмах, по тому роду переведенных (т. е. польскими размерами. — **И. Д.**), мощно есть желаемое подложили пение» (там же).

Возражение против польского стихосложения заходит у Симеона Полоцкого столь далеко, что он противопоставляет ему греческое стихосложение, которое, кажется, ему более соответствующим русскому языку. При переводе Псалтыри поэтому, говорит он, ему приходилось более ориентироваться не на польское стихосложение, а на греческое «Веждь же и сие, — писал он, обращаясь к читателю Псалтыри, — яко псалми от древних времен писани святии Стихов мерою от муж умудренных, добре эллинским книгам изученных»[2].

Замечательно, наконец, указание Симеона Полоцкого на то, что, считаясь с традициями предшествовавшего ему стихосложения, он относился к ним в общем творчески, «соревновахся» с ними. Собственные его стихи, говорил он, «не подобающее есть» тому, что было написано прежде». Они были написаны «снисходя обычаю рода и страны», т. е. с обычаем слагать стихи в России. На этом основании он называет свои стихи «Словенскими». Читателя «Рифмологиона» он предупреждает о том, что «Многоцветный вертоград» им ...сложенный, и псалмы святыя. Яже сведох вся в метра славенския[3].

А в предисловии к «Псалтыри рифмотворной» он заявлял:

Ревнуя убо, тщахся написати
Нашим словенским, в рифме миру дати[4].

---

[1] С. Полоцкий. Изб. соч., М.-Л., 1953 г., стр. 214.
[2] Там же, стр. 216.
[3] Там же, стр. 218.
[4] Там же, стр. 216.

Стремление к оригинальности и независимости Симеона Полоцкого несомненно. До реформы стиха тут было, конечно, еще далеко. Прокладывая новые пути в стихосложении, он не сумел еще полностью преодолеть традиции польской силлабики. На это он сам указывал. Говоря о том, что перевод псалтыри сделан был им «на различные стихи родов», он признавал вместе с тем, что «среди словенских стихов» в ней могут «приключитися» и польские стихи. Польские стихи сплошь и рядом встречаются и в других произведениях Симеона Полоцкого. Ритмической единицей стиха, следовательно, была у него точно так же, как и в польском стихе, равносложная стихотворная строка. Этим объясняется, в частности, тот факт, что стихотворные строки у него, почти всегда были равносложными. Чаще всего они состояли из одиннадцати и тринадцати слогов.

И все-таки тяготение к новому стиху ощущалось у него довольно явственно. Оно выразилось прежде всего в отказе от равносложия строк, в поисках новой ритмической единицы стиха. Подвергая сомнению принцип равносложия, он допускал, что в стихотворных строках может быть разное количество слогов и что равенство их, необходимое для соблюдения меры стиха, должно основываться не на зрительном, а на слуховом восприятии стиха. Последнее достигается, по его мнению, не механическим сцеплением слогов, а выразительным чтением. Если, писал он, стихотворные строчки «разнствуют с числом слогов..., то разнствие исполняют чрез ушес согласование и гортанных движения».[1]

Можно также поглощать «неравенство лагодением и сладкопением», означающим не что иное, как организацию внутри стиха слоговых групп, т. е. стоп, которые, периодически повторяясь, усиливают ритмический строй строки, складываемый разносложием.

Все эти теоретические выкладки, содержащиеся в предисловии к псалтыри, наглядно раскрываются в его собственных стихах.

Имя Наталиа есть день рождения;
сия желает тебе владения...[2]

«Лагодение и сладкопение» достигаются здесь не равносложием, потому что в первой строке мы имеем 12 слогов, в то время как во второй только одиннадцать, а правильным размещением ударных слогов, которые в сочетании с неударными, примыкающими к ним в равных количествах, естест-

---

[1] С. Полоцкий. Изб. соч., стр. 213.
[2] Там же, стр. 118.

венно образуют внутри стиха дактилическую стопу, перебиваемую ямбом.

Симеон Полоцкий имел привычку в целях благозвучия переставлять в словах ударения. Часто встречается у него перестановка ударений в словах СИЯ и ТЕБЕ. Можно поэтому допустить, что в ритмическом отношении приведенная строфа была еще более упорядоченной.

У Симеона Полоцкого, с другой стороны, попадаются сплошь и рядом такие стихотворения, внутри которых ткань силлабического стиха прорывается отдельными строчками, написанными силлабо-тоническими стихотворными размерами.

Так, в четверостишии:

Блажен человек есть, ему же от бога
Иаковля помощь и надежда многа.
На господа жива, иже сотворил есть
Небо, землю, море и вся исполнил есть. —

первая и третья строки написаны чистым амфибрахием. То же самое наблюдается в стихотворении, посвященном царю Алексею Михайловичу, строки —

Добрый обычай в мире содержится,
В дом невозданный аще кто вселится... —

написаны чистым дактилем. Через несколько строк, выдержанных в правилах силлабики, снова идут силлабо-тонические стихи:

Видя в дом новый ваше вселение,
в дом, иже миру есть удивление,
В дом, зело красный, прехитро созданный,
честности царстей лепо сготованный.[1]

Тот факт, что дактиль первых двух строк нарушается по одному разу хореем, нисколько не нарушает их силлабо-тонического строя.

Наличие стопы, а также обусловленного ею обязательного ударения внутри стиха не случайно у Симеона Полоцкого. Явное стремление к стопосложению было, видимо, результатом той ориентации на греческое и «словенское» стихосложение, о котором он писал в предисловиях к своим сочинениям. Такое впечатление усиливается также и нововведениями, которые допускались им в рифме.

[1] С. Полоцкий. Изб. соч., стр. 103.

Стихотворные строки располагаются у Симеона Полоцкого парами. Парность строго подчеркивается им, во-первых, тем, что каждая первая строка пишется с прописной буквы, а каждая вторая с маленькой. Парные строки, во-вторых, связываются обязательными рифмами. Рифмы большей частью состоят из двух слогов и, как правило, имеют ударение на предпоследнем слоге строки. Сохраняя именно эту, т. е. женскую рифму, Симеон Полоцкий часто создает в словах искусственное ударение. В двустишии —

В дни царствия ти за ню же на небе
венец нетленный господь воздаст тéбе —

последнее слово второго стиха читается как «тéбе». Нередко, он пользуется и мужской рифмой. Например:

Аз единою многи песни пою
по числу гуслей их в честь царску твою.

Иногда у Симеона Полоцкого встречается и дактилическая рифма. Например:

Евдокий толк есть благоволение
тоя к тебе, царю, доброхотение.

. . . .

Марфа сказанием есть попечение
Марфа убо тебе сие хотение.

Явную тенденцию сообщить русскому стиху греческую метрику, тенденцию, свидетельствующую все о том же отступлении от польского стихосложения, мы имеем, следовательно, также и в области рифмы.

Таким образом, стихи Симеона Полоцкого, сохраняя требование польского силлабического стихосложения — равносложия строк, женской рифмы — содержали в себе наряду с этим элементы, чуждые польской силлабике. Они имели не одну ритмическую единицу, как польский стих, а две: строку и стопу. Кроме женской рифмы, обязательной для польского стиха, они допускали мужскую и дактилическую рифму. И, наконец, соблюдая обязательное ударение в конце строки, они допускали его также внутри строки.

У Кариона Истомина стремление к силлабо-тонике наблюдается еще более ясно. Укажем на акростих царевичу Алексею Петровичу:

Аминь буди слава
Любовь чиста права

Единому богу
К себе в слогах многу
Израиль не лестный
Избранный и честный
Царев сын царевич и т. д.

Здесь везде мы имеем чистый амфибрахий.

* * *

Силлабика сохранилась в нашей поэзии и в начале XVIII века. Так, Феофан Прокопович, видный поэт петровской эпохи, писал в общем и целом по правилам силлабического стихосложения. Тяготение к стопосложению наблюдается, однако, и у Феофана Прокоповича.

Почти для всех октав Феофана Прокоповича, которые составляют самую значительную часть его творчества, характерен ритмический строй следующего стихотворения, адресованного Кантемиру:

Не знаю, кто ты, пророче рогатый,
Знаю, коликой достоин ты славы.
Да почто ж было имя укрывати?
Знать тебе страны сильных глупцов нравы
Плюнь на их грозы. Ты блажен трикраты.
Благо, что бог дал ум тебе здравый.
Пусть весь мир будет на тебя голосливый
Ты и без счастья довольно счастливый.

«Пророче рогатый», «достоин ты славы», «ум тебе здравый», «довольно счастливый» и другие подобные отрывки этого стихотворения воспринимаются как стройные ритмические повторы, слагающиеся из отдельных стоп, в центре которых стоят ударные слоги, подчиняющие себе группу неударных слогов. Для всего стихотворения в целом характерна здесь вариация схемы 1—4—6—9, представляющей собою не что иное, как упорядоченное сочетание дактиля и хорея.

Сохраняя все тот же дактило-хореический размер, нередко Феофан Прокопович употребляет в стихотворении короткие строчки, благодаря чему ритм стихотворения усиливается еще более:

Прочь ступай, прочь,
Печальная ночь.
Солнце восходит,
Свет возводит,
Радость родит.

Богом венчанна
Августа Анна.

Короткие строчки резко обрывают силлабическую традицию одиннадцатисложника.

Упорядочение ритмического строя стиха выразилось у Феофана Прокоповича, в частности, в равномерном расположении ударений через один слог, в результате чего ударения появились там, где их не бывает в естественной речи.

На отдельные слова в этом случае падало по два ударения Например:

ЗА могИлоЮ РябОю
НАд рекОю ПрУтовОю
БЫло вОйско в стрАшном бОю
В дЕнь недЕльный От полУдни
СтАлся Час нам вЕльми трУдный
ПрИшел тУрчин мнОголЮдный.

Феофан Прокопович пользуется т. н. инверсированным ритмом, характерным для шуток и прибауток устной народной поэзии.

Классиком силлабического стиха считается у нас А. Кантемир. Действительно он писал настоящие силлабические стихи. Стихотворная реформа Тредьяковского и Ломоносова не встретила у него сочувствия. Отстаивая силлабику, он написал в ее защиту статью «Письмо Харитона Макентина» и произвел в свою очередь реформу силлабического стиха, которая должна была, по его понятиям, утвердить установившуюся у нас практику силлабического стихосложения. Анализ этой статьи и его сатир убеждает нас в том, однако, что в действительности Антиох Кантемир сделал такую большую уступку Тредьяковскому и Ломоносову, когда имеется полное основание говорить о том же самом тяготении к стопосложению, которое наметилось у его предшественников.

Подобно своим предшественникам Кантемир считал основной мерой стиха не стопу, а слог. Стих должен, по его мнению, состоять «из некоего определенного числа слогов», из тринадцати, двенадцати, одиннадцати, десяти, девяти и т. д. Соблюдая равное количество слогов, он должен был при этом иметь два обязательных ударения, первое — посредине строки; на пятом или седьмом слоге в тринадцатисложнике, на пятом или шестом в одиннадцатисложнике, и т. д.; второе на предпоследнем слоге строки преимущественно, а в некоторых случаях на последнем или на третьем от конца слоге. Стихотворная строка вследствие этого делилась на два полустишия, которые благодаря своей расчлененности и краткости воспри-

нимались, как речевые отрезки одинаковой длины и одинаковой силы. Строфа одной из сатир Кантемира выглядит вследствие этого таким образом:

Уме недозрелый плод недолгой науки
Покойся, не понуждай к перу мои руки
Не писав летящи дни века проводити
Можно и славу достать хоть творцом не слыти.

Кроме обязательных ударений, Кантемир допускает также и необязательные ударения. Излагая свои основные правила о стихе, он пишет: «О которых слогах в тех правилах не показано, каковы быть имеют, долгие или короткие (Кантемир называет ударные слоги долгими, а неударные — короткими. — **И. Д.**), то, разумеется, что могут быть долгие и короткие, как ни удастся».[1] Так, в тринадцатисложнике, например, «слоги первого полустишия по четвертый могут быть долгие и короткие».[2]

Это было уже в сущности уступкой стопосложению, потому что необязательные ударения могли расположиться в строке таким образом, когда стопы возникали само собою. Приведенная выше строфа дает нам следующий стопный рисунок полустиший:

у-уу-у-
у-уу-у
у-уу-у-
у-уу-у
уу-у-у-
-ууу-у
-уу-уу-
уу-у-у

За исключением седьмого полустишия здесь мы имеем сочетание амфибрахия с хореем.

Что касается коротких стихотворных строчек, то стопа в них ощущается совсем ясно. Кантемир, например, требует постановки в восьмисложнике обязательного ударения на третьем и на седьмом слогах. Так как остальные шесть слогов имеют в этом случае почти всегда по два необязательных ударения, то необязательные ударения приходятся, как правило, на те именно слоги, которые предшествуют обязательному ударению. В результате естественно возникает хореическая стопа. Это наблюдается в следующем стихотворном отрывке:

---

[1] Сочинения Кантемира. СПБ, 1868 г., стр. 16.
[2] Там же, стр. 8.

Сколько бедный суетится
Человек за малу славу,
Ночь не спит и день томится,
Чтоб не сел сосед по праву,
Чтоб народ ему дивился
И с хвостом всегда тащился
Знатно бедный забывает,
Что по смерти прах бывает.

Считая, следовательно, главным ритмообразующим средством обязательное ударение, а основной ритмической единицей стиха речевой период, отделяемый обязательными ударениями, т. е. полустишия, Кантемир вместе с тем допускает и более мелкие ритмические средства (необязательные ударения) и возникающие под их влиянием ритмические единицы, т. е. стопы.

Сам Кантемир писал, что в русской поэзии возможны стихи, которые «составлены наподобие греческих и латинских стопами». Отмечая, что в России такие стихи встречаются редко, он говорил: «Но, однако же, я не вижу, для чего б они не могли иметь места в русском стихотворстве?».[1]

Кантемир, наконец, вообще не возводил в канон каких бы то ни было правил стихосложения. Признавая необходимость постановки двух обязательных ударений в стихе, равносложия стихов и женской рифмы, он, в конечном счете, соглашался с тем, что размер стиха зависит не от правила, а от интонации, избранной поэтом в силу каких-либо причин. «Когда имеем сочинить, — писал он, — какую песню по данному голосу, то уже совсем от вышепредписанных правил, сколько меры касается, увольняться можем, ежели состоянию напева не согласуются, понеже в песнях нужно, чтобы ударение в речах соответствовало долготе или краткости слога».[2]

Отказ от заранее заданных обязательных ударений способствовал повышению интонационной и ритмической роли необязательных ударений. Здесь, собственно, вовсе снимался вопрос о различии между обязательными и необязательными ударениями.

Эта важная оговорка, сделанная в самом конце «Письма Харитона Макентина», разрушает по сути дела весь замысел ее автора, намеревающегося утвердить силлабическое стихосложение в России. Настаивая на двух обязательных ударениях в стихе и не возражая против стопы в коротких строчках, обусловленной в конечном счете правильной расстановкой в них обязательных ударений, здесь он отбрасывает вовсе свое

[1] Сочинения Кантемира. СПБ, 1868 г., стр. 2.
[2] Там же, стр. 20.

основное требование постановки в определенном месте обязательных ударений и представляет возможность размещаться в стихе ударениям так, как этого требует интонация. Интонация же способствует большей частью образованию стопы.

Приведем следующий стихотворный отрывок, написанный Кантемиром по требованиям интонации:

Рассмотри гербовники, грамот виды разны,
Книгу родословную, записки приказны;
С прадедова прадеда, чтоб начать поближе,
Думного, наместника никто не был ближе.

Ритмичная схема этого отрывка представляет собою следующее:

уу-у-у у -у-у-у
-ууу-у у у-уу-у
-ууу-у у уу-у-у
-ууу-у у у-уу-у

* * *

Русский литературный стих XVI—XVII столетий испытывал на себе определенное влияние польской силлабики. Именно из Польши позаимствованы были нашими поэтами правила о равносложии стихотворных строк и о женской рифме. Русские поэты, однако, не могли, в конечном счете, не учитывать свойств русского языка. Звучание русского языка обязывало их считаться не только со слогами, но также и с ударениями, и определенным порядком их расположения в стихе, а также, конечно, и с междуударными слоговыми промежутками. Совершенно естественно, что стихотворные традиции устной народной поэзии должны были так или иначе отразиться на литературном стихе. Можно утверждать поэтому, что, начав с усвоения правил польского стиха, последний постепенно преодолевал их и усваивал неписанные правила народного стиха, т. е. приобретал черты силлабо-тонического ритма.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

Том XII Выпуск 2

А. Ф. КУЛАГИН

Кандидат филологических наук, доцент

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ РОЛЬ ПРИСТАВКИ «НЕ» В ИМЕНАХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Известно, что НЕ как языковой элемент может быть не только отрицательной частицей, выполняющей синтаксическую функцию, но и приставкой, при помощи которой образуется большое количество слов различных частей речи.[1]

Вопрос о словообразовательной роли приставки НЕ имеет большое теоретическое и практическое значение. С одной стороны, исследование по этой частной проблеме в известной мере поможет еще глубже изучить систему словообразования русского языка и ее закономерности, а с другой стороны, уяснение основных условий, определяющих возможность приставки НЕ участвовать в образовании тех или иных слов, облегчит решение таких практических задач, как правописание НЕ и анализ морфологического состава слов с префиксальным НЕ.

В самом деле, чтобы правильно определить необходимость слитного или раздельного написания НЕ с каким-нибудь словом, кроме знакомства с общеизвестными правилами о правописании НЕ, полезно также иметь представление о том, с какими словами приставка НЕ соединяется, а с какими нет. Если, например, известно, что те или иные слова образованы суффиксально-префиксальным способом (ср.: **не-забуд-к-а, не-разлуч-н-ый, не-побед-им-ый**), т. е. при одновременном участии в их образовании приставки НЕ и какого-нибудь суффикса, то и НЕ в этих словах является их неотъемлемой частью, приставкой, а следовательно, и писаться должно с ними слитно. Вполне очевидно также, что НЕ является словообразующей морфемой, а не отрицательной частицей и в таких словах, которые образованы только суффиксальным

1 О сходстве и различии частицы НЕ и одноименной приставки см. нашу статью «Частица «НЕ» и приставка «НЕ» в современном русском языке». «Ученые записки» Ульяновского Государственного педагогического института имени И. Н. Ульянова, вып. VIII, 1956, стр. 327—351.

способом, но от слов, уже имеющих в своем составе приставку НЕ; например: **несчастный** (от существительного «несчастье» при помощи суффикса «н»), **незадачливый** (от существительного «незадача» при помощи суффикса «лив»)[1]. А если известно, от каких слов при помощи НЕ вообще не образуются новые слова, то в таких случаях и речи не может быть о слитном написании НЕ; например, слова **дом, книга, стол, железный, деревянный, гадкий, узкий** и многие др. с НЕ никогда не пишутся слитно, так как при них оно не может быть приставкой. Что касается слов, от которых при помощи НЕ могут образовываться новые слова (например: **друг—недруг, высокий—невысокий, хороший—нехороший** и т. п.), то они, в зависимости от контекста, пишутся с НЕ слитно (если это приставка) или раздельно (если это частица).

Размер настоящей статьи не позволяет достаточно подробно охарактеризовать различные группы слов с префиксальным НЕ. Здесь мы остановимся вкратце лишь на выяснении основных условий, определяющих возможность участия приставки НЕ в образовании слов, и перечислим основные группы имен прилагательных, способных и неспособных при помощи НЕ образовывать новые слова.

* * *

Частица НЕ как грамматическое средство выражения отрицания может употребляться в речи при любом знаменательном слове, в том числе и при любом прилагательном. В отличие от нее, приставка НЕ как словообразующий элемент способна соединяться далеко не с каждым словом. Замечено, что она может быть в некоторых именах существительных, главным образом отвлеченных (**неудача, неясность, несчастье** и др.); в небольшой группе глаголов типа **ненавидеть, невзлюбить** и в производных от них причастиях и деепричастиях; в причастиях, теряющих или потерявших глагольные признаки и, по существу, ставших уже прилагательными (ср.: **необдуманный** поступок, **непредвиденное** обстоятельство); в некоторых наречиях, особенно образованных от качественных прилагательных (**неудачно, неплохо** и др); в незначительной группе отрицательных и неопределенных местоимений (**некого, нечего, некто, нечто** и др.); но чаще всего эта приставка встречается в именах прилагательных со значением качества (**небольшой, неясный, непонятный** и многие др.)[2].

Почему же приставка НЕ присуща больше всего именам

---

[1] В словах типа «неделя», «неказистый», «неряха», «неуклюжий» НЕ уже не выделяется как живая морфема и с точки зрения современного языкового сознания это НЕ является не приставкой, а составной частью корня.

[2] Н. А. Лавров. Изучение частиц НЕ и НИ в средней школе, Учпедгиз, 1954, стр. 18—19.

прилагательным, а не другим частям речи, например, глаголам, хотя вообще приставочные типы словообразования наиболее распространены среди глаголов, а не имен прилагательных? Но, с другой стороны, почему эта приставка в одних прилагательных имеется, а в других ее нет и не может быть? И, наконец, каковы основные причины, которые в одних случаях благоприятствуют, а в других препятствуют приставке НЕ быть словообразовательной морфемой в тех или иных именах прилагательных?

При ответе на первый вопрос необходимо иметь в виду характер значения приставки НЕ и значения слов, с которыми она может (или не может) быть соединена. Как известно, основное значение приставки НЕ — значение противоположности. А это значит, что посредством приставки НЕ обычно создаются слова с противоположным или противополагаемым с какой-либо точки значением по сравнению со значением однокоренных слов без НЕ[1]. Вместе с тем, не все полнозначные слова в известном отношении одинаковы между собой. Одни из них, в зависимости от характера своего значения, могут противополагаться друг другу; например: **друг—враг, правда—ложь, высокий—низкий, здоровый—больной.** В зависимости от характера значения этих и подобных им слов и значения приставки НЕ новые слова с противоположным значением нередко создаются именно при помощи этой приставки, путем непосредственного ее присоединения к какому-нибудь слову; например: **друг—недруг, правда—неправда, высокий—невысокий, здоровый—нездоровый** и т. п.

Многие другие слова своих противоположностей в виде антонимов не имеют, а следовательно, при помощи приставки НЕ новые слова от них не образуются. Таковы, например, слова: **дом, дерево, камень, лесной, деревянный, читать, писать, пять, десять, я, он и т. п.**

Имена существительные и глаголы, не говоря уже о местоимениях и числительных, в антонимические пары вступают гораздо реже, чем имена прилагательные. Поэтому не случайно, что в этих частях речи слов с префиксальным НЕ имеется мало. По-иному обстоит дело с такой категорией слов, как имена прилагательные, особенно прилагательные с явно выраженным значением качественной оценки признаков предметов и явлений.

* * *

«Семантической основой имени прилагательного является понятие качества».[2] Поэтому не случайно, что «некоторые грамматисты предлагали заменить термин «имя прилагатель-

---

[1] Грамматика русского языка, т. 1, изд. АН СССР, 1952, стр. 358.
[2] В. В. Виноградов. Русский язык, Учпедгиз, 1947, стр. 182.

ное» термином «имя качественное».[1] Таким образом, с именами прилагательными, прежде всего, связывается понятие качества, выражаемое или непосредственно, через лексическое значение основы слова (например: **хороший, плохой, здоровый, глупый**), или же опосредствованно, т. е. через отношение к предмету, действию, месту, времени и т. д. (например: **опытный, стриженый, здешний, своевременный**). С понятием же качества в нашем сознании обычно связывается положительное или отрицательное (в широком значении этих слов) отношение к предмету. Отсюда вытекает возможность образования большого количества антонимов в кругу имен прилагательных со значением качества.

Поскольку эта возможность находится в прямой зависимости от степени «качественности» того или иного прилагательного, проявляется она не во всех разрядах прилагательных одинаково.

Больше всего встречается слов с противоположным значением среди непроизводных качественных имен прилагательных или хотя и производных, но таких, в которых на первом плане стоит не значение отношения, а значение качества; например: **большой, веселый, молодой; доверчивый, приветливый, расчетливый и т. п.**

Значительно меньше слов, противополагающихся друг другу по значению, имеется в кругу качественно-относительных имен прилагательных, у которых на первом плане значение отношения, а не качества; например: **детский, земной, поврежденный, пуганый и т. п.**

И наконец, в русском языке немало таких прилагательных, среди которых антонимов нет или почти нет. К ним, в частности, относятся прилагательные с чисто относительным значением, в том числе и разновидности относительных прилагательных — притяжательные прилагательные; например: **книжный, каменный, бумажный, отцов, сестрин и т. п.**

На первый взгляд может показаться, что некоторые разряды имен прилагательных с ярко выраженным значением качества в приставке НЕ не нуждаются, потому что значение взаимной противоположности заложено в самих противополагаемых словах и выражено непосредственно лексическим значением основ этих слов; например: **умный—глупый, сильный—слабый.** Тем не менее слов с префиксальным НЕ имеется немало и среди таких имен прилагательных.

Какова же причина их появления в языке?

Причина их образования находится в тесной связи с развитием человеческого мышления, открывающего «все новые

---

[1] В. В. Виноградов. Русский язык, Учпедгиз, 1947, стр. 182.

и новые стороны тех или иных предметов, явлений и т. д.»[1]. А для того чтобы обозначить вновь открываемые признаки того или иного предмета, необходимы определенные языковые средства. Имеющиеся в наличии слова далеко не всегда могут явиться таковыми. Возникают новые слова, причем некоторые из них нередко становятся синонимами уже известных слов. Многие слова с префиксальным НЕ тоже возникли именно как синонимы к другим, уже имеющимся в языке словам. Например, такие слова, как **неглупый, недалекий, неплохой,** являются соответственно синонимами к прилагательным **умный, близкий, хороший.**

Кроме того, такие слова с приставкой НЕ могут выполнять в речи и особые стилистические функции, смягчая признаки предметов. Сравните, например, употребление слова «неживой» вместо «мертвый» в современной песне «Дороги»: «Мой дружок в бурьяне **неживой** лежит».

В современном русском языке имеется значительное количество и таких прилагательных (особенно качественных с глагольной основой и относительных с качественным оттенком значения), среди которых нет специальных антонимов в виде особых слов, у которых значение противоположности была бы заложена в лексическом значении их основ наподобие таких пар слов, как **хороший—плохой, широкий—узкий.** Однако, как того требует действительность, словесное выражение качественных признаков тех или иных предметов обычно должно быть двояким: положительным и отрицательным. В этих случаях в деле образования слов с противоположным или с какой-либо точки зрения противополагаемым значением приставке НЕ принадлежит исключительно важная роль. При помощи нее создается большое количество имен прилагательных, противополагающихся по своему значению однокоренным прилагательным без НЕ; например: **бритый—небритый, допустимый—недопустимый, опрятный—неопрятный, приятный—неприятный, прочный—непрочный** и т. п.

Таким образом, из сказанного ясно, что сочетание приставки НЕ обычно возможно с прилагательными, обладающими в той или иной мере качественным значением. В число таких прилагательных могут входить не обязательно только так называемые «качественные» прилагательные, но и многие качественно-относительные.

Чтобы нагляднее представить себе, насколько верна мысль о том, что приставка НЕ обычно соединяется лишь с прилагательными, обладающими в той или иной мере значением ка-

---

[1] Е. М. Галкина-Федорук. Современный русский язык. Лексика, изд. Московского университета, 1954, стр. 62.

чества, вкратце рассмотрим вопрос об отношении этой приставки к относительным именам прилагательным.

И качественные и относительные прилагательные обозначают признаки предметов и явлений. Но, как известно, признаки по своей сущности бывают различны. Предметы действительности обладают не одним каким-либо признаком, а многими и разнообразными, одни из которых основаны на качественной оценке этих предметов, другие — на отношении к чему-нибудь.[1] Поэтому заводы, например, могут быть не только большими и маленькими, рентабельными и нерентабельными и т. д., но и авиационными, велосипедными, кирпичными, кожевенными, лесопильными, сахарными, стекольными, тракторными, часовыми и т. д. и т. п.; или обувь может быть не только просторной и тесной, хорошей и плохой, но и кожаной, резиновой, брезентовой, лаковой, замшевой, валяной и т. д.

Среди прилагательных, которые обозначают признаки, отличающиеся друг от друга количеством, а следовательно, и качеством, как мы уже видели антонимы могут образовываться. Прилагательные же, обозначающие признаки, которые основаны только на отношении и, следовательно, не различаются количеством и качеством, ни в синонимах, ни в антонимах не нуждаются. По этой причине в русском языке в противоположность такому, например, прилагательному, как «стекольный» (завод) не образуется прилагательное «нестекольный» (завод), которое могло бы стать синонимом, например, по отношению к слову «кирпичный» (завод).

Подобные прилагательные, как «нестекольный», означали бы признак, основанный на отрицательном отношении к предмету, не имеющему никакой прямой связи с данным предметом, которому приписывается этот признак. В самом деле, если, например, завод, производящий кирпич, назвать или «нестекольным», или «некожевенным», или «немыловаренным», то невольно возникает вопрос: какое отношение имеет этот завод к коже, мылу или стеклу и что за нужда называть его «нестекольным» или «немыловаренным», когда можно назвать более соответствующим словом — «кирпичный»?

Кроме того, слова типа «нестекольный» чрезвычайно затрудняли бы общение людей между собой, а производство их было бы ничем не оправдано и противоречило бы внутренним законам развития русского языка, в частности закону соответствия частного значения того или иного относительного

---

[1] Ср. у А. С. Никулина: «...вещи отличают или по различному составу признака или по различному количеству однородного признака». «Степени сравнения в современном русском языке», АН СССР, М.-Л., 1937, стр. 14.

прилагательного общему значению относительных прилагательных, которое формулируется таким образом: «относящийся к **данному** предмету», «свойственный **данному** предмету», «характерный для **данного** предмета» (разрядка наша.—**А. К.**)[1].

По-иному обстоит дело, когда наряду со значением отношения в том или ином прилагательном развивается и значение качества. Такие прилагательные в своем прямом употреблении обычно обозначают признаки, основанные на отношении чего-нибудь к чему-нибудь, а в переносном употреблении могут указывать на качественную сторону того или иного предмета. Качественная же сторона однородных признаков может быть различной как у одного и того же предмета в разное время, так и у разных предметов даже в одно и то же время. Это обстоятельство создает благоприятные условия для образования антонимов. А отсюда появляется возможность образования при помощи приставки НЕ новых слов от прилагательных, которые обозначают не только отношение, но и качество. Причем приставка НЕ, соединяясь с такими словами, усиливает их качественное значение и способствует их переходу в разряд качественных прилагательных. Так, например, прилагательное «детский» может иметь и относительное, и качественное значение, а в прилагательном «недетский» на первый план выступает чисто качественное значение, значение же отношения в нем почти не ощущается. Ср.: а) **детская** коляска, **детские** ясли, **детская** комната, **детские** игрушки (относительное значение); б) «Лицо девушки засияло милой, добродушной, прямо-таки **детской** улыбкой» (качественное значение). — И люди знали: мальчик им — ровня в беде **недетской»** (Твардовский);—«Немцы?—тихо сказала Люся с таким **недетским** выражением ужаса в голосе, что Мария Андреевна вдруг смолкла, взглянула на дочь и растерянно повела глазами вокруг» (Фадеев). В обоих последних примерах слово «недетский» имеет качественное значение. А в сочетании с такими словами, как «коляска», «ясли», «комната», «игрушка», это прилагательное «недетский» не встречается, что свидетельствует о его неспособности иметь значение отношения.

Ср. еще примеры с качественно-относительными прилагательными, образованными при помощи приставки НЕ: «Все вы хороши, — сказал Иванов, вставая. — Ответственные люди, а не можете договориться. Все это результат **негосударственного** отношения к делу» (Рыбаков); «... Собрание должно осудить неэтичный, **некомсомольский** поступок Лагоденко» (Трифонов); «Мое поведение на гидростанции было **непартийным** и неправильным» (Николаева); «Мерзлый грунт был

---

[1] Грамматика русского языка, т. 1, изд. АН СССР, 1952, стр. 300.

тверд, как скала, и стоило **нечеловеческих** трудов вбить в него хотя бы одну сваю» (Ажаев); «Только у мальчика этого было усталое лицо, и глаза его, больщие, круглые, лучистые смотрели с **неюношеской** проницательностью» (Б. Полевой).

* * *

Выше были изложены основные условия, определяющие возможность образования имен прилагательных с префиксальным НЕ от прилагательных же. Эта возможность существует объективно, независимо от нашей воли и желания. А творец и носитель языка — народ реализует ее в соответствии с закономерностями развития языка. Однако на пути превращения этой возможности в действительность нередко встречаются серьезные препятствия.

Как показывают факты современного русского языка, имен прилагательных с приставкой НЕ имеется гораздо меньше, чем вообще прилагательных с качественным значением. Иначе говоря, почти все прилагательные с приставкой НЕ, соотносительные по образованию с прилагательными же произошли от качественных или качественно-относительных прилагательных, но не все прилагательные с качественным значением способны при помощи приставки НЕ образовывать новые слова, хотя потенциально все или почти все прилагательные со значением качества обладают возможностью присоединять к себе приставку НЕ.

Какие же качественные и качественно-относительные прилагательные современного русского языка не соединяются с приставкой НЕ и не образуют вместе с ней новых слов?

Анализ фактического материала показывает, что при помощи приставки НЕ новые слова обычно не образуются от таких производных и непроизводных качественных имен прилагательных, которые, в зависимости от особенностей их семантики, можно распределить по следующим группам:

а) прилагательные, которые не могут взаимно противополагаться по значению в силу наличия их в большом количестве в пределах одного и того же разряда слов, обозначающих однородные признаки; например: **белый, черный, зеленый, красный** и т. д.; **карий, каурый, пегий, гнедой** и т. д.;

б) прилагательные со значением усиленной или, наоборот, смягченной степени качественного признака, в том числе и прилагательные с эмоционально-экспрессивной окраской; например: **зубастый, знаменитый, коротковатый, молоденький, огромный, поразительный, шустрый и т. п.;**

в) прилагательные, обозначающие признаки, которые с той или иной точки зрения могут рассматриваться как отрицательные; например: **грязный, слабый, тесный, узкий, унылый** и т. п.; сюда же относятся и прилагательные с какой-

нибудь отрицательной приставкой, за исключением приставки «без», например: **аморальный, антихудожественный, неприятный** и т. п.

Действительно, если то или иное качественное прилагательное входит в состав целой группы однородных, в каком-то отношении равноправных прилагательных (в этом они сходны с относительными именами прилагательными), то новое прилагательное с приставкой НЕ от него не образуется. Таковы, например, прилагательные, обозначающие цвет. Наличие их в большом количестве в одном и том же разряде слов препятствует проявлению в них оценочного значения, в силу чего они становятся как бы равноправными между собой. Значение любого из них (если не иметь в виду переносного употребления этих слов) нельзя квалифицировать как положительное или отрицательное, хотя бы и в самом широком толковании понятий положительного и отрицательного, на что, между прочим, косвенно указывает известная пословица в ее прямом, непереносном значении: «На вкус, на цвет товарищей нет».

Даже от прилагательных «белый» и «черный», которые в известном отношении антонимичны, не образуются слова «небелый», «нечерный». Не образуются не только потому, что, может быть, нет нужды в них, но и потому, что такому образованию препятствует то обстоятельство, что, кроме прилагательных «белый» и «черный», имеется еще целый ряд и других, тоже обозначающих цвет. И если попытаться образовать, например, слово «небелый», то оно, вероятно, обозначало бы сразу все остальные цвета, а не какой-нибудь конкретный цвет.

Если бы такая категория признаков, как цвет, включала в себя только два каких-нибудь признака, например «красный» и «зеленый» или только «белый» и «черный», то соединение приставки НЕ с соответствующими прилагательными было бы возможно.

Что касается отношения приставки НЕ к прилагательным, выражающим усиление или смягчение признака, то о них можно сказать следующее.

Во-первых, образований с приставкой НЕ от имен прилагательных данного типа нет, вероятно, потому, что приставка НЕ, вносящая в слова противоположное значение, а заодно и отрицание того, что заключено в словообразующих основах, уничтожила бы и саму идею усиления или смягчения признака, выраженную в том или ином слове определенными языковыми средствами. Как известно, указание на усиление или смягчение признака чаще всего выражается соответствующими суффиксами и приставками (ср.: «зубАСТый», «знаменИТый», «старОВАТый», «РАЗвеселый», «ПРЕкрасный» и т. п.), которые, так сказать, «специализировались» на определенных

значениях и менять их на другие, особенно противоположные, не могут. В то время как приставка НЕ, соединяясь с каким-нибудь словом, изменяет значение не только корня, но и всей основы этого слова, куда, конечно, входят и суффиксы с приставками.

Во-вторых, имена прилагательные со значением высокой или несколько сниженной степени признака обычно не соединяются с приставкой НЕ также и потому, что в антонимах они не нуждаются. Дело в том, что такие прилагательные обозначают не основные признаки предметов, а их оттенки, сопоставление которых друг с другом по противоположности не вызывается строгой необходимостью, да и не всегда бы это было практически возможно. Так, прилагательные «большой», «огромный», «грандиозный», «громадный», «колоссальный», «гигантский», «исполинский» имеют одно общее, основное значение—«большого размера». Но вместе с тем каждое из них указывает на различную степень, тот или иной оттенок этого основного признака «большой». Или, например, вместо прилагательного «малый», в зависимости от стиля речи и от того, как говорящий расценивает признак «малый», он может употребить различные прилагательные, выражающие различные оттенки данного признака, но с характерным для всех них основным значением — «малого размера»: «маленький», «маловатый», «малюсенький», «махонький», «крохотный», «крошечный» и т. д. Для какого-нибудь «основного» качественного признака легко представить его противоположность, что находит себе и соответствующее словесное выражение (напр.: **большой— малый, хороший—плохой, широкий—узкий, больной—здоровый** и т. п.). Сопоставить же по противоположности какие-нибудь оттенки различной степени смягчения или усиления признака очень трудно, а иногда и невозможно. Поэтому весьма затруднительно было бы подобрать соответствующие антонимы, например, к словам «маловатый», «малюсенький», «крохотный», «крошечный».

Таким образом, значение усиления или смягчения качественного признака препятствует реализации возможности приставки НЕ соединяться с прилагательными, обладающими подобным значением. Правда, из этого правила могут быть и исключения. Встречаются, как это нередко бывает в языке, и переходные явления, когда значение того или иного слова находится как бы на грани между значениями: «обычный, нормальный» и «имеющий что-нибудь в большой мере» или «склонный к чему-нибудь в большой мере». Но эти исключения не могут идти в счет при выяснении основных причин, препятствующих соединению приставки НЕ с качественными прилагательными.

Далее рассмотрим вопрос о возможности или невозможно-

сти соединения приставки НЕ с качественными прилагательными, имеющими положительное или отрицательное значение. В этой связи интересно проследить закономерности употребления приставки НЕ в словообразовательных целях с именами прилагательными, входящими в антонимичные пары, типа «высокий» — «низкий», «глубокий» — «мелкий», «широкий» — «узкий» и т. п.

Возьмем такой пример: «В конце улицы стоит **невысокое** здание, рядом с ним протекает **неглубокая** река, от которой отделяется **неширокий** рукав».

Можно ли так сказать? Да, можно. Правда, выходит несколько неблагозвучно из-за частого употребления приставки НЕ. Но в данный момент нас интересует не эта сторона дела, а возможность использования в речи подчеркнутых слов. Действительно, прилагательные «невысокий», «неглубокий», «неширокий», образованные соответственно от «высокий», «глубокий», «широкий», существуют реально и входят в словарный состав современного русского языка, а потому вполне свободно могут быть употреблены в устной и письменной речи, о чем свидетельствуют, в частности, примеры, взятые из литературных произведений:

«На краю лужка, на холме, стоял **невысокий** стог сена с вынутым стожаром (Г. Николаева); «Петя Грохотов был вынут из могильной **неглубокой** ямы и сидел, прислоненный к березе» (Л. Леонов); «...впереди тянулся **неширокий,** но довольно глубокий овраг» (К. Симонов).

А можно ли сказать таким образом: «В конце улицы стоит **ненизкое** здание, рядом с ним протекает **немелкая** река, от которой отделяется **неузкий** рукав»? Нет, нельзя. Хотя с грамматической точки зрения конструкция данного предложения правильна и ничем не отличается от строя предыдущего предложения, но все же недопустима, потому что в русском языке нет слов «ненизкий», «немелкий», «неузкий».

Вероятно, многим не раз приходилось задумываться над таким вопросом: почему из двух антонимичных прилагательных в большинстве случаев лишь какое-то одно способно образовывать новое слово при помощи приставки НЕ? Наблюдения над прилагательными с взаимопротивоположными значениями показывают следующее.

Часто из двух антонимичных прилагательных рассматриваемого типа одно является как бы исходным при выражении соответствующего признака, а другое прилагательное, противоположное по значению первому, указывает, по существу, на отрицание этого признака или на неполную меру его. Например, из таких пар прилагательных, как **высокий—низкий, глубокий—мелкий, громкий—тихий, длинный—короткий, толстый—тонкий, широкий—узкий,** «исходными» словами

нужно признать—**высокий, глубокий, громкий, длинный, толстый, широкий,** потому что прежде всего они выражают идею определенного качественного признака. Не случайно, что именно они, а не противоположные им прилагательные соотносительны по значению (а зачастую и по образованию) с абстрактными именами существительными, которые обозначают признаки, отвлеченные от предмета. Недаром говорят: **высота** дома, **глубина** реки, **громкость** звука, **длина** палки, **толщина** дерева, **ширина** дороги. Но не говорят таким образом: **низкота** дома, **мелина** реки, **тихость** звука, **короткость** палки, **тонина** дерева, **узина** дороги; таких слов вообще нет в русском языке.

Следовательно, слова **низкий, мелкий, тихий** и т. п. не являются основными, исходными в соответствующих антонимичных парах. Более того, они несут в себе идею отрицания признаков, выраженных исходными словами **высокий, глубокий, широкий.**

Наблюдения над фактами современного русского языка показывают, что качественные прилагательные типа **низкий, мелкий, тихий,** несущие в себе идею отрицания признаков, которые выражены соответствующими словами с противоположным значением, с отрицательной приставкой не соединяются и новых слов при помощи НЕ не образуют.

Среди качественных имен прилагательных с взаимопротивоположным значением имеется много таких, которые непосредственно, лексическим значением своей основы указывают на положительные или отрицательные признаки предметов; например: **добрый — злой, хороший — плохой** и т. п. С прилагательными, обозначающими положительные признаки, приставка НЕ соединяется свободно. Например: **приветливый—неприветливый** («Сумрачный и **неприветливый** сидит в своей каморке старый Лука». — Мамин-Сибиряк); **удовлетворительный—неудовлетворительный** («Мальчики нашли рассказ **неудовлетворительным».** — А. Н. Толстой); **хороший—нехороший** («Я обозвал его всеми **нехорошими** словами». — Нагибин). От прилагательных же, обозначающих отрицательные признаки, новые слова при помощи приставки НЕ образуются чрезвычайно редко, чему, вероятно, препятствует отрицательный характер и данной приставки, и значения самих прилагательных. Образований с приставкой НЕ от прилагательных этого типа в современном русском языке насчитываются единицы; например: **неплохой, неглупый, неробкий, недурной** и некоторые др., которые образованы соответственно от слов **плохой, глупый, робкий, дурной.** О наличии таких образований в русском языке свидетельствуют следующие примеры:

«Во сне лицо Драницына выглядело очень юным, и Фролов

думал: «А ведь он оказался **неплохим** парнем» (Н. Никитин); «По натуре добрый и по-своему **неглупый**, Виктор Васильевич был тем, что называется «рубаха-парень» (Мамин-Сибиряк); «И с улыбкою **неробкой** говорит тогда боец: — А еще нельзя ли стопку, потому как молодец?» (Твардовский); «Младые грации Москвы сначала молча озирают Татьяну с ног до головы; ее находят что-то странной, провинциальной и жеманной, и что-то бледной и худой, а впрочем очень недурной...» (Пушкин).

Наличие в русском языке большого количества слов, образованных посредством приставки НЕ от прилагательных с положительным значением, и, наоборот, отсутствие образований с приставкой НЕ от большинства прилагательных с отрицательным значением свидетельствует о закономерном характере данного явления. А немногочисленная группа примеров с прилагательными типа «неглупый», «неплохой» и т. п. говорит или о том, что данные слова составляют исключение, объяснение которому трудно подыскать, или о том, что прилагательные с отрицательным значением, являющиеся тоже качественными прилагательными, а поэтому потенциально обладающие способностью образовывать слова с приставкой НЕ, постепенно стремятся преодолеть вышеуказанное препятствие на пути к реализации возможности соединяться с данной приставкой и встать в этом отношении в один ряд с остальными качественными прилагательными.

Имена прилагательные с отрицательными приставками при помощи приставки НЕ не образуют новых слов не только потому, что они обычно обозначают отрицательные признаки, но и по другим причинам.

Во-первых, такие конструкции (условно образуем, например, слова «неневеселый», «неанормальный», «неантихудожественных») очень неуклюжи и неблагозвучны.

Во-вторых, ввиду того, что сочетание двух отрицаний придает слову положительное значение, равное значению исходной основы, лишенной этих отрицаний, — вовсе нет необходимости пользоваться словами с двумя отрицательными приставками, когда имеются равные им по значению слова без этих приставок; так, например, гораздо удобнее пользоваться прилагательными «веселый», «нормальный», «художественный», чем «неневеселый», «неанормальный», «неантихудожественный».

Кроме анализа причин, препятствующих соединению приставки НЕ с некоторыми качественными прилагательными, важно также подчеркнуть, что даже одни и те же слова не во всех своих значениях могут быть соединены с этой приставкой.

В качестве примера возьмем прилагательное «полный».

Это слово, судя по «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (т. 3, стр. 531), имеет восемь основных значений; кроме того, оно часто употребляется в составе фразеологических оборотов. Но с приставкой НЕ данное прилагательное может сочетаться только лишь в двух значениях — в 1-м и в 7-м, которые формулируются таким образом:[1]

1. «наполненный доверху, до краев чем-нибудь» (напр.: «полное ведро воды», ср.: «неполное ведро воды»);

7. «в точности, вполне достигший данной меры, заключающий в себе как раз указанное количество чего-нибудь» (напр.: «Ему с уверенностью можно дать полных тридцать лет»; ср.: «Ты лежишь ничком, парнишка двадцати **неполных** лет»,— Твардовский).

Остальные значения этого прилагательного таковы, что подчеркивают очень высокую степень признака предмета, что в известной мере препятствует соединению приставки НЕ с прилагательным «полный», когда оно употребляется в речи с этими значениями.

Известно также, что слово «хороший» послужило словообразовательной базой для прилагательного «нехороший». Но в отрицательном своем значении это прилагательное не может быть соединено с приставкой НЕ. См. пример с прилагательным «хороший», употребленным в отрицательном своем значении: «Ну, и **хорошее** дело мы с тобой затеяли, нечего сказать!».

Точно так же, например, и прилагательное «глубокий», обозначающее «нормальную» степень качества, соединяется с приставкой НЕ (напр.: **неглубокий** овраг, **неглубокие** знания; ср. соответственно: **глубокий** овраг, **глубокие** знания). А в переносном употреблении со значением «достигший высшего предела» это прилагательное не образует при помощи НЕ нового слова; напр.: **глубокая** ночь, **глубокая** старость, **глубокая** печаль — только без приставки НЕ.

Наконец, вкратце укажем на некоторые частные случаи, когда приставка НЕ не соединяется с качественными прилагательными.

Не образуют новых слов при помощи приставки НЕ также такие прилагательные, которые по природе своего значения не могут противополагаться по отношению к другим прилагательным; напр.: **средний, посредственный, абсолютный** и некоторые др.

Не соединяется НЕ и с прилагательными, употребляющимися только в составе устойчивых фразеологических сочета-

[1] Нумерация и определение значений прилагательного «полный» даются по указанному выше источнику.

ний; напр.: **проливной** дождь, **страдная** пора, дело **наживное** и т. п.

* * *

Таким образом, приставка НЕ как словообразующий аффикс в системе русского языка, в частности в такой лексико-грамматической категории, как имя прилагательное, играет весьма важную роль. При помощи нее образуется большое количество новых слов, особенно путем непосредственного ее присоединения к каким-нибудь полнозначным словам. Но в то же время она может соединяться далеко не с каждой лексической единицей, что и было отмечено при изложении материала об основных условиях, способствующих и препятствующих этой приставке участвовать в образовании слов.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

Том XII Выпуск 2

А. ОСОЛОВСКАЯ

Ассистент

СТРУКТУРА ПРОСТОГО ВОПРОСИТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С МЕСТОИМЕННЫМИ СЛОВАМИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Тема «Вопросительные предложения» предполагает разрешение вопроса о функциях вопросительных предложений в речи и об их структуре. Вопрос о структуре вопросительных предложений является мало исследованным. Лингвисты в научных трудах и учебных пособиях по грамматике основное внимание уделяют функциональным разновидностям вопросительных предложений, лишь попутно отмечая некоторые структурные особенности их. Наиболее полно структурные особенности вопросительных предложений перечислены А. М. Пешковским в «Русском синтаксисе в научном освещении»[1]. Однако, указывая характерные грамматические признаки вопросительных предложений (вопросительные слова и частицы, своеобразный порядок слов, особая интонация), А. М. Пешковский не анализирует структуру этих предложений. М. К. Милых в работе «Синтаксические особенности прямой речи в художественной прозе» и И. П. Распопов в кандидатской диссертации «Типы вопросительных предложений в современном русском литературном языке» рассматривают различные типы вопросительных предложений со стороны их функции в речи, лишь попутно касаясь структурных особенностей, вопросительных предложений.

Изучение различных функций вопросительных предложений — важный вопрос грамматики, связанный со стилистикой языка. Однако не менее важным является вопрос о структуре вопросительных предложений, который еще не был предметом специального исследования. Автор данной статьи и ста-

[1] О значении и структуре вопросительных предложений смотри также «Грамматику русского языка», изд. АН СССР, т. II, ч. 1, стр. 356—364.

вит своей целью определить и описать различные структурные типы простых вопросительных предложений. Описывая структуру простых вопросительных предложений, мы учитываем и их функцию в речи, так как структура и функция вопросов взаимосвязаны и до некоторой степени обусловливают друг друга.

Материалом для настоящей работы послужили произведения советских писателей. В силу своих функций вопросительные предложения встречаются в устной и письменной речи очень часто, поэтому мы сочли возможным ограничиться рядом произведений выдающихся советских писателей.

Прежде чем приступать к описанию структуры различных типов вопросительных конструкций, необходимо выяснить следующие вопросы: 1) чем отличается структура вопросительных предложений от структуры других типов предложения; 2) указать, чем обусловливается структура вопросительных предложений; 3) установить сходство вопросительных предложений с другими типами предложений.

Вопросительные предложения со стороны структуры характеризуются целым рядом таких черт, которые присущи только им, вопросительным предложениям. От повествовательных и побудительных предложений они отличаются:

1) наличием самостоятельных и служебных вопросительных слов; 2) характерным порядком слов; 3) особой вопросительной интонацией: 4) наличием особого смыслового центра, к которому относится вопрос и при помощи которого подчеркивается обычно то, что представляет для спрашивающего максимум интереса. Создавать такой смысловой центр в вопросительном предложении помогают самостоятельные вопросительные слова и вопросительные частицы, интонация, расстановка слов в предложении.

Мы считаем, что структура вопросительного предложения обусловливается следующими факторами:

1) наличием или отсутствием вопросительных слов в предложении;

2) значением самостоятельных вопросительных слов, входящих в состав предложения. Предложения с вопросительными словами, соотносительными с именем существительным и имеющими предметное значение, по структуре своей будут несколько иными, чем предложения с вопросительными словами, соотносительными с именем прилагательным и обозначающими понятие признака;

3) условиями употребления вопросительных предложений (в диалоге вопросительные предложения могут быть неполными).

Специальные вопросительные слова, будучи ярким признаком вопросительных предложений, характеризуют их не

только со стороны структуры, но и со стороны значения: а) в вопросительных предложениях, с вопросительными местоимениями, выражаются вопросы о лице, о предмете, о качестве предмета, о сути предмета, о принадлежности предмета; б) в вопросительных предложениях с местоименными наречиями выражаются вопросы о месте, времени, цели, причине действия предмета.

Следовательно, со стороны значения вопросительные предложения характеризуются наличием вопроса, так как функция вопросительного предложения — запрашивать о действительности. Этим вопросительное предложение отличается от повествовательного, которое что-то сообщает, и от побудительного, которое побуждает собеседника к какому-то действию.

Все другие признаки вопросительные предложения разделяют с повествовательными и побудительными предложениями: 1) вопросительное предложение, так же как повествовательное и побудительное, является грамматически организованной единицей, т. е. состав вопросительного предложения характеризуется наличием определенных членов предложения, которые сочетаются между собой по грамматическим законам; 2) вопросительное предложение, так же как повествовательное и побудительное, соотносится с действительностью и отражает ее; 3) в вопросительном предложении, так же как в повествовательном и побудительном, выражается отношение к действительности, а именно: запрашивается о ней; 4) вопросительные предложения, так же как повествовательные и побудительные, могут быть распространенными и нераспространенными, двусоставными и односоставными (определенно-личными, неопределенно-личными, обобщенно-личными, безличными и номинативными.

В настоящей статье будут рассмотрены простые вопросительные предложения с местоименными словами. Данный тип предложений взят нами потому, что он является наиболее употребительным.

* * *

К простым вопросительным предложениям с местоименными словами относятся предложения, включающие в свой состав вопросительные местоимения и местоименные наречия, что составляет грамматическую специфику этих предложений и определяет их структурные типы.

Другой характерной особенностью вопросов с местоименными словами является то, что с их помощью мы узнаем что-то новое. Ответы на такие вопросы содержат в составе своем понятия, которые в вопросе отсутствуют. Например:

— Сколько вам лет?

— Двадцать девять. (К. Симонов, Дни и ночи).

Таким качеством предложения с вопросительными словами обладают потому, что в них используются вопросительные местоимения и местоименные наречия, которые не называют и не характеризуют отдельные предметы и их признаки, а только спрашивают и указывают на них в самой общей форме и потому требуют в ответе конкретизации.

Вопросительные предложения, включающие местоименные слова, широко распространены в русском языке, особенно в диалогической речи. Однако не все местоимения одинаково часто используются для выражения вопроса.

Наиболее широко в вопросительных предложениях используются местоимения, соотносительные с именами существительными (КТО, ЧТО). Это связано с широкой распространенностью вопросов о лицах, о предметах, а также с тем, что указанные местоимения могут иметь весьма широкие функции.

Следующей группой местоимений по степени употребительности является группа местоимений, соотносительная с именем прилагательным (КАКОЙ, КОТОРЫЙ, ЧЕЙ). Реже других употребляется местоимение, соотносительное с числительным (СКОЛЬКО).

В вопросительных предложениях часто употребляются и местоименные наречия, включающие большую и разнообразную группу слов. Несомненно, что характер текста влияет на выбор того или иного слова, но в целом употребление местоименных слов обусловлено потребностями речевого общения.

1. Вопросительные предложения с местоимением КТО

Вопросительные предложения с местоимением КТО содержат вопрос о лице. Это значение связано как с глагольным, так и с именным типом предложения. Односоставные предложения с местоимением КТО могут быть только глагольными, ибо во всех односоставных вопросительных предложениях с местоимением КТО организующим центром является глагол. Среди односоставных вопросительных предложений можно отметить следующие типы: определенно-личные, неопределенно-личные, безличные. Например:

— Говори, что знаешь! Почему молчишь? КОГО ПОКРЫВАЕШЬ? (Г. Николаева, Жатва).

— С КОГО ПЕРВОГО СПРОСЯТ? — с меня. (А. Толстой. Хмурое утро).

— ПО СПРАВЕДЛИВОСТИ КОМУ НАДО ДАТЬ? — тем колхозам, где работоспособность меньше. (Г. Николаева, Жатва).

В односоставных вопросительных предложениях с местоимением КТО можно отметить следующие особенности:

1. Отсутствие именительного падежа местоимения КТО. При наличии именительного падежа местоимения КТО предложение становится двусоставным, так как именительный падеж вопросительного местоимения КТО может быть в предложении или подлежащим (— КТО позаботится без вас о ребенке? — Федин, Первые радости) или будет входить в состав сказуемого при подлежащем-местоимении или при подлежащем-существительном (—Кто ваш отец?—спросил ротный у Даши. — А. Толстой, Хмурое утро);

2. В односоставных вопросительных предложениях присутствуют только косвенные падежи местоимения КТО, отсюда следует, что такие предложения являются распространенными, так как косвенные падежи местоимения КТО выполняют роль дополнений (смотри выше примеры односоставных предложений);

3. Односоставные вопросительные предложения с местоимением КТО могут выражать только вопрос об объекте действия, ибо субъект действия может быть выражен лишь именительным падежом местоимения КТО, а именительный падеж в таких предложениях отсутствует (смотри примеры односоставных предложений).

В двусоставных вопросительных предложениях роль вопросительного местоимения КТО гораздо разнообразнее. Для двусоставных вопросительных предложений характерно наличие всех падежей вопросительного местоимения КТО. Это обстоятельство оказывает влияние на структуру двусоставных вопросительных предложений. Если односоставные вопросительные предложения могут выражать вопрос только об объекте действия или о носителе определенного состояния, обозначенного сказуемым безличного предложения, то именительный падеж местоимения КТО в двусоставных вопросительных предложениях позволяет расширить круг вопросов. Двусоставные вопросительные предложения могут выражать следующие вопросы:

1. Кем совершается то или иное действие, например:

Даша с корзинкой в руках вышла в коридор и крикнула:

— Могол, КТО МНЕ ПРИНЕС ЭТИ ЦВЕТЫ? (А. Толстой, Сестры).

2. Кому принадлежит тот или иной признак, выраженный именным сказуемым, например:

— КТО ВИНОВАТ? Один ты. (Николаева, Жатва).

— КТО ДЕПУТАТ?

3. Кем является названное в предложении лицо, например:

— КТО ЭТИ ЛЮДИ?

— Это мои друзья. (А. Толстой, Сестры).

4. Может выражаться вопрос и об объекте действия, например:

— ТЫ ЭТО КОМУ РЕЧЬ ДЕРЖИШЬ?

— А хоть бы и тебе. (Николаева, Жатва).

В первых двух случаях, т. е. когда ставится вопрос о том, кем совершается действие или кому принадлежит тот или другой признак — именительный падеж местоимения выступает в роли подлежащего, в третьем случае, т. е. когда ставится вопрос о том, кем является названное в предложении лицо — в роли сказуемого; в последнем случае косвенные падежи местоимения являются в предложении дополнениями. Двусоставные предложения могут быть как глагольными, так и именными.

Рассмотрим функцию всех падежей вопросительного местоимения КТО в двусоставных вопросительных предложениях.

Именительный падеж вопросительного местоимения КТО может употребляться в двусоставном вопросительном предложении и в качестве подлежащего, и в качестве сказуемого.

Именительный падеж местоимения КТО в роли подлежащего

Прежде всего следует отметить, что именительный падеж местоимения КТО может выступать в роли подлежащего в «чистом виде»:

— КТО это тебе голубенькие сережки подарил, Танюшка? (Николаева, Жатва);

и может входить в устойчивое сочетание, грамматический оборот:

Конечно—в Москву. Но КТО там остался ИЗ старых ЗНАКОМЫХ? (А. Толстой, Хмурое утро).

Двусоставные вопросительные предложения с именительным падежом местоимения КТО в роли подлежащего могут быть как нераспространенными, так и распространенными.

Нераспространенные предложения встречаются довольно часто. Объясняется это тем, что при разговоре бывает важно выяснить только лицо, совершаюшее действие, поэтому в диалоге часто употребляется сочетание местоимения КТО с глаголом-сказуемым, дающее нераспространенные предложения:

— КТО ВОРУЕТ? Говори! (Николаева, Жатва).

— КТО ХОЧЕТ ВЫСКАЗАТЬСЯ? — спросил Василий. (Николаева, Жатва).

Распространенные вопросительные предложения рас-

пространяются главным образом за счет дополнений, выраженных местоимением или именем существительным. Например:

— Даша, КТО был У ТЕБЯ? (А. Толстой, Сестры).

— КТО ТЕБЕ сказал?

— Проезжий вестовой. (А. Толстой, Хмурое утро).

Как правило, двусоставные вопросительные предложения с местоимением КТО не включают в свой состав большого количества слов, потому что их главная задача — поставить вопрос о лице, совершающем действие. Но, употребляясь как средство художественного изображения, вопросительные предложения могут становиться весьма распространенными. Такими предложениями бывают главным образом риторические вопросы, например:

— Бойцы, именем рабоче-крестьянской власти приказываю вам острее наточить шашки и крепче привинтить штыки. КТО ИЗ ВАС НЕ ХОЧЕТ НАПОИТЬ СВОЕГО КОНЯ В УСТЬЕ ТИХОГО ДОНА? Только трус не хочет этого... (А. Толстой, Хмурое утро).

Близкие знали Кирилла слишком хорошо, они могли прочесть его мысли. А КТО ИЗ ПОСТОРОННИХ ОБРАТИТ СВОЕ ЗАНЯТОЕ ВНИМАНИЕ НА КАКОГО-ТО УЧЕНИКА ТЕХНИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА С ЕГО ЗОЛОТЫМИ ПУГОВКАМИ НА ВОРОТНИКЕ РУБАШКИ, С ЕГО СИНИМИ КАНТИКАМИ, С ЕГО НЕХИТРЫМ ЗНАЧКОМ НА ОКОЛЫШЕ—КРЕСТ-НАКРЕСТ МОЛОТОЧЕК И ФРАНЦУЗСКИЙ КЛЮЧ? (Федин, Первые радости).

Среди двусоставных вопросительных предложений с именительным падежом местоимения КТО, выполняющим роль подлежащего, следует отметить группу предложений по структуре своей очень простых и кратких. Это предложения типа КТО ТАМ?, КТО ЭТО?, имеющие характер устойчивых сочетаний. Такие предложения содержат подлежащее. Сказуемое в этих предложениях, имеющее значение бытия, отсутствует, например:

Василий что есть силы заколотил в дверь.

— КТО ТАМ? Батюшки! КТО ТАМ? (Николаева, Жатва).

— Пожалуйста, попросите к телефону Дарью Дмитриевну Булавину.

— Это я, — ответила Даша, и сердце ее страшно забилось. — КТО ЭТО? Катя?.. Катюша!.. Ты? Милая! (А. Толстой. Сестры).

Следует отметить, что в рассматриваемых предложениях местоимение КТО, как правило, употребляется или с наречием ТАМ, или с местоимением ЭТО, причем предложения

КТО ЭТО? и КТО ТАМ? могут быть синонимичными. Очень редко при местоимении КТО присутствуют и наречие ТАМ и местоимение ЭТО в роли частицы:

Вдруг режиссер обернулся к залу и крикнул:

— КТО ЭТО ТАМ? (Федин, Первые радости).

Именительный падеж вопросительного местоимения КТО в роли сказуемого

В двусоставных вопросительных предложениях, при помощи которых спрашивающий хочет узнать, кем является названное лицо, именительный падеж местоимения КТО всегда является сказуемым. Лицо, интересующее собеседника, в данном типе предложения может быть обозначено одушевленным именем существительным или личным местоимением. Сказуемое же может выражаться:

1. Именительным падежом местоимения КТО:

— КТО у тебя отец, Аночка? (Федин, Первые радости).

Иногда за общей частью вопроса может следовать вторая часть вопросительного предложения, уточняющая первую:

— Вы кто — РЕГУЛЯРНЫЕ ИЛИ ПАРТИЗАНЫ? (А. Толстой, Хмурое утро).

2. Именительным падежом вопросительного местоимения КТО в сочетании с указательным местоимением ТАКОЙ, которое и согласуется с подлежащим:

— А КТО ТАКОЙ Пастухов? (Федин, Первые радости).

— КТО ТАКАЯ Лиза? Миловидная барышня? (Федин, Первые радости).

Если подлежащее выражено местоимением первого или второго лица, то происходит согласование по смыслу: указательное местоимение изменяется в зависимости от того, к кому обращен вопрос, к мужчине или женщине:

— Вы КТО ТАКОЙ? Извольте уходить, — сказал Пастухов, в испуге отступая (от Парабукина—**А. О.**). (Федин, Первые радости).

— Вы, собственно, КТО же ТАКАЯ?

— Я — учительница, Рощина Екатерина... (А. Толстой, Хмурое утро).

3. Именительным падежом местоимения КТО в сочетании с глагольной связкой БЫТЬ в форме будущего времени:

— Вы говорите с начальником морозовской дивизии, здравствуйте, товарищ, а вы кто будете?

— КТО БУДУ я? — усмехаясь ответил всадник. — Вглядитесь. (А. Толстой, Хмурое утро).

В подобных выражениях глагол БУДУ употребляется в значении настоящего времени. Форма БУДУ, употребленная

в таких вопросительных предложениях в значении настоящего времени, типична для просторечия.

Косвенные падежи вопросительного местоимения КТО в двусоставных предложениях

Двусоставные вопросительные предложения с косвенным падежом местоимения КТО являются всегда распространенными. Косвенные падежи местоимения КТО в двусоставных вопросительных предложениях употребляются в качестве дополнений. Исключение составляет творительный падеж: вместе с глагольной связкой БЫТЬ он может являться сказуемым вопросительного предложения:

— А КЕМ вы БУДЕТЕ, извините любознательность? — спросил Мешков (Пастухова—А. О.). (Федин, Первые радости).

Он (Кирилл—А. О.) задавал себе строгие вопросы: чего я хочу? — КЕМ я БУДУ? — что главное в жизни? (Федин, Первые радости).

При этом следует отметить, что если именительный падеж местоимения КТО в большинстве случаев выступает в роли сказуемого самостоятельно, то один творительный падеж без глагола БЫТЬ являться сказуемым в предложении не может. Но и именительный и творительный падежи местоимения КТО в сочетании с глаголом БЫТЬ при обозначении настоящего времени — принадлежность разговорной речи.

В качестве дополнения могут употребляться все косвенные падежи местоимения КТО:

— Ты ДО КОГО в старой армии дослужился?

— До фельдфебеля, — ответил Конюков. (Симонов, Дни и ночи).

— Ты это КОМУ речь держишь?

— Да хоть бы и тебе. (Николаева, Жатва).

— КОГО вы ищете? (А. Толстой, Хмурое утро).

— С КЕМ вы посоветуете поговорить у вас? (Симонов, Дни и ночи).

— О КОМ вы говорили сейчас?

Особо следует отметить наличие в составе вопросительных предложений указательного местоимения ЭТО, которое часто не сохраняет своего прямого значения и выполняет в предложении роль частицы, усиливающей вопрос, например:

— КТО ЭТО Иван Гавриков? (А. Толстой, Хмурое утро).

— КТО же ЭТО у тебя тут безобразничает? — спросил кондуктор у телефониста. (А. Толстой, Хмурое утро).

2. Вопросительные предложения с местоимением ЧТО

Среди предложений с вопросительными местоимениями самыми распространенными являются вопросительные предложения с местоимением ЧТО. Это объясняется спецификой местоимения ЧТО: при помощи его можно спросить не только о любой вещи, о любом предмете, явлении, но и о цели, и о причине действия. Наиболее распространенным является вопрос о предмете или явлении:

—... То есть, его отпустят... но только не так... не на поруки, а под залог...

— Под залог? А ЧТО ЖЕ НАДО ЗАЛОЖИТЬ? (Федин, Первые радости).

В предложениях с местоимением ЧТО намечаются две основных группы: 1) глагольные вопросительные предложения и 2) именные вопросительные предложения. Роль местоимения ЧТО и в глагольных и в именных конструкциях одинакова. Это местоимение совмещает в себе две функции: 1) является самостоятельным членом предложения, обозначая какое-либо понятие; 2) сосредоточивает на себе вопрос предложения, поскольку оно является вопросительным словом. Однако глагольные вопросительные предложения отличаются от именных по своей конструкции. Рассмотрим каждый из этих типов.

Глагольные вопросительные предложения

Характерной чертой глагольных вопросительных предложений является наличие в их составе спрягаемых форм глагола или инфинитива. Местоимение ЧТО в глагольных предложениях может входить в состав сказуемого в качестве присвязочного члена, но без вспомогательного глагола это местоимение сказуемым в глагольных предложениях не бывает, так как эту роль выполняют глагольные формы. В глагольных вопросительных предложениях в качестве сказуемого могут употребляться все времена глагола и инфинитив. Местоимение ЧТО в глагольных конструкциях (за исключением инфинитивных) может выполнять роль подлежащего, однако чаще оно является в предложении дополнением. В инфинитивных предложениях местоимение ЧТО может быть только дополнением, так как инфинитивные предложения примыкают к безличным, в которых подлежащее отсутствует.

Дополнение может выражаться косвенными падежами местоимения ЧТО, а также сочетанием винительного падежа местоимения ЧТО с родительным падежом прилагательного:

— ЧТО слыхать... в сводке-то? — всякий раз спрашивала Таиска, накрывая на стол.

— Все хорошо, сестра... не сегодня-завтра наши Лошкарев назад отберут. (Леонов, Русский лес).

— Седайте. ЧТО скажете ХОРОШЕГО? (А. Толстой, Хмурое утро).

А ЧТО скажешь ДОБРОГО о пропойце и прощалыге Парабукине? С горечью и состраданием смотрит на всех них Меркурий Авдеевич. Бог им судья! (Федин, Первые радости).

Кроме функции дополнения, местоимение ЧТО в глагольных вопросительных конструкциях может выполнять функцию двух обстоятельств: обстоятельства причины и обстоятельства цели.

Обстоятельство причины в вопросительных предложениях обычно выражается местоименным наречием ПОЧЕМУ или гораздо реже — ПО КАКОЙ ПРИЧИНЕ. Кроме того, обстоятельство причины в глагольных вопросительных предложениях может выражаться винительным, родительным и творительным падежами местоимения ЧТО.

— Здравствуй, Шура. ЧТО тебя так долго не видно было? Болен был, что ли?

— Нет, я не был болен. (Макаренко, Педагогическая поэма).

— А ты ЧЕГО не ешь? — спросил Сабуров.

— Вы отведайте, потом и мы покушаем. (Симонов, Дни и ночи).

ЧЕМ же я скучно говорю, Латугин? (А. Толстой, Хмурое утро).

Глагольные вопросительные предложения с обстоятельством причины, выраженным местоимением ЧТО, характерны для разговорной речи. Они почти всегда эмоционально окрашены. Вопросительные предложения с местоименным наречием ПОЧЕМУ — принадлежность преимущественно письменного языка. Они, как правило, выражают вопрос без эмоциональной окраски, а если такие предложения и бывают эмоционально окрашены, то об их эмоциональной окраске мы уже узнаем не из самих вопросительных предложений, а из ремарок автора.

Обстоятельство цели в вопросительных предложениях обычно выражается местоименным наречием ЗАЧЕМ. На таких же правах в качестве обстоятельства цели в вопросительных глагольных конструкциях может употребляться родительный падеж местоимения ЧТО с предлогом ДЛЯ.

— ДЛЯ ЧЕГО ты устроил этот спектакль?

— Какой спектакль, Вадим?

— С незаряженным револьвером. (А. Толстой, Хмурое утро).

Однако вопрос о цели действия может выражаться не только словами ЗАЧЕМ и ДЛЯ ЧЕГО, но и их стилистическими синонимами, распространенными в разговорном стиле речи, а именно: родительным, дательным и винительным падежами местоимения ЧТО, например:

— ЧЕГО девчонка прибегала?

— Да собрание, что ли, красноармейцы приехали за хлебом, ну и шумят. (А. Толстой, Хмурое утро).

Мешков высказывает Извековой свои мысли о театре, в частности о спектакле «На дне»:

— Ну а К ЧЕМУ все стороны показывать? Человеку надобно преподать пример, чтобы он видел, чему следовать. (Федин, Первые радости).

—А ты ЧТО зашел?

— Напомнить, Меркурий Авдеевич: завтра — царский день, так чтобы флажок не запамятовали вывесить. (Федин, Первые радости).

Среди глагольных вопросительных предложений следует отметить неполные. Глагольные формы в таких предложениях отсутствуют потому, что они ясны из предыдущего контекста или подсказываются ситуацией. Вопросительное местоимение ЧТО в таких предложениях может быть как главным членом предложения (подлежащим), так и второстепенными (дополнением, обстоятельствами).

— На столе лежат книги.

— А что на полке?

— В кинотеатре «Родина» демонстрируется кинофильм «Своими руками».

— А ЧТО в «Пионере»?

— Да ты никак плачешь? — спросил Егор Павлович... — О ЧЕМ ТЫ?, а? (Федин, Первые радости).

— НА ЧТО тебе серники? — уже сонно спросил Петренко.

— Да солому ж запалить. (Овечкин, С фронтовым приветом).

В вопросительных глагольных предложениях с местоимением ЧТО следует отметить группу предложений с подлежащим, выраженным личным местоимением. Среди таких предложений встречаются устойчивые конструкции. К ним следует отнести вопросительные предложения, состоящие из именительного падежа местоимения ЧТО и личного местоимения ТЫ или ВЫ (в редких случаях и местоимения другого лица). Они могут обозначать вопрос о состоянии лица.

— ...Остановись, Тиша, — скажет Ольга Ивановна, — вернись к прошлому...

— А ВЫ ЧТО? — спросил Цветухин.

— А я говорю: эх, Ольга Ивановна! Идет смешанный поезд жизни, как его остановишь? (Федин, Первые радости).

Она вскрикнула. — ЧТО ТЫ? — недоуменно спросил он,— тебя кто-нибудь укусил? (Федин, Первые радости).

Как на синоним данной конструкции следует указать на сочетание родительного падежа местоимения ЧТО с личным местоимением — ТЫ или ВЫ.

— ТЫ ЧЕГО? — спросил он.

— Ничего, заснула было... — торопливо сказала она. (Николаева, Жатва).

Вопросительные конструкции данного типа в большинстве случаев бывают нераспространенными, однако в отдельных случаях они могут пополняться обстоятельствами:

— Что вы ЗДЕСЬ — В ТАКОЙ ПЫЛИЩЕ? (Федин, Первые радости).

В некоторых глагольных вопросительных предложениях местоимение ЧТО в роли обстоятельства теряет значение цели и приобретает настолько своеобразную специфику, что бывает трудно не только определить, каким именно обстоятельством является это местоимение, но трудно бывает отнести его к какому-либо члену предложения вообще, так как местоимение ЧТО не осознается отчетливо как член предложения, значение его в вопросительном предложении неопределенно, однако местоимение ЧТО в подобных глагольных конструкциях придает вопросу смысл отрицательного суждения. Например:

— Ахмет, ЧТО РАЗИНУЛ РОТ? Три бутылки шампанского, да постарше! (Федин, Первые радости).

— ТЫ ЧТО ЖЕ СТОИШЬ? Ступай, придешь другой раз. (Федин, Первые радости).

Именные конструкции

В именных конструкциях глагольные формы отсутствуют, потому что они вообще чужды данному типу предложений. В рассматриваемых предложениях вопросительное местоимение ЧТО может выступать как в качестве главных членов предложения (подлежащего и сказуемого), так и в качестве второстепенных (дополнения и обстоятельства причины). В зависимости от того, каким членом предложения является местоимение ЧТО, получаем различные структуры вопросительных предложений.

1. Предложения, в которых вопросительное местоимение ЧТО является сказуемым, характеризуется наличием двух составов: подлежащее в таких предложениях выражается обычно или именем существительным или личным местоимением, обозначающим лица или предметы; сказуемым является вопросительное местоимение ЧТО. В таких конструкциях следует выделить:

а) предложения с именительным падежом местоимения ЧТО. Такие предложения выражают вопрос о существе предмета.

Задуйвитер сказал:

— ЧТО мы здесь в пехоте? — чужие люди! (А. Толстой, Хмурое утро);

б) предложения с предложным падежом местоимения ЧТО. Они близки по значению к вышеуказанным конструкциям, хотя это вопросы и не о существе самого предмета, а о какой-то неизвестной стороне его содержания. В таких предложениях местоимение О ЧЕМ может быть заменено синонимичным ему местоимением КАКОЕ:

— О ЧЕМ донесение?

— Как всегда, о событиях. (Симонов, Дни и ночи);

в) предложения с родительным падежом местоимения ЧТО, употребленного с предлогом ДЛЯ. Такие предложения содержат вопрос о цели:

— ДЛЯ ЧЕГО, — она спросила, — мне эта твердость? Разве я хочу жить дальше? (А. Толстой, Хмурое утро);

г) предложения с дательным падежом местоимения, употребленного с предлогом К. Эти предложения также содержат вопрос о цели. Местоимения в них синонимично вопросительному наречию ЗАЧЕМ:

— Тяжелые колеса к ЧЕМУ?

— Для быстрого поворота орудия. (А. Толстой, Хмурое утро);

д) предложения, в которых винительный падеж местоимения ЧТО сочетается с предлогом НА. И эта конструкция передает значение цели. Обязательным признаком этого значения является отсутствие в местоимении ЧТО предметного значения.

— Хоть бы Вену, что ли бы, взяли.

— А тебе она НА ЧТО?

— Так, все-таки. (А. Толстой, Хмурое утро).

Иногда местоимение ЧТО в именительном падеже входит в сказуемое, выраженное сочетанием этого местоимения с указательным местоимением ТАКОЕ. Предложения такого типа чаще всего бывают нераспространенными, однако подлежащее иногда может иметь при себе определение.

— Дом... ЧТО ТАКОЕ дом? — он усмехнулся, но тут же стал серьезным.

— А между прочим, дом — это много, почти все, Россия. (Симонов, Дни и ночи).

При отсутствии в предложении подлежащего сочетание ЧТО ТАКОЕ, приобретая значение вопросительного предложения, получает добавочную модальную характеристику,

связанную с выражением различных оттенков, оно может выражать чувства удивления и пр.

— ...Ихний кровопивец, Бабулин, — в плохоньком тулупчике, в худых валенках, ласковый, смирный, только все бороденку покусывает... ЧТО, думаю, ТАКОЕ? Мы в амбар к нему — там ни зерна. (А. Толстой, Хмурое утро).

Некоторую особенность представляют широко распространенные, но весьма однотипные вопросительные предложения типа: ЧТО ЭТО? ЧТО ЭТО ТАКОЕ? Местоимение ЧТО само по себе или в сочетании с местоимением ТАКОЕ в данных конструкциях выполняет роль сказуемого; подлежащим является указательное местоимение ЭТО. Местоимение ЭТО в вопросительных конструкциях употребляется в качестве подлежащего в следующих случаях:

1) если предмет мысли известен как спрашивающему, так и его собеседнику. Предмет речи в таких случаях или подсказывается обстановкой или указывается спрашивающим:

Она (записка. — А. О.) была передана Кириллом при расставаньи из ладони в ладонь, и Лиза спросила в испуге:

— ЧТО ЭТО?

— Записка, — сказал Кирилл, чуть слышно. (Федин, Первые радости);

2) если раньше говорилось о событиях или явлениях, которые невозможно выразить одним словом:

— Хорошо, — сказала Лиза, — пусть события будут какие угодно... Человек к ним прижился и, может быть, счастлив. И вдруг у него все летит вверх тормашками. ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

— О чем ты говоришь? — спросил Кирилл. — О личном счастьи? (Федин, Первые радости).

Вопросительные конструкции данного типа в большинстве случаев являются нераспространенными предложениями, однако они могут пополнять свой состав дополнениями или иметь при себе пояснительные члены:

Григорович придвинулся ближе и пожал руки Сабурову и Филипчуку. На голове у него белела повязка.

— Что это у тебя? — спросил Сабуров. (Симонов, Дни и ночи).

В отдельных случаях те же именные вопросительные предложения (ЧТО ЭТО? ЧТО ЭТО ТАКОЕ?) могут употребляться не столько для выражения вопроса, сколько для передачи модальных оттенков. В таком случае их основное назначение — выражать эмоции говорящего, а поэтому отдельные члены предложения в них не осознаются так отчетливо и ясно, как в именных конструкциях, заключающих вопрос о предмете. На основании этого можно говорить, что именные вопросительные конструкции, передающие эмоции говорящего,

состоят из устойчивых словосочетаний, а не отдельных членов предложения, выраженных местоимениями. Такие конструкции могут передавать чувство недовольства и возмущения, недоумения и растерянности:

— Чтобы ваши труды не пропали даром, я предлагаю передать эту землю вашей бригаде. И труды ваши останутся с вами.

— ДА ЧТО ЖЕ ЭТО?.. Да как это бригаде? Да это ни к чему! — растерялась Фроська. (Николаева, Жатва).

2. Предложения, в которых местоимение ЧТО выполняет роль подлежащего, имеют в своем составе только один главный член предложения — подлежащее. Сказуемое в конструкциях данного типа, как и в остальных именных конструкциях, отсутствует, но в нем и нет необходимости, так как смысл предложения и без того ясен. Такие предложения встречаются только в диалогической речи. Несмотря на отсутствие глагола, их следует относить к полным, ибо отсутствует бытийный глагол. Кроме того, они являются устойчивыми фразеологическими сочетаниями[1]. Функцию подлежащего в именных предложениях местоимение ЧТО несет значительно реже, чем сказуемое.

Подлежащим местоимение ЧТО является в вопросительном предложении, представляющем собой широко распространенное синтаксическое устойчивое сочетание, относимое А. М. Пешковским к стационарным неполным предложениям[2]. Такие вопросительные предложения включают именительный падеж местоимения ЧТО или творительный падеж личного имени и существительного. Например:

Сабуров вошел в дежурку. Аня лежала на матраце молча, открыв глаза.

— Ну, ЧТО С ВАМИ? — спросил Сабуров. (Симонов, Дни и ночи).

Иногда эту функцию местоимение ЧТО выполняет, объединяясь с именем прилагательным в родительном падеже:

— С детства занимаетесь таинственными посылками?

— ЧТО же тут ТАИНСТВЕННОГО? Мне поручили, я вас знаю, принес, передал — все. (Федин, Первые радости).

Такие конструкции при особой интонации содержат не вопрос, а утверждение отрицательного характера, в силу чего их легко заменить отрицательными предложениями: ЧТО ЖЕ ТУТ ТАИНСТВЕННОГО? — ТУТ НЕТ НИЧЕГО ТАИНСТВЕННОГО.

---

[1] И. А. Попова. Неполные предложения в современном русском языке. (Труды института языкознания, т. 11, 1953, стр. 103).

[2] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, Москва, 1934, стр. 354.

3. Третья группа именных предложений это такая, в которой вопросительное местоимение ЧТО не принимает участия в выражении главных членов предложения и всегда является второстепенным членом. В таких предложениях местоимение ЧТО может сочетаться с полными или краткими именами прилагательными, с именами прилагательными в сравнительной степени, а также со словами, относящимися к категории состояния (НАДО, НУЖНО).

— ЧТО это ты такой нынче ВЕСЕЛЫЙ? — спросила Любава.

— А поругали меня вчера... (Николаева, Жатва).

— Ты-то ЧЕГО больно ВЕСЕЛ?

— Драться надо весело, Иван Степанович. (А. Толстой, Хмурое утро).

— ...ЧТО вам НУЖНО?

— Простите, я хотел спросить... (А. Толстой, Хмурое утро).

Отсутствие слов из категории состояния в данной конструкции придает вопросу характер фамильярности, некоторой грубости:

Дед Афанасий, навалив на глаза страшенные брови, спрашивал:

— Ну, ЧТО ТЕБЕ?

Ничего, Афанасий Афанасьевич, все на том же месте горюю. (А. Толстой, Хмурое утро).

Среди вопросительных предложений с местоимением ЧТО как в глагольных, так и в именных конструкциях следует отметить особую группу таких предложений, структура которых как бы распадается на две части. Первая часть таких предложений, хотя и содержит в себе один из главных членов — подлежащее, является «второстепенной»: она только помогает лучше понять вопрос, заключенный во второй части предложения.

Первая часть вопроса и в глагольных и в именных конструкциях одинакова: она состоит из именительного падежа вопросительного местоимения ЧТО и именительного падежа личного местоимения. Исключение составляют инфинитивные конструкции: инфинитив второй части предложения требует дополнения в дательном падеже, поэтому в первой части находим не именительный, а дательный падеж личного местоимения. Вторая часть глагольных вопросительных предложений содержит в составе своем глагол изъявительного наклонения или инфинитив. Инфинитивные конструкции при этом, как правило, по смыслу равны отрицательному суждению.

Вмешивался хозяин:

— Довольно, звери-курицы! ЧТО ВЫ, С УМА СОШЛИ? (Горький, В людях).

Задуйвитер сказал:

— Что мы здесь, в пехоте?—чужие люди! ЧТО ЖЕ НАМ. — ВЕК НОГАМИ ПЫЛИТЬ? (А. Толстой, Хмурое утро).

Вторая часть вопросительных предложений именных содержит имена существительные или прилагательные в различных падежах. Если вторая часть содержит имя существительное или прилагательное в именительном падеже, то такие имена существительные и прилагательные выступают в роли сказуемого, а все вопросительное предложение в целом выражает вопрос о лице:

— ОН ЧТО, ЕЩЕ И РАДИСТ?

— Никакой он не радист. Просто хороший парень... (Павленко, Минная рапсодия).

Особо следует отметить вопросительные конструкции, встречающиеся как среди глагольных, так и среди именных вопросительных предложений. Это так называемые предложения-переспросы. Их структура весьма разнообразна и определяется всецело связью с предшествующим предложением. Одни из них возникают вследствие того, что бывает непонята какая-либо сторона, деталь сообщаемого. Другие вопросительные конструкции такого типа служат для выражения эмоций говорящего.

— Ваш Цветухин? Почему?

— ЧТО — ПОЧЕМУ?

— Почему — ваш? (Федин, Первые радости).

— Про тебя молва, что ты заодно с подпольщиками.

— Папа!

— ЧТО ПАПА? О чем Шубниковы выспрашивали? (Федин, Первые радости).

3. Вопросительные предложения с местоимением КАКОЙ

Семантика предложений с местоимением КАКОЙ не ограничивается, как это может показаться, только требованием назвать признак предмета. Со стороны значения, а следовательно и по своей функции в речи, вопросительные предложения с местоимением КАКОЙ могут быть разбиты на следующие группы:

1. Предложения, содержащие вопрос о качестве предмета. Отвечая на такое вопросительное предложение, нужно назвать определение, с тем чтобы охарактеризовать предмет или указать его разновидность:

— КАКОЕ НАСТРОЕНИЕ У НИХ?

— По-моему, хорошее, — сказал Сабуров. (Симонов, Дни и ночи).

Он (Кирилл, — **А. О.**) выводит Лизу из толчеи, они останавливаются перед повозкой мороженщиков, и он спрашивает:

— ТЫ КАКОЕ БУДЕШЬ — ЗЕМЛЯНИЧНОЕ ИЛИ КРЕМ-БРЮЛЕ?

Они берут смесь. (Федин, Первые радости).

2. Предложения с вопросом о содержании предмета, его сути:

Человек в сером башлыке заглянул в лицо Сизова и торопливо спросил:

— КАКОЙ ПРИГОВОР?

— Поселение. (Горький, Мать).

Местоимение КАКОЙ оформляет и те вопросительные предложения, которые не содержат вопроса. Такие предложения употребляются в разговорном стиле речи для выражения эмоций, что в большой степени сближает их по функции с восклицательно-повествовательными предложениями. Эти предложения могут выражать возмущение, несогласие. При таком значении они произносятся с особой интонацией несогласия, и логическое ударение в них падает на вопросительное местоимение:

— ...Все у нас теперь принципы, да принципы. Ну КАКОЙ же в малороссийской колбасе особый принцип? — с чесноком да с жирком. (А. Толстой, Хмурое утро).

Еще ближе к восклицательно-повествовательным предложениям стоят те безглагольные предложения, в которых вопросительное местоимение совсем потеряло свой вопросительный характер, а все предложение представляет собой эмоциональную оценку непосредственно воспринимаемого явления. Логическое ударение в таких предложениях падает не на вопросительное местоимение, а на определяемое им слово. Иногда говорящий такие предложения сопровождает вопросительной частицей А, с помощью которой придает предложению вопросительный характер и побуждает собеседника к согласию:

— ...А ДЕНЬ КАКОЙ СЕГОДНЯ?! Все бродят, как пьяные, по улицам. (А. Толстой, Сестры).

— Послушайте, глухие тетери, — говорил Пастухов. — Вслушайтесь! КАКОЙ ЯЗЫК, А? Маковая росинка! (Федин, Первые радости).

Рассмотрев значение вопросительных предложений с местоимением КАКОЙ, перейдем к структуре этих предложений, для чего рассмотрим функцию этого местоимения в вопросительном предложении.

Синтаксическая функция местоимения КАКОЙ в вопро-

сительном предложении сводится к выполнению им роли трех членов предложения: 1) определения — и это основная функция вопросительного местоимения КАКОЙ; 2) сказуемого; 3) обстоятельства времени — только в том случае, когда вопросительное местоимение КАКОЙ входит в устойчивое сочетание: С КАКИХ ПОР, ДО КАКИХ ПОР.

— ...Отпустите, ради Христа... Дома детишки, сам понимаешь... Измотались все, тоской изошли... ДО КАКИХ же ПОР?.. Неужели не отпустите? (Шолохов, Тихий Дон).

— Это ДО КАКИХ же ПОР будет?..

— Третий год с винтовки не слазишь! — шли в вагонах разговоры. (Шолохов, Тихий Дон).

— Вот пришел к вам в отряд, — начал Мечик...—Раньше был у Шалдыбы... до ранения, — добавил для вескости.

— А у Шалдыбы С КАКИХ ПОР?

— С июня, так, с середины... (Фадеев, Разгром).

Рассмотрим группу вопросительных предложений, в которых местоимение КАКОЙ является определением. Вопросительное местоимение КАКОЙ может определять в предложении имена существительные, местоимения или другие субстантивированные части речи всех трех родов как в единственном числе, так и во множественном. Иногда к этому местоимению присоединяется другое, указательное местоимение ТАКОЙ. Сочетаясь вместе, они представляют одно определение, которое эмоционально окрашивает вопрос: придает вопросу оттенок некоторого недоверия, иногда—пренебрежения. Например:

— Он (Л. Н. Толстой.—**А. О.**) к нашему суду прислушивался.

— КАКОМУ ЭТО — ВАШЕМУ? Он был против пьянства, а ты пьяница.
(Федин, Первые радости).

— Ну, расскажите, что вы знаете о других ваших квартирантах

— О КАКИХ ДРУГИХ? У меня только еще этот самый актер. (Федин, Первые радости).

— Чести я ищу.

— КАКОЙ ТАКОЙ «ЧЕСТИ» ТЫ ИЩЕШЬ? (Николаева. Жатва).

Для вопросительных предложений, где местоимение КАКОЙ выступает в роли определения, характерно наличие глагольного сказуемого. Однако его не всегда можно обнаружить непосредственно в составе вопросительного предложения. Поэтому все предложения данной группы можно разбить на два основных структурных типа:

1) предложения, в которых присутствует глагольная форма;

2) предложения без глагольной формы.

Вопросительные предложения с глагольной формой представляют такие вопросы, которые побуждают собеседника высказать целое суждение. Ответить одним словом на такие вопросы не всегда возможно. Предложения данного типа характеризуются полнотой своего состава.

— НУ, КАКИЕ же ты геройские подвиги там без меня совершил?

— Какие же? Все так же как при вас, — сказал Масленников. (Симонов, Дни и ночи).

— ...НУ, КАКАЯ ЖЕ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ У ВАС НАМЕЧЕНА? — в его голосе чувствовалось нетерпение. — Докладывайте, полковник. (Симонов, Дни и ночи).

Вопросительные предложения без глагольной формы характеризуются наличием в их составе вопросительного местоимения КАКОЙ и различных падежей имени существительного. Эти вопросы вызываются предшествующим текстом и требуют такого ответа, который помогал бы исчерпывающе понять содержание предшествующего высказывания.

— Может, все-таки пожелаете согреться, ваше благородие?

— В КАКОМ СМЫСЛЕ?

— Ну, в смысле коньячку или нежинской рябиновой? (Федин, Первые радости).

— Подай еще курсы... А позволительно спросить — в каких целях? Чтобы уехать от родителей и проживать в меблированных комнатах? ИЗ КАКИХ СООБРАЖЕНИЙ? ДЛЯ КАКОЙ НАДОБНОСТИ? (Федин, Первые радости).

Иногда косвенный падеж существительного берется из предшествующего текста. Такие вопросы употребляются в том случае, если не понята какая-либо деталь сообщаемого. Это вопросы к отдельным членам предложения — главным образом к подлежащему или дополнению. Их функция — раскрыть содержание отдельного члена предложения. Эти предложения очень тесно связаны с предшествующим текстом. Глагольное сказуемое в них отсутствует: оно ясно из предшествующего разговора и повторять его в вопросе нет необходимости; больше того: будучи включено в ткань предложения, оно нарушит структуру вопроса, столь характерную для разговорной речи. Например:

— Арестованного пригнали.

— КАКОГО АРЕСТОВАННОГО?

— А вот...— Григорий указал на котелок щей... (Шолохов, Тихий Дон).

— У Веры Никандровны сына забрали.

— У КАКОЙ ВЕРЫ НИКАНДРОВНЫ? — спросил Цветухин. (Федин, Первые радости).

Вопросительные предложения без глагольной формы могут состоять и из одного вопросительного местоимения, составляющего суть вопроса. Такие предложения также требуют ответа, уточняющего содержание одного из членов предложения.

— Григорь Пантелевич, а я ведь нынче видал на станции твоего друзьяка.

— КАКОГО?

— Листницкого. (Шолохов, Тихий Дон).

Вопросительное местоимение КАКОЙ одно или в сочетании с другими словами может являться сказуемым в вопросительном предложении. Такие предложения также выражают вопрос о содержании предмета или о его качестве. Глагольные формы в их составе присутствовать не могут. В качестве отступления от норм литературного языка иногда в таких предложениях употребляется глагольная связка ЕСТЬ, подчеркивающая влияние деловой речи на разговорный стиль.

— ВЫВОД КАКОЙ ТВОЙ?

— Вот вывода-то я не делал... (А. Толстой, Хмурое утро).

— КОНИ В КАКОМ СОСТОЯНИИ?

— Кони в прекрасном состоянии, — быстро ответил Рощин, — кованы на передние ноги. (А. Толстой, Хмурое утро).

— В связи с этим агитмассовым вопросом хочу я коснуться поведения нашего электрика, уважаемого товарища Буянова.

— Моего поведения?! — Буянов повернулся на стуле. — КАКОЕ ЕСТЬ МОЕ ПОВЕДЕНИЕ? (Николаева, Жатва).

Среди вопросительных предложений с местоимением КАКОЙ в роли сказуемого следует отметить особую группу вопросительных предложений, состоящих из одного сказуемого, выраженного сочетанием местоимения КАКОЙ с именем существительным. Эти предложения часто встречаются в языке военных. Подлежащее в таких предложениях подсказывается окружающей обстановкой: обычно это бывает то лицо, к которому обращаются с вопросом.

Он спросил:

— КАКОЙ РОТЫ?

— Третьей, ваше благородие, свои. (А. Толстой, Сестры).

Бессонов крикнул:

— Эй, ты, КАКОГО ПОЛКА?

— Со второй батареи. (А. Толстой, Сестры).

В заключение следует отметить, что вопросительные предложения с местоимением КАКОЙ требуют наличия в предложении существительного или местоимения, но не требуют глагола. Отсюда — возможность большого количества безгла-

гольных предложений не только в тех типах вопросительного предложения, где местоимение КАКОЙ употребляется в функции сказуемого, но и в тех типах предложения, где вопросительное местоимение выполняет роль определения.

4. Вопросительные предложения с местоимением **КОТОРЫЙ**

Местоимение КОТОРЫЙ в вопросительных предложениях выполняет одну из синтаксических функций вопросительного местоимения КАКОЙ, а именно, является определением, хотя по своему значению оно и отличается от последнего, во-первых, тем, что определять качество предмета не может, во-вторых, местоимение КОТОРЫЙ ограничивает количество предметов при выборе, в то время как местоимение КАКОЙ может ставить вопрос неограниченно. Например:

— Как, — опять воскликнула Лиза, — может ли быть две правды? КОТОРУЮ НАДО И КОТОРУЮ НЕ НАДО ГОВОРИТЬ? (Федин, Первые радости).

При помощи местоимения КОТОРЫЙ формируются, в частности, вопросы о времени. Например:

— Позволь, в КОТОРОМ ЧАСУ ЭТО БЫЛО?

— Что-то около одиннадцати. (Леонов, Русский лес).

5. Вопросительные предложения с местоимением **ЧЕЙ**

Вопросительные предложения с местоимением ЧЕЙ содержат вопрос о принадлежности предмета. Местоимение ЧЕЙ в вопросительных предложениях выполняет роль определения или сказуемого. Если местоимение ЧЕЙ выполняет роль определения, оно может стоять в любом падеже. Если оно выполняет роль сказуемого, то при отсутствии глагольной связки возможен только именительный падеж этого местоимения:

— Господи! ЗА ЧЬИ ГРЕХИ? (Федин, Первые радости).

Стоило появиться в окне расфранченной девушке, — как на тротуаре загоралось гаданье—что за красавица? С ЧЬЕЙ СТОРОНЫ — ЖЕНИХОВА ИЛИ НЕВЕСТИНА? (Федин, Первые радости).

— Это чей? ЧЕЙ ТЫ?

— Не знаю. (Горький, Детство).

— ЧЕЙ ЭТОТ ДОМ? — спросил я вековушу.

— Да как же! Академика Пожалостина, знаменитого гравера. (Паустовский, Мещорская сторона).

6. Вопросительные предложения с вопросительным местоимением СКОЛЬКО

Предложения с вопросительным словом СКОЛЬКО содержат вопрос о количестве. Смысл вопросов с числительным СКОЛЬКО зависит от значения имен существительных, сочетающихся с вопросительным числительным. Это могут быть вопросы: 1) о количестве лиц (или животных), если СКОЛЬКО сочетается с именами существительными, обозначающими одушевленные предметы (— СКОЛЬКО КОММУНИСТОВ в партийной организации? — спросил он. — Николаева, Жатва); 2) о количестве предметов, если СКОЛЬКО сочетается с именами существительными, обозначающими неодушевленные предметы. Хотя в рассматриваемых примерах вопросов о количестве предметов не встретилось, однако такие вопросы возможны: СКОЛЬКО ЗДАНИЙ восстановлено в Ростове-на-Дону? 3) о количестве времени (а не просто о времени как, например, при вопросах КОГДА? С КАКИХ ПОР? КАК ДОЛГО?), если СКОЛЬКО сочетается с именами существительными, обозначающими различные промежутки времени. (В нем, под одной из крыш, не зная об угрозе, он, ее мятежный товарищ. И, возможно, забыл о ней. СКОЛЬКО ДНЕЙ пробежало чередой после их последней встречи?— Н. Островский, Как закалялась сталь); 4) о возрасте, если СКОЛЬКО сочетается с именами существительными, обозначающими время: год, месяц, неделя, день (—ВАМ СКОЛЬКО ЛЕТ? — задумчиво спросила мать. — Семнадцать... — Горький, Мать); 5) о расстоянии, если СКОЛЬКО сочетается с именами существительными, обозначающими расстояние, или входит в предложение, указывающее на расстояние (— СКОЛЬКО ДО ГОРОДА? — спросила Невская. — Десять километров. — Паустовский, Колхида); 6) о том, сколько раз совершалось или будет совершаться действие (— Каждый день переплываете?—спросил Сабуров, поднимая на нее глаза.— ПОСКОЛЬКУ ЖЕ РАЗ?—Сколько раненых, столько и переплываю. — Симонов, Дни и ночи).

Вопросительное слово СКОЛЬКО сочетается преимущественно с именами существительными, реже — с личными местоимениями, образуя вместе с ними синтаксически неразложимую единицу, которую следует рассматривать как один член предложения. Сочетание вопросительного слова СКОЛЬКО с именем существительным может быть в предложении подлежащим, дополнением, обстоятельством, причем только обстоятельством времени, если СКОЛЬКО сочетается с существительным, обозначающим определенный промежуток времени:

— СКОЛЬКО вам ЛЕТ?

— Тридцать два, — ответил Шацкий. (Паустовский, Кара-Бугаз).

— Тебе СКОЛЬКО ПШЕНИЦЫ надо взять в Спасском?

— Многовато. (А. Толстой, Хмурое утро).

— СКОЛЬКО ДНЕЙ прогуляли?

— Вчера полдня да сегодня. (Николаева, Жатва).

Вопросительное слово СКОЛЬКО может употребляться обычно с родительным падежом имен существительных или других частей речи, употребленных в значении существительных, при этом существительное обычно имеет форму множественного числа. С единственным числом имен существительных числительное СКОЛЬКО употребляется лишь в тех случаях, если существительное множественного числа не имеет. Что касается сочетания вопросительного слова СКОЛЬКО с личными местоимениями, то вопросительное слово СКОЛЬКО может сочетаться только со множественным числом личных местоимений и в предложении всегда бывает подлежащим.

— СКОЛЬКО вас всего?

— Человек десять. (Шолохов, Тихий Дон).

Следует отметить, что синтаксически неразложимое сочетание числительного СКОЛЬКО с существительным или местоимением не всегда может иметь налицо оба члена словосочетания. Как правило, в таком словосочетании отсутствует существительное или местоимение. При этом отсутствие второго члена словосочетания может ощущаться в различной степени в зависимости от значения тех слов, которые входят в данное вопросительное предложение. Отсутствие второго члена словосочетания осознается с большей ясностью в том случае, если он подсказывается предыдущим текстом, с меньшей — если он подсказывается смыслом самого предложения. Сравни два предложения:

— Его отпустят за деньги?

— Ну, да. Надо внести деньги...

— ...А СКОЛЬКО НУЖНО?

— Надо довольно много. (Федин, Первые радости).

— СКОЛЬКО МЫ С ТОБОЙ ВОЮЕМ? Второй год? Так что же ты меня за руку тянешь? (Симонов, Дни и ночи).

Так в первом примере слово-сказуемое НУЖНО требует второго члена словосочетания, который бы назвал конкретный предмет мысли, ибо нужны бывают самые различные вещи и предметы в зависимости от обстоятельств. Собеседнику необходимо знать, что именно нужно, и этот предмет мысли заимствуется из предыдущего текста. Во втором предложении глагол ВОЮЕМ, употребленный с вопросительным словом СКОЛЬКО, подсказывает нам, что речь идет о времени.

Следует отметить особую группу предложений, которые не терпят полного неразложимого словосочетания вопросительного слова СКОЛЬКО с существительным и содержат в своем составе всегда только одно вопросительное числительное СКОЛЬКО. Это предложение с глаголами КУПИЛ, ПРОДАЛ.

— А ЗА СКОЛЬКО ВЫ КУПИЛИ ЭТОТ ЛЕС?

— Это дело десятое. Мой товар — моя и цена. (Паустовский, Повесть о лесах).

В подобных предложениях глаголы КУПИЛ, ПРОДАЛ, сочетаясь с вопросительным числительным ЗА СКОЛЬКО, указывают, что речь может идти только о количестве денег, а потому и само существительное ДЕНЕГ становится в предложении излишним. Само вопросительное числительное СКОЛЬКО в таких предложениях употребляется только с предлогом ЗА. Такие предложения следует признать полными в отличие от первых двух типов предложений, неполных, в которых отсутствующий второй член словосочетания подсказывается предыдущим текстом или смыслом самого предложения.

Вопросительное числительное СКОЛЬКО изменяется по падежам. Однако во всех исследуемых предложениях встретились только именительный и винительный падежи числительного. Сочетание именительного падежа числительного СКОЛЬКО с именем существительным или личным местоимением выступает в предложении в роли подлежащего. Сочетание винительного падежа числительного СКОЛЬКО с существительным может выполнять в предложении роль прямого дополнения или обстоятельства (времени и меры). Другие падежи числительного СКОЛЬКО являются непродуктивными и в разговорной практике почти совсем не встречаются. Разговорный язык избегает конструкции с формами СКОЛЬКИХ, СКОЛЬКИМ, СКОЛЬКИМИ и заменяет их конструкциями с формой СКОЛЬКО или избирает вопрос с другим вопросительным словом. Так, услышав предложение: «Я нуждаюсь в тетрадях», мы скорее спросим «Сколько тетрадей тебе нужно?», чем «В СКОЛЬКИХ тетрадях ты нуждаешься?», а при сообщении «Он многим должен», скорее спросим «Кому он должен?» (т. е. изберем форму ответа без числительного СКОЛЬКО), чем «СКОЛЬКИМ человекам он должен?» или «Скольким он должен?».

7. Вопросительные предложения с местоименным наречием КАК

Как член предложения местоименное наречие КАК может выступать в роли обстоятельства или сказуемого. Синтаксическая функция местоименного наречия КАК в роли обстоя-

тельства довольно однообразна: КАК в вопросительном предложении выполняет функцию обстоятельства образа действия и в очень редких случаях местоименное наречие КАК в сочетании с наречием ДАВНО является обстоятельством времени:

—ДА КАК ТЫ СЮДА ПОПАЛА? (Федин, Первые радости).

—А КАК ДАВНО ВЫ ПОДАВАЛИ ПРОСЬБУ? (Федин, Первые радости). Обороты с обстоятельством времени КАК ДАВНО—принадлежность книжной речи; в разговорном языке чаще всего в роли обстоятельства времени выступает местоименное наречие КОГДА.

Рассмотрим структуру вопросительных предложений, в которых местоименное наречие КАК выполняет функцию обстоятельства. Характерной особенностью данной группы вопросительных предложений является наличие в их составе глагольных форм, так как обстоятельство образа действия может относиться только к глаголу. Со стороны значения это обстоятельство охватывает вопрос об образе, способе действия и о качестве действия или состояния.

— КАК ВЫ ПРОШЛИ СЮДА ДНЕМ? (Федин, Первые радости).

— ...КАК ВАНИН ВОЮЕТ?

— Хорошо. (Симонов, Дни и ночи).

Вопросительное наречие КАК особенно активно соединяется с глаголами определенного лексического значения. Так, сочетание местоименного наречия КАК с глаголом ЧУВСТВОВАТЬ создает вопрос о состоянии лица (Врач, держась за стены, подошел к Мересьеву:—КАК СЕБЯ ЧУВСТВУЕМ? Давайте пульс...—Полевой, Повесть о настоящем человеке). Сочетание местоименного наречия КАК с глаголом ДУМАТЬ (реже — с глаголом СЧИТАТЬ) образует вопрос, назначение которого — узнать мнение собеседника по какому-нибудь вопросу (—...Одним словом, шагать нам на запад нужда крайняя. КАК ДУМАЕШЬ?—Обязательно шагать.—М. Лобачев, Дорогой отцов). Сочетание местоименного наречия КАК с глаголом ЗВАТЬ образует предложение, выражающее вопрос об имени (—А КАК ЗОВУТ ВАШУ МАМУ?—Наталья Петровна Галаган. — Паустовский, Рождение моря). Особо следует указать на вопросительную конструкцию, в которой местоименное наречие КАК сочетается с глаголом НРАВИТЬСЯ. Если в предложении со сказуемым-глаголом НРАВИТЬСЯ подлежащим является существительное, тогда это предложение служит прямым вопросом без каких-либо эмоциональных оттенков (—НУ, КАК ТЕБЕ НРАВИТСЯ МОЕ НОВОЕ ПОМЕЩЕНИЕ, АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ? — спросил Проценко у Сабурова. —Симонов, Дни и ночи). Если же в

вопросительном предложении со сказуемым-глаголом НРАВИТЬСЯ подлежащим является местоимение ЭТО, не имеющее предметного значения, то такое предложение не столько является прямым вопросом к собеседнику, требующим обязательного ответа, сколько средством, помогающим говорящему выразить свое отношение к только что рассказанному и выяснить к тому же отношение слушателя. Вопросительное слово КАК в этих предложениях приобретает оттенок меры и степени (—А вот у немцев-то выдают по одному яйцу на человека два раза в месяц. КАК ЭТО ТЕБЕ НРАВИТСЯ? Он открыл большой рот и засмеялся. (А. Толстой, Хмурое утро).

Среди глагольных конструкций с местоименным наречием КАК особо следует отметить группу инфинитивных предложений. Их круг употребления шире, чем круг употребления вопросительных конструкций с глаголами изъявительного наклонения, так как инфинитивные предложения по своим модальным оттенкам богаче, чем конструкции с глаголом изъявительного наклонения. Инфинитивные предложения помимо прямых вопросов часто употребляются в функции вопроса размышления. Эти вопросы могут быть весьма разнообразными. Остановимся на конструкциях «КАК БЫТЬ?», «КАК ЗНАТЬ?», «КАК СКАЗАТЬ?».

Конструкция «КАК ЗНАТЬ?» в составе своем не может содержать других членов, кроме вопросительного слова КАК и инфинитива ЗНАТЬ, и употребляется всегда как вопрос размышления: «Может быть он (Парабукин,—**А. О.**) горевал, что ему уже не удастся переиначить свою жизнь... КАК ЗНАТЬ? Издалека его гривастое... лицо казалось даже красивым». (Федин, Первые радости).

Вопросительная конструкция «КАК БЫТЬ?», кроме вопросительного слова КАК и инфинитива БЫТЬ, очень часто содержит в своем составе наречие ТЕПЕРЬ, выполняющее функцию обстоятельства времени, и дательный падеж местоимения или существительного, который употребляется в роли дополнения. Данная конструкция также всегда содержит в себе оттенок размышления, даже если употребляется и в смысле прямого вопроса.

--КАК ЖЕ ТЕПЕРЬ НАМ БЫТЬ? — спросила Любава, —или вовсе отказаться от пшеницы, если земли наши неподходящие? (Николаева, Жатва). Синонимичной конструкцией с данной следует считать безглагольное предложение того же содержания:

— ТОВАРИЩИ, РОДНЫЕ, КАК ЖЕ МНЕ ТЕПЕРЬ? (А. Толстой, Хмурое утро).

Конструкция «КАК СКАЗАТЬ?», употребленная как вопрос размышления, может включать в свой состав дательный падеж местоимений, реже существительных.

—...А Днепр переплывете?

Черниговка растерянно посмотрела по сторонам:

— ДА КАК ВАМ СКАЗАТЬ? Плаваю я хорошо, наверное, переплыву... (Макаренко, Педагогическая поэма).

Данная конструкция может употребляться и как прямой вопрос. При этом она будет оформляться другой интонацией и свободнее может включать в свой состав дательный падеж местоимений третьего лица: «КАК ЕМУ (ЕЙ, ИМ) СКАЗАТЬ?» или дательный падеж существительного: «КАК СКАЗАТЬ БРАТУ?» Вопрос же размышления связан преимущественно со вторым лицом, так как часто входит в диалогическую речь (смотри выше приведенные примеры). Инфинитивные предложения могут употребляться в смысле утвердительных или отрицательных суждений. Употребление инфинитивных предложений в качестве прямых вопросов крайне редко, однако возможно:

— Вы меня узнали?

— КАК ЖЕ НЕ УЗНАТЬ ТАКОЙ ИЗВЕСТНОСТИ? (Федин, Первые радости).

«А что такое Собачьи Липки? КАК ТАКОЕ СЛОВО ПРИ СКРОМНОМ ЧЕЛОВЕКЕ ВЫГОВОРИТЬ?» (Федин, Первые радости).

— КАК К НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА ПРОЙТИ? — спросил Сабуров тихо. (Симонов, Дни и ночи).

Рассмотрим структуру вопросительных предложений, в которых местоименное наречие КАК выполняет функцию сказуемого.

Когда КАК бывает сказуемым, предложение безглагольно. По структуре эти предложения распадаются на следующие группы:

1. Предложения, включающие в свой состав вопросительное слово КАК, выполняющее роль сказуемого, и именительный падеж существительного или личного местоимения, которые являются подлежащим. Эти конструкции являются наиболее распространенными. Они могут обозначать вопрос о состоянии предмета, явления, лица, вопрос о фамилии, имени и отчестве, вопрос о ходе дела, о том, как быть с чем-либо. Такие конструкции могут состоять только из главных членов предложения и могут включать второстепенные члены предложения.

—...КАК НАСТРОЕНЬЕ?

— Настроенье-то мое, может, и неплохое... (Леонов, Русский лес).

Через неделю я спросил Екатерину Григорьевну:

— КАК МАРУСЯ?

— Ничего. Молчит и на вас очень сердита. (Макаренко. Педагогическая поэма).

КАК ФАМИЛИЯ?

—Власов. (Горький, Мать).

— А КАК ЖЕ ВЕЩИ?

— Я ничего не хочу отсюда брать. Вот только рояль перевезу к тебе, а остальное — пусть... (А. Толстой, Сестры).

2. Предложения с отсутствующим подлежащим и с дополнением в форме творительного падежа с предлогом; такие конструкции выражают вопрос об объекте.

— КАК С РАЗГРУЗКОЙ? — хмуро... спросил он.

—Закончена. (Симонов, Дни и ночи).

—А КАК У ВАС ТУТ С РАНЕНЫМИ? Вывозите? (Симонов, Дни и ночи).

3. Предложения, состоящие из предикативного вопросительного слова КАК и родительного падежа имени существительного с предлогом. Эта конструкция, как и предшествующая, выражает вопрос об объекте:

...Проценко, приоткрыв дверь, крикнул:

— КАК ТАМ НАСЧЕТ ЧАЯ? (Симонов, Дни и ночи).

— НО ТОЛЬКО КАК ЖЕ В ОТНОШЕНИИ МЕНЯ?

— Вызовут. (Федин, Первые радости).

4. Предложения, включающие в своей состав вопросительное слово КАК и предложный падеж имени существительного. Цель таких вопросов — выяснить обстановку. Предложный падеж существительного указывает место, обстановку или положение, которые интересуют спрашивающего:

— Ну, а КАК У ВАС В МТС? (Николаева, Жатва).

— ...КАК В КОЛОНИИ?

— Я и сама не знаю, как это объяснить. В колонии сейчас хорошо, человечно как-то. (Макаренко, Педагогическая поэма).

5. Предложения, состоящие из вопросительного слова КАК и местоименного наречия ТАМ. Иногда такие вопросы содержат слова, уточняющие местоименное наречие ТАМ. По значению своему они примыкают к четвертой группе безглагольных вопросов и употребляются в том случае, когда обоим собеседникам известен объект, о котором идет речь:

—Ну, КАК ТАМ? — спросил Проценко, прочитав приказ.

Когда Сабуров рассказал ему, что командный пункт армии помещается на старом месте, на лице Проценко мелькнула одобрительная улыбка. (Симонов, Дни и ночи).

—А КАК ЖЕ ТАМ, ЕЩЕ ЛЕВЕЙ? — спросил Сабуров. — Соединились? (Симонов, Дни и ночи).

6. Предложения, которые состоят из вопросительного слова КАК и наречия ПО-ВАШЕМУ (или ПО-ТВОЕМУ). Эти вопросы употребляются в тех случаях, когда хотят узнать мнение собеседника о высказываемом. Данная конструкция

близка по значению к глагольной конструкции «КАК ВЫ ДУМАЕТЕ?»

— План-то правильный, товарищ капитан? — спросил Конюков. — КАК ПО-ВАШЕМУ?

—Правильный, правильный, — сказал Сабуров... (Симонов, Дни и ночи).

Особо следует отметить группу вопросительных предложений с местоименным наречием КАК, которые, по сути дела, являются переспросами. Они употребляются в том случае, когда собеседник не понял какой-либо детали разговора. Такие предложения включают в свой состав слово из предшествующего предложения и всегда бывают эмоционально окрашены. Вопросительное слово КАК в подобных предложениях может сочетаться с любой знаменательной частью речи:

— Что это?

— Разрез парохода, — сказал Кирилл.

— КАК РАЗРЕЗ? — удивилась она (Аночка, — **А. О.**)... (Федин, Первые радости).

—...Вы здесь — другой человек...— Алексей захрипел, прочищая горло, потом спросил:

— ТО ЕСТЬ КАК—ДРУГОЙ? Тридцать лет был одним, теперь стал другой? (А. Толстой, Хмурое утро).

— О каких событиях?

— О сегодняшних.

— О каких?

— КАК О КАКИХ? — с некоторым недоумением и раздражением переспросил начальник штаба. —О том, что немцы к Волге вышли, о том что Ремизова отрезали. (Симонов, Дни и ночи).

— Товарищ, — крикнула Даша, — товарищ, а что случилось?

— КАК ЧТО СЛУЧИЛОСЬ? Взгляните на улицу... (А. Толстой, Хмурое утро).

— Бакланов, возьми-ка у него смит...

— КАК ВОЗЬМИ?.. Ты мне его давал?! — Морозка отскочил в сторону и расстегнул кобуру. (Фадеев, Разгром).

Среди предложений с обстоятельственным и предикативным КАК следует отметить фразеологические сочетания «А КАК ЖЕ?», «КАК ЭТО ТАК?», «КАК ЭТО ВОЗМОЖНО (МОЖНО)?» Фразеологическое сочетание «А КАК ЖЕ?» выражает подтверждение предполагавшегося утвердительного ответа в разговорном стиле речи. Сочетания «КАК ЭТО ТАК?», «КАК ЖЕ ТАК?» в соединении с членами предложения образуют вопросительную конструкцию, выражающую протест, несогласие с только что высказанным. Устойчивые конструкции «КАК ЭТО ВОЗМОЖНО?», «КАК МОЖНО?»,

«КАК ЭТО МОЖЕТ БЫТЬ?» выражают несогласие с оттенком возмущения.

— А тол взяли?

— А КАК ЖЕ, товарищ полковник? (Симонов, Дни и ночи).

— КАК ЭТО ТАК — не видно конца гражданской войне? Это Семен брешет! (А. Толстой, Хмурое утро).

—...Я переезжаю на край города, в Солдатскую слободку.

— Господи! ДА КАК ЖЕ ЭТО ВОЗМОЖНО? (Федин, Первые радости).

8. Вопросительные предложения с местоименным наречием КОГДА

Вопросительные предложения с местоименным наречием КОГДА содержат вопрос о времени действия или признака, выраженного сказуемым. Вопросительное слово КОГДА выполняет в таких предложениях роль обстоятельства времени. Как и все обстоятельства, оно относится к глаголу. Но если другие местоименные наречия (ГДЕ, ПОЧЕМУ) могли легко сочетаться не только с глаголом-сказуемым, но и с другими частями речи, выполняющими в предложении роль подлежащего или второстепенных членов предложения, то вопросительное слово КОГДА таким качеством не обладает. Оно может сочетаться только со сказуемым и в очень редких случаях с обстоятельством времени, выраженным наречием, абстрактным по значению. Таких наречий всего несколько: РАНЬШЕ, ДАВНО, СКОРО, НЕСКОРО.

— Послушайте, скажите, пожалуйста: скоро ли мы поедем?

— Скоро.

А КОГДА СКОРО?

— Как погрузим, так и поедем. (Катаев, Белеет парус одинокий).

Сказуемое в вопросительных предложениях с местоименным наречием КОГДА может быть простым, может быть сложным, а в неполных предложениях оно может совсем отсутствовать:

— КОГДА ПРИЕДЕТ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ?

— Завтра. (Шолохов, Тихий Дон).

— ...Я буду уезжать вечером и ночью возить раненых, как всегда, а с утра ухаживать за вами.

— КОГДА ЖЕ ТЫ БУДЕШЬ СПАТЬ? — улыбнулся Сабуров.

— Потом, когда вы выздоровеете. (Симонов, Дни и ночи).

— КОГДА У ТЕБЯ ПЕРВЫЙ ЭКЗАМЕН?

— Через два дня. (Федин, Первые радости).

Предложения с вопросительным словом КОГДА и личными глаголами в большинстве случаев употребляются как прямые вопросы. Они могут употребляться в качестве риторических, тогда они свой состав пополняют большим количеством второстепенных членов предложения:

КОГДА ОНА ВНОВЬ СТАНЕТ ПЕРЕД ЭТИМИ ОКНАМИ--ПОВЕРЕННЫМИ ВСЕХ ЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЙ, ВСЕХ ОЖИДАНИЙ? Или, может быть, сейчас... (Федин, Первые радости).

Возможны и инфинитивные предложения с вопросительным словом КОГДА:

— КОГДА МНЕ ИДТИ?

— Завтра утром. (Макаренко, Педагогическая поэма).

9. Вопросительные предложения с местоименным наречием ГДЕ

Вопросительные предложения с наречием ГДЕ заключают в себе вопрос о месте. Если собеседника интересует вопрос о месте, где совершалось, совершается или будет совершаться действие, получаем вопросительную конструкцию с глаголом изъявительного наклонения или инфинитивом. Если собеседника интересует вопрос о местонахождении какого-нибудь лица или предмета, получаем безглагольные конструкции. Рассмотрим каждый из этих типов.

Глагольные вопросительные предложения с местоименным наречием ГДЕ содержат вопрос о месте действия предмета. При этом следует отметить, что вопросительное слово ГДЕ легко и часто сочетается с глаголами прошедшего и настоящего времени. Что касается глаголов будущего времени, то в наших примерах не встретилось ни одного предложения, в котором вопросительное слово ГДЕ сочеталось бы с глаголом будущего времени, хотя такое сочетание представляется возможным.

— ГДЕ ВЫ БУДЕТЕ УЧИТЬСЯ, в Москве или в Ленинграде? Глагольные предложения с вопросительным словом ГДЕ могут включать в свой состав подлежащее, которое выражается именем существительным или чаще личным местоимением, обозначающим лицо, к которому обращен вопрос. В таком случае предмет мысли чаще всего бывает собеседнику неизвестен:

— А ГДЕ ПЕРЕДНИЙ КРАЙ ПРОХОДИТ ТЕПЕРЬ? (Симонов, Дни и ночи).

— ГДЕ ВЫ ИЗВОЛИЛИ БЫТЬ?

—Заезжали домой. (Шолохов, Тихий Дон). Если предмет собеседнику известен, то спрашивающий в своем вопросе употребляет вопросительное слово ГДЕ и глагол в изъяви-

тельном наклонении, к которому данный вопрос относится. В таком случае получаем неполные предложения. При этом часто в предложении отсутствует не только подлежащее, но и дополнение:

— Пушки выкатили? — спросил он.

— Да.

— ГДЕ ПОСТАВИЛИ? — спросил опять Сабуров.

— Одну здесь, прямо, а две по флангам. (Симонов, Дни и ночи). Среди глагольных предложений с местоименным наречием ГДЕ особо следует выделить инфинитивные предложения, которые также могут выражать вопрос о месте действия, однако в этом значении они употребляются редко. Чаще они употребляются при вопросах со значением утверждения или отрицания в тех случаях, когда нужно выразить невозможность совершения какого-либо действия, и содержат в себе яркий оттенок модальности.

НО ГДЕ ВЗЯТЬ ДЕНЕГ? Послать разве завтра же телеграмму своему издателю Юргенсону? Пусть достанет денег где хочет. (Паустовский, Повесть о лесах).

— Ну, как у вас тут с ранеными? Вывозите?

— ГДЕ ЖЕ ВЫВОЗИТЬ? Сало, — теми же словами, что и полковник, ответил Филипчук. (Симонов, Дни и ночи).

Именные вопросительные предложения являются более употребительными, чем предложения глагольные, и выражают вопрос о лице или предмете. Характерной особенностью именных предложений с местоименным наречием ГДЕ является отсутствие в их составе сказуемого. Однако отсутствие сказуемого не делает предложения неполным, так как предложения имеют значение бытия, а сказуемое с этим значением в настоящем времени не употребляется. Другой характерной особенностью рассматриваемых именных конструкций является обязательное наличие в их составе именительного падежа существительного или местоимения, что объясняется неспособностью вопросительного местоимения ГДЕ сочетаться с косвенными падежами имен существительных и местоимений. Вопросительное слово ГДЕ в именных конструкциях, так же как и в глагольных, употребляется в значении обстоятельства, а именительный падеж существительного или местоимения является подлежащим. В именную конструкцию с вопросительным словом ГДЕ, кроме вопросительного слова и подлежащего, могут входить другие члены предложения, так или иначе ограничивающие вопрос.

— ГДЕ ШАРАПОВ? — спросил Сабуров.

— С полковником. (Симонов, Дни и ночи).

— ГДЕ Я? — тихо спросил Мечик. (Фадеев, Разгром).

—... ДОКУМЕНТЫ ГДЕ?

— В сумке. (Шолохов, Тихий Дон).

В именных вопросительных предложениях, отражающих разговорный стиль речи, встречаются уточняющие члены предложения, которые относятся к вопросительному слову или к подлежащему:

— ...А ГДЕ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ, СПИТ? (А. Толстой, Сестры).

— Послушаешь комиссара, аж рука до клинка просится, — сказал Задуйвитер. — А на деле — село как село. ГДЕ ОНИ — ЭТИ ВРАГИ-ТО? (А. Толстой, Хмурое утро).

10. Вопросительные предложения с местоименным наречием КУДА

Конструкции с вопросительным словом КУДА выражают вопрос о направлении. Местоименное наречие КУДА выполняет в них роль обстоятельства места. В вопросительных предложениях с местоименным наречием КУДА можно наметить следующие типы:

1. Предложения, включающие глагол в предикативной форме. Такие предложения могут состоять только из вопросительного слова КУДА в обстоятельственном значении и личного глагола в роли сказуемого, но, кроме этих двух членов, они могут включать и личное местоимение, выполняющее функцию подлежащего. Так оформляются вопросы о безобъективном действии (—КУДА ВЫ ЕДЕТЕ?—К генералу Шкуро. — А. Толстой, Хмурое утро). Если действие связано с определенным объектом, то вопрос включает дополнение и приобретает значение местонахождения предмета (КУДА ТЫ ПОСТАВИЛ ЧАШКУ? КУДА ВЫ ПОЛОЖИТЕ КНИГИ?). При употреблении глагола в настоящем времени может появляться вопрос о постоянном действии (КУДА ОНИ КЛАДУТ ДРОВА? КУДА ТЫ ОБЫЧНО КЛАДЕШЬ КНИГИ?) или возникает оттенок причинного значения (КУДА ЖЕ ТЫ КЛАДЕШЬ КНИГИ?).

Курсы колхозных электриков кончил на «отлично», только что взялся за работу — и на тебе! КУДА ЖЕ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА СУЮТ? В захудалый колхоз, в бригадиры! (Николаева, Жатва).

2. Предложения с инфинитивом. Эти предложения обычно эмоционально окрашены и в смысле прямого вопроса употребляются редко. В большинстве случаев инфинитивные предложения или выражают вопрос размышления или содержат возражение:

— Лошадей! Вели закладывать.
— КУДА ЕХАТЬ-ТО?
—К губернатору. (Паустовский, Повесть о лесах).
— КУДА БЕЖАТЬ?

— А чорт его знает — на какие-нибудь острова. (А. Толстой, Хмурое утро).

— Тонкий ты, худенький! — воскликнула мать. — КУДА ТЕБЕ ДРАТЬСЯ?

— Буду! — тихо ответил Федя. (Горький, Мать).

3. Именной тип вопросительных предложений. Данные конструкции включают вопросительное слово КУДА и личное местоимение. Несмотря на отсутствие глагола, предложения данного типа следует считать полными потому, что безглагольные сочетания с местоименным наречием КУДА для современного русского языка стали типичными:

— ТЫ КУДА СЕЙЧАС? — спросил его Петренко.

— К Осадчему, — ответил Спивак. (Овечкин, С фронтовым приветом).

— МЫ КУДА? — равняясь, спросил Григорий.

—К Ольшанскому буераку, — густым басом отозвался пан. (Шолохов, Тихий Дон).

4. Возможен обстоятельственный тип вопросительных предложений, хотя в наших примерах его не встретилось. Такие предложения включают в свой состав вопросительное слово КУДА и обстоятельство времени, выраженное наречием ТЕПЕРЬ или ТОГДА:

— КУДА ТЕПЕРЬ?

— КУДА ТОГДА?

11. Вопросительные предложения с местоименным наречием ОТКУДА

Вопросительные предложения с местоименным наречием ОТКУДА заключают в себе вопрос об источнике действия или об источнике появления того или другого предмета. Такие конструкции могут быть глагольными и именными. И те и другие, кроме прямых вопросов, могут выражать эмоции говорящего.

В составе глагольных предложений присутствует глагол. В зависимости от лексического значения глагола вопрос может получать различные дополнительные оттенки в своем значении. Так глагольные конструкции с вопросительным словом ОТКУДА могут требовать указания на отправной пункт действия; сочетание вопросительного слова ОТКУДА с глаголом «УЗНАЛ», «ЗНАЕШЬ» выражают вопрос об источнике полученных сведений; сочетание с глаголом «ВЗЯЛСЯ» создает вопрос, выражающий удивление человека, пораженного какой-нибудь неожиданностью. Глагол «ВЗЯЛСЯ» в таких предложениях употребляется в переносном смысле.

— ОТКУДА ЕДЕШЬ?

— Из Екатеринослава в Гуляй-поле (А. Толстой, Хмурое утро).

—ОТКУДА ТЫ ЗНАЕШЬ? Кто тебе сказал? (Федин, Первые радости).

— Алешка, братишка, ты ли? ДА ОТКУДА ТЫ ТАКОЙ ВЗЯЛСЯ? (Николаева, Жатва).

Именные конструкции состоят из вопросительного слова ОТКУДА, имеющего в предложении обстоятельственное значение, и именительного падежа имени существительного. В именных конструкциях почти всегда имеется дополнение, выраженное родительным падежом личного местоимения. Это непосредственно связано с тем, что вопросительные предложения часто направлены на выяснение фактов, связанных с тем лицом, к которому обращена речь. Если вопросительное слово ОТКУДА сочетается с отвлеченным именем существительным со значением качества (мрачность, игривость, веселость и т. д.), получаем вопросы об источнике постоянного или временного качества, присущего определенному лицу:

— ОТКУДА У ТЕБЯ МРАЧНОСТЬ? Оттого, что ты потерял веру в окружающих тебя людей. (Николаева, Жатва).

12. Структура вопросительного предложения с местоименным наречием ПОЧЕМУ

Вопросительные предложения с местоименным наречием ПОЧЕМУ содержат вопрос о причине. В предложении это наречие является обстоятельством причины, относящимся к сказуемому. Однако такие предложения по своей структуре могут быть различными.

1. Глагольные предложения. Такие предложения заключают вопрос о причине действия. 2. Именные предложения. Они заключают вопрос о причине того или иного состояния, признака. Например:

— ПОЧЕМУ НЕ ЗАШЛИ К НАМ НА ДАЧУ? (Федин, Первые радости).

— Я все-таки, Катюша, не понимаю, — ты красивая, прелестная, добрая. Таких, как ты, я больше не знаю. Но ПОЧЕМУ ТЫ НЕСЧАСТЛИВА? Всегда у тебя грустные глаза. (А. Толстой, Сестры). Как глагольные, так и именные предложения могут распространяться иногда только за счет вопросительного слова, являющегося обстоятельством. Но зачастую предложение распространяется за счет других членов, ограничивающих действие указанием на различные обстоя-

тельства (места, времени) или уточняющих его указанием на дополнение, например:

— ПОЧЕМУ мы топчемся НА МЕСТЕ, а не идем В МАРИЕГАМН? — спросил он Щедрина, не открывая глаз. (Паустовский, Северная повесть).Самый характер диалогической речи, при котором вопросы зачастую сосредоточиваются на фактах, связанных с участниками разговора, определяет частое употребление в качестве подлежащего личных местоимений. Значительно реже в вопросительных предложениях диалогической речи встречается подлежащее, выраженное существительным или местоимением другого типа: это главным образом вопросы размышления, характерные для внутренней речи, а также риторические вопросы:

Даша про себя: «ПОЧЕМУ КАТЯ СКАЗАЛА—ПРОСТИ, ПРОСТИ?» (А. Толстой, Хмурое утро).

«Нет, ПОЧЕМУ ОН К ТЕБЕ В ХАТУ НЕ ПОШЕЛ — СВИНИНУ ЖРАТЬ? Христос по одним богатым, что ли, ходил? Потому он у этой Анки... сидит, что он — красный поп... (А. Толстой, Хмурое утро).

13. Вопросительные предложения с местоименным наречием ЗАЧЕМ

Местоименное наречие ЗАЧЕМ наиболее полно и точно выражает вопрос о цели. Среди вопросительных предложений с местоименным наречием ЗАЧЕМ следует выделить две группы: 1) предложения с глагольной формой и 2) предложения безглагольные.

Предложения с глагольной формой в составе своем обязательно содержат глагол-сказуемое, очень часто—подлежащее, выраженное личным местоимением, и почти всегда — второстепенные члены предложения.

— ЗАЧЕМ ОНИ ХОДЯТ В ГИРЛА?

— За рыбой. (Паустовский, Рождение моря).

— ЗАЧЕМ ЖЕ ШАЛИШЬ, ОГОРЧАЕШЬ ЕКАТЕРИНУ ДМИТРИЕВНУ?

— Приходится. (А. Толстой, Хмурое утро). Среди глагольных предложений с вопросительным словом ЗАЧЕМ в особую группу следует выделить предложения инфинитивные, которые могут состоять только из вопросительного слова и инфинитива, но могут включать в свой состав и другие второстепенные члены предложения, кроме обстоятельства цели. Вопросительные предложения с инфинитивом являются в тексте риторическими вопросами:

— Ты у него бываешь?

— ЗАЧЕМ МНЕ БЫВАТЬ? (Федин, Первые радости).

Безглагольные конструкции могут заключать в себе пря-

мой вопрос. Очень часто они бывают эмоционально окрашены, содержат возражение. Безглагольные вопросительные предложения, включающие обстоятельства места, выражают вопрос о цели прихода какого-нибудь лица или о его нахождении в определенном месте. Безглагольные вопросы с вопросительным словом ЗАЧЕМ, включающие в свой состав дополнение, выраженное дательным падежом личного местоимения или существительного, выражают вопрос о необходимости, о нужности или ненужности чего-либо. Например:

— ...Вадим, что ты здесь делаешь? ЗАЧЕМ ТЫ ЗДЕСЬ? Расскажи. (А. Толстой, Хмурое утро).

—Как же ты служить будешь без дьякона, без певчих?

— А МНЕ ЗАЧЕМ ЖЕ ОНИ? Один справлюсь — на разные голоса. (А. Толстой, Хмурое утро).

* * *

Рассмотрев различные структурные типы простых вопросительных предложений с местоименными словами, можно сделать следующие выводы:

1. В местоименных вопросительных предложениях встречаются все вопросительные местоименные слова, однако употребительность их в вопросах не одинакова.

2. Местоименные слова в вопросительных предложениях выполняют две основных функции: синтаксическую и смысловую. Синтаксическая функция местоименного слова, а также структурные типы вопросительных предложений зависят от изменяемости вопросительных слов и от их способности сочетаться с различными частями речи. Чем шире круг изменения местоименного слова, чем с большим количеством слов способно оно сочетаться, тем богаче его синтаксическая функция в предложении, тем разнообразнее структурные типы вопросов с таким местоименным словом. Поэтому для анализа вопросительных предложений представляется важным, с какою частью речи соотнесено местоименное слово: с существительным, прилагательным, числительным или наречием.

3. Синтаксическая и смысловая функция местоименных слов гораздо богаче и разнообразнее, чем это может показаться с первого взгляда. Так, вопросительные местоимения ЧТО и КАКОЙ, кроме своих обычных функций (ЧТО в предложении является подлежащим, дополнением, сказуемым; КАКОЙ—определением, сказуемым), могут сами по себе или в сочетании с другими словами выполнять в предложениях функцию обстоятельства, а местоименное наречие КАК может выполнять в предложении не только роль обстоятельства, но и сказуемого. То же разнообразие обнаруживается в смысловой стороне. Местоимение КАКОЙ, кроме вопроса о качестве предмета, может выражать вопрос и о сути предмета.

Местоимение ЧТО оформляет вопросы не только о предмете, но и о цели, и о причине действия. Местоименное наречие КАК, наряду с вопросом об образе действия, может выражать вопрос о состоянии, в котором находится лицо или предмет.

4. Вопросительные предложения с местоименными словами постоянно используются говорящим для выяснения любого неизвестного ему элемента мысли: субъекта, предиката, объекта и т. д. Помимо основной функции вопроса, которую вопросительные предложения выполняют в диалогической речи, эти предложения связаны и с другими функциями. Они могут передавать отрицательное суждение, служить одной из форм выражения внутренней речи, широко использоваться в качестве средства выражения различных экспрессивно-модальных значений. В качестве вопросов, не требующих ответа, употребляются все структурные типы вопросительных предложений. Однако следует отметить, что не все они одинаково свободно выступают в любой функции. Так, среди риторических вопросов встречаются главным образом глагольные конструкции, в частности инфинитивные, и реже—именные.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА
Том XII Выпуск 2

А. Э. СКРАББЕ
Заведующий кафедрой немецкого языка

ИЗ ИСТОРИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В г. СИМБИРСКЕ—УЛЬЯНОВСКЕ

(Историческая заметка)

История обучения любому учебному предмету весьма поучительна. Она отражает цели и задачи обучения в определенной стране и в определенную историческую эпоху и повествует о методах учебной работы, об их достоинствах и недостатках, обнаруживающихся в течение более или менее длительного исторического периода. Интересно и поучительно проследить связь обучения с потребностями общества или части общества и вскрыть причины смены различных форм обучения и различных типов школ. Значительный интерес в этом отношении представляет собой также история обучения иностранным языкам в нашей стране, так как она, при условии ее критического изучения, может помочь определить дальнейший путь обучения этому учебному предмету.

Как известно, в течение XVIII и XIX вв. обучение иностранным языкам охватывало лишь небольшую часть русской молодежи, а средства и формы этого обучения определялись небольшой частью русского общества — его господствующими классами. Царская школьная политика была рассчитана преимущественно на подготовку из среды дворянства и других имущих классов более или менее образованных чиновников высшего управления, а в «высших сферах» знание иностранных языков (в большинстве случаев — французского) было обязательным.

Во второй половине XVIII века мода обучать дворянских недорослей французскому языку охватила почти сплошь даже самые отдаленные от столиц, самые глухие «дворянские гнезда». Спрос на гувернанток и гувернеров, равно как и на «благородные пансионы» повсюду быстро возрастал. Любой природный француз считался пригодным для роли учителя. В связи с этой общей модой, частные пансионы, обучавшие

своих воспитанников и воспитанниц иностранным языкам, стали появляться также и в Симбирске. Так, в одном из рапортов Сенату от 1765 года упоминается, что в Симбирске открыта школа для обучения французскому и немецкому языкам, в которой обучаются до 30 человек «благородного юношества»[1].

Учредителями и содержателями этих частных школ были почти сплошь иностранные дельцы. В 1769 году в Симбирске пользовался известностью частный пансион французского офицера Лорансена; в 1799 году в Симбирске появляется такой же пансион иностранца Карла Адриани; в 1803 г. открыт пансион барона фон Гемден, в декабре 1804 г. открыт пансион эстляндского барона Карла фон Кноблох и т. д. Даже временное охлаждение к иноземным пансионам в 1812 году отнюдь не охладило их основателей: в 1815 году в Симбирске появляется благородный пансион некоей госпожи Марии Пото[2].

Дворянские пансионы продолжали и дальше существовать и процветать в течение всей первой половины XIX века и исчезли лишь с оскудением самого дворянства. Как и какими методами обучали языкам в этих своеобразных предприятиях, можно судить по воспоминаниям и мемуарам многих известных писателей и публицистов. В. Г. Короленко в «Истории моего современника» пишет:

«Языкам обучали очень оригинальным способом: с первого же дня поступления я узнал, что я должен говорить один день по-французски, другой — по-немецки. Я не знал ни того, ни другого языка, и как только заговорил по-польски на моей шее очутилась веревочка с привешенной к ней изрядной толщины дубовой линейкой...»[3].

Далее В. Г. Короленко рассказывает, что во время завтрака руководитель пансиона Рыхлинский спросил по-французски, у кого линейка, и когда виновный подошел к нему, он велел протянуть руку, и через секунду на ладони остался красный след от удара.

Это было в шестидесятых годах прошлого века. Но такой же метод обучения еще более понятен в начале XIX столетия. В подобных провинциальных доморощенных заведениях иностранные языки усваивались в лучшем случае лишь в виде повседневной легкой болтовни; для углубленного овладения иностранными языками требовалась, конечно, боль-

---

[1] Зерцалов. Краткий историко-географический очерк г. Симбирска, стр. 7.

[2] П. Мартынов. Город Симбирск за 250 лет, стр. 191.

[3] В. Г. Короленко. История моего современника. Кн. 1-я, ОГИЗ, М., 1948, стр. 77.

шая дополнительная работа языкового доучивания. Так, например, Н. М. Карамзин, учившийся сначала в симбирском пансионе Фовеля, овладел иностранными языками лишь впоследствии в Москве у профессора Шадена. Другому поэту эпохи сентиментализма, Ив. Ив. Дмитриеву, учившемуся в симбирском французском пансионе Манженя, пришлось впоследствии потратить немало усилий на восполнение своих познаний по французскому языку путем самообучения, чтобы читать французскую литературу. И. А. Гончаров учился сначала в пансионе священника Троицкого (за Волгой, в имении княгини Хованской), у жены которого, полунемки, полуфранцуженки, урожденной Лицман, он в течение двух лет (1820—1822) учился немецкому и французскому языкам. При поступлении в Московское коммерческое училище десятилетний Гончаров получил оценку: «читать и писать по-российски, немецки и французски умеет», но надо полагать, что эти умения он приобрел больше у образованного друга семьи Гончаровых Н. Н. Трегубова, чем в заволжском пансионе[1].

Воспитание русской молодежи в пансионах иностранцев, конечно, приносило большой вред национальному самосознанию воспитанников, что осознавалось даже в некоторых правительственных кругах. Так, министр народного просвещения граф Завадовский писал в одном из своих докладов: «Все почти пансионы в Империи содержатся иностранцами, которые весьма редко бывают с качествами, для звания сего потребными. Не зная нашего языка и гнушаясь оным, не имея привязанности к стране для них чужой, они юным россиянам внушают презрение к языку нашему»[2].

Как бы то ни было, значительная часть симбирского дворянства еще в XVIII веке неплохо владела иностранными языками, изучив их то дома, то в местных пансионах, то в столичных закрытых учебных заведениях. Богатые помещики Симбирской губернии: Анненковы, Баратаевы, Бестужевы, Бахметьевы, Ивашевы, Кротковы, Поливановы, Тургеневы, Языковы и многие другие были хорошо начитаны в французской просветительной, массонской и другой литературе и так или иначе знакомились с идеями Запада[3].

---

[1] М. Суперанский. Воспитание И. А. Гончарова, журн. «Русская школа» № 5 за 1912 г.

[2] См. Полное собрание законов, т. XXXI, ст. 24647.

[3] М. П. Баратаев был членом Французской Академии и большой приверженец массонства, написал труд «Нумизматические факты Грузинского царства».

Василий Петрович Ивашев, сын генерала П. Н. Ивашева, был членом Южного общества декабристов и скончался на каторге 43 лет от роду.

В восьмидесятых годах XVIII века встал вопрос о более широком образовании не только дворян, но и так называемого «среднего сословия». Правительство Екатерины II решило, по образцу западноевропейских стран, открыть школы нового, повышенного типа — главные народные училища. Большое участие в выработке устава и программы этих училищ принимал И. И. Бецкой (внебрачный сын князя И. Ю. Трубецкого), воспитанный в свои юные годы за границей и впоследствии находившийся под сильным влиянием идей французского Просвещения, чем отчасти и объясняется «бессословный» характер этих учебных заведений. В указе от 5 августа 1786 года было сказано, что «в каждом губернском городе быть одному главному народному училищу, состоящему из 4-х разрядов, или классов». Симбирск в то время еще не был полноправным губернским городом, но являлся административным центром Симбирского наместничества; тем не менее 22 сентября 1786 года в Симбирске было открыто главное народное училище. Первым его директором был назначен Т. [illegible] Масленицкий, известный составитель «Топографического описания Синбирского (т. е. Симбирского) наместничества». Для 4-х классов училища были назначены 4 учителя для обучения поступивших 53 учеников. Попечение о новом учебном заведении имел Симбирский приказ общественного призрения.

Комиссия [illegible] И. Бецкого, составившая программу главных народных училищ, стояла на точке зрения практической полезности изучаемых предметов. Так как в Западной Европе все государственные чиновники должны были владеть латинским языком, то Бецкой ввел в программу главных народных училищ в качестве обязательного предмета латинский язык. Кроме того, в программу был введен также один новый язык. Однако количество часов, отводимых на языки, было невелико: на латынь полагалось в первом классе 2 часа в неделю, во втором — 3 часа, в третьем — 4 часа и в четвертом — 3 часа в неделю. Новому языку, преимущественно немецкому, отводилось больше времени: в первом классе — 3 часа, во втором—6 часов, в третьем—тоже 6 часов и в четвертом—3 часа.

В уставе главных народных училищ имелись также методические указания. В § 2 мы читаем следующее: «Звоны (т. е. звуки. — **А. С.**), однако ударения и произношения в иностранных языках, отменные от российских, должен учитель с самого начала точно и ясно показывать». По грамматике изучаемого языка предлагалось, после усвоения достаточного количества слов «изъяснять части речи при самом же чтении». Предусматривались также грамматические упражнения, а именно: «...сочиняя имена существительные с прилагательны-

ми, заставлять учеников делать опыты, умеют ли прикладывать прилагательные к существительным». Что грамматика изучалась попутно с чтением, видно из следующего указания: «...учителям не должно читать грамматику сряду, подробно и нарочно ни же заставлять учеников твердить правила оной от слова до слова наизусть, но токмо показывать им места, где образцы и примеры в оной находятся».

Это методическое указание, написанное более чем 170 лет тому назад, кажется прямо отнесенным к нашему времени: ведь в наших школах до сих пор еще не изжито увлечение грамматикой, и учителя то здесь, то там заставляют учащихся «твердить правила оной от слова до слова наизусть».

Интересно обратить внимание также на указания по письменным переводам, задаваемым как в классе, так и на дом. В § 9 устава главных народных училищ мы читаем: «Если ученики помнят уже довольное количество слов, тогда приступить с ними к изустным и письменным переводам, сперва с иностранного языка на российский, а потом с российского на иностранный. К сему предлагают им на доске небольшие статьи об известных им из российских книг материях, тако же короткие письма и другие сочинения. Сии статьи заставлять их наперед списывать с доски в свои тетради и исследовать по вышесказанным правилам, а потом переводить изустно и наконец письменно в тетрадях. Учитель, прочитав из написанной на доске статьи один период, который полный смысл в себе имеет, велит потом читать письменный перевод и поправляет словесно, а ученики правят пером».

В этом документе ясно видна дидактическая рука опытного педагога Ф. И. Янковича-де-Мириево, участвовавшего в составлении программы и учебников для главных народных училищ. Он не требует, чтобы все обучение языкам было основано на переводе, а вводит его как дополнительное учебное средство в разумных размерах и в разумной последовательности. Современная методика иностранных языков могла бы сделать также и для себя некоторые выводы о применении в школе разумного перевода.

В методических указаниях комиссии дана довольно подробно также методика чтения на иностранном языке. Объяснительное чтение непосредственно связывается с упражнением развития живой речи на иностранном языке. Для чтения рекомендовалась переработанная книга Я. А. Коменского «Чувственный мир в картинах» (под названием «Зрелище вселенная»), картинки которой использовались для обучения устной речи.

Мы не знаем, как эти методические указания осуществлялись в Симбирском главном народном училище и с каким успехом шло преподавание. По-видимому, учащиеся были пло-

хо подготовлены к поступлению в училище, поэтому в 1800 г. при училище был открыт приготовительный класс. Училище помещалось в одном здании с дворянским домом собраний, но богатые помещики избегали определять своих детей в главное народное училище, где учились дети приказных и даже несколько крепостных. Но преподаватели, видимо, были неплохие: например, последний директор училища Захарий Лаврентьевич Острожский был хорошим знатоком иностранных языков и, по отзывам современников, прекрасным преподавателем латыни, а сам получил высшее образование в Германии, в университете Галле.[1]

В 1809 году Симбирское главное народное училище было преобразовано в мужскую гимназию. Вместо полагающихся по уставу 4-х классов было открыто только 3, и торжественное открытие состоялось 12 декабря 1809 года. Директор и учителя остались прежние, но, кроме того, прибавились еще новые. Для подготовки поступающих в гимназию также понадобились приготовительные классы, куда в 1810 году поступило 148 учащихся, а в трех классах самой гимназии было 38 учеников, в том числе бывшие ученики главного народного училища, которые потом доросли уже до четвертого класса.

По уставу четырехклассных гимназий 1804 г. в них преподавались языки латинский, немецкий и французский, причем на каждый из них было отведено: на латинский язык в первом классе — 6 часов, во втором — 6 часов, в третьем — 4 часа, а в последнем классе латыни уже не было. По немецкому и французскому языкам в каждом классе давалось по 4 часа в неделю. Таким образом, каждому преподавателю языков полагалось 16 часов в неделю, что составляло общую норму нагрузки. По новым языкам в первом классе обучались чтению и письму готическим шрифтом; читались предложения, содержащие в себе какое-нибудь грамматическое явление, на которое давалось правило. Во втором классе продолжали изучение грамматики и занимались переводами с немецкого и французского языков на русский. В третьем классе читали прозаические тексты и в качестве упражнений переводили с русского на иностранные языки, а в четвертом читали поэтические произведения и пытались даже писать небольшие сочинения на немецком и французском языках.

Появились также первые пособия по изучаемым языкам. Так, в 1807 г. вышла «Практическая немецкая грамматика», составленная преподавателем Шумахером, в 1815 году вышла в свет немецкая хрестоматия М. Г. Тиме и др. В этих учебниках

[1] О Симбирском главном народном училище см. очерки И. Я. Хрисофорова в «Симбирских Губернских Ведомостях», №№ 69, 74 и 78 за 1874 год.

отражена тогдашняя методика обучения языкам: в грамматических пособиях даются сначала грамматические правила, затем после каждого правила бессвязные предложения для перевода, по орфографии — свод правил о знаках препинания и написание различных титулов высокопоставленных лиц. Учащиеся выучивали правила и перевод предложений наизусть.

О преподавателях иностранных языков в первые годы существования Симбирской губернской мужской гимназии сохранилось очень мало сведений и неизвестно, с каким успехом велось преподавание. Но самый метод обучения уже говорит сам о своей несостоятельности. Преподаватели Симбирской гимназии придерживались грамматического метода потому, что этим методом преподавались в то время мертвые языки; и он был принят даже в Казанском университете, которому принадлежало право контрольных визитаций гимназического преподавания. Однако лучшие профессора Казанского университета понимали убожество грамматического изучения языков. Так, например, профессор Герман, приехавший вскоре после основания университета в Казань и ознакомившийся с преподаванием языков, писал: «Этот скучный и бесплодный метод не дает блага, не дает ни общих понятий, ни полного объема слов, ни определенного количества выражений, ни духа языка; этот метод создан больше для того, чтобы отвратить от языка, чем для того, чтобы возбуждать желание и усердие усвоить его».[1]

В начале тридцатых годов XIX века Симбирская гимназия стала семиклассной, так как уездные училища, дававшие раньше контингент учащихся для поступления в гимназию, были выделены из системы школ, подготовляющих учащихся к университету. По гимназическому уставу 1828 года в Симбирской гимназии наряду с латинским языком появляется также древнегреческий; гимназия становится классической. Латинскому языку отведено по всем классам вместе 26 часов, греческому 20 часов, а новым языкам 18 часов в неделю. Преподаватели древних языков носят название «старших», а преподавателям новых языков присвоено звание «младших» преподавателей. Это означало, что методом преподавания но-

---

[1] «Point de salut à cette méthode ennuyante et stérile, qui ne donne ni quantité de notions communes, ni multitude de mots, ni nombre de phrases, ni le génie de la langue; méthode mieux faite pour détester une langue qu'exciter le désir et l'ardeur de s'en rendre maitre». (Цитировано по книге Н. Булича «Из первых лет Казанского университета», ч. 1-я, изд. второе, СПб, 1904, стр. 77, сноска).

вых языков руководят «старшие» и целиком вводят во все обучение языкам грамматико-переводный метод.

Нет никакой необходимости изложить здесь программу классической гимназии николаевского времени. Для характеристики ее реакционного содержания достаточно сказать, что в III классе предлагалось читать на немецком языке отрывки из Ветхого и Нового Завета, для чего была даже издана специальная хрестоматия. «Час», т. е. урок, продолжался $1\frac{1}{2}$ часа; можно себе представить, какую скуку наводило на гимназистов такое преподавание языков. Дух М. Л. Магницкого давил гимназию.

В 1852 году в гимназический учебный план были внесены некоторые изменения, между прочим, урок был сокращен до $1\frac{1}{4}$ часа. Переводы и заучивание наизусть были главными видами работы по иностранным языкам. Для полного балла по иностранным языкам на экзамене ученик должен был написать перевод с русского языка на иностранный.

В течение первого десятилетия своего существования Симбирская гимназия была единственным учебным заведением города Симбирска, где учащихся обучали иностранным языкам. Потребности зажиточных классов в иностранных языках росли, и гимназия не могла их удовлетворить. Требовались, например, гувернантки для домашнего обучения детей, а их не было. Надо было подумать о женском образовании, и об этом первым начал думать дворянский предводитель Симбирской губернии кн. М. П. Баратаев, возложив заботу об этом на Симбирское общество христианского милосердия. 2 мая 1820 года на средства этого общества было открыто первое в Симбирске женское учебное заведение пансионного типа для девиц бедных дворян и мелких чиновников. На председательницу Общества милосердия В. А. Ивашеву было возложено руководство этим пансионом.

Образец такого женского пансиона был уже налицо: Петербургский Смольный институт благородных девиц, где большое значение придавалось практическому усвоению французского и немецкого языков, особенно в младших классах. Оба иностранных языка были поочередно разговорными языками девиц. Симбирский пансион — «дом трудолюбия», был, конечно, куда скромнее Смольного, но когда в сороковых годах XIX века Симбирскому «дому трудолюбия» были предоставлены права женских институтов 2-го разряда, то количество часов на новые иностранные языки было значительно увеличено, так что воспитанницы овладевали языками почти в такой же мере, как и в Смольном. Это так называемое Симбирское Елизаветинское женское училище имело на Покровской улице (ул. Льва Толстого) собственное

двухэтажное здание, и в нем обучались около 2—3 десятков воспитанниц.

Шестидесятые годы XIX века, годы больших общественных движений, оставили, конечно, свой след и в Симбирске. С одной стороны, огромные пожары с 13 по 21 августа 1864 года, уничтожившие все здания школ Симбирска, имели своим последствием ослабление в школах всего учебного процесса. Классы мужской гимназии были переведены в частный дом домовладельца Мейера (на Лисиной улице — теперь улица К. Либкнехта), и гимназисты чувствовали себя здесь вольнее, чем прежде в старом казенном здании. Шестидесятые и семидесятые годы XIX века были для гимназии периодом упадка преподавания языков, как об этом свидетельствуют годовые и экзаменационные отметки учащихся. Анекдотическое преподавание греческого языка директором гимназии И. В. Вишневским, который сам не знал преподаваемого им языка, а заставлял заучивать наизусть слово в слово греческую грамматику Кюнера, преподавание латинского языка М. И. Чугуновым, на уроках которого гимназисты занимались чем угодно, и никто не слушал преподавателя, — все это сильно подорвало интерес к изучению языков.

С другой стороны, революционное брожение перед крестьянской реформой и после нее, крестьянские восстания в Симбирской, Казанской и многих других окружающих губерниях, зверские расправы властей с крестьянами в Казанской губернии (в селе Бездне), революционные выступления студентов Казанского университета, польское народно-освободительное движение 1863 года, наконец, борьба прогрессивной части русского общества против школьной схоластики, за реформу гимназического образования,—все эти факты не могли не волновать наиболее вдумчивых юношей старших классов гимназии, среди которых тихо тлело недовольство сухой грамматической учебой и росло критическое отношение к существующему режиму. Вся окружающая обстановка направляла мысль передовой учащейся молодежи меньше всего на уроки, особенно на уроки по языкам, и способствовала, можно сказать, почти стихийному возникновению гимназических тайных кружков, участники которых занимались чтением революционной литературы, вместо того, чтобы учить вокабулы и грамматические правила иностранных языков.

Реформа гимназического учебного плана 1864 года не изменила обучение языкам к лучшему. Наоборот, число уроков по новым языкам в классических гимназиях с двумя древними языками было уменьшено. Симбирская гимназия оставалась классической, потому что она была по преимуществу дворянской, а дворянство стремилось сохранить после реформы свою роль в государственной службе, на которую да-

вал право лишь университет и единственное преддверие его —классическая гимназия.

После некоторого оживления в педагогическом мире шестидесятых годов в школах Российской империи наступила дикая реакция министров Д. А. Толстого и И. Д. Делянова. По уставу гимназий 1871 года, в связи с победой гимназического «классицизма», было резко усилено преподавание древних языков: в классических гимназиях на латинский язык отводилось 49 уроков в неделю, на греческий — 36 уроков. Из новых языков остался обязательным только один из них — немецкий или французский, по выбору родителей, при 19 уроках в неделю. Но гимназистам была предоставлена возможность изучать также и оба новых языка, хотя далеко не все учащиеся воспользовались этой возможностью.

Несмотря на большое количество учебного времени, отведенного на древние языки, преподавание их в Симбирской гимназии велось из рук вон плохо. Ученики их не усваивали, так что даже письменные экстемпоралии, выполняемые обычно при помощи шпаргалок и подстрочников, поражали своими ошибками учебное начальство Казанского учебного округа. В конце семидесятых годов директор гимназии И. В. Вишневский был смещен.

В период такого большого упадка успеваемости по языкам нельзя было ожидать блестящей успеваемости также и по новым языкам. Но здесь работали преподаватели, которые по крайней мере, знали свой предмет. Здесь надо сказать несколько слов о преподавателе немецкого языка гимназии Якове Михайловиче Штейнгауэре, учителе Александра и Владимира Ульяновых.

Я. М. Штейнгауэр перешел в Симбирск в 1865 году из Казанской гимназии. Он уже был опытным преподавателем немецкого языка, которым владел, как своим родным языком. Свою преподавательскую деятельность он начал, по-видимому, в 1853 году, но, возможно, что он преподавал немецкий язык еще где-то раньше. В Казани он написал свой собственный учебник немецкого языка «Руководство к преподаванию немецкого языка», но это было не методическое, а учебное пособие, составленное по весьма популярному тогда методу немецкого педагога И. Ф. Ана. Интересно отметить, что «Руководство» Штейнгауэра печаталось в Казани за счет автора, а он уехал, не расплатившись с типографией, так что уже после приезда в Симбирск с него взыскали за печатание 395 рублей 90 копеек серебром.

Штейнгауэр преподавал по своему учебнику до 1885 года, когда были введены новые учебники: немецкая грамматика Кайзера и хрестоматия немецкого языка Белицкого. Он

обычно не баловал гимназистов высокими отметками: преобладали «тройки», встречались и «единицы». Тексты задавались не особенно легкие, написанные тяжеловесным немецким языком XVIII века, заучивались наизусть басни Геллерта и другие стихотворения, поэтому ученики его недолюбливали. Анна Ильинична Елизарова называет Штейнгауэра в своих воспоминаниях «ископаемым» и рассказывает, что он настолько привык к гимназии, что даже во время летних каникул скучал дома и приходил в пустую гимназию пройтись по классам, побеседовать со сторожами»[1].

Надо все же отдать Штейнгауэру справедливость. Он был чиновником Министерства народного просвещения в чине статского советника, и, разумеется, от него нельзя было требовать того, что требовалось от учителя советской школы. В воспоминаниях ученика Михаила Крылова он назван «добрейшим», и сохранились сведения, что он накопившиеся в году «единицы» все же в конце четверти переделывал в «тройки». Действительно, в гимназии оставленных на второй год по немецкому языку почти не было. Среди других «ископаемых» преподавателей, кутил и картежников, считавших ниже своего достоинства «говорить со сторожами», Я. М. Штейнгауэр, видимо, отличался большой аккуратностью и требовательностью к себе самому.

В одном из отчетов директора гимназии Ф. М. Керенского, который вообще интересовался успеваемостью и работой преподавателя по иностранному языку и часто присутствовал на экзаменах по языкам, имеется о Штейнгауэре хороший отзыв: «... он ведет преподавание с испытанным умением и неослабным усердием. Особенно трудно, — писал директор, — было вести дело во II классе, где число обучающихся немецкому языку доходило в начале года до 60 человек. Только многоопытный Штейнгауэр смог побороть трудности и достигнуть как в этом классе, так и остальных, хороших результатов»[2].

В приведенном здесь отчете обращает на себя внимание факт перегруженности младших классов учащимися. В самом деле, как можно преподавать иностранный язык, если в классе больше 60 учащихся? В наше время мы говорим о делении классов в 40 человек на две группы по языкам немецкому и английскому и жалуемся на многолюдность классов. Что же в таком случае сказать об успеваемости по иностранному языку в классе в 60 человек!

---

[1] А. И. Ульянова-Елизарова, Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. 3-е изд. «Молодая Гвардия», М. и Л. 1931 г., стр. 44—45.

[2] Отчет директора Симбирской гимназии за 1885 г., Гос. архив Ульяновской области, фонд 101, л. 24.

Неплохой отзыв дал Ф. М. Керенский также о преподавании французского языка. Он писал в том же отчете: «Успехи учеников во французском языке с каждым годом улучшаются. Преподаватель Пор, благодаря хорошему знанию как французского, так и русского языков, а также вследствие постоянной аккуратности и усердия, в отчетном году значительно подвинул дело вперед»[1]. Директор здесь отмечает особо хорошее знание русского языка у А. И. Пора; среди большинства преподавателей того времени, ведущих иностранные языки, замечалось либо плохое знание изучаемого иностранного языка, либо плохое знание родного языка учащихся. Не случается ли это иногда еще и в советской школе? Всесторонняя квалификация преподавателей иностранных языков требует и в настоящее время пристального внимания.

Адольф Иванович Пор преподавал по весьма распространённому в то время учебнику В. С. Игнатовича «Концентрический учебник французского языка сравнительно с русским». Сравнительное изучение иностранного языка и родного языка в наших средних учебных заведениях было тогда и осталось до настоящего времени большой редкостью. Три части учебника Игнатовича служили учебным материалом для классов, начиная со II и по VI класс включительно. В двух старших классах делались переводы с русского языка на французский, причем переводы трудные: «Письма русского путешественника» Карамзина в седьмом классе и отрывки из «Истории государства Российского» Карамзина в восьмом классе. Надо отметить, что по одному только французскому языку обучались немногие ученики: в выпускном классе в 1886—1887 году—всего 5 человек, но, кроме того, еще 7 человек, изучавших оба новых языка (Адрианов А., Акаемов Н., Котельников А., Кузнецов М., Наумов А., Писарев А. и Ульянов В.). С группой в 12 гимназистов можно было, конечно, добиться хороших успехов. В группе по немецкому языку в год окончания гимназии Володей Ульяновым было 15 человек, изучавших один только немецкий язык, и те же 7 учащихся, изучавших оба новых языка, уже всего 22 человека. Отметки в выпускном классе довольно высокие—4 и 5 и одна «тройка» (у графа Вл. Толстого). Известно, что В. И. Ленин в эмиграции испытывал затруднения в понимании устной речи немцев, но хорошо понимал французскую устную речь.

Здесь надо сказать, что дореволюционная гимназия не

[1] О преподавателе А. И. Поре имеются также неблагоприятные отзывы, как о человеке и преподавателе. Как бы то ни было, Пор, получивший образование во Франции, знал французский язык хорошо. Директор Керенский, заинтересованный в подъеме авторитета гимназии, не рисковал бы держать плохого преподавателя.

заботилась о том, чтобы гимназисты овладевали устной речью на изучаемых языках. Требовалось умение «читать, переводить и понимать» тексты (как и у нас в недавнем прошлом). Так, например, Штейнгауэр задавал читать и переводить в средних классах по хрестоматии, а в старших переводились статьи из книги Грубе «Исторические очерки» (в 1886—1887 гг. «Ликург», «Солон» и др.). Ученики переводили сносно, но когда осенью 1887 года Володя Ульянов и Миша Кузнецов взялись за перевод Маркса, то дело не пошло.

Девочки Ульяновых обучались немецкому и французскому языкам в Симбирской Мариинской женской гимназии, преобразованной в декабре 1864 года из Елизаветинского женского училища. После пожара 1864 года Елизаветинское училище было превращено в пансион при женской гимназии, причем эта последняя заняла восстановленное здание пансиона (там же на углу Покровской и Большой Саратовской, там, где теперь школа № 3). Иностранные языки в Мариинской женской гимназии являлись чуть ли не главным предметом обучения и преподавались с установкой на разговорную речь. Ядром в классах гимназии были пансионерки, а за ними тянулись также и приходящие ученицы. Многие из них занимались дома у репетиторов. Так, Анна, Мария и Ольга Ульяновы, так же как и мальчики, получали помощь по языкам у матери, которая знала немецкий язык, как родной (в семье врача Бланка) и хорошо владела французским языком. Но и в самой женской гимназии изучение языков было поставлено хорошо.

Новые иностранные языки преподавались также в Симбирской военной гимназии, открытой в 1873 году и преобразованной по положению от 14 февраля 1886 г. в кадетский корпус. Здесь также был пансион, где интерны овладевали немецким и французским языками путем практического разговора на иностранных языках.

Наше изложение об обучении иностранным языком в Симбирске ограничено узкими рамками, которые не позволяют изложить огромный исторический материал по этому вопросу, относящийся к XX веку, в особенности к советскому периоду обучения иностранным языкам. Здесь может быть дано только краткое перечисление некоторых самых характерных фактов обучения языкам. В 1900 году было открыто Симбирское коммерческое училище, где обучение новым языкам осуществлялось в значительной степени по натуральному («прямому») методу. Количество часов в нем составляло в 1914 году по немецкому языку 30 часов в неделю по всем классам вместе, а по французскому — 27 часов. При таком бюджете учебного времени можно было, конечно, овладеть

иностранными языками для практической торгово-промышленной деятельности.

Появились в Симбирске также средние учебные заведения, учрежденные по частной инициативе. В 1911 г. начало работать частное реальное училище Н. В. Скороходова, затем в 1912 году — женская гимназия В. В. Кашкадамовой. Другая женская гимназия, учрежденная Н. Т. Якубович, была открыта еще в 1898 году. В 1911 г. открылась еще 2-я Симбирская мужская (дворянская) гимназия. К началу войны 1914 г. преподавателей иностранных языков, достаточно квалифицированных и методически опытных, уже не хватало, тем более, что женский педагогический персонал не имел прав штатных преподавателей государственной службы. Между тем, по французскому языку как раз и было больше всего квалифицированных преподавателей-женщин: бывшие воспитанницы Елизаветинского пансиона и Казанского пансиона благородных девиц, которые заканчивали свое образование в Париже. Все чаще и чаще назначаются на работу преподаватели иностранных языков по совместительству или преподаватели «допущенные», опять же из природных немцев и французов, не имеющие ни лингвистической, ни педагогической подготовки, а знающие лишь свой родной язык. Так, в различных средних школах Симбирска преподавали пастор А. Е. Лейст, А. Э. Ланге, Г. Х. Швальм, Ф. А. Штраух, В. В. Берштеккер и др. Интересно отметить, что для преподавания немецкого языка в Симбирском коммерческом училище был выписан из Риги окончивший Рижский политехнический институт инженер-экономист Карл Эмильевич Мюллер, который, конечно, не имел никакой педагогической квалификации. Эти преподаватели обучали иностранным языкам без всякой методики, не имея никакого представления о том, какие горячие споры и колебания в методических вопросах вызвал модный в начале нашего века натуральный метод и какие недостатки имел грамматико-переводный метод обучения языкам. Никаких методических совещаний, никакого общего обсуждения методических вопросов до самого 1917 года не было; каждый преподавал по своему крайнему разумению.

Великая Октябрьская социалистическая революция в корне изменила всю систему народного образования и, следовательно, также и преподавание иностранных языков. Реорганизация обучения началась в 1918 году и продолжалась в последующие годы. Но эти первые годы Великого Октября, когда гражданская война бушевала на самых подступах к Симбирску, не могли быть благоприятными для обучения молодого советского поколения такому трудному предмету, как иностранные языки. В школу теперь поступали учащиеся, никогда не изучавшие иностранных языков. Присоединяя их

к наличному составу учащихся, которые уже изучали языки в гимназиях, реальном и коммерческом училищах, надо было вести добавочные занятия. Приходилось снова и снова начинать работу сначала. Старые методы, старые программы, старые учебники были отвергнуты, а новых еще не было. Губернский отдел народного образования не мог оказывать по иностранным языкам никакой помощи, потому что квалифицированных инструкторов и инспекторов не было, чтобы проверить, как идет обучение. Языки изучались теперь в группах школ II ступени, хотя были попытки ввести их также в группы первой ступени. Но школьные коллективы работали над вопросами обучения настойчиво и уже не изолированно друг от друга, а решали многие неясные проблемы общими усилиями.

В 1932 году открылся Ульяновский государственный педагогический институт. Старый Симбирск отжил свой век, новый Ульяновск стал городом всенародной грамотности. Тяжелые годы Великой Отечественной войны не приостановили ни на миг движение обучения по новому советскому пути. С советским составом школьных коллективов исчезли навсегда «чиновники от просвещения». В Ульяновском педагогическом институте все студенты изучали один иностранный язык, а в 1946 году начал работать факультет иностранных языков, подготовляющий новые преподавательские кадры по немецкому, английскому и французскому языкам. Кафедры иностранных языков стали принимать больше участия в разработке актуальных методических вопросов.

Историю обучения иностранным языкам в послевоенные годы еще рано писать. Новая система школ и новые потребности советского народа в иностранных языках составляют новый этап школьного обучения языкам. Наша советская молодежь все больше и более начинает сознавать необходимость иностранных языков в деле строительства коммунистического общества, и мы приближаемся теперь к периоду всенародного овладения иностранными языками.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

Том XII Выпуск 2

Н. И. НЕФЕДОВ

Профессор

ВЛИЯНИЕ БЕЗОТВАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАБОТКИ ПОЧВЫ НА ОТНОСИТЕЛЬНУЮ ЧИСЛЕННОСТЬ ГЛАВНЕЙШИХ ВРЕДИТЕЛЕЙ ЯРОВОЙ ПШЕНИЦЫ В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В условиях Ульяновской области безотвальная система обработки почвы находится в стадии экспериментальной проверки. С каждым годом все возрастают и возрастают опытные площади, не только в малых, но и в больших размерах. Особый интерес со стороны производственников к этой системе понятен, если учесть, что правильно проводимая безотвальная система обработки способствует улучшению структуры почвы, накоплению влаги, уничтожению сорняков, повышению ее плодородия и урожая при меньшей затрате сил и средств. Мальцев (1955) писал, что новой «системой предусматривается необходимость вспашки паров плугами безотвалов на глубину 40—50 и более сантиметров, а затем в течение трех или четырех лет посев зерновых и других однолетних культур (бобовых, масличных) по лущеной стерни без вспашки». Однако эта новая система обработки почвы может привести к положительным результатам только при условии ее умелого проведения и своевременного учета всех привходящих обстоятельств, особенностей климата и прочих природных условий местного края. Анализ результатов опытного проведения безотвальной системы обработки почвы в ряде колхозов области показывает, что проведение ее не всегда приводит к желательным результатам. Из статей, публикуемых в «Ульяновской правде», видно, что к недостаткам опытной проверки этой новой системы в некоторых колхозах области относятся: а) несоблюдение сроков проведения необходимых агромероприятий, б) сильная засоренность полей и ряд других. К этому мы присоединяем отсутствие наблюдений за численностью главнейших вредителей сельскохозяйственных культур. А между тем известно, что низкая урожайность яровой пшеницы в Кустанайской области (Сев. Казахстан) в

1957 году на целинных землях явилась следствием широкого распространения и вредной деятельности, по-видимому, зерновой совки (по словам И. Д. Орлова). Массовая вспышка этого серьезного вредителя обусловлена шаблонным применением безотвальной системы обработки почвы в условиях Северного Казахстана. При испытаниях новой системы обработки почвы в колхозах Ульяновской области внимания к вредителям зерновых культур не уделяется, о чем можно судить по статьям, публикуемым в местной печати. А между тем вопрос о том, как влияет новая система обработки почвы на численную сторону вредителей зерновых культур, является важным вопросом не только с теоретической, но и с практической стороны. Современные знания по биоэкологии вредителей полевых культур настолько обширны, что уже сейчас, без постановки специальных энтомологических исследований, возможна постановка прогнозов в отношении поведения многих вредителей зерновых культур при введении новой системы обработки почвы. Это как раз и делается многими советскими энтомологами (Гиляров, 1955; Щеголев, 1955). Однако тонкости проведения безотвальной системы обработки почвы в различных природных условиях и разных географических зонах приводят к созданию таких условий, которые нарушают сложившийся характер взаимоотношений между абиотическими и биотическими, полезными и вредными элементами биоценоза культурных полей и при новых сочетаниях микроклиматических факторов, приводят к изменению роли отдельных видов в составе того или иного биоценоза. Это обстоятельство диктует необходимость постановки энтомологических исследований в полевых условиях в сравнительном аспекте. В связи с этим, мы разделяем точку зрения Гилярова (1955): «Долг зоологов, работающих по вопросам, связанным с защитой растений, — дать прогноз тех изменений численности вредных насекомых и других вредителей и повреждаемости ими возделываемых растений, которые могут произойти в результате применения новой системы обработки почвы».

В настоящее время новая система обработки почвы изучается в производственных условиях многих областей, краев и республик Советского Союза. Изучается она и в Ульяновской области. С каждым годом по области увеличивается площадь земель, обрабатываемых по методу Мальцева. Так, осенью 1954 года в колхозах области была проведена глубокая безотвальная вспашка на площади 5000 гектаров, в 1955 году—34200 гектаров. Положительное значение этой новой системы видно на примере опытной работы некоторых колхозов области уже в 1955 году. В одном из колхозов Мелекесского района на площади в 63 гектара яровой пшеницы по

глубокой безотвальной вспашке получен урожай по 10,5 центнера с гектара, в то время как на контрольном поле (с обычной вспашкой на зябь) всего лишь по 8 центнеров с гектара. В колхозе «Память Ильича», Чердаклинского района, разница в урожае по опыту и контролю определилась в 3,6 центнера с гектара. В колхозе имени Репинского, Вешкаймского района, данные урожайности соответственно выразились в 15,1 и 13,2 центнера с гектара. Подобные результаты были получены в ряде других колхозов Ишеевского, Карсунского, Радищевского и других районов области.

Однако в некоторых колхозах области, в результате несоблюдения элементарных правил агротехники возделывания хлебных злаков, проводимые опыты не дали положительных результатов. Так, например, в колхозе имени Ленина, Николаевского района, яровая пшеница высевалась на 5 дней позже в сравнении с контролем. Естественно, что ожидать от такого опыта положительных результатов было нельзя.

Председатель колхоза «Победа», Барышского района, М. Бирюков (1956) пишет, что два года тому назад из 140 га черного пара, отведенного под озимую пшеницу, 12 га в октябре месяце вспахано безотвальными плугами на глубину 40 см; в течение лета 1955 года поле не занималось, трижды подвергалось культивации; осенью был произведен посев семян озимой пшеницы сорта «Ульяновка» (селекции Ново-Уренской опытной станции); посев сопровождался внесением в почву 80 кг гранулированного суперфосфата. Далее автор указывает на хорошие всходы и перезимовку, однако «лето нынешнего года (1956 г.—**Н.**) выдалось засушливым. Это резко сказалось на урожайности зерновых культур, особенно озимой пшеницы. И все-таки пшеница, посеянная на участке, обработанном по методу Т. С. Мальцева, дала по 12 центнеров с гектара, в то время как урожай озимой пшеницы на полях, где производилась обыкновенная вспашка, составил всего 8 центнеров с гектара. Прибавка урожая в 4 центнера произошла потому, что при безотвальной вспашке пара был лучше водный и микробиологический режим почвы, меньше было сорняков». В связи с этим, осенью 1956 года полевой клин с безотвальной вспашкой под озимую пшеницу был доведен до 100 гектаров из 196.

В колхозе «Канаш», Ново-Малыклинского района, в 1955 году на площади в 25 гектаров при безотвальной вспашке получен урожай яровой пшеницы в 12 центнеров с гектара, а на контрольном поле — только 10 центнеров. В колхозе «Маяк революции», Сурского района, с площади в 20 гектаров соответственно был получен урожай по 17 и 14,5 центнера с гектара. Потушанский (1956) говорит, что «в этих колхозах безотвальная пахота зяби проводилась на полях, очищен-

ных от сорняков. Там же, где опыты велись на засоренных полях, прибавки в урожае не было, как, например, в колхозах имени Ворошилова, «Гигант», «Новая жизнь», Богдашкинского района, в ряде колхозов Ишеевского района и других. Однако в 1956 году в том же колхозе Ишеевского района по безотвальному пару был получен урожай озимой ржи 17,5 центнера в сравнении с урожаем по контрольному полю в 13,5 центнера с гектара.

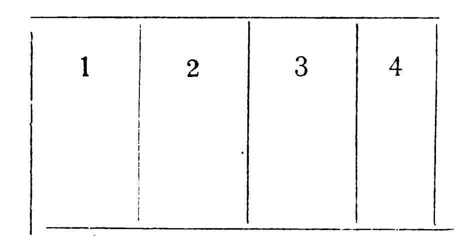
На Ново-Уренской селекционной станции в 1955 году «после озимых по обычному пару сеялись по лущению яровая пшеница и вика с овсом. **Урожай пшеницы был одинаковым, как и при обычной вспашке — по 18 центнеров с гектара** (подчеркнуто нами—**Н.**). Урожай же вико-овсяной смеси получен на 3,3 центнера больше», В 1956 году результаты этих опытов оказались еще выше. Урожай вики с овсом на поле с безотвальной вспашкой определился в 25 центнеров, а при отвальной вспашке на глубину 25—27 см только 19 центнеров с гектара.

Таким образом, в большинстве случаев глубокая безотвальная вспашка дает лучшие результаты по урожайности в сравнении с обычной обработкой почвы. Тем не менее, из общего правила имеются и исключения, причины которых различны. Как в работах Т. С. Мальцева, так и в опытных проверках новой системы обработки почвы в разных географических пунктах Советского Союза отсутствует оценка ее со стороны поражаемости и повреждаемости сельскохозяйственных культур вредными насекомыми. А между тем, как было показано выше, это очень важно, т. к. в ряде случаев, даже при отличном росте и развитии культуры, при массовом распространении вредителей, урожай может быть сведен к нулю. Конечно, знание биоэкологии вредителей в какой-то мере позволяет ставить прогнозы, как это и делают Гиляров (1955) и Щеголев (1955) , однако эти прогнозы по отношению к отдельным видам не всегда могут оказаться правильными. Вот почему и всплывает необходимость постановки специальных исследований по влиянию новой системы обработки почвы на количественную сторону главнейших вредителей сельскохозяйственных культур.

Организованная нами работа в этом направлении проводилась на опытных полях Ново-Уренской селекционной станции, Ульяновской области, в весенне-летний период 1957 года с мягкой яровой пшеницей Артемовка. Посев был произведен 3 мая 1957 г. из расчета 180 кг на гектар. Предшественником яровой пшеницы была пропашная культура — подсолнечник. Однако следует оговориться, что в постановке опытов по проверке новой системы обработки почвы были допущены существенные упущения, что объясняется хозяйствен-

ными затруднениями станции в осенний период 1956 года. Эти затруднения привели к тому, что после уборки подсолнечника, как предшественника яровой пшеницы, не были проведены работы по уборке стеблей и по подготовке почвы в соответствии с намечаемыми опытами одного из севооборотов. Все эти работы были перенесены на весну 1957 года. Ранней весной, в целях удаления стеблей подсолнечника, было проведено боронование, а вслед за этим — дискование всего поля. И лишь после разбивки делянок, последние подверглись дальнейшей обработке в соответствии уже с новым планом, а именно: проведена весновспашка на глубину 18—20 см по отвальной (вариант 5/1) и безотвальной (вариант 3/1) и глубокой обработке и дискование по отвальной (вариант 6/1) и безотвальной (4/1) глубокой обработке почвы.

План распределения опытных делянок

1. Дискование по отвальной обработке почвы.
2. Весновспашка по отвальной обработке почвы.
3. Дискование по безотвальной обработке почвы.
4. Весновспашка по безотвальной обработке почвы.

Как известно, размещение яровых культур по весновспашке считается в сельскохозяйственном производстве недопустимым явлением. Однако с создавшимся фактом приходится мириться. С другой стороны, вольное или невольное оставление стеблей подсолнечника под зиму, способствовало снегозадержанию и большему накоплению влаги по вариантам опыта. Так, проф. Шубин В. Ф. (1956) указывает, что в совхозе «Орошаемый», Сталинградской области, — «весной в метровом слое на участках зяби имелось 2186, а на кукурузище — 2243 куб. метра воды на гектар». Следовательно, упущение со своевременным лущением и зяблевой вспашкой осенью 1956 года в какой-то мере оправдывается. Однако это упущение привело к сильной засоренности опытных делянок, тем более, что на протяжении всей вегетации яровой пшеницы прополка не проводилась. Ниже приводим данные научного сотрудника станции Потушанского В. А. по засоренности вариантов опыта, среднему числу стеблей пшеницы на один кв. м и урожаю зерна на га (см. стр. 360).

Из данных таблицы вывести какие-либо определенные закономерности не представляется возможным. Так, по варианту опыта с дискованием по безотвальной обработке и при минимальной засоренности получен максимальный урожай, в то

	Вариант	Засоренность	Стеблестой	Урожай
Отвальн.	6/1	64+29=93	263	9,5 ц
Дискование по				
Безотвальн.	4/1	63+50=113	?	10,1 ц
Отвальн.	5/1	11+21=32	266	9,2 ц
Весновспашка				
по Безотвальн.	3/1	70+23=93	302	8,6 ц

Примечание: 1. В графе «засоренность» первая цифра означает растения многолетние, вторая — однолетние.

время как при весновспашке при отвальной обработке почвы и при наименьшей засоренности получен урожай значительно ниже. Возможно, что отсутствие четкой взаимосвязи между размерами урожая, степенью засоренности и густотой стеблестоя объясняется тем нарушением правил агротехники, о котором говорилось выше. Единственный напрашивающийся вывод сводится к тому, что размеры урожая по вариантам опыта с дискованием как по отвальной, так и по безотвальной обработке почвы значительно выше, чем по весновспашке.

При сборе основных вредных насековых яровой пшеницы мы исходили из метода кошения количественным энтомологическим сачком с рабочей единицей в 200 ударов и с соблюдением рекомендуемых правил кошения (Баскина и Фридман, 1928; Зубарева, 1930). Этот метод дает относительные, но сравнимые данные, что вполне приемлимо для энтомологических исследований подобного типа. О положительных и отрицательных сторонах метода кошения энтомологическим сачком говорит Бируля (1957), однако эти две стороны характерны и для биоценометрического метода, на что неоднократно указывалось в литературе и, в частности, в наших работах (1948, 1956).

Всего было сделано 20 укосов (по 5 на каждом варианте опыта); а) в начальную фазу выхода в трубку, б) в начале фазы колошения, в) в конце фазы цветения, г) в фазу частичной молочной спелости и д) в фазу полной молочной спелости. Пробы брались между двенадцатью и часом дня, что соответствует наибольшей активности вредных насекомых.

Приводим список главнейших вредителей яровой пшеницы, обнаруженных во взятых пробах:

1. Пшеничный трипс (имаго и личинки) — Haplothrips tritici Kurd
2. Меромиза — Meromyza saltatrix L.
3. Шведская мушка — Oscinosoma frit L
4. Земляные блошки — Halticinae
5. Цикадки — Auchenurhyncha

6. Стеблевой хлебный пилильщик — Cephus pygmaeus L
7. Яровая муха — Phorbia genitalis Schnb
8. Злаковые тли —
9. Зеленоглазка — Chlorops pumilionis Bjerk

В отношении каждого вида приводим диаграмму, в которой показывается количественная сторона вредителя по каждому варианту опыта. Максимальная численность вредителя по тому или иному варианту принимается за 100 проц., а для остальных вариантов процент вычислялся обычным способом. В диаграммах отражены суммарные количественные данные по каждому вредителю и по всем фазам развития яровой пшеницы (от начала выхода в трубку и до полной молочной спелости включительно), однако в дальнейшем учитывается численность его с учетом и фаз в развитии пшеницы.

При рассмотрении показателей относительной численности вредителей яровой пшеницы по разным вариантам опыта следует иметь в виду, что безотвальная глубокая обработка почвы может оказывать на вредителя прямое или косвенное влияние. О косвенном влиянии говорим в том случае, когда новая система обработки почвы ведет к созданию условий, при которых вредитель получает ограничение или, наоборот, более широкое распространение с количественной стороны. В первом случае, исходя из практических соображений, говорим о положительном — полезном значении новой системы, т. к. она ведет к ограничению численности вредителя, во-втором — об отрицательной ее роли, т. к. в этом случае она способствует не только сохранению, но и массовому размножению вредителя. Понятно, что при оценки новой системы обработки почвы следует иметь в виду стацию и место зимовки, того или иного вредителя. Если посев яровой пшеницы для вредителя является стацией питания и размножения (но не зимовки!), то новая система обработки почвы через создаваемые условия в биоценозе пшеничного поля будет оказывать на вредителя косвенное отрицательное или положительное влияние. Если же поле, предназначенное для возделывания яровой пшеницы, является и местом зимовки вредителя на той или иной стадии его развития, то новая система обработки почвы будет оказывать прямое отрицательное или положительное влияние на выживаемость зимующей стадии вредителя и обусловит возможности к более широкому распространению или к ограничению его численности.

Как уже говорилось выше, новая система обработки почвы: а) способствует созданию зернистой структуры почвы, т. к. в анаэробных условиях неразрушаемых глубинных слоев почвы лучше идут процессы гумусообразования, б) способствует лучшему накоплению и сохранению влаги в почве,

в) обеспечивает уничтожение сорняков, г) благоприятствует постепенному перемешиванию частиц поверхностных и глубинных слоев почвы, д) обогащает поверхностные рыхлые слои пахотного горизонта почвы минеральными веществами, т. к. в аэробных условиях быстрее идет процесс минерализации органических остатков растительных и животных организмов, е) обеспечивает получение более высокого и устойчивого урожая на протяжении ряда лет и при меньшей затрате сил и средств (Мальцев, 1956; Шубин, 1956). Все это вместе взятое необходимо учитывать при оценке новой системы обработки почвы с энтомологической точки зрения. Знание этого вопроса (влияния новой системы обработки почвы на вредителей) работниками сельскохозяйственного производства в условиях Ульяновской области в какой-то мере предотвратит шаблонность в применении и оценке безотвальной системы обработки почвы. Многовековая практика сельского хозяйства показала значение в борьбе со многими вредителями сельскохозяйственных культур таких агромероприятий, как-то лущение стерни, зяблевой вспашки и многих других. В свете новой системы обработки почвы эти агромероприятия, как и сама старая система в целом, подлежит пересмотру, в частности, и с энтомологической стороны.

Выше указывалось на то, что осенью 1956 года на вариантах опыта станции не были проведены агромероприятия по подготовке почвы под яровую пшеницу и что вся эта работа была перенесена на весну 1957 года. Это в какой-то мере оправдывается тем, что предшественником яровой пшеницы была пропашная культура—подсолнечник. В связи с этим, проф. Шубин (1956) указывает на то, что «Пропашные растения оказывают большое окультуривающее влияние на почву. Под эти культуры, как правило, применяются более глубокая пахота зяби и тщательная предпосевная подготовка почвы. В течение вегетационного периода дается несколько перекрестных обработок, чему способствует квадратно-гнездовой посев. Поля хорошо очищаются от сорняков, имеют рыхлую поверхность.

При таком состоянии почвы нет необходимости в проведении глубокой отвальной или безотвальной вспашки под следующую культуру. Вполне можно ограничиться только осенним или весенним лущением.

Очень важно также сохранить стебли высокостебельных пропашных растений в зиму для снегозадержания». (Подчеркнуто нами.—**Н.**).

Таким образом, в вольных или невольных упущениях по осенней подготовке почвы под яровую пшеницу может быть большой беды и нет. Минусы этого упущения компенсируются плюсами, о которых говорилось сейчас.

Переходим к рассмотрению вопроса о влиянии новой системы обработки почвы на численную сторону отдельных вредителей яровой пшеницы.

1. Пшеничный трипс

В условиях Ульяновской области, относимой в природном отношении к лесостепной зоне, пшеничный трипс имеет широкое распространение. Малые размеры взрослых трипсов и их личинок не привлекают к себе внимания со стороны производственников. А между тем, при массовом появлении личинок пшеничного трипса, особенно в фазу молочной спелости озимой и яровой пшеницы, при их дружной сосущей деятельности зерно становится щуплым и неполноценным. По некоторым сортам пшеницы снижение урожая зерна может достигать 18 проц. (Нефедов, 1950, 1955).

Зимующей стадией пшеничного трипса является личинка. О месте зимовки личинок существуют разные точки зрения Курдюмов (1912) считает, что главным местом концентрации личинок в зимний период является стерня и лишь в малой степени верхние слои почвы. Гриванов (1939) утверждает, что «большая часть личинок... находилась в почве на глубине 10—12 см». Нашими исследованиями (1955) показана приуроченность зимующих личинок к области прикорневой шейки стеблей стерни. «Приуроченность к этой области стерни личинок, очевидно, связана с продолжающимся питанием за счет соков отмирающих остатков растений в осенний период. Интересно, что в земле окружающей прикорневую шейку и корневую систему, как правило, личинки отсутствовали... Весьма важно отметить отсутствие личинок в почвенных пробах с глубины в 20—30 см под стерней».

В связи с этим встает вопрос и о мерах борьбы с пшеничным трипсом. Болдырев (1936) в качестве радикального средства выдвигал: «Сжигание стерни, лущение и запашка жнивья вслед за уборкой урожая». Щеголев (1935) писал: «Значительное количество пшеничного трипса можно уничтожить даже неглубокой вспашкой (10 см)». Знаменский (1926) утверждал, что при лущении стерни и последующей зяблевой вспашке личинки в большом количестве погибают от эпизоотий грибных заболеваний и что повышенная влажность, как следствие лущения и зяблевой вспашки, ведет к более широкому распространению заболеваний. Еще раньше Курдюмов (1912) писал о том, что на запаханной стерни озимой пшеницы, заражение личинок пшеничного трипса грибком достигает 21,05—30,68 проц., а на незапаханной стерни яровой пшеницы—всего лишь 5,8—6,66 проц. от общего числа личинок, обнаруженных в почвенных пробах. Гриванов (1939) ука-

зывал, что черный пар с предварительным лущением стерни ведет к гибели около 90 проц. личинок пшеничного трипса и что «лущение стерни с последующей зяблевой вспашкой решает вопрос борьбы с пшеничным трипсом». Мы считаем, что все предлагаемые мероприятия лишь ограничивают численность пшеничного трипса, но не решают дела борьбы с ним (Нефедов, 1955). Нашими исследованиями установлено, что между численностью личинок (на единицу площади и с учетом числа стеблей) в фазу молочной спелости всегда больше и во много раз превосходит их численность в почве. Анализируя свои материалы, мы приходим к следующему заключению: приведенный материал подтверждает состоятельность заключений об активных или пассивных горизонтальных миграциях пшеничного трипса и о заселении посевов пшеницы в весенний период не только за счет вылетающих трипсов с данного поля, но и из других мест, включая сюда межи, залежи, целинные участки и, главным образом, тока. В самом деле, в практике социалистического сельского хозяйства до самого последнего времени лущение стерни с последующей зяблевой вспашкой считалось обязательным мероприятием и, тем не менее, пшеничный трипс из года в год, как вредитель, дает себя знать. В общей системе мероприятий по борьбе с пшеничным трипсом, наряду с другими, мы указывали: а) на лущение стерни с последующей зяблевой вспашкой как средства к снижению численности пшеничного трипса на 80—90 проц., б) на немедленное использование половы (после обмолота пшеницы), т. к. полова является местом концентрации значительной доли личинок этого вредителя, в) на осеннее перепахивание мест обмолота пшеницы (тока), как мест перезимовки личинок и вылета в следующем году взрослых трипсов. Однако в практике сельскохозяйственного производства эти, как и многие другие рекомендации, в расчет производственниками не принимаются, и личинки пшеничного трипса пассивно или активно транспортируются с полей и оседая в других стациях (тока, места хранения половы и т. д.), проводят зиму в почве, а весной взрослые трипсы разлетаются на озимые и яровые посевы зерновых культур. Поэтому, даже при обязательном лущении стерни и зяблевой вспашке полей, хотя значительная доля личинок погибает в почве, все же к весне следующего года сохраняется и вылетает такая численность взрослых трипсов, при которой колосья, перед их выколашиванием, буквально становятся черными.

Исходя из того, что значительная часть трипсов зимует в стерне или в пахотном слое почвы (Курдюмов, 1912; Болдырев, 1936; Щеголев, 1935; Знаменский, 1926; Гриванов, 1939 и др.) при глубокой безотвальной системе обработки почвы мы должны были бы ожидать весной (перед началом ко-

лошения озимой и яровой пшеницы) еще большего увеличения численности трипсов, чем это должно иметь место при глубокой отвальной обработке почвы. При старой системе обработки почвы с отвалом личинки оказываются погребенными на большую глубину и в условиях недостаточности кислорода в большей своей массе погибают. Отрицать этого факта нельзя. При новой же системе обработки почвы без отвала пласта личинки остаются в стерне или же в поверхностных слоях пахотного горизонта и в большей степени выживают. Однако, из приведенной ниже таблицы № 1 видно, что предполагаемое заключение о преимуществах старой системы обработки почвы перед новой не подтверждается. Не подтверждается и прогноз Гилярова (1955): «Несомненно, что вспашки с оборотом пласта сдерживают размножение уходящих на длительный срок в почву мелких вредных насекомых — трипсов, в частности, например, пшеничного трипса (Haplothrips tritici). При новой системе обработки численность трипсов может резко возрасти».

Таблица № 1

Относительная численность пшеничного трипса в %%.

Обработка почвы	Дискование	Весновспашка
Безотвальная	58,4%	67,9%
Отвальная	80,5%	100,0%

В самом деле, из таблицы видно, что: а) при отвальной системе обработки почвы по весновспашке численность взрослого пшеничного трипса достигает максимума, б) при отвальной системе обработки почвы по дискованию численность трипса резко падает и составляет около 80 проц., в) при безотвальной обработке почвы по весновспашке численность трипса падает до 68 проц., а г) при безотвальной обработке почвы по дискованию — всего лишь около 58 проц. Следовательно, новая система обработки почвы по сравнению со старой (с оборотом пласта) значительно способствует сокращению численности концентрирующихся на посевах яровой пшеницы взрослых трипсов. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что по вариантам безотвальной и отвальной обработки почвы по дискованию численность взрослых трипсов значительно ниже, чем по соответствующим вариантам безотвальной и отвальной обработки почвы по весновспашке. Таким образом, преимущество безотвальной системы обработки почвы как по дискованию, так и по весновспашке в борьбе с пшеничным трипсом совершенно очевидно. В чем лежат причины этого? Казалось бы, что обработка почвы с оборотом пласта должна была решить вопрос борь-

бы с пшеничным трипсом, как об этом утверждал Гриванов (1939). Однако в действительности этого не наблюдается, и пшеничный трипс, как это видно из приводимых нами материалов, все еще остается одним из постоянных и серьезнейших вредителей озимой и яровой пшеницы. Объясняется это тем, что комплектование пшеничного трипса весной на яровых пшеницах лишь частично идет за счет его вылета из почвы данного поля (сорные злаки и падалица) и что основным местом резервации и расселения трипса являются старые залежи, межи, целинные участки, тока и места хранения половы и соломы. В комплектовании группы пшеничного трипса яровой пшеницы большое участие принимают трипсы, перелетающие с посевов озимой пшеницы. Выдвигаемое положение, что комплектование группы пшеничного трипса яровой пшеницы идет главным образом, за счет вылетающих трипсов с других естественных и искусственных стаций доказывается и тем, что в наших опытах по всем вариантам предшественником яровой пшеницы была пропашная культура — подсолнечник. Это заключение относится не только к пшеничному трипсу, но и к большинству других вредителей яровой пшеницы за исключением, может быть, многоядных.

Указанные выше стации, как стации зимовки основной массы личинок пшеничного трипса являются своеобразной резервацией, за счет которой и осуществляется заселение всходов озимой и яровой пшеницы в весенний период.

Что касается меньшей поражаемости яровой пшеницы по вариантам опыта безотвальной обработки почвы с дискованием и весновспашкой, то этот факт мы ставим в связь с теми условиями, которые создаются в составе биоценоза яровой пшеницы этой новой системой. К таким условиям следует отнести: а) большую уплотненность пахотного слоя и в связи с этим, меньшие возможности вылета трипса с данного поля, б) более высокую влажность пахотного слоя, которая способствовала большей гибели личинок пшеничного трипса от грибных заболеваний, в) повышенную влажность воздуха над пахотным слоем почвы, которая в меньшей степени способствовала заселению яровой пшеницы пшеничным трипсом, как ксерофильным видом (Нефедов, 1956); в самом деле, густота стеблестоя пшеницы и степень засоренности опытных делянок по безотвальной обработке почвы были выше (что создавало мезофитные условия), чем на делянках по отвальной обработке почвы (где условия носили ксерофитный характер), г) большую стойкость яровой пшеницы в отношении поражаемости, а эта большая стойкость является следствием лучших условий для ее произрастания и развития при новой системе обработки почвы. Все эти условия на вариантах опыта по безотвальной вспашке способ-

ствовали более ограниченному заселению яровой пшеницы пшеничным трипсом, иммигрировавшими со стаций зимовки иного типа (залежи, межи, целина, озимая пшеница и др.).

О характере поражения яровой пшеницы личинками пшеничного трипса, главным образом, в фазу молочной спелости, судим на основании данных, приведенных в таблице № 2. Общая картина относительной численности личинок пшеничного трипса по вариантам опыта подобна тому, что и для взро-

Таблица № 2

Относительная численность личинок пшеничного трипса в %%

Обработка почвы	Дискование	Весновспашка
Безотвальная	82,0%	51,2%
Отвальная	98,2%	100,0%

слых трипсов. А именно: а) на вариантах опыта по отвальной системе обработки почвы относительная численность личинок максимальная (по весновспашке 100 проц. и по дискованию—98,2 проц.), б) на вариантах опыта по безотвальной системе обработки почвы относительная численность личинок значительно ниже, что особенно относится к делянке по весновспашке. Понятно, что численность личинок по вариантам опыта в какой-то мере определяется численностью взрослых трипсов. Однако процесс эмбрионального и постэмбрионального развития и выживаемость личинок будет находиться в зависимости от условий стаций и от численности хищников в виде жуков коровок, полосатого трипса, златоглазки и других. Как у вида ксерофильного, в условиях мезофитных стаций (варианты по безотвальной обработке почвы), выживаемость личинок пшеничного трипса будет значительно ниже, чем это имеет место в ксерофитных стациях (варианты по отвальной системе обработки почвы). Таким образом, преимущество новой системы обработки почвы без оборота пласта в ограничении численности личинок пшеничного трипса очевидно. Что касается разницы в численности личинок по вариантам опыта по безотвальной обработке почвы с дискованием (82 проц.) и весновспашкой (51,2 проц.), то она может быть также объяснена ксерофильной природой личинок пшеничного трипса. В самом деле, густота стеблестоя пшеницы и степень засоренности опытной делянки по весновспашке была значительно выше, чем на делянке с дискованием.

Таким образом, новая система обработки почвы в борьбе с пшеничным трипсом имеет преимущества в сравнении со старой — овальной. Однако, учитывая иммиграционный характер пшеничного трипса, заселение посевов яровой пшеницы

в основном за счет прилетающих трипсов с других стаций (и лишь в ограниченной степени за счет местных трипсов) становится понятным, что и новая система обработки почвы не решает вопроса борьбы с этим вредителем, а лишь ограничивает его распространение.

2. Меромиза

О вредном значении личинок меромизы Сахаров (1947) писал: «Вред ее в период всходов и кущения пшеницы аналогичен вреду от шведской мушки. В дальнейшем личинки меромизы находятся в колосьях пшеницы... Личинки повреждают колоски и часто ножку колоса. Повреждение ножки ведет к отмиранию всего колоса — он не выбрасывается или остается белоколосым». Волков и др. (1955) указывают, что «В середине лета вылетают мухи второго поколения, которые откладывают яйца на дикорастущие злаки и частично на падалицу и озимые злаки. Наиболее сильный вред меромиза приносит яровым хлебам». Таким образом, зимует личинка меромизы в яйце, откладываемом на дикорастущие злаки и лишь частично на падалицу и озимые злаки, что и определило предложения о мерах борьбы с этим вредителем. Так, например, Волков и др. (1955) утверждают, что «В степной и лесостепной полосах существенное значение имеет лущение стерни и глубокая зяблевая вспашка, уничтожающие зимующих личинок вредителя». Однако ничтожная эффективность этого мероприятия совершенно очевидна, т. к. мухи первого поколения меромизы появляются на всходах яровых хлебов благодаря их иммиграции из других стаций и, в первую очередь, со старых залежей, меж, естественных ассоциаций с дикими злаками и с посевов озимой пшеницы. Лишь в ограниченной степени мух первого поколения выводятся на сорных злаках или падалице данного поля яровой пшеницы и это тем более, что на наших опытных делянках предшественником яровой пшеницы был подсолнечник—культура, после которой требовалась большая подготовительная работа в осенний период.

В наших сборах меромизы по отдельным вариантам опыта отмечается два максимума ее численности. Первый максимум приходится на начальную фазу выхода в трубку яровой пшеницы и второй — на фазу полной молочной спелости, что соответственно отражает численность мух первого и второго поколения. Характер численного распределения мух первого и второго поколения по вариантам опыта был сходным и в силу этого в приводимой таблице № 3 мы даем суммарные данные. С практической стороны важны мухи как первого, так и второго поколения и поэтому их объединение

Таблица № 3

Относительная численность меромизы в %%

Обработка почвы	Дискование	Весновспашка
Безотвальная	51,5%	65,9%
Отвальная	87,4%	100,0%

не отразится на общей картине их численного распределения по вариантам опыта.

Исходя из основных мест зимовки личинок меромизы и данных таблицы № 3 можно сделать следующие заключения: а) мухи первого поколения для яровой пшеницы являются в своей основе иммигрантами; б) весновспашка и дискование в ограничении численности меромизы, путем уничтожения личинок, существенного значения не имеют и не могут иметь; в) безотвальная обработка почвы при дисковании и весновспашке в сравнении с отвальной, является фактором в ограничении численности меромизы; г) это ограничение связано не с прямым воздействием на меромизу безотвальной системы обработки почвы, а с косвенным, выражающимся через воздействие измененных условий биоценоза яровой пшеницы, создаваемых новой системой. Следует иметь в виду, что меромиза является широко распространенным видом. В условиях, например, Нижнего Поволжья ее размножение в резкой степени ограничено повышенной температурой и сравнительной низкой относительной влажностью. (Сахаров, 1947) и, следовательно, там она не может иметь большого практического значения, как вредитель. Однако практическое значение этой мушки значительно возрастает в условиях орошаемого хозяйства. Исследуя влияние сроков полива на относительную численность главнейших элементов животного населения биоценоза яровой пшеницы в условиях степной зоны (Нефедов, 1956), мы пришли к заключению о мезофильном характере меромизы. Значительно возрастает практическое значение меромизы и в условиях лесостепной зоны. Это возрастание роли меромизы, как вредителя, связано с повышенной относительной влажностью и пониженной температурой лесостепной зоны в сравнении со степной зоной.

В наших опытах меромиза имела пониженную численность на вариантах безотвальной системы обработки почвы, как по дискованию, так и по весновспашке. Выше мы уже говорили, что при новой системе обработки почвы, последняя хорошо впитывает воду выпадающих осадков и лучше предохраняет ее от испарения. Следовательно, на вариантах опыта с безотвальной обработкой почвы создаются более по-

вышенные условия влажности в сравнении с вариантами опыта по отвальной обработке почвы. В связи с этим в составе биоценоза яровой пшеницы на вариантах опыта по обработке почвы без оборота пласта создаются мезофитные условия. Последние еще в большей степени усиливаются за счет повышенной густоты стеблестоя яровой пшеницы и ее большей засоренности. Значит, сопоставляя условия относительной влажности и температуры на опытных делянках по отвальной и безотвальной системе обработки почвы, мы должны считать, что меромиза на яровой пшенице, возделываемой обычным способом (с отвалом пласта), в лесостепной зоне ведет себя как типичный мезофильный вид. Однако повышенные мезофитные условия культурных стаций путем введения новой безотвальной системы обработки почвы, оказывают угнетающее действие на численность этого вредителя. Это означает, что в лесостепной зоне мезофитные условия в посеве яровой пшеницы оказывают благотворное влияние на широкое заселение меромизой, но только до определенных пределов мезофитности. С превышением же предела мезофитности стаций (в сторону гигрофитности) тотчас же сказывается на понижении численности меромизы.

Таким образом, новая система обработки почвы хотя и не решает вопроса борьбы с меромизой, но оказывает ограничивающее влияние на ее численность, что определяется иммиграционным характером этого вредителя по отношению к посеву яровой пшеницы.

3. Земляные блошки

Из общей массы собранных земляных блошек с практической стороны представляют интерес: полосатая — Phylloteta vittula Redt (94 проц.) и большая Chaetocnema aribuba Gyll (2,4 проц.), хлебные блошки. На долю остальных, в том числе и безразличных видов, приходится всего лишь 3,6 проц. При оценке новой системы обработки почвы мы используем данные только в отношении двух первых видов.

Полосатая хлебная блошка, как вредитель, во взрослой стадии уничтожает листовую пластинку всходов. Особенно сильный вред она наносит яровым пшеницам при сухой весне. Личинки ее питаются перегноем и корнями растений, но существенного вреда не приносят. Зиму полосатая хлебная блошка проводит под опавшей листвой. Зверезомб-Зубовский (1957) считает, что «Основным местом зимовки полосатой блохи являются полезащитные полосы... Много ее зимует в районах поливного свекловодства и на поросших травой обочинах оросительных канав. «Мельниченко (1949) говорит, что в условиях степного Заволжья полосатая хлебная

блошка образует большие скопления под опавшей листвой вяза, береста, остролистного клена, карагача, где и проводит зиму в состоянии пониженной жизнедеятельности. Наибольшая ее численность приурочена к опушкам лесных полос. Весной, с наступлением теплых дней, блошка вылетает

Таблица № 4

Относительная численность полосатой хлебной блошки в %%

Обработка почвы	Дискование	Весновспашка
Безотвальная	62,1%	43,2%
Отвальная	100,0%	99,1%

с мест зимовки и после дополнительного питания за счет диких злаков, всходов свеклы, в связи с появлением всходов яровой пшеницы, перекочевывает на последние. Яйца откладывает в почву на глубину 3 см. В связи с намечаемым строительством первого сахарного завода в Богдашкинском районе, Ульяновской области, намечается возделывание сахарной свеклы в Богдашкинском, Ульяновском, Майнском, Вешкаймском, Карсунском и др. районах уже в 1958 году и к 1961 году посевные площади будут доведены до 6—18 тысяч гектаров («Ульяновская правда», 14.12.57, № 246). Несомненно, что роль полосатой хлебной блошки как вредителя возрастет. Особенно это будет чувствоваться на всходах сахарной свеклы, что необходимо иметь в виду производственникам.

Большая хлебная блошка во взрослом состоянии зиму проводит под опавшей листвой и другими растительными остатками по опушкам лесов, на межах, старых залежах, по оврагам и среди естественных злаковых и злаково-разнотравных стаций. Весной появляется на яровых посевах и после спаривания приступает к кладке яичек в ткани стеблей, что приводит к гибели последних. Яйцекладка носит затяжной характер, в силу чего личинки этой блошки можно обнаружить на протяжении всей вегетации культуры.

Из общей численности основных видов земляных блошек на начало фазы выхода в трубку приходится:

полосатой хлебной блошки — 14,3 проц.,

большой хлебной блошки — 8,9 проц.,

на фазу молочной спелости:

полосатой хлебной блошки — 80,8 проц.,

большой хлебной блошки — 64,1 проц.

Нарастание численности блошек к концу вегетации яровой пшеницы является следствием выхода жуков того и дру-

гого вида по вариантам опыта остается одним и тем же, что довольно наглядно видно из сопоставления таблицы № 4 и № 5. Указанные выше стации зимовки блошек позволяют утверждать, что ни лущение стерни, ни даже глубокая зяблевая вспашка не являются средством борьбы с ними, как

Таблица № 5

Относительная численность большой хлебной блошки в %%

Обработка почвы	Дискование	Весновспашка
Безотвальная	77,4%	21,4%
Отвальная	100,0%	75,7%

это утверждают многие авторы. Так, например, Щеголев и др. (1941) правильно указывают на плохую разработку методов борьбы со стеблевыми хлебными блошками; правильно говорят авторы и о ликвидации меж, освоении пустырей, о борьбе с сорняками — как средств по снижению численности хлебных, но совершенно бездоказательно относят к таким мерам глубокую зяблевую вспашку. Из приведенных диаграмм видно, что полосатая и большая хлебные блошки на вариантах опыта с безотвальной системой обработки почвы как по дискованию, так и по весновспашке дают более низкую численность в сравнении с вариантами по отвальной обработке почвы. Мельниченко (1949) указывает на ксерофильную природу того и другого вида в условиях степного Заволжья. О ксерофильной природе этих блошек говорят и другие авторы (Сахаров, 1947). При изучении вопроса о влиянии сроков полива на вредных членистоногих в условиях орошаемого хозяйства юго-востока для земляных блошек (взятых суммарно, без подразделения в видовом отношении (мы пришли к заключению о ксерофильности этой группы (Нефедов, 1956). Однако исследованиями Нефедова Г. Н. (рукопись; доложено на студенческой научной конференции Сталинградского пединститута в 1956 г.), занимавшегося изучением этого вопроса с учетом видового состава земляных блошек, показано, что полосатая хлебная блошка в обычных условиях южныхстепей является ксерофильным видом, однако на вариантах с различными сроками полива в большей степени проявляются мезофильные черты. Эта мезофильность возрастает в связи с характером полива от зимнего до зимне-вегетационного. Следовательно, полосатая хлебная блошка в условиях поливного хозяйства, юго-восточных степей, будучи ксерофильным видом, ведет себя как вид мезофильный. В Улья-

новской области, расположенной в лесостепной зоне, в силу повышенной относительной влажности и пониженной температуры полосатая и большая хлебная блошка являются видами мезофильными. Однако черты мезофильности могут проявляться только до определенного предела относительной влажности и пониженной температуры в стациях обитания этих блошек. Безотвальная обработка почвы как по дискованию, так и по весновспашке еще в большей степени увеличивает мезофитный характер этих стаций (в сравнении с вариантами опыта по отвальной обработке почвы) и приводит не к увеличению, а к понижению численности этих двух вредителей. Иначе говоря, в условиях лесостепной зоны мезофильные виды блошек, в связи с увеличением мезофитных условий в посевах яровой пшеницы (что достигается новой системой обработки почвы), проявляют отрицательную реакцию, выражающуюся в снижении численности. Следовательно, новая система обработки и в отношении почвы без оборота пласта и в отношении полосатой большой хлебных блошек может рассматриваться в качестве ограничивающего средства в их количественном распространении в условиях Ульяновской области и что влияние этой системы не прямое, а косвенное. Эта новая система обработки почвы не решает вопроса борьбы с блошками, т. к. последние по отношению к посеву яровой пшеницы являются иммигрантами. И это тем более, что предшественником яровой пшеницы был подсолнечник.

Сопоставление численности блошек в начальную фазу выхода в трубку и в фазу полной восковой спелости показывает ее возрастание:

для полосатой хлебной блошки в 5,6 раза,

для большой хлебной блошки в 7,2 раза.

Если исходить из принципа равных числовых соотношений между полами, то на каждую пару (самец и самка) перезимовавших блошек к концу вегетации яровой пшеницы приходится соответственно видам 11 и 14 блошек нового поколения их. Понятно, что при относительном характере метода кошения количественным энтомологическим сачком, приведенные цифры не являются абсолютными. Знание соотношений между перезимовавшими блошками и улетающими на зимовку весьма важно в целях прогноза их численности в следующем году. В отношении вообще насекомых, улетающих на зимовку, Мельниченко (1949) говорит, что «на зимовку залегает не более 30—40 проц. насекомых, а основная масса гибнет от неблагоприятных погодных условий, от деятельности насекомоядных птиц, землероек, ежей, различных хищных жуков и других полезных животных». Какая-то доля

их от 30—40 проц. погибает в местах зимовки от грибных и бактериальных заболеваний и лишь весьма ограниченная часть выживает и после дополнительного питания весной расселяется по посевам яровой, озимой пшеницы, по залежам и естественным стациям со злаками.

4. Шведская мушка

Шведская мушка зимует в стадии личинки внутри стебля всходов озимых хлебов и диких злаков. Мухи первого поколения в первой половине мая откладывают яички на проростковую пленку злаков (реже на листья и на поверхность почвы). Развившиеся личинки проникают в середину стеблей, питаются нижней частью центрального листа и эмбриональным зачатком колоса и здесь же превращаются в пупарии. Особенно опасны повреждения при яйцекладке до наступления фазы кущения. При повреждении главного стебля растение погибает. При повреждении стебля в фазу выхода в трубку растение коленчато изгибается, в месте питания личинки утончается и растение буреет. Муха дает несколько поколений. Наиболее широкое распространение имеет в природных зонах с умеренным климатом, характеризующимся большим количеством летних осадков. В степных условиях широкое распространение получает в орошаемых хозяйствах. Мезофильный характер шведки в условиях орошаемого хозяйства юго-востока Европейской части СССР показан нашими исследованиями (Нефедов, 1956). В системе мероприятий по борьбе со шведкой упоминаются лущение стерни и зяблевая вспашка (Щеголев, ред., 1949; Волков и др., 1955).

Однако для вариантов опыта с яровой пшеницей шведская мушка в своей основе не является местной; места зимовки наибольшей численности ее личинок лежат вне пределов

Таблица № 6

Относительная численность шведской мушки в %%

Обработка почвы	Дискование	Весновспашка
Безотвальная	51,1%	66,6%
Отвальная	52,8%	100,0%

опытных делянок. Возможно, что лишь незначительная доля личинок шведки перезимовывает и сохраняется в стеблях падалицы или сорных злаков на опытных полях, тем более, что предшественником яровой пшеницы был подсолнечник.

Основная масса мух первого поколения, безусловно, является иммиграционной с основных стаций зимовки личинок в виде озимых посевов, залежей с сорными злаками, меж и естественных злаково-разнотравных ассоциаций. Следовательно, приписывать большую роль лущению и глубокой зяблевой вспашке в уничтожении численности личинок шведской мушки у нас нет оснований. Все это следует иметь в виду при сопоставлении данных в отношении численности шведки по вариантам опыта. Общая картина численных соотношений шведки по вариантам опыта в общих чертах остается такой же, как и для рассмотренных выше вредных насекомых яровой пшеницы. Вариантам с безотвальной обработкой почвы соответствует пониженная численность шведской мушки в сравнении с вариантами с отвальной обработкой почвы. Следовательно и здесь сказывается преимущество новой системы в сравнении со старой. В условиях лесостепной зоны повышенная относительная влажность и пониженная температура воздуха создают в посевах яровой пшеницы с глубокой обработкой почвы с оборотом пласта оптимальные мезофитные условия, обусловливающие проявление наиболее высокой численности шведки. Новая система обработки почвы еще в большей степени усиливает мезофитные особенности стаций в сторону гигрофитности. Однако превышение оптимума мезофитных черт стаций с безотвальной обработкой почвы (особенно по весновспашке) приводит к понижению численности рассматриваемого вредителя. Выходит, что и в отношении шведки новая система обработки почвы, заключающейся в глубокой вспашке без оборота пласта оказывает на шведскую мушку не прямое, а косвенное влияние.

Следует заметить, что из общей массы сборов шведки, за период с начала выхода в трубку и до фазы полной молочной спелости включительно, значительная доля ее, достигающая 61 проц., падает на начало фазы выхода в трубку яровой пшеницы. Подобную картину распределения численности шведской мушки по фазам развития озимой пшеницы мы наблюдали и в Ставропольском крае (Нефедов, 1950).

5. Цикадки

Из общей массы сборов цикадок по всем вариантам опыта на протяжении почти всей вегетации яровой пшеницы наибольшая численность падает на полосатую цикадку — Deltocephalus striatus L. (48,3 проц.), цикадку шеститочечную — Cicadula sexnotata Fll. (16,9 проц.), цикадку темную — Liburnia striatella Fll. (16,6 проц.) и на все остальные (неопределенные) виды 18,3 проц. В приводимой ниже таблице № 7 приняты в расчет только определенные виды и данные в отношении

их даются суммарно. Личиночный состав цикадок в расчет не принимается.

Относительно вредной деятельности цикадок Зверезомб-Зубовский (1957) пишет, что полосатая цикадка в период колошения и молочной спелости яровой пшеницы вызывает щуплость зерна и уменьшает размеры урожая до 26—45 проц. Вред от шеститочечной цикадки выражается в обесцвечивании и увядании листьев. Темная цикадка — «Серьезный вредитель хлебных злаков. Является переносчиком вируса закукливания злаков».

Шеститочечная и полосатая цикадки зимуют в стадии яйца, откладываемого на злаки, с которыми и связано существование и развитие личинок. Развитие темной цикадки связано со злаками, полынями и некоторыми крестоцветными растениями. Личинки четвертого возраста зимуют в стерни злаков.

В наших опытах, учитывая подсолнечник, как предшественника яровой пшеницы, цикадки являются в своей основе иммигрантами. Это очень важно при оценке новой системы обработки почвы с энтомологической стороны. Биоэкология этих вредителей позволяет утверждать, что лущение стерни и зяблевая вспашка в какой-то мере могут рассматриваться в качестве средства по ограничению численности земляных блошек. Однако эти агромероприятия не решают вопроса борьбы с ними.

Из данных таблицы № 7, характеризующей численность цикадок по вариантам опыта, можно сделать следующие заключения: а) новая система обработки почвы оказывает ограничивающее влияние на численность цикадок, б) старая система обработки почвы с оборотом пласта способствует проявлению наибольшей численности цикадок, в) в том и другом случае это влияние не прямое, а косвенное; это связано с иммиграционным характером цикадок.

В отношении природы цикадок в условиях орошаемого хозяйства юго-востока Европейской части СССР мы писали: «являясь в общем ксерофильными видами, тем не менее, их ксерофильные черты выявляются в более слабой степени в сравнении с черепашкой» и другими вредителями яровой

Таблица № 7

Относительная численность цикадок в %%

Обработка почвы	Дискование	Весновспашка
Безотвальная	60,0%	67,5%
Отвальная	100,0%	74,9%

пшеницы (Нефедов, 1956). Эта ксерофильность, как это видно из диаграммы № 7, в условиях лесостепной зоны проявляется отчетливее. В самом деле, стации по вариантам опыта с отвальной системой обработки почвы по своим условиям являются ксерофитными, т. к. почва после такой обработки слабо удерживает влагу, быстрее иссушается, а густота стеблестоя и степень засоренности ниже, чем на вариантах с новой системой обработки почвы. Ксерофитный характер биоценоза яровой пшеницы по вариантам опыта с отвальной обработкой почвы способствовал более широкому заселению шведской мушкой, как ксерофильным видом. Если же считать условия этих стаций мезофитными (учитывая лесостепной характер природы Ульяновской области), тогда усиленные мезофитные условия (в сторону гигрофитности) биоценоза яровой пшеницы по вариантам опыта с обработкой почвы без оборота пласта (как мы это принимали выше) в какой-то мере ограничили количественную сторону шведки.

Учитывая, что цикадки по отношению к яровой пшенице всех вариантов опыта являются иммигрантами, становится очевидным, что как старая, так и новая система обработки почвы лишь ограничивают численность их. Безотвальная система обработки почвы ограничивает численность этих вредителей в большей степени, чем отвальная. Влияние это не прямое, а косвенное и осуществляется через изменение климатических условий в сторону усиления мезофитности и приближения последней к гигрофитности.

6. Стеблевой хлебный пилильщик

Опытные поля яровой пшеницы стеблевым хлебным пилильщиком были заселены в сравнительно ограниченной степени, что в известной степени определяется их малой уловистостью энтомологическим сачком. Тем не менее, собранный материал по этому вредителю, при оценке новой системы обработки почвы, представляет большой интерес.

Стеблевой хлебный пилильщик зимует в стадии личинки в шелковистом коконе, находящемся в прикорневой части стебля озимых и яровых пшениц, ржи, ячменя, сорных и диких злаков. Весной личинка окукливается и спустя несколько дней вылетает пилильщик. Яйца откладываются в верхние междоузлия злаков. Развившаяся личинка питается внутренними тканями стебля, в результате чего развивается щуплый колос с легковесным зерном. Вред усиливается за счет ломающихся стеблей, после того, как личинка спустится к основанию стебля. В качестве средства борьбы обычно рекомендуется глубокая зяблевая вспашка, истребляющая вредителя в стерни на 60 проц. Принималось, что значительная часть

стеблевого хлебного пилильщика для данного поля яровых злаков является местной и лишь в малой степени — иммиграционной, прилетающей из других злаковых стаций в виде залежей, меж и целинных участков. Однако это заключение можно сделать только в том случае, когда предшественником

Таблица № 8

Относительная численность хлебного пилильщика в %%

Обработка почвы	Дискование	Весновспашка
Безотвальная	100,0%	83,3%
Отвальная	66,7%	50,0%

яровой пшеницы была пшеница, рожь, ячмень. Для вариантов нашего опыта сделанное выше заключение не применимо, т. к. предшественником яровой пшеницы был подсолнечник. В этом случае применение указанных выше агромероприятий в борьбе со стеблевым хлебным пилильщиком большого эффекта не даст.

В условиях опыта по проверке новой системы обработки почвы в сравнении со старой (по всем вариантам), комплектование группы стеблевых хлебных пилильщиков в составе биоценоза яровой пшеницы, главным образом, осуществлялось за счет иммигрантов с озимой пшеницы, ржи, с сорных и диких злаков и лишь частично за счет вылетающих пилильщиков из стеблей сорных злаков данного поля.

Рассмотрение данных количественных соотношений стеблевого хлебного пилильщика по вариантам опыта (таблица № 7) позволяет сделать следующие заключения: а) весновспашка по отвальной и безотвальной обработке почвы в сравнении с дискованием является более эффективным средством борьбы со стеблевым хлебным пилильщиком, б) более эффективным средством борьбы с ним является и отвальная система обработки почвы в сравнении с безотвальной, в) ограничивающее влияние отвальной системы обработки почвы на стеблевого хлебного пилильщика выражается в создании среди посева яровой пшеницы ксерофитных условий. Подтверждением правильности последнего заключения служит уловистость стеблевых хлебных пилильщиков на Ворошиловской озимой пшенице в условиях степной части Ставропольского края (Нефедов, 1950). При одной и той же встречаемости в 43 проц., обилие пилильщиков определилось: по густому посеву в 2,3 и по обыкновенному посеву в 1,6. Однако коэффициент народнохозяйственных потерь определился: по густому посеву в 0,68 проц., а по обыкновенному — в 0,43 проц.,

(Нефедова, 1950), что подтверждает вывод Щеголева (1938) о том, что «более густой травостой злаков уменьшает повреждаемость хлебными пилильщиками и шведкой».

Таким образом, новая система обработки почвы без отвала в условиях Ульяновской области способствует наибольшей численности стеблевых хлебных пилильщиков, что необходимо иметь в виду, особенно в годы широкого распространения их. Понятно, что в такие годы безотвальную обработку следует чередовать с отвальной.

7. Яровая муха

Яровая муха в стадии ложнококона зимует в земле около основания поврежденного растения. Весной оплодотворенные самки откладывают яички за язычок листа пшеницы. Развившиеся личинки спускаются вниз по растению и под прикрытием листа прогрызают в стебле спиральный ход, часто разрушают узел кущения и вызывают гибель растения. Сахаров (1947) установил, что яровые твердые пшеницы, в сравнении с мягкими, обладают большей устойчивостью в отношении поражаемости и повреждаемости яровой мухой. «Чем сильнее опушено растение, тем больше оно порожается мухой. Волоски содействуют образованию большого зазора на влагалище листа, что позволяет мухе легко заложить яйца». У твердых пшениц влагалище листа плотно прилегает к центральному листу, что затрудняет откладку яиц яровой мухой. В наших опытах яровая пшеница Артемовка — вид мягкой пшеницы, что и определило сравнительно малую поражаемость и заселенность опытных делянок яровой мухой. Большое значение при этом имеет энергия и быстрота кущения сорта пшеницы. «Сорта, характеризующиеся более энергичным кущением, менее сильно теряют урожай при повреждениях яровой мухой» (Щеголев, 1938). Поражение главного стебля всходов в начальную фазу кущения или разрушение узла кущения приводит к изреживанию посевов на 70—80 проц. Следовательно, яровая муха для яровой пшеницы является в значительной степени иммигрантом и лишь в малой степени местным. Последнее обстоятельство позволяет рекомендовать в качестве агротехнического приема борьбы с этим вредителем глубокую запашку стерни (Волков и др., 1955).

Анализируя данные таблицы № 9, приходим к следующим заключениям: а) весновспашка при отвальной и безотвальной обработке почвы обеспечивает более широкое распространение яровой мухи по сравнению с дискованием, б) дискование и весновспашка при отвальной и безотвальной обработке почвы являются средством ограничения численности яровой мухи, хотя и не решают вопроса борьбы с ней.

Сахаров (1947) указывает на широкое распространение яровой мухи в Поволжье и на то, что весьма злостным и постоянным вредителем она является в лесостепной зоне. Встречается в районах возделывания яровой пшеницы от Ленинградской области до Кавказа, но с различной степенью зна-

Таблица № 9

Относительная численность яровой мухи в %%

Обработка почвы	Дискование	Весновспашка
Безотвальная	54,6%	100%
Отвальная	44,2%	88,3%

чимости в разных природных зонах. Следовательно, практическое значение этого вредителя в Ульяновской области довольно велико, хотя Волков и др. авторы (1955) указывают, что «Вопрос о степени вредности именно этого вредителя в настоящее время не может считаться окончательно разрешенным, поскольку на территории, где известна Phorbia genitalis, встречается ряд близких ей видов, сходных по биологии, но морфологически трудно различимых».

8. Другие виды вредителей

Собранный материал по мухе зеленоглазке и большой злаковой тли не позволяет делать каких-либо определенных выводов в отношении оценки новой системы обработки почвы. Ясно лишь одно, что в отношении того и другого вредителя дискование по глубокой отвальной и безотвальной обработке почвы оказывает большее ограничивающее влияние на численность зеленоглазки и большой злаковой тли. Для примера приводим диаграмму относительной численности зеленоглазки по вариантам опыта (табл. № 10). Подобную же картину распределения дает и обыкновенная злаковая тля.

По отношению к яровой пшенице муха зеленоглазка является иммигрантом, т. к. мухи второго поколения откладывают осенью яички на озимые злаки. Развившиеся в яйцах личинки остаются здесь же (на озимых злаках) на зимовку. Иммигрантом по отношению к яровой пшенице является и обыкновенная злаковая тля. Оплодотворенные яйца последней откладываются на листья и стебли озимых злаков, частично на падалицу и дикорастущие злаки. Среди рекомендуемых мероприятий по борьбе с мухой зеленоглазкой и злаковыми тлями особое внимание обращается на лущение стерни с последующей зяблевой вспашкой. Конечно, эти агромероприятия в какой-то мере оказывают влияние на ограничение численно-

сти рассматриваемых вредителей, но для посевов яровой пшеницы решающего значения иметь не могут. Объясняется это тем, как было указано выше, иммиграционным характером их. Приведенная таблица № 10 показывает, что новая система обработки почвы прямого действия на этих вредителей

Таблица № 10

Относительная численность зеленоглазки в %%

Обработка почвы	Дискование	Весновспашка
Безотвальная	53,2%	100%
Отвальная	65,1%	54,3%

не оказывает. Ее влияние косвенное; оно осуществляется через создание в посевах яровой пшеницы всех вариантов опыта микроклиматических условий, оказывающих угнетающее действие или способствующих более широкому распространению вредителей. Однако установить определенной закономерности в отношении оценки новой и старой системы обработки почвы не удается. Причины своеобразного распределения зеленоглазки и злаковых тлей остаются не ясными. Предстоит проведение дополнительных исследований в отношении этих вредителей.

На яровой пшенице в условиях Ульяновской области к частым вредителям относятся: пьявица, остроголовые клопы, клопы-черепашки (австрийский, маврский и др.), хлебные жуки (красун, крестоносец, кузька и др.), щелкуны. В наших сборах все эти вредители были представлены в весьма ограниченных размерах. Однако, учитывая результаты анализа материалов по другим вредителям (табл. №№ с 1 по 10) и исходя из биоэкологии вредителей, не подвергавшихся обследованию, мы можем сделать некоторые прогнозы в отношении влияния новой системы обработки почвы на их численность.

В наших полевых исследованиях пьявица являлась в своей основе иммиграционным видом. Лишь в ограниченной степени она могла быть местной-развивавшейся за счет сорных злаков на вариантах опыта до и после уборки подсолнечника. Щеголев (ред., 1941) указывает, что районам наиболее сильного повреждения злаков пьявицей являются: Краснодарский край, Крым, Башкирская АССР. По нашим исследованиям (Нефедов, 1956), в условиях орошаемого хозяйства юго-востока Европейской части СССР пьявица относится к мезофильным видам. В работе указывалось, что «пьявица—вид мезофильный, однако свойства мезофильности проявляет только до оптимальных мезофитных условий стации. При усиленном

зимне-вегетационном поливе этот вид имеет такую же численность, что и при вегетационном поливе, но на 5,5 проц. ниже в сравнении с вариантом зимнего полива. Учитывая это, пьявицу правильнее было бы назвать мезофильно-ксерофильным видом». В данном случае речь идет о природе пьявицы в условиях орошаемого хозяйства по Волго-Донскому каналу Сталинградской области. Исходя из того, что в лесостепной зоне при отвальной системе обработки почвы усиливаются мезофитные особенности биоценоза яровой пшеницы, мы должны сделать заключение, что в новых условиях пьявица получит возможности к более широкому распространению и что этот вид вредителя по отношению к яровой пшенице (предшественником которой был подсолнечник) является иммигрантом.

Остроголовые и клопы-черепашки во второй половине лета улетают в места с древесной и кустарниковой растительностью, забираются под опавшую листву или в дерновинный слой, где и проводят зиму. Вылетающие весной клопы заселяют посевы озимой и яровой пшеницы, с которыми и связан цикл их дальнейшего развития. В системе мероприятий по борьбе с ними выдвигается лущение стерни вслед за уборкой хлебов. Однако это мероприятие сможет лишь ограничить численность вредителя, но не решает вопроса борьбы с ними. Мы не отрицаем значения этого агромероприятия в борьбе с хлебными клопами, но не приписываем ему прямого действия. В условиях орошаемого хозяйства юго-востока Европейской части СССР клопы-черепашки являются ксерофилами, а остроголовые клопы мезофилами (Нефедов, 1956). О клопах-черепашках Сахаров (1947) писал, что они «свойственны только лесостепной зоне, а в степях отсутствуют». Это утверждение не соответствует действительности, о чем можно судить по вспышкам массового размножения особенно вредной черепашки в условиях Сталинградской области (Передельский, 1948; Нефедов, 1955, 1956). Учитывая ксерофильную природу хлебных черепашок и особенности микроклиматических условий в пределах вариантов опыта в лесостепной зоне, можно сделать заключение, что при безотвальной обработке почвы, создающей мезофитные условия биоценозов яровой пшеницы, численность клопов-черепашек будет значительно ниже, чем на вариантах опыта с отвальной обработкой почвы. В отношении остроголовых клопов, как видов мезофильных в условиях орошаемого хозяйства юго-востока, мы должны сказать, что в пределах лесостепной зоны, да еще при безотвальной системе обработки почвы, они, безусловно, получат более широкое распространение.

Из хлебных жуков на полях Ульяновской области более широкое распространение имеют крестоносцы и в меньшей степени красуны и кузьки. Питаются жуки культурными зла-

ками, зерном пырея, тимофеевки, костра безостого и другими. Личинки объедают корни растений и ослабляют последние. После лёта жуки откладывают яйца в почву на глубину 10—15 см. Развитие личинок кузьки и крестоносца продолжается 22 месяца, а красуна —11 месяцев. Следовательно, при любом предшественнике яровой пшеницы хлебные жуки являются местными, а с другой стороны, обладая хорошими летными способностями, они могут быть и иммигрантами. Местный характер значительной части хлебных жуков и продолжительность развития личинок оправдывают применение в качестве средств борьбы с ними глубокую раннюю зяблевую вспашку. Понятно, что безотвальная система обработки почвы будет способствовать большей выживаемости этих вредителей и более широкому распространению.

Жуки-щелкуны являются многоядными вредителями. В уловах они хотя и попадались, но в весьма ограниченных размерах. Объясняется это относительным характером метода кошения количественным энтомологическим сачком. В условиях Ульяновской области можно встретить полосатого, блестящего, темного и другие виды щелкунов. Все они повреждают главным образом зерновые культуры, хотя могут встречаться и на других культурных растениях. Из продолжительности индивидуального развития щелкунов в 5 лет, значительная доля времени падает на личиночное существование в почве. И то, что предшественником яровой пшеницы был подсолнечник, существенного значения не имеет. В отличие от большинства вредителей яровой пшеницы наших опытов, щелкуны являются местными видами (развивающимися и зимующими на данном поле яровой пшеницы), что и определяет характер агротехнических приемов борьбы с ними в виде лущения стерни, перепашки паров и зяблевой вспашки (Волков и др., 1955). Исходя из биоэкологии щелкунов можно утверждать, что безотвальная система обработки почвы в любом севообороте будет способствовать не только сохранению, выживаемости, но и более широкому распространению этих вредителей.

Специальных исследований в отношении оценки новой системы обработки почвы на численную сторону хлебных жуков, щелкунов, пьявицы, остроголых и хлебных клопов-черепашек мы не проводили. Однако, исходя из их биоэкологии и установления некоторых закономерностей на примере с другими вредителями (таблицы с № 1 по № 10), считаем указанные выше прогнозы правомерными.

Как известно, в составе биоценозов культурных полей большое значение имеют пчелы, осы, многие виды паразитов и хищников. Безотвальная обработка почвы благотворное влияние должна оказать на увеличение численности одиноч-

ных пчел, часто гнездящихся в поверхностных слоях почвы. Важность этого обстоятельства диктуется тем, что многие одиночные пчелы являются опылителями диких и культурных растений. По данным Н. Н. Благовещенской (1955), одиночным пчелам придается исключительно большое значение в опылении самых разнообразных растений в виде клевера, люцерны, эспарцета, многих сложноцветных и т. д.

Не совсем ясен и вопрос влияния безотвальной вспашки на численность паразитов и хищных насекомых. Многие вредители сельскохозяйственных культур на разных стадиях своего развития поражаются паразитами и поедаются хищными насекомыми, как то: жуками-коровками, мухами-журчалками и т. д. Известно около 20 видов паразитических перепончатокрылых, поражающих гессенскую муху и ограничивающих ее численность в природе. Мухи тахины развиваются в теле хлебных клопов-черепашек и саранчевых. Жуки коровки, золотоглазки и многие другие полезные насекомые во взрослом и личиночном состоянии питаются тлями, трипсами, цикадками, мелкими клопами и т. д. В какой мере повлияет глубокая безотвальная вспашка почвы на количественную сторону хищных и паразитических насекомых—это вопрос, подлежащий специальному изучению. Одно лишь очевидно, что положительное или отрицательное влияние новой системы обработки почвы на численную сторону паразитических и хищных насекомых должно быть не столько прямым, сколько косвенным.

9. О комплектовании группы вредителей биоценоза яровой пшеницы

Зооценозы яровой пшеницы комплектуются за счет перезимовавших на той или иной стадии развития животных среди естественных и искусственных стаций. К искусственным стациям относим и поле, подготавливаемое к посеву яровой пшеницы. Насекомых этого поля мы называем местными, а прилетевших сюда с других искусственных и естественных стаций — иммигрантами. Роль естественных и искусственных стаций в формировании зооценоза яровой пшеницы может быть различной. В связи с этим стации делим на группы первостепенного, второстепенного и третьестепенного значения. Стации первостепенного значения являются основными в формировании вредной фауны биоценоза яровой пшеницы. В отношении некоторых вредителей поле, на котором возделывается яровая пшеница, может быть отнесено к группе стаций первостепенного значения. К таким вредителям относятся хлебные жуки, жуки-щелкуны и ряд других. При определении роли естественных и искусственных стаций (а следовательно и их

биоценозов) в формировании группы вредителей в составе биоценоза яровой пшеницы очень важно учитывать характер предшественника последней. Ниже приводим таблицу, иллюстрирующую роль различных стаций, за счет биоценозов которых идет формирование группы вредителей яровой пшеницы с предшественником в виде подсолнечника.

Приведенная таблица комплектования группы вредителей яровой пшеницы применима только в такой системе севооборота, при которой предшественником яровой пшеницы была пропашная культура в виде подсолнечника. В данном случае имеется в виду не столько качественная, сколько количественная сторона вредителей. В связи с тем, что осенью 1956 года поле, после уборки подсолнечника, не подвергалось лущению и зяблевой вспашке, естественно, что роль группы местных вредителей должна быть на опытных делянках с дискованием и весновспашкой как при отвальной, так и особенно при безотвальной обработке почвы. И, тем не менее, преобладающее значение в комплектовании группы вредителей в составе биоценоза яровой пшеницы имели иммигранты, как переселенцы из других естественных и искусственных стаций, в которых осуществлялась перезимовка и частично дополнительное весеннее питание. Иммиграционный характер большинства вредителей в составе биоценоза яровой пшеницы объясняет факт относительного значения прямого влияния многих агромероприятий (связанных с обработкой почвы), рекомендуемых в качестве средства борьбы с ними. Однако, косвенное значение этих мероприятий в определении численности вредителей совершенно очевидно. Это косвенное влияние осуществляется через создание в стациях микроклиматических условий, способствующих широкому распространению одних вредных видов и ограничивающих численность других. В том и другом случае большое значение имеет природа отдельных видов (или популяций их), выражающаяся в стенотопности и эвритопности, стено-и эвритермности, ксеро-мезо-гигрофильности и других особенностях, как исторически сложившихся и наследственно закрепленных.

Изучение вопроса о влиянии новой системы обработки почвы на численную сторону вредителей яровой пшеницы в условиях Ульяновской области позволяет сделать следующие заключения:

1. В пределах лесостепной зоны, куда относится и территория Ульяновской области, вредная часть биоценоза яровой пшеницы в севообороте с пропашной культурой комплектуется за счет иммигрантов (пришельцев из других естественных и

Таблица № 11

Значение естественных и искусственных стаций в формировании группы вредителей яровой пшеницы

№№ п/п	Стации / Вредители	Тока, места хран. половы, соломы	Залежи, межи, овраги	Озимая пшеница, рожь	Естеств. злаково-разнотр. стации	Древесно-куст. стации	Поле под яровой пшеницей
1	Пшеничный трипс	Первостепенное	Второстепенное		Третьестепен.	—	—
2	Хлебные клопы	—	Второстепен.	—	—	Первостепенное	—
3	Пьявица	—	Первостепенное		Третьестепен.	—	—
4	Меромиза	—	Первостепен.	Первостепен.	Третьестепен.	—	—
5	Шведка	—	Второстепен.	Первостепен.	Третьестепен.	—	—
6	Зеленоглазка	—	Второстепен.	Первостепен.	—	—	—
7	Цикадки	—	—	Первостепен.	Третьестепен.	—	—
8	Хлебные пилильщики	—	—	Первостепен.	Третьестепен.	—	—
9	Яровая муха	—	Третьестепен.	Первостепен.	—	—	—
10	Хлебные блошки	—	Третьестепен.	—	—	Первост.	—
11	Злаковые тли	—	Второстепен.	Первостепен.	Третьестепен.	—	—
12	Хлебные жуки	—	Второстепен.	—	—	—	Первостепенное
13	Щелкуны	—	Второстепен.	—	—	—	Первостепенное

искусственных стаций) и местных видов (перезимовавших на данном поле).

2. К явным иммигрантам относятся: пшеничный трипс, хлебные клопы, пьявица, меромиза, шведская мушка, зелено-

глазка, злаковые тли, цикадки, хлебные пилильщики, яровая муха, хлебные блошки; это группа эвриаборигенных вредителей.

3. К явно узко местным вредителям относятся: щелкуны, хлебные жуки и другие многоядные вредители или виды с продолжительной по времени генерацией; это группа стеноаборигенных вредителей.

4. В системе севооборота с пропашными культурами лущение и зяблевая вспашка в борьбе с вредителями яровой пшеницы являются агромероприятиями относительного значения.

5. Применение глубокой безотвальной системы обработки почвы по отношению к пшеничному трипсу, меромизе, полосатой и большой хлебным блошкам оказывает положительное влияние на ограничение их численности. Это положительное влияние носит косвенный характер и выражается в создании в биоценозе яровой пшеницы микроклиматических условий, оказывающих неблагоприятное воздействие на распространение этих вредителей.

6. Применение глубокой безотвальной системы обработки почвы по отношению к хлебным пилильщикам, яровой мухе, щелкунам, хлебным жукам ведет к увеличению численности их. Применение этой системы на протяжении многих лет может привести к численному накоплению этих вредителей и обусловить массовую вспышку последних. В целях предотвращения подобной вспышки рекомендуется чередование отвальной и безотвальной системы обработки почвы.

7. При применении безотвальной системы обработки почвы большое значение в определении численности вредных насекомых яровой пшеницы имеет дискование и весновспашка. Так, явное преимущество дискования перед весновспашкой, как агротехнического средства борьбы с вредителями яровой пшеницы, проявляется на примере с пшеничным трипсом, меромизой, шведкой, цикадками, яровой мухой, зеленоглазкой и злаковыми тлями. Наоборот, явное преимущество весновспашки перед дискованием проявляется в большем ограничении численности полосатой и большой хлебной блошки и стеблевых хлебных пилильщиков. Последний вывод относится к вариантам опыта как с безотвальной, так и с отвальной системой обработки почвы.

8. Приводимые материалы по оценке новой системы обработки почвы в Ульяновской области с точки зрения энтомологической являются первой попыткой в этом направлении. Необходимость продолжения подобных исследований диктуется тем, что и сам автор этой системы Т. С. Мальцев предупреждал работников сельскохозяйственного производства не подходить к применению безотвальной обработки почвы шаблон-

но, а с обязательным учетом местных особенностей. Несомненно, что к таким местным особенностям относятся и вредители сельскохозяйственных культур и это тем более, как было показано выше, что по отношению к одним вредителям эта система имеет положительное (в сторону снижения их численности), а по отношению к другим (в сторону увеличения их численности) — отрицательное значение. С точки зрения производства это очень важно, т. к. качественная сторона вредной деятельности вредителей сельскохозяйственных культур выявляется в их количестве в период массового размножения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бируля Н. Б. Материалы к познанию метода энтомологического кошения. Тезисы докладов. 3-е Совещание Всесоюзного Энтомологического общества. Изд-во Академии Наук СССР. 1957.

2. Больдырев В. Ф. (ред.). Основы защиты сельскохозяйственных растений от вредителей и болезней. ч. 11. Огиз. 1936.

3. Волков С. М., Зимин Л. С., Руденко Д. К., Тупеневич С. М. Альбом вредителей и болезней сельскохозяйственных культур нечерноземной полосы Европейской части СССР. Сельхозгиз, 1955.

4. Гиляров М. С. Энтомологические проблемы, связанные с новейшей обработкой почвы. Зоологический журнал. т. XXXIV, вып. 2.1955.

5. Гриванов К. П. Глубокая вспашка вместо выжигания стерни в борьбе с пшеничным трипсом. Соц. зерн. хоз-во. Саратов. 1939.

6. Знаменский А. В. Насекомые, вредящие полеводству. ч. 1. Вредители зерновых злаков. Полтава. 1926.

7. Зверезомб-Зубовский Е. В. Вредители сахарной свеклы. Изд-во Академии Наук УССР. 1957.

8. Зубарева С. П. Оценка энтомологического кошения как количественного метода. Изд-во Пермского биол. науч. исслед. института. т. VII, вып. 2.1930.

9. Курдюмов Н. В. Главнейшие насекомые, вредящие хлебным злакам в средней и южной России. Полтава. 1912.

10. Курдюмов Н. В. Два трипса из рода Anthothrips, вредящие хлебным злакам. Труд. Полтав. опытн. с. х. станции. Отдел энтомологический. Полтава. т. 3. 1912.

11. Мальцев Т. С. Новая система обработки почвы и посева. Изд-во «Знание». 1956.

12. Мельниченко А. Н. Полезащитные полосы и размножение животных полезных и вредных для сельского хозяйства. Изд-во Московского об-ва испытателей природы. Москва. 1949.

13. Нефедов Н. И. Исследования по экологии пшеничного трипса. Учен. зап. Сталинградского пединститута. Вып. 2. 1955.

14. Н е ф е д о в Н. И. К методике проведения экологической экскурсии. Облкогиз. Сталинград. 1948.

15. Н е ф е д о в Н. И. Влияние сроков полива на относительную численность главнейших элементов животного населения биоценоза яровой пшеницы. Ученые записки Ульяновского ГПИ, вып. IX, 1956.

16. Н е ф е д о в Н. И. К вопросу вспышки черепашки в условиях юго-востока Европейской части СССР. Там же.

17. Н е ф е д о в Н. И. Биоценоз Ворошиловской озимой пшеницы и возможность направленного изменения его. Учен. зап. Сталинградского ГПИ, вып. 2. 1950.

18. Н е ф е д о в Н. И. К происхождению и сравнительному изучению биоценозов пшеничного и люцернового поля. Уч. зап. СГПИ, выпуск 3, 1953.

19. Н е ф е д о в а И. Н. О влиянии густоты стеблестоя Ворошиловской озимой пшеницы на степень повреждаемости комплексом вредителей. Учен. зап. Сталинградского ГПИ, вып. 2, 1950.

20. П е р е д е л ь с к и й А. А. Некоторые соображения о динамике численности вредной черепашки. Докл. Акад. Наук СССР, Новая серия. т. 59, № 7, 1948.

21. С а х а р о в Н. Л. Вредные насекомые Нижнего Поволжья. Саратов. 1947.

22. Ш у б и н В. Ф. По методу Мальцева. Сталинград. Когиз. 1956.

23. Щ е г о л е в В. Н. Новая система обработки почвы и задачи сельскохозяйственной энтомологии. Зоологический журнал. т. XXXIV, вып. 4. 1955.

24. Щ е г о л е в В. Н. Агротехнические методы защиты полевых культур от вредных насекомых и болезней. Ленинград. отдел. Сельхозгиз. 1935.

25. Щ е г о л е в В. Н. (ред.). Сельскохозяйственная энтомология. 1949. Сельхозгиз.

26. Б л а г о в е щ е н с к а я Н. Н. О гнездовании пчелиных — опылителей люцерны. Доклады АН СССР, том XCIX. № 5, 1954.

27. Б и р ю к о в М. По методу Т. С. Мальцева. «Ульяновская правда». 20.10.56, № 209.

28. Г л о в а т и н с к и й М. Широко изучать и внедрять новую систему обработки почвы. «Ульяновская правда», 23.5.56, № 101.

29. П о т у ш а н с к и й В. А. Настойчиво и творчески внедрять метод Т. С. Мальцева. «Ульяновская правда», 9.10.56, № 201.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

Том XII Выпуск 2

С. С. ГАЙНИЕВ

Кандидат биологических наук, доцент

К БИОЛОГИИ САЗАНА КУЙБЫШЕВСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

В результате сооружения плотины Куйбышевского водохранилища образовалось огромное водохранилище с площадью свыше 5000 квадратных км. Могучая энергия великой русской реки уже в полной мере используется для выработки электрической энергии. Просторы Куйбышевского водохранилища бороздят многочисленные караваны судов, не опасаясь, как прежде, перекатов. Но немаловажное значение имеет использование Куйбышевского водохранилища для рыбохозяйственных целей. По данным бригады Всесоюзного научно-исследовательского института озерного и речного хозяйства, возможная рыбопродукция определяется в 240 тыс. ц. Это в 8—10 раз больше, чем добывалось рыбы в зоне водохранилища в прошлом.

В отношении видового состава уловы намечаются следующие (в %%):

Осетровые	2	Щука	8
Сазан	15	Нельма (белорыбица)	1
Лещ	35	Планктонофаги	18
Судак	10	Прочие	11

Из приведенных данных видно, что сазан по величине уловов в Куйбышевском водохранилище должен занимать второе место.

Между тем в прошлом в бассейне реки Волги, в зоне влияния Куйбышевского водохранилища, сазан встречался редко, особенно в нижней части его. Изредка встречающиеся особи сазана относились преимущественно к старшим возрастным группам, младшие же возрастные группы, особенно в пределах Ульяновской области, совершенно не встречались. Несколько больше было сазана в пределах Татарской АССР. Но и здесь он встречался, по данным Лукина А. В. (1948), только на отдельных участках, которые были приурочены к

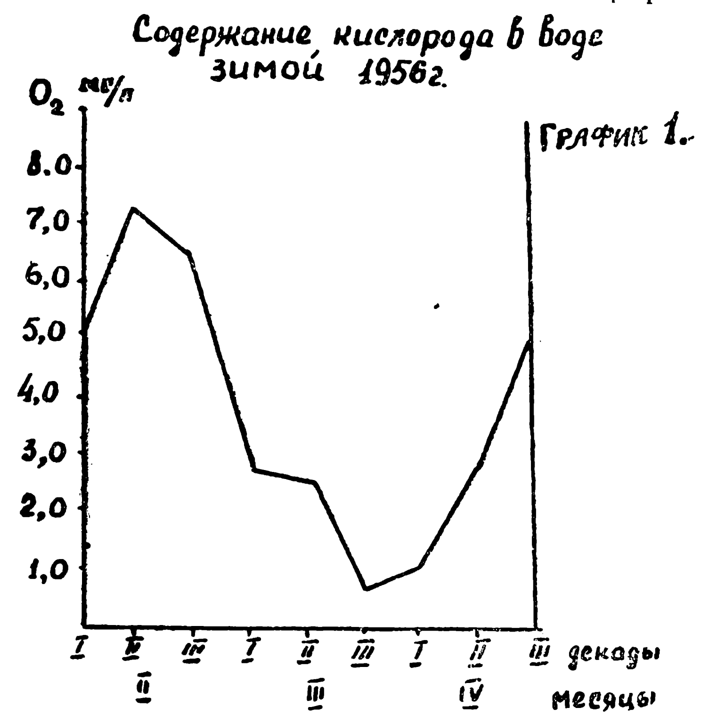
местам впадения в Волгу притоков. Как правило, такие участки характеризовались сильно развитой системой поемных озер, хотя все же и здесь он не мог быть отнесен к основным промысловым рыбам. Несколько чаще встречался сазан в таких притоках Волги, как Свияга, Большой Черемшан. Однако резервы сазана были крайне недостаточными, чтобы полагаться лишь на естественный прирост. В проекте рыбохозяйственного освоения Куйбышевского водохранилища предусматривается, что путем искусственных рыбоводных мероприятий должно формироваться не менее 80 процентов промыслового стада сазана (Лукин А. В., 1952). Понятно, что искусственное воспроизводство рыбных запасов связано с затратами материальных средств и рабочей силы. Однако, учитывая важное промысловое значение сазана, с этими затратами считаться не приходится. В связи с этим, встает вопрос о причинах, заставляющих уделять большое внимание искусственному воспроизводству сазана.

Сазан по сравнению с другими рыбами, встречающимися в Средней Волге, имеет ряд ценных биологохозяйственных особенностей. К последним в первую очередь относится его нетребовательность к содержанию растворенного в воде кислорода. В этом отношении он почти не имеет конкурентов среди речных рыб, уступая только карасю и линю. При осуществлении рыбоводных мероприятий в Куйбышевском водохранилище не учитывать содержание кислорода в воде, особено в зимний период, нельзя. Несмотря на то, что за последние годы был принят целый ряд мер к очищению сточных вод, промышленное и бытовое загрязнение воды в бассейне Волги продолжается. В маловодные, засушливые годы и в будущем возможны возникновения заморных явлений, как это наблюдалось в 1940 г. (Жданов С. П.) и в 1945 г. (Лукин А. В.). В графике 1 мы приводим данные содержания кислорода, составленные на основании анализов Чевелева Б. А. (1958 г.).

Из графика видно, что уже в первый же год существования Куйбышевского водохранилища в результате снижения содержания кислорода в воде до 0,62 мг/л создалось опасное положение для жизни некоторых видов рыб. Это обстоятельство заставляет настороженно относиться к разведению в водохранилище лососевых рыб. И, наоборот, больше следует полагаться на такие виды, которые менее требовательны к содержанию кислорода в воде. К последним относится сазан.

Второй ценной биологической особенностью сазана является его всеядность, что имеет весьма существенное значение. В прошлом в Волге растительные корма для рыб имели некоторое значение лишь в период паводка. В меженный же период, вследствие слабого развития растительных биоценозов

График 1

в русловой части реки, этот вид корма для них имел лишь третьестепенное значение. В водохранилище, наоборот, растительные корма уже сейчас занимают видное место. Наши двухлетние наблюдения показывают, что на тех участках, где глубины не превышают 4 метров, дно водохранилища покрывается сплошным ковром из нитчатых водорослей. Нитчатые водоросли также сильно развиваются в затопленных кустарниках. В заливах, хорошо защищенных от ветра, произрастают высшие водные растения. В летние месяцы на всей огромной площади водохранилища наблюдается цветение, вызываемое массовым развитием синезеленых водорослей. Таким образом, растительные корма в водохранилище получили широкое распространение и являются богатой кормовой базой для фитофагов.

По использованию растительных кормов среди волжских рыб сазан занимает одно из первых мест. Лишь подуст частично питается растительной пищей, однако численность этой рыбы в настоящее время в водохранилище настолько ничтожна, что не имеет сколько-нибудь существенного значения для промысла.

В третьих, сазан обладает очень важным хозяйственным признаком в отношении и темпа роста. Используя самые разнообразные корма, он быстро растет и набирает в весе. Никакая другая рыба не может сравниваться с сазаном по нарастанию веса. Перечисленные биологические и хозяйственные признаки заставляют рассматривать сазана как наиболее перспективный вид для рыбного промысла Куйбышевского водохранилища.

1. Некоторые черты экологии сазана в Куйбышевском водохранилище

Как отмечалось выше, на территории современного водохранилища в прошлом сазан встречался более или менее постоянно лишь в пределах Татарской АССР и в некоторых притоках Волги. Но уже лето 1956 г., первый год существования Куйбышевского водохранилища, ознаменовалось массовым появлением молоди сазана. Это знаменательное явление было связано: а) с выпуском бывшим Куйбышевским рыбтрестом мальков и б) естественным размножением этой рыбы. Учитывая важное теоретическое и хозяйственное значение сазана в Куйбышевском водохранилище, мы занялись подробным изучением некоторых черт экологии сазана в новых для него условиях. Наши наблюдения о биологии сазана ограничиваются центральной частью водохранилища.

Нерест сазана в Куйбышевском водохранилище непосредственно наблюдать нам не удалось. Выметанную икру находили мы весной 1956 г. в большом количестве. На основании этих находок можно установить, что икрометание сазана происходило с 25 мая по 5 июня, при температуре воды на местах нереста в 16—18°. Икринки были найдены на отмерших луговых злаках залитой поймы, на глубине не менее 4—6 метров. Здесь же изредка встречались икринки густеры, находившиеся на последних стадиях инкубации. Икра густеры, по-видимому, относилась ко второй порции икрометания, т. к. основная масса этой рыбы отнерестилась раньше. Яйца других рыб здесь обнаружить нам не удалось, потому что к этому времени размножение весенненерестующих рыб закончилось.

Наши наблюдения об условиях нереста сазана несколько не согласуются с данными других авторов, указывающих, что сазан откладывает икру на самое мелководье. Так, например, Лукаш (1933) пишет, что: «Ход на нерест всюду отмечается массовый, время обычно в начале спада воды; все опрошенные рыбаки согласно указывают, что сазан идет на нерест на крайнее мелководье, что при «игре» видна спина рыб; у пойманных на «игре» отмечают текучую икру и молоки».

Лукин А. В. (1948) указывает, что нерест сазана начинается в конце паводка, при температуре воды около 18° на сильно заросших мелководных участках поймы с жесткой растительностью, что во время нереста сазана происходит интенсивное падение уровня воды, вследствие чего основные нерестилища его оказывались отрезанными от реки, а при этом часть выметанной икры погибала. В прошлом, до образования водохранилища, мы так же неоднократно отмечали обсыхание нерестилищ других рыб, в частности леща, густеры, приводившее к массовой гибели выметанной икры.

Условия размножения рыб в больших искусственных водохранилищах, как Куйбышевское водохранилище, существенно отличается от обычных, естественных водоемов. В прошлом в Волге, весенний паводок, связанный с повышением уровня воды, длился не более, чем до начала третьей декады мая. В настоящее время в Куйбышевском водохранилище повышение уровня воды продолжается до конца июня. Поэтому икра рыб, выметанная даже на самое мелководье, через некоторое время оказывается вдали от берега и на значительной глубине. Последнее имеет положительное значение для выживаемости личинок рыб. Если, как и в прошлом, инкубация икры проходила в прибрежной полосе, то это привело бы к гибели ее от действия прибоя во время шторма. О силе прибоя при сильном шторме можно судить хотя бы потому, что даже мальки размером до 10—12 см оказываются выброшенными на берег. Известно, что под действием волн, особенно штурмовых, берега водохранилища быстро разрушаются. Грунт, смытый с берегов, не уносится вниз, а откладывается у берегов. При инкубации икры в прибрежной полосе, она могла бы погибнуть также и от заиления. Таким образом, прибрежная полоса открытой части водохранилища оказывается весьма неблагоприятной для инкубации икры и вообще для размножения рыб. Икра же рыб, оказавшаяся на большой глубине, в результате продолжительного повышения уровня воды, оказывается в более благоприятной обстановке в отношении термического режима, без резких колебаний. Инкубация икры в условиях относительно постоянной температуры приводит к формированию более крупных, жизнеспособных личинок. Следовательно, на больших глубинах водохранилища создаются условия, благоприятствующие инкубации икры весенненерестующихся рыб и в том числе сазана.

Весной 1956 г. активно плавающих личинок сазана мы обнаружили 9 июня. Личинки плавали в заливчике небольшого острова, защищенном от действия ветров. Сам остров с площадью около 500 кв. м был расположен от ближайшего левого основного берега водохранилища на расстоянии 4 км. В последующие дни, а зетем в течение всего лета, мальки са-

зана постоянно встречались в левобережной части водохранилища, как правило, в защищенных от ветра заливах и протоках. Наши наблюдения над размножением сазана продолжались также летом 1957 года. Однако на этот раз не удалось нам находить ни выметанной икры, ни личинок. Весной 1957 года размножение сазана оказалось мало эффективным. Одной из причин такого явления, несомненно, является поедание молодью плотвы икры сазана на нерестилищах. На местах нереста этой рыбы молодь плотвы концентрировалась в огромных количествах.

Подобное уменьшение численности сеголетков сазана на втором году существования отмечают Дрягин А. П. (1952) для Цимлянского водохранилища.

Возможно, второй причиной малой эффективности естественного размножения сазана на второй год существования водохранилища является резкое изменение гидрологического режима по сравнению с первым годом. Летом 1956 г. Куйбышевское водохранилище было заполнено лишь до отметки 45, что на 9 метров ниже максимальной проектной. Вследствие этого уровень воды на створе города Ульяновска повысился против среднемеженного на 14,7 м. Пойма Волги оказалась неполностью залитой, в ней сохранились еще многочисленные острова, незатопленные кустарники. Между островами образовались протоки, большие мелководные заливы, хорошо защищенные от действия ветров. Именно эти мелководные заливы и протоки оказались местами массовой концентрации молоди рыб, в том числе сазана, где они кормились в течение всего лета. Лишь с понижением температуры воды до 10° сеголетки покинули эти места.

Весной 1957 года началось вторичное наполнение водохранилища. На этот раз уровень воды был доведен до проектной отметки (54). Уже к середине мая, т. е. на начало икрометания сазана, удобные места для нереста оказались глубоко под водой. Вся долина Волги вплоть до первой надпойменной террасы была заполнена водой. Скрылись под водой все многочисленные островки, протоки, кустарники, оставшиеся в прошлом году после первого наполнения. Долина Волги от плотины до города Тетюши превратилась в открытое море, подверженное действию ветров всех направлений.

Вместе с тем, в устьях рек, впадающих в Волгу, возникли новые заливы и острова. В одном из таких заливов 15 июня 1957 года мы обнаружили мальков сазана. Незначительное количество мальков сазана встречалось в огромном заливе, образовавшемся в устье реки Большого Черемшана. Этот залив настолько обширен, что лучше его называть Черемшанским плесом Куйбышевского водохранилища. Довольно большие заливы образовались в устьях реки Утки, Майны, Уреня,

Калмаюра по левому берегу водохранилища, Тушонки, Усы по правому берегу. Глубина воды в заливах не превышала 6—8 метров, преобладающая глубина была 4—6 метров; местами сохранились невырубленные кустарники. Большинство заливов хорошо защищены от ветра и в некоторых из них во время шторма укрываются суда. На некоторых заливах как Усть-Урень наблюдалось развитие высших растений (стрелолист, тростник). Большая прозрачность воды, отсутствие сильных волнений воды создали весьма благоприятные условиях для развития планктона, а также бентоса. Так, например, в пробе бентоса, взятой 13 августа в заливе Усть-Урень, биомасса составила на 1 кв. м дна в затопленных кустарниках 22,5 г, на затопленному лугу—17,1 г, в бывшем русле реки — 9,1 г (без крупных моллюсков). Обилие пищи в заливах в сочетании с хорошей защитой от действия ветра создавали благоприятные условия для жизни молоди рыб, в том числе сазана по сравнению с открытыми плесами водохранилища. Правда, во второй половине лета в связи с особенно сильным цветением воды в заливах, реофильные виды рыб, как синец, лещ, густера, жерех, вышли из заливов и до поздней осени держались на открытых плестах. Но молодь сазана продолжала кормиться в заливах.

2. Возраст и темпы роста сазана в Куйбышевском водохранилище

Для определения возраста и темпа роста сазана мы в своем распоряжении имели 200 экземпляров рыб, собранных летом 1956 г., 210 экземпляров — в 1957 г. Возраст определялся по шлифам твердых лучей анального плавника. В шлифах годовые кольца совершенно отчетливо выражены (см. рис. 1).

В материалах 1956 года было 195 сеголетков, собранных с середины июня по сентябрь месяц, три экземпляра рыб в возрасте 4 лет, по одному экземпляру пяти-и шестилетнего возрастов. В сборах 1957 г. сеголетков было 57 экземпляров, двухлеток—148 штук , пятилеток — 2, шестилеток — 1, семилеток — 2.

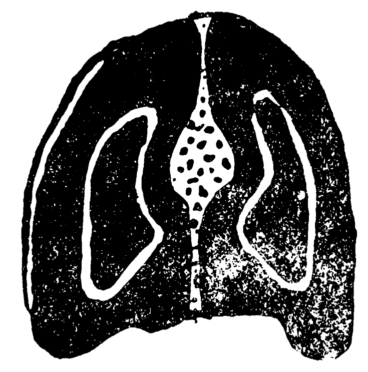

Рис. 1.

Рост сеголетков сазана

Сводные данные о росте сеголетков сазана за 1956 — 1957 годы приведены в таблице 1.

Таблица № 1

Рост сеголетков сазана в Куйбышевском водохранилище

Даты	Количество особей	Длина в см		Вес в г	
		колебания	среднее	колебания	среднее
11.VI. 56	25	1,5— 2,2	1,6	0,1— 0,4	0,2
15.VII.56	38	4,2— 8,2	5,2	4,2—19,3	12,1
30.VII.56	30	7,2—13,2	8,5	15,3—38,0	25,3
15.VIII.56	22	8,2—12,5	10,8	32,6—60,0	52,2
30.VIII.56	20	8,9—13,2	11,2	38,0—75,0	55,8
15.IX.56	60	13,0—16,0	14,6	58 —126,0	81,4
15.VI.57	14	1,4— 2,1	1,6	0,1— 1,3	0,2
15.VII.57	12	4,2— 9,2	6,5	5,2—35,0	15,2
25.VII.57	9	8,3—11,2	8,6	16,2—45,0	28,2
8.VIII.57	14	7,0—12,3	11,2	36 —75,0	48,2
10.IX.57	8	13,2—20,2	16,2	84,0—140,0	126,0

Из таблицы видно, что уже к середине июня начинается интенсивный рост сеголетков сазана. К этому времени средняя длина мальков сазана летом 1956 г. равнялась в среднем 1,6 см, тогда как к моменту выклева из икры личинки имеют длину всего лишь 1,2—1,3 см.

Летом 1957 г. сеголетки сазана росли быстрее, чем в предыдущее лето. Особенно отчетливо заметен быстрый прирост веса тела сеголетков. Средняя длина сеголетков к концу вегетационного периода летом 1956 г. равнялась 14,6 см, а в 1957 году — 16,2 см, соответственно и вес 81,4 и 126,0 г. Это объясняется, по-видимому, особенностями гидрологического режима летом 1956, 1957 гг. Лето 1956 г. было холодным, тогда как лето 1957 года — жарким.

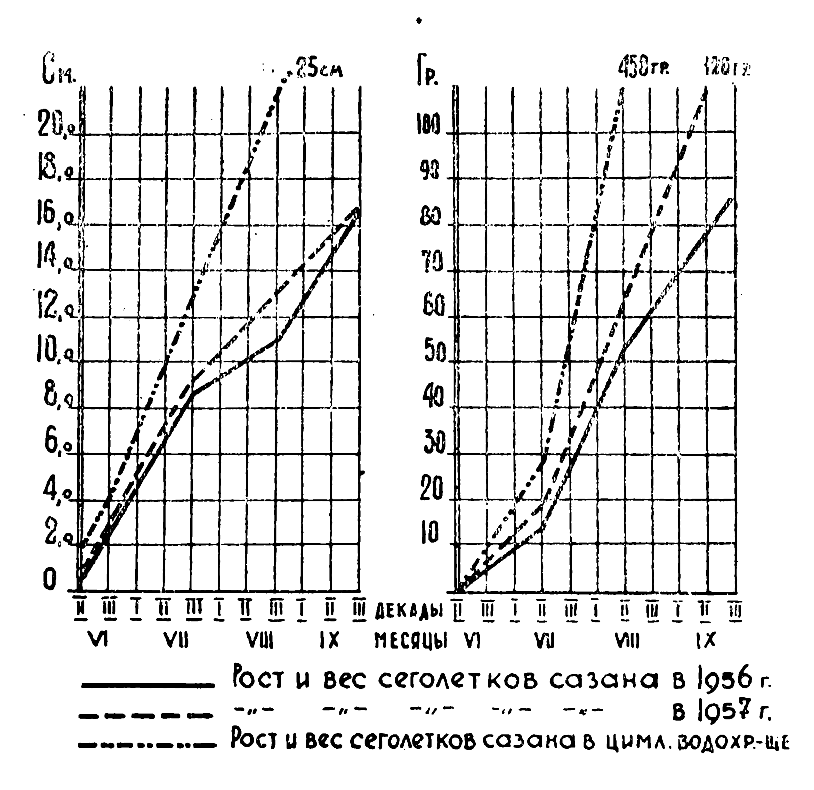
Среднемесячные температуры воды в Куйбышевском водохранилище в створе города Ульяновска были:

	Летом 1956 г.	Летом 1957 г.
Май	12°	12,8°
Июнь	20,2°	18,1°
Июль	16,2°	20,3°
Август	17,7°	20,6°
Сентябрь	7,5°	18,2°

Жаркое лето 1957 г. способствовало более интенсивному развитию бентоса и планктона. Это отразилось на темпе роста сеголетков сазана. В литературе о росте сеголеток сазана имеются лишь указания Дрягина П. А., Галкина Г. Г., Сорокина С. М. (1954) для Цимлянского водохранилища.

Для сравнения роста сеголетков из Куйбышевского и Цимлянского водохранилищ приводится график 2.

Сеголетки сазана в Цимлянском водохранилище растут быстрее, чем в Куйбышевском. Если средний размер их в Куйбышевском водохранилище к концу вегетационного периода 1956 г. составил 14,6 см, в 1957 г. — 16,2 см, то в приплотинном плесе Цимлянского водохранилища он равнялся в среднем 25,2 см. Соответственно средний вес рыб в Куйбышевском водохранилище в 1956 г. — 81,4 г, в 1957 г. — 126,0 г, в Цимлянском — 450,0 г. Такое резкое различие темпов роста одного и того же вида рыбы, но в различных водоемах, объясняется продолжительностью вегетационного периода в них. В Куйбышевском водохранилище вегетационный период для сазана продолжается около 3 месяцев, в Цимлянском—4.

Несмотря на некоторое отставание роста сеголетков сазана в Куйбышевском водохранилище, он все же очень высок по сравнению с другими рыбами. Весовой привес щуки, как наиболее быстро растущей рыбы, намного ниже, чем у сазана.

Интенсивный рост сазана продолжается также и на втором году жизни.

В связи с теплой весной усиленное питание сазана началось в 1957 г. уже в начале мая. Об этом свидетельствуют следующие факты: два сазанчика, пойманные нами в ставные сети 4.V.57 г., имели наполненные кишечники. В содержимом кишечника преобладали наземные виды малощетинковых червей, остатки воздушных насекомых. Нахождение в кишечнике наземных беспозвоночных объясняется тем, что рыбки были пойманы на участке недавно затопленной поймы. Усиленное питание в течение всего лета способствовало интенсивному росту рыбок и на втором году жизни. Это отчетливо видно из таблицы 2.

Таблица № 2

Рост сазана на втором году жизни в Куйбышевском водохранилище

Даты	Кол-во экз.	Размеры рыб в см		Вес рыб в г	
		колебания	среднее	колебания	среднее
15.V. 57	60	14—23[1]	16,2	85—230	150
15.VI.57	35	16—25	20	120—295	210
15.VII.57	30	18—27	23	180—450	350
15.VIII.57	16	22—24	28	350—900	580
15.IX.57	7	28—35	32	550—1300	900

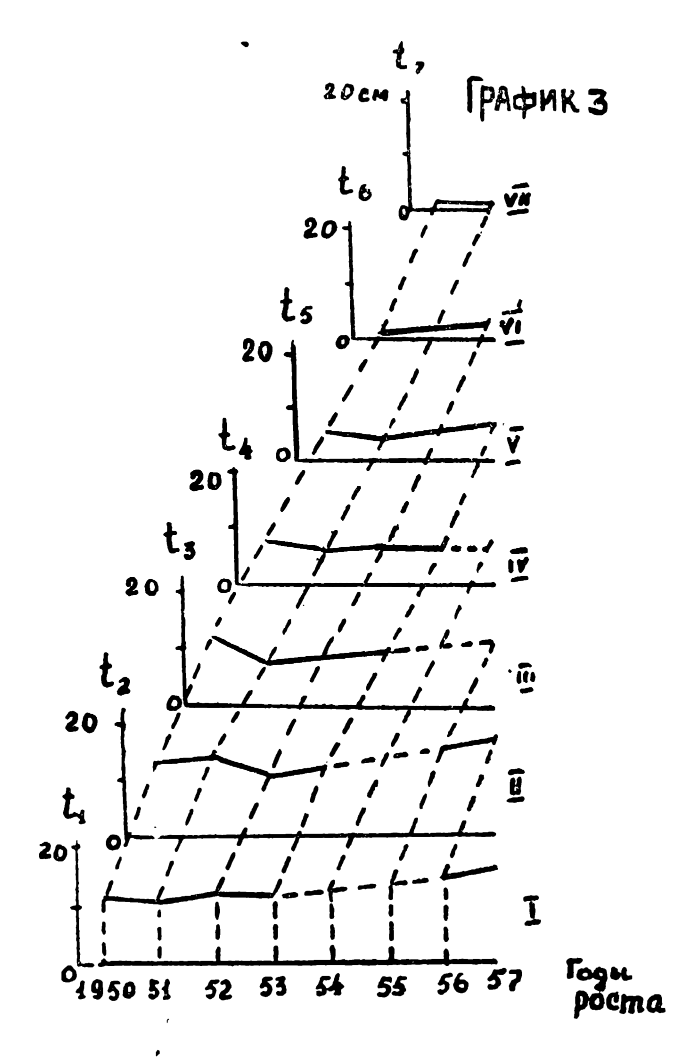
Из приведенных данных видно, что к 15 июня сазанчики второго года имели средний размер 20 см и вес в 210 г к концу вегетационного периода средний размер составлял уже 32 см и вес 900 г. За второй год жизни вес сазанчиков увеличился более чем в 6 раз. По увеличению веса тела никакая другая рыба Куйбышевского водохранилища не может сравниться с сазаном.

Если сравнивать рост сазанов второго года Куйбышевского водохранилища с этой же возрастной группой рыб из других водоемов, то темп роста рыб в первом водоеме оказывает-

[1] Длина без хвостового плавника.

ся выше. Так, например, средний размер двухлеток сазана из Азовского моря составляет 25,5 см и вес — 372 г., из Аральского моря — 21,5 см и вес — 383 г. (1949). Даже в пределах Средней Волги размер двухлеток сазана до образования Куйбышевского водохранилища был значительно меньше чем в настоящее время. Это отчетливо видно из графика 3.

График 3 составлен на основании определения темпа роста сазана по методу обратных расчислений. Хотя в нашем распоряжении было всего лишь 10 экземпляров рыб, но все

же некоторые выводы можно сделать и на основании небольшого материала.

Размер сеголетков сазана до образования водохранилища в зависимости от года составлял от 11,8 до 12,6 см, т. е. на 2,3—4,0 см меньше, чем в настоящее время. Средний размер двухлеток равнялся от 24,0 до 25,8 см, прирост второго года—от 9,2 до 14,8 см. Трехлетки от 3,2 до 38,4 см прирост третьего года — от 7,2 до 12,6 см, прирост четвертого года — от 3,8 до 5,2 см. Дальнейший линейный прирост происходил медленно — на пятом году в среднем 1,5 см, на шестом — 1,3 см. Однако прирост веса тела продолжался весьма интенсивно до самых старших возрастных групп. В наших сборах четырехлетки весили в среднем 2,8 кг, пятилетки — 4 кг, шестилетки — 5,2 кг.

Быстрый рост сазана в Куйбышевском водохранилище представляет исключительный интерес с рыбохозяйственной и научной точек зрения. Основными причинами такого необычайного прироста сазана, достигающего на втором году промысловых размеров являются:

а) обилие разнообразных кормов в течение всего вегетационного периода; б) обширность водоема, создающая известную разряженность рыбного населения.

Выводы

1. За два года существования Куйбышевского водохранилища воспроизводство сазана происходило быстрыми темпами.

2. Все возрастные группы сазана концентрируются в летнее время в левобережных участках водохранилища, особенно заливах, защищенных от действия сильных штормов.

3. Для дальнейшего и быстрого увеличения численности сазана, как наиболее быстро растущей рыбы, дающей в короткий промежуток времени экономический эффект, необходимо форсирование мероприятий по искусственному разведению и строгая охрана основных стаций массовой концентрации его.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дрягин П. А., Галкин Г. Г., Сорокин С. М. Условия размножения и рост рыб в Цимлянском водохранилище. Известия ВНИОРХ, том XXXIV, 1954.

2. Жданов С. Н. Зимний гидрохимический режим Волги и волжские заморы. Тр. зоол. института, том VII, вып. 3, 1948.

3. Лукин А. В. Сазан Средней Волги (Татреспублика) и пути хозяйственного использования. Тр. Тат. отд. ВНИОРХ, вып. 4, 1948.

4. Лукин А. В. Волжские заморы, Тр. об-ва естествоиспытателей при КГУ, вып. 1—2, 1945.

5. Лукаш Б. С. Рыбы нижнего течения Вятки. Труды Вятского н/и института краеведения, IV, 1933.

6. Чевелев Б. А. Кислородный режим Куйбышевского водохранилища в первый год его существования. Сборник студенческих работ Ульяновского пединститута, вып. 2, 1957.

7. Шмидтов А. И. Проблема реконструкции рыбного хозяйства в связи со строительством Куйбышевского гидроузла. Ученые записки ГГУ, том 111, вып. 3, 1951.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

Том XII Выпуск 2

Н. И. НЕФЕДОВ

Профессор

ВЛИЯНИЕ ПОЛИВА ЯРОВОЙ ПШЕНИЦЫ НА ДИНАМИКУ ЧИСЛЕННОСТИ МЕРОМИЗЫ MEROMYZA SALTATRIX L.

Штакельберг (1949) указывает на широкий ареал распространения меромизы, включающий Западную Европу, Европейскую часть СССР, Кавказ, Среднюю Азию, Сибирь и Дальний Восток. Однако ареал наибольшей вредности этого вида ограничивается лесостепной зоной (Чесноков, 1956).

О меромизе, как вредителе хлебных злаков, Сахаров (1947) говорил, что в условиях Нижнего Поволжья она не изучена. Известная практикам сельскохозяйственного производства «белоколосица» или «бесколосица» в какой-то мере является результатом вредной деятельности меромизы. Автор указывал, что в областях Нижней Волги этот вид не имеет широкого распространения и, следовательно, его практическая значимость ничтожна. Между тем «белоколосица» и «бесколосость», как результат вредной деятельности меромизы, пшеничного трипса, шведской мушки, представляет из себя явление довольно широко распространенное среди посевов пшеницы юго-востока Европейской части СССР. Сходный характер повреждений, наносимых пшенице многими вредными насекомыми, затрудняет определение экономического значения в сельском хозяйстве меромизы. Как известно, вредная деятельность любого вредителя в первую очередь связывается с количественной стороной его представительства в составе того или иного культурного биоценоза. Единично встречающийся вредный вид большого практического значения иметь не может. Только в количественной стороне вредного вида проявляется его практическая значимость. В исследованиях сравнительного характера, как это имеет место в наших работах, абсолютно точный метод количественного учета компонентов биоценоза культурного поля не имеет большого значения. Известно, что даже метод биоценометрический, не говоря о его громоздкости, является не абсолютным, а лишь относительным, т. к.

при разборке материала в лабораторных условиях, в результате подвижности членистоногих, малых размеров многих видов, относительного совершенства наших органов зрения естественная утечка какой-то части сборов совершенно очевидна. Кроме того, применение биоценометрического метода затрудняет возможность взятия большого числа проб, что особенно важно при сверхдисперсном распределении многих компонентов биоценоза культурного поля. Для практики сельскохозяйственного производства важно знание не абсолютной численности вредителя, а такой его относительной численности, при которой вредный вид представляет из себя определенную угрозу сельскохозяйственной культуре. Важна не констатация факта присутствия или отсутствия данного вредителя в районе, области (хотя и это имеет значение), а указание на возможность такой массовой вспышки, при которой потери от вредителя могут принять ощутимые размеры. Метод кошения количественным энтомологическим сачком, как метод относительного учета численности вредителей, с успехом может быть использован при постановке прогноза массовой вспышки их, что и было показано нами на примере с вредной черепашкой (Нефедов, 1954). Этот метод использован нами и при изучении динамики относительной численности меромизы в составе животного населения пшеничного поля. Место исследования и условия работы были описаны нами раньше (Нефедов, 1956). В результате применения метода кошения количественным энтомологическим сачком по разным фазам в развитии яровой пшеницы были получены данные, приведенные в таблице № 1.

Таблица № 1

Относительная численность меромизы по фазам развития яровой пшеницы Мелянопус 69 в различных вариантах опыта

	Кущение	Выход в трубку	Колощение	Цветение	Начало спелость	Полная спелость	Восковая спелость	Всего
Контроль	38	27	1	47	35	71	9	228
Вегетационный полив	153	50	10	63	17	46	2	341
Зимне-вегет. полив	82	86	21	40	30	38	7	304
Зимний полив	78	16	4	77	23	31	7	236
Всего	351	179	36	227	105	186	25	1.109

Примечание: 1. Кошение проводилось около часа дня.

Казалось бы, что из рассмотрения данных таблицы № 1, определенной закономерности в численном распределении меромизы по фазам в развитии яровой пшеницы опытных полей подметить не удается. В самом деле, максимальная ее численность приходится:

на контрольном поле — в фазу молочной спелости —46,5 проц., от общей численности по всем фазам,

на поле с вегетационным поливом — в фазу кущения — 44,9 проц., цветения — 17,6 проц.,

на поле с зимне-вегетационным поливом — в фазу кущения — 27,0 проц., выхода в трубку — 28,3 проц.,

на поле с зимним поливом — в фазу кущения — 32,6 проц., цветения — 32,6 проц.,

Однако, как правило, ранним фазам в развитии яровой пшеницы и в первую очередь фазе кущения соответствует максимальная численность меромизы. Исключением из этого правила следует считать распределение мушки по фазам развития яровой пшеницы на контрольном поле.

Нами указывалось (Нефедов, 1953), что «посевы люцерны являются местами резервации весьма важных вредителей пшеницы», включая сюда не только шведку, зеленоглазку, яровую муху, но и меромизу. Установлено, что «роль злаковых мушек и яровой мухи в составе биоценоза люцерны первого года жизни более значительна, чем на люцерне старовозрастной». Объясняется это не только залетом этих вредителей из естественных или искусственных биоценозов, но и наличием среди люцерны сорняков в виде пырея, мятлика и др. злаков.

Развитие меромизы связано с мятликом, живородящим мятликом, пыреем, тимофеевкой, типчаком, лисохвостом, костром безостым и некоторыми другими дикими и сорными злаками. Из культурных злаков в большей мере меромиза предпочитает пшеницу.

В личиночном состоянии меромиза зимует на озимых пшеницах и в «луковичках» мятлика живородящего естественных стаций. Ранней весной, когда яровая пшеница находится в фазе всходов или кущения, вылетают мухи. После оплодотворения самки приступают к откладке яичек на листья пшеницы и реже других культурных злаков, а из дикорастущих или сорных — на листья мятлика, пырея и других. Зеленоватого цвета личинки меромизы забираются в стебли яровой пшеницы, что особенно имеет место в фазу всходов и кущения и особенно в фазу выхода в трубку. Поврежденные личинками меромизы стебли не имеют вздутий. Личинки часто повреждают ножку колоса, что приводит к отмиранию последнего или же он остается белоколосым. Обычно же личинки повреждают колоски, в результате чего верхушечная часть колоса

оказывается без колосков и, следовательно, без зерен. Примерно в середине лета вылетают мухи второго поколения. Последние откладывают яички на дикорастущие злаки, сорные злаки, падалицу и озимые злаки, где развившиеся личинки перезимовывают.

Об избирательной способности меромизы в отношении откладки яичек говорят Клоков (1926) и Лескова (1952). Однако вопрос о предпочтении одних сортов пшеницы перед другими остается открытым из-за недостаточной изученности этого вопроса.

По данным Клокова (1926), из пяти типов повреждений меромизой наибольшее хозяйственное значение имеют: а) питание личинок за счет колоса и его ножки, что имеет место в фазу выхода в трубку и формирования колоса и б) питание личинок за счет отдельных колосков верхней части колоса, и наливающихся зерен в фазу молочной спелости.

Чесноков (1956) утверждает, что «хозяйственный вред меромизы находится в большой зависимости от совпадения наиболее опасной фазы развития растения с периодом массового отрождения личинок».

Как уже говорилось выше, личинки весеннего поколения меромизы развиваются в стеблях яровой пшеницы и лишь частично ячменя и ржи, а личинки летнего поколения — в стеблях диких и сорных злаков и частично—озимых посевов. Это означает, что весенние мухи связаны в своем существовании с первыми фазами в развитии яровой пшеницы, а летние мухи, появляющиеся, в конце вегетации яровой пшеницы, в какой-то мере связаны в своем существовании в смысле питания с последними фазами в развитии ее и, главным образом, с фазой молочной спелости. Питание мух летнего поколения обеспечивает половую продуктивность и возможность откладки яичек на дикорастущие и сорные злаки и озимые посевы. Исходя из жизненного цикла меромизы в условиях юго-востока Европейской части СССР, приходим к заключению, что комплектование численности меромизы в составе биоценоза первых фаз в развитии яровой пшеницы идет за счет, главным образом, иммигрантов из естественных и сорных стаций и весьма в ограниченной степени за счет аборигенных мух, развивающихся на падалице или сорных злаках данного поля. Развитие мух летнего поколения в большей мере связано с яровой пшеницей не только в смысле формирования личинок и их питания, но и питания взрослых мух. Так как вегетация яровой пшеницы подходит к концу, то естественно предположение, что в основной своей массе мухи летнего поколения питаются соками яровой пшеницы в фазу молочной спелости. С переходом яровой пшеницы в фазу восковой спелости, в связи с уплотнением покровов зерна, эти мухи

мигрируют на естественные и сорные злаковые стации и на посевы озимой пшеницы, где не только заканчивается их питание, но и происходит откладка яичек. Исходя из этого, попытаемся разобраться в динамике относительной численности меромизы в связи с фазами в развитии яровой пшеницы по всем вариантам опыта.

Контрольное поле и поле с зимним поливом, как стации ксерофитного типа, заселяются меромизой в меньшей степени, чем поля с вегетационным и зимне-вегетационным поливом и, кроме того, значительная доля этих мушек приходится на более поздние фазы в развитии яровой пшеницы. Это хорошо видно на таблице № 2, где приводятся процентные соотношения меромизы от общего числа особей по некоторым фазам в развитии яровой пшеницы.

Таблица № 2.

Процентные соотношения в численности меромизы по фазам развития яровой пшеницы

	Кущение и выход в трубку	Колощение и цветение	Молочная спелость	Восковая спелость
Контроль	12,3%	18,3%	36,4%	36,0%
Вегетационный полив	38,2%	27,7%	21,6%	8,0%
Зимне-вегетационный полив	31,7%	23,2%	23,4%	28,0%
Зимний полив	17,8%	30,8%	18,6%	23,0%
	100% = 530	100% = 263	100% = 291	100% = 25

Меромиза является мезофильным видом, и в силу этого обстоятельства она не получает возможности к массовому распространению в условиях степей юго-востока с резко континентальным климатом. Однако в годы с большим количеством осадков в весенне-летний период или в условиях орошаемого хозяйства ее роль, как серьезного вредителя хлебных злаков, сильно возрастает. Из приведенной выше таблицы видно, что на контрольном поле и на поле с зимним поливом относительная численность меромизы значительно ниже по сравнению с полями зимне-вегетационного и вегетационного полива. Кроме того, бросается в глаза отсутствие четкой закономерности в численном распределении меромизы по фазам в развитии яровой пшеницы на поле без полива и с зимним поливом. Ксерофитные условия поля без полива совершенно очевидны. Поле же с зимним поливом, как уже отмечалось нами ранее (1956, 1957), так же обладает ксерофитными чер-

тами. Ксерофитный характер этих стаций и послужил основной причиной меньшей здесь численности меромизы и отсутствия закономерности в ее распределении по фазам развития яровой пшеницы. Интересно отметить, что по всем опытным полям (с поливом и без полива) в фазу молочной спелости и частично в фазу цветения численность мушки несколько возросла в сравнении с остальными фазами. Это возрастание мы ставим в связь с обратной миграцией сюда меромизы летнего поколения из естественных и сорных злаковых стаций, что было вызвано необходимостью питания за счет богатой и высококачественной пищи в виде соков зерна яровой пшеницы в фазе молочной спелости. В дальнейшем, в связи с переходом яровой пшеницы в фазу восковой спелости на всех опытных полях наблюдается резкое снижение численности меромизы за счет ее дружной миграции в естественные и сорные злаковые стации, где и происходит яйцекладка.

Мезофильный характер меромизы особенно выявляется по фазам развития яровой пшеницы на полях с вегетационным и зимне-вегетационным поливом, особенно в фазу кущения и частично в фазу выхода в трубку. Однако, как и в отношении шведки, меромиза менее богато представлена на поле с зимне-вегетационным поливом в сравнении с вариантом опыта с вегетационным поливом. Полив зимой этого поля (вариант с зимне-вегетационным поливом) отрицательно сказывается на заселении яровой пшеницы мухами весеннего поколения даже на ранних фазах (кущение, выход в трубку) в сравнении с полем вегетационного полива. Объясняется это тем, что полив в зимнее время губительно сказывается на перезимовке личинок в стеблях падалицы или сорных злаков, так или иначе оказавшихся на поле, подготавливаемом с осени для посева яровой пшеницы.

Из рассмотрения данных таблиц №№ 1 и 2 можно сделать заключение о том, что: а) группа меромизы биоценоза контрольного поля, как ксерофитной стации, комплектовалась здесь в первую очередь за счет иммиграционной мушки, прилетающей сюда в фазу молочной спелости яровой пшеницы для питания и в меньшей степени за счет аборигенной меромизы; б) этот же вывод относится и к комплектованию группы меромизы биоценоза яровой пшеницы на опытном поле с зимним поливом, как стации с ксерофитными чертами; в) в группе меромизы биоценоза поля с зимне-вегетационным поливом комплектование шло за счет иммигрирующих мух на ранних фазах в развитии яровой пшеницы (кущение и выход в трубку), а позднее — за счет аборигенных и иммиграционных мух в равной степени; г) в группе меромизы биоценоза яровой пшеницы на поле с вегетационным поливом даже в фазу кущения комплектование шло за счет иммигрантов и лишь в

более поздние фазы — за счет аборигенных (летнее поколение) и иммиграционных мух. Поле с вегетационным поливом послужило не только стацией для массового заселения мухами весеннего поколения, но и той стации, за счет которой пополнялось не только летнее поколение мух биоценоза контрольного поля, но и поля с зимним поливом.

В связи с этим встает вопрос относительно вредной деятельности меромизы. Принято считать, что меромиза, если и вредит культурным хлебным злакам в виде пшеницы, ржи и ячменя, то только в личиночном состоянии. Отрицать этого, конечно, нельзя. Однако нельзя отрицать и того, что при массовом распространении меромизы в составе биоценоза яровой пшеницы вред она может приносить и во взрослом состоянии, что особенно относится к мухам летнего поколения, существование которых в какой-то мере связано с фазой цветения яровой пшеницы на поле с зимним поливом, а главным образом, с фазой молочной спелости на всех вариантах опыта. Тем не менее, численность меромизы в фазу молочной спелости по всем вариантам опыта довольно высока, хотя и ниже в сравнении с более ранними фазами в развитии яровой пшеницы. Это и дает нам право утверждать о вредном значении не только личиночной стадии меромизы, но и ее взрослой стадии. Ясно, что яровая пшеница почти на всех фазах ее развития страдает от личинок весеннего поколения мух. Однако этим дело не ограничивается. В какой-то мере мухи весеннего поколения питаются соками листьев и стеблей первых фаз в развитии яровой пшеницы. От аборигенных и иммиграционных мух весеннего поколения страдает яровая пшеница в фазу цветения и особенно в фазу молочной спелости. Питание взрослых мух, в дополнение к питанию личинок мух весеннего поколения, увеличивает вредоносное значение этого вредителя. Специальных исследований по этому вопросу мы не проводили. Однако мы судим об этом на основании сопоставления относительной численности меромизы по разным фазам в развитии яровой пшеницы всех вариантов опыта.

Рассматривать характер распределения меромизы по фазам развития яровой пшеницы на всех вариантах опыта как чисто простую случайность, конечно, нельзя, хотя метод кошения количественным энтомологическим сачком является относительным. Нельзя считать простой случайностью, что в фазу молочной спелости яровой пшеницы на контрольном поле относительное обилие определилось в 71, в то время как по остальным опытным полям оно колебалось в пределах 31—46. Нельзя, конечно, считать случайностью значительное увеличение относительной численности меромизы в фазу молочной спелости яровой пшеницы по всем вариантам опыта в сравнении с предыдущей фазой—начала молочной спелости. Совер-

шенно очевидно, что это возрастание обилия связано с выходом мух летнего поколения и с иммигрантами из естественных и сорных злаковых стаций. Несомненно и то, что возрастание обилия мух в эту фазу развития яровой пшеницы связано с их питанием за счет соков развивающегося зерна. Это питание является жизненно необходимым и связано с предстоящим формированием и откладкой яичек на дикие, сорные злаки и озимые посевы, где развившиеся к осени личинки останутся на зимовку.

Меромиза как во взрослом, так и в личиночном состоянии оказывает отрицательное влияние на размеры урожая зерна яровой пшеницы в сторону его снижения. Определение коэффициента вредности и коэффициента народнохозяйственных потерь в результате вредной деятельности меромизы из-за неразработанности методики представляет большие трудности. Тем не менее, в совокупной вредной деятельности меромизы, шведки, яровой мухи, хлебных клопов, пшеничного трипса и других вредителей яровой пшеницы, урожай зерна последней должен снижаться в зависимости от их численности. Мы уже указывали (Нефедов), inlitt , что амбарный урожай зерна по вариантам опыта на каждый килограмм высеянного зерна определялся:

по контрольному полю в 7,85 кг
по полю с зимним поливом в 7,75 кг
по полю с вегетационным поливом в 10,0 кг
по полю с зимне-вегетационным поливом в 10,93 кг.

Перевод размеров урожая зерна на каждый высеянный килограмм его диктуется тем, что нормы высева по вариантам опыта были различными (Нефедов, 1956). Пониженный урожай зерна на контрольном поле и на поле с зимним поливом, как стациях ксерофитного типа, является результатом комплекса вредной деятельности и ксерофильных и мезофильных вредителей. Естественно, что на ксерофитных стациях численность меромизы, как мезофильного вида, была значительно ниже, чем на полях с вегетационным и зимне-вегетационным поливом, как стаций мезофитных. Если принять относительную численность меромизы за весь вегетационный период яровой пшеницы по контролю за 100, то по поливным вариантам опыта получим следующие показатели: по вегетационному поливу — 149,6, по зимне-вегетационному поливу — 133,3 и по зимнему поливу — 103,5. Подобную же картину распределения наблюдаем и в отношении остальных мезофильных вредителей. Что касается ксерофильных вредителей, то их распределение по вариантам опыта носит обратный характер. И несмотря на это, урожай зерна на полях с вегетационным и зимне-вегетационным поливом оказался значительно выше урожая с контрольного поля и с поля с зимним поливом. Со-

вершенно очевидно, что этот повышенный урожай зерна даже при наличии максимальной численности мезофильных вредителей, в том числе и меромизы, является следствием полива в весенне-летний период и лучшего развития яровой пшеницы, чем это имело место на ксерофитных стациях.

Исходя из проделанной работы, можно сделать следующие выводы:

а) меромиза—мезофильный вид — в связи с орошением полей в период вегетации яровой пшеницы численность ее возрастает;

б) комплектование группы меромизы весеннего поколения в составе биоценоза яровой пшеницы идет за счет иммигрантов из естественных, сорных злаковых стаций и озимых посевов;

в) в комплектовании группы меромизы в составе биоценоза яровой пшеницы, на более поздних фазах развития последней, принимают участие не только аборигенные мухи, но и иммигранты из других стаций;

г) на контрольном поле и на поле с зимним поливом, как стациях ксерофитного типа, распределение меромизы по фазам развития яровой пшеницы не подчинено какой-либо определенной закономерности;

д) на поле с вегетационным и частично на поле с зимне-вегетационным поливом ранним фазам в развитии яровой пшеницы соответствует наибольшая численность меромизы весеннего поколения;

е) в фазу молочной спелости яровой пшеницы по всем вариантам опыта наблюдается некоторое повышение численности меромизы в сравнении с предыдущей фазой; особенно резкое повышение видим на контрольном поле и отчасти на поле с зимне-вегетационным поливом;

ж) очевидно, распределение меромизы по фазам развития яровой пшеницы связано не только с яйцекладкой, но и с питанием взрослых мух; это дает возможность говорить об экономическом значении меромизы не только в личиночном, но и во взрослом состоянии;

з) связь развития меромизы с яровой пшеницей, падалицей и сорными злаками оправдывает применение в качестве средств борьбы лущение стерни и глубокую зяблевую вспашку. В условиях поливного хозяйства, учитывая мезофильный характер меромизы, в борьбе с ней должно найти более широкое использование ядохимикатов ДДТ и ГХЦГ. В орошаемых хозяйствах степной и хозяйствах лесостепной зоны, где находит место безотвальная обработка почвы по Мальцеву, химическому методу борьбы с меромизой должно уделяться большое внимание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клоков Е. В. Меромиза. Харьковская областная с. х. опытная станция, Краткий обзор деятельности энтомологического отдела в 1924—25 гг., Харьков, 1926.

2. Лескова А. Я. Разработка системы агротехнических и химических методов борьбы с меромизой, вредителем ячменя и пшеницы. Ленинградский с. х. институт 1—20, Ленинград, 1952.

3. Нефедов Н. И. Животное население люцерны первого и четвертого года жизни в условиях колхоза «Новая жизнь», Краснослободского района, Сталинградской области. Ученые записки Сталинградского пединститута, вып. 3, 1953.

4. Нефедов Н. И. Влияние сроков полива на относительную численность главнейших элементов животного населения биоценоза яровой пшеницы. Ученые записки Ульяновского пединститута, вып. IX, 1956.

5. Нефедов Н. И. Биоценоз Ворошиловской озимой пшеницы и возможность направленного изменения его. Ученые записки Сталинградского пединститута, вып. 2, 1950.

6. Нефедов Н. И. Сохраним социалистический урожай хлебных злаков от злостного вредителя. Обл. лекц. бюро Управления культуры Сталинградского исполкома облсовета, Сталинград, 1954.

7. Сахаров Н. А. Вредные насекомые Нижнего Поволжья. Когиз, Саратов, 1947.

8. Штакельберг А. А. Двукрылые. Животный мир СССР. Изд. Акад. Наук СССР, т. 4, 1953.

9. Чесноков П. Г. Устойчивость зерновых культур к насекомым. Советская наука, 1956.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА
Том XII Выпуск 2

С. С. ГАЙНИЕВ
Доцент

ВЛИЯНИЕ МИКРОФАУНЫ НА ИНКУБАЦИЮ ИКРЫ РЫБ

(Предварительное сообщение)

По экологии размножения рыб имеется огромная литература. Особенно много исследований посвящено изучению инкубации икры и развития личинок рыб. Это вполне понятно, ибо эти проблемы представляют большой теоретический интерес и практическое значение в рыбоводной практике.

При изучении экологии размножения рыб большинство ихтиологов основное внимание обращает на такие абиотические факторы как температура воды, содержание кислорода в ней и т. п. Из биологических факторов учитывают влияние хищников, паразитов. Мир простейших животных, в огромном количестве окружающий эмбрионы рыб, до сих пор остается вне поля зрения большинства исследователей. Между тем, простейшие оказывают большое влияние на выживаемость эмбрионов и личинок рыб, особенно в первые дни их жизни. Микрофлора и микрофауна сильно развивается в пойменной части водоемов, образующихся в период весеннего паводка. Эти участки водоемов, особенно затопленные луга и мелкие кустарники, имеют большое количество биогенных веществ в виде остатков растительности. На них-то и откладывают икру значительное количество видов пресноводных, весенненерестующих рыб.

Обычно растительный субстрат рассматривается как место прикрепления выметанной икры. В действительности же этот растительный субстрат, вместе с многочисленными простейшими, поселяющимися на нем, оказывает огромное влияние на выживаемость эмбрионов рыб в процессе инкубации икры.

Изучая размножение рыб в первый год существования Куйбышевского водохранилища в районе Ульяновска, мы обратили внимание на довольно интересное явление. На растительных остатках, на которых происходит откладка и развитие икры, располагаются колонии простейших. При осмотре невооруженным глазом кусочки растительных остатков ка-

жутся покрытыми многочисленными волосками. При осмотре под лупой оказывается на них сидят многочисленные колонии коловраток и сувоек. Последние движением своих ресничек вызывают непрерывный ток воды. На каждую развивающуюся икринку приходятся сотни и более простейших организмов. Характерно, что коловратки и сувойки развиваются не на любом растительном субстрате, а только на луговых злаках. На остатках жестких, болотных растений они совершенно отсутствуют.

Наблюдения показали, что чем больше простейших и коловраток размещаются на кусочках растительности, тем больше в них нормально развивающихся эмбрионов. И наоборот, на стебельках растений с малой численностью колоний наблюдается гибель икринок от 10 до 40 проц. При рассмотрении под микроскопом погибших икринок видно, что они покрыты тонким слоем ила и диатомовых водорослей.

Гибель икры от заиления отмечали С. Г. Крыжановский, И. И. Деслер, Смирнова. Они указывают, что самец судака, охраняющий отложенную икру, движением своих плавников предохраняет ее от заиления и тем самым обеспечивает непрерывный приток кислорода к развивающемуся эмбриону. По нашим наблюдениям, у фитофильных рыб, в частности у леща, синца и густеры, эту роль выполняют многочисленные колонии сувоек и коловраток, окружающих эмбрион. С целью выяснения этого явления мы провели две серии опытов.

1-я серия опытов

В чашку Петри помещали отложенные икринки синца вместе с субстратом, взятые из естественного нерестилища. При этом выбирались такие кусочки растений, на которых было больше колоний сувоек и коловраток. В чашку добавляли некоторое количество ила и диатомовых водорослей. Затем под лупой наблюдали за действием ресничек сувоек и коловращательного аппаратов коловраток. Оказалось, что действие их настолько значительно, что вызывают довольно быстрое движение воды примерно в радиусе 25—30 мм. Создаваемая непрерывная циркуляция воды предохраняет икринки от оседания на их поверхности частиц ила и диатомовых водорослей. Эти частицы осели на дно чашки Петри на некотором расстоянии от икринок. В наших опытах все икринки нормально закончили инкубацию, и из них вышли нормальные личинки.

2-я серия опытов

В чашку Петри помещали икринки вместе с субстратом, но предварительно осторожно удаляли колонии сувоек и ко-

ловраток. Сюда, как и в первом случае, добавляли некоторое количество ила и диатомовых водорослей. При этом ил и диатомовые водоросли равномерно осаждались по всей чашке. Ил осаждался также на икринки, образуя сплошной тонкий слой. Это, видимо, нарушает и газообмен развивающихся личинок в икре. Часть из них в результате нарушения газообмена погибли. В наших опытах гибель личинок колебалась от 5 до 30 проц. Особенно чувствительны к заилению эмбрионы леща, синца, менее чувствительными оказались эмбрионы плотвы, окуня.

Настоящая статья является предварительным сообщением. В дальнейшем мы ставим перед собой задачу более подробного изучения влияния микрофауны и микрофлоры на инкубацию икры.

Выводы

1. Растительный субстрат является не только местом прикрепления икры, но оказывает активное влияние на процесс развития последней, благодаря присутствию многочисленных простейших, особенно прикрепленных инфузорий и коловраток.

2. Чем больше на растительном субстрате колоний коловраток и сувоек, тем больше нормально развивающихся икринок.

ЛИТЕРАТУРА

1. С. Г. Крыжановский, И. И. Деслер, Е. Н. Смирнова. Эколого-морфологические закономерности развития окуневых рыб. Тр. и-та морфологии им. Северцева А. Н., вып. 10, 1952.

2. С. Г. Крыжановский. Эколого-морфологические закономерности развития карповых, вьюновых и сомовых рыб. Тр. и-та морфологии АН СССР, вып. I, 1949.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

Том XII Выпуск 2

Р. НАУМОВ
Старший преподаватель

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПТИЦ В РЕГУЛИРОВАНИИ ЧИСЛЕННОСТИ ЗЛАТОГУЗКИ

Златогузка (Euproctis chrysorrhoea Z.) является весьма серьезным вредителем лиственных лесонасаждений Ульяновской области. По данным Ульяновского областного управления лесного хозяйства, златогузкой в 1951 году было сильно поражено 25633 га лесонасаждений области, в 1952 г. — 91765 га, в 1953 г.—82764 га и в 1954 г. — 46984 га. Причем, как показывают литературные и архивные данные, такое явление не является исключительным случаем. Поэтому важно знать факторы, регулирующие численность этого опасного вредителя.

В литературе очень большое значение в регулировании численности златогузки придается насекомоядным птицам. Так, Федотова К. М. (1948, 1948 а), основываясь на своих наблюдениях в окрестностях Киева в 1947—1948 гг., делает вывод, что насекомоядные птицы являются важнейшим регулятором численности златогузки, причем главная деятельность птиц приходится на зимний период. По данным Федотовой, 70—80 проц. зимних гнезд златогузки расклевывается птицами (преимущественно синицами) полностью, а в остальных гнездах гусеницы сохраняются единично. Так же оценивается деятельность птиц и в недавно вышедшей работе Корольковой Г. Е. (1956).

Для выяснения роли птиц по уничтожению зимующих гусениц златогузки в условиях лесонасаждений Ульяновской области мы провели в 1952 г. (период, когда массовая вспышка златогузки здесь была в разгаре) следующие наблюдения: 28 марта (накануне выхода гусениц златогузки из зимних гнезд) в насаждениях Ишеевского лесничества Ульяновского лесхоза было собрано 297 зимних гнезд златогузки. Насаждения, в которых собирались зимние гнезда, представляют собой порослевый молодой лес, состоящий из дуба и лещины. Густые заросли лещины и наличие по соседству опушек делают их благоприятными для заселения насекомоядными птицами.

Из 297 собранных гнезд 283, то есть около 95 проц., ока-

зались в различной степени расклеванными птицами. Затем все гнезда были распределены по степени расклеванности, которая устанавливалась в зависимости от целостности внешней паутинной оболочки гнезда. К сильно расклеванным относились гнезда с полностью нарушенной внешней оболочкой, к средне расклеванным — гнезда с оболочкой, нарушенной на две трети, к слабо расклеванным — на одну треть. Все собранные гнезда по степени расклеванности распределились следующим образом:

1. Нерасклеванные гнезда	14	штук	4,7%
2. Слабо расклеванные гнезда	146	штук	48,3%
3. Средне расклеванные гнезда	78	штук	27%
4. Сильно расклеванные гнезда	59	штук	20%
Итого	297	гнезд	

Затем в лаборатории был проверен выход гусениц из гнезд различной степени расклеванности. Результаты проверки сведены в таблицу № 1.

Таблица № 1

Выход гусениц златогузки из гнезд различной степени расклеванности

№№ пп	Степень расклеванности гнезда	Найдено гусениц в гнезде	Количество живых гусениц
1	Сильная	96	88
2	Сильная	24	20
3	Сильная	37	33
4	Сильная	102	95
5	Средняя	111	102
6	Средняя	42	37
7	Средняя	78	70
8	Средняя	237	223
9	Средняя	86	67
10	Слабая	144	132
11	Слабая	32	21
12	Слабая	117	114
13	Слабая	66	56
14	Слабая	123	114
15	Слабая	94	90
16	Слабая	92	85
17	Нерасклеванные	178	159
18	Нерасклеванные	344	318
19	Нерасклеванные	91	88
20	Нерасклеванные	274	233

Произведя небольшую обработку полученных данных, мы получим следующую таблицу:

Таблица № 2

Степень расклеванности гнезд	Число гнезд	Найдено гусениц в них	В среднем на гнездо	Найдено живых гусениц	В среднем на гнездо	% живых гусениц
Сильная	4	259	65	235	59	91
Средняя	5	554	111	499	100	90
Слабая	7	668	95	612	87	92
Нерасклеванные	4	887	222	798	200	90

Из таблицы № 2 видно, что даже в сильно расклеванных гнездах (а такие гнезда составляют всего около 20 проц. от общего числа гнезд) примерно одна четвертая часть гусениц остается нетронутой. К тому же, что особенно важно, процент жизнеспособных гусениц остается независим от степени расклеванности гнезда.

Такое явление объясняется, на наш взгляд, обилием зимних гнезд златогузки (на некоторых деревьях количество их доходило до 100 штук), так что птицы не успевают «обработать» все гнезда полностью, и особенностями устройства самих гнезд. Дело в том, что зимние гнезда окутаны снаружи слоями крепких шекловистых нитей и нарушить целостность этой оболочки весьма трудно. Но даже если нарушить эту внешнюю оболочку гнезда, то окажется, что гусенички там распределены по многочисленным колыбелькам с такой же прочной паутинной оболочкой.

Формозов (1950), анализируя деятельность синиц по уничтожению зимующих гусениц златогузки, пришел примерно к такому же выводу. Он пишет: «Листья гнезда сплетены так крепко и паутинный войлок настолько плотен, что извлечь всех гусениц из гнезда можно лишь при помощи пинцета. Из всех видов синиц только большая и отчасти лазоревка могут раздалбливать эти прочные гнезда. Обычно гнезда златогузки разоряются в несколько приемов. Некоторые из них имеют только легкие следы повреждений, а в сильно разоренных синицами гнездах остается не более 27 личинок (в среднем восемь). К сожалению, плотные стенки внутренних паутинистых камер предохраняют от гибели гусениц, оставшихся после повреждения гнезда». И далее: «По-видимому, эффект деятельности птиц по уничтожению гусениц златогузки зимой различен и зависит от многих причин, в числе которых — количество гнезд в насаждениях и наличие в природе другого корма».

Посмотрим теперь, какова роль птиц в уничтожении других фаз развития златогузки. Оценка роли птиц в уничтожении златогузки за период полного ее развития дана Федотовой (1948,1948а). При этом была применена следующая методика: на ряде кустов были подсчитаны гусеницы златогузки в третьем возрасте, затем взрослые гусеницы и, наконец, куколки. Разница между исходным количеством гусениц и количеством взрослых гусениц, а затем куколок приписывалась птицам, если не находилось трупов гусениц и куколок.

Вдумываясь в эту методику, наталкиваешься на целый ряд недоразумений. Как можно приписывать разницу между количеством гусениц третьего возраста и количеством куколок птицам, когда известно, что в третьем возрасте гусеницы златогузки обладают еще некоторой парусностью и потому вполне могут быть снесены ветром, что особенно вероятно для одиночно стоящих деревьев. Кроме того, гусеницы вполне могли быть уничтожены хищниками из мира насекомых (жужжелицами, мертвоедами).

Исследования по питанию таких насекомоядных птиц, как мухоловка-пеструшка (Семенов, 1956), большая синица (Милованова Г. А., 1956, Хватова Л. П., 1956) показывают, что в их корме гусениц златогузки не содержится. Наши наблюдения также показывают: что гусениц златогузки большинство насекомоядных птиц не трогает, что объясняется, по-видимому, сильной ядовитостью гусениц (Королькова Г. Е., 1956). Не трогают птицы и куколок златогузки, несмотря на то, что в период массовых вспышек златогузка окукливается группами в своеобразных гнездах (до 50 куколок в одном гнезде). Это объясняется, по-видимому, тем, что на месте окукливания остаются шкурки гусениц, покрытые ядовитыми волосками.

Заканчивая данную работу, следует признать, что методика точного количественного учета по изучению полезной деятельности птиц во многих случаях совершенно не разработана, и большинство исследований в этой области строится только на единичных наблюдениях.

Выводы

1. Без противоречий с фактами можно допустить, что в период между массовыми вспышками златогузки, птицы могут играть некотурую роль в регулировании ее численности.

2. В период зимовки златогузка наиболее уязвима для птиц, но в период массовых вспышек птицы и здесь не уничтожают ее полностью.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Королькова Г. Е. Изучение воздействия насекомоядных птиц на массовых вредителей дубрав. В кн. Пути и методы использования птиц в борьбе с вредными насекомыми. М., 1956 г.

2. Милованова Г. А. Материалы по питанию мухоловки-пеструшки и большой синицы. Там же.

3. Семенов С. М. Материалы по питанию мухоловки-пеструшки в гнездовой период. Там же.

4. Хватова Л. П. Питание большой синицы, полевого воробья и вертишейки. Там же.

5. Федотова К. М. Значение паразитов и насекомых птиц в ограничении размножения златогузки. Научные труды Института энтомологии и фитопатологии. Киев, 1950 г.

6. Федотова К. М. Роль биологических факторов в массовых размножениях златогузки и боярышницы. В кн. Вторая экологическая конференция... Киев, 1950 г.

7. Формозов А. Н. (редактор). Птицы и вредители леса. М., 1950 г.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА
Том XII Выпуск 2

Л. А. ГРЮКОВА
Ассистент

К ПОЗНАНИЮ ФАУНЫ ЩЕЛКУНОВ И ЧЕРНОТЕЛОК УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Среднее Поволжье входит в зону с наиболее вредной деятельностью проволочников (Ярославцев, 1936). Известно, что проволочники и ложнопроволочники наносят вред многим сельскохозяйственным культурам, а также молодым сеянцам и саженцам деревьев. В Ульяновской области они повреждают зерновые, огородные, технические и бахчевые культуры, вредят плодопитомникам.

Литературный материал по щелкунам и чернотелкам Ульяновской области весьма ограничен. Имеются лишь некоторые данные Ульяновской станции защиты растений (УСТАЗРа) по вредным проволочникам и ложнопроволочникам за 1926—1927 гг. Экономическое значение проволочников для отдельных сельскохозяйственных культур области не выяснено, недостаточно изучен ряд вопросов по биологии и экологии вредителей и меры борьбы с ними.

Для разрешения этих вопросов прежде всего необходимо выяснить видовой состав проволочников и ложнопроволочников и установить вредные виды, что и является задачей настоящей статьи.

В качестве материала для работы были использованы сборы кафедры зоологии Ульяновского государственного пединститута, проф. А. А. Любищева, сотрудника кафедры зоологии УГПИ Р. В. Наумова и мои личные сборы. Общий список видов щелкунов был составлен преимущественно на основе трех первых источников. Материалом для них послужили сборы насекомых в 1951—1956 гг. в окр. г. Ульяновска, г. Барыша, Сурска, Ст.-Майны, Чердаклов.

При установлении вредных видов щелкунов и чернотелок Ульяновской области использовались главным образом личные сборы (преимущественно почвенные раскопки) и данные УСТАЗРа. Почвенные раскопки (около 2400 раскопок размером 25 см × 25 см × 30 см и 50 см × 50 см × 30 см) и др. методы сбора насекомых (кошение энтомологическим сачком,

сбор вручную на поверхности почвы и под различными укрытиями) проводились в 1955—1956 годах в ряде пунктов Ульяновского района (колхозы «Родина Ильича», им. ОГПУ, «13-й год РККА», Ульяновская зональная опытная станция (УЛЬЗОС), агробиостанция УГПИ).

Определение видового состава имагинальных стадий щелкунов были проверены проф. А. А. Любищевым (Ульяновск) и просмотрены проф. М. С. Гиляровым (Москва, ин-т эвол. морф. АН СССР) и проф. Б. В. Добровольским (МГУ), а определения личинок вредных щелкунов и чернотелок проверялись проф. Б. В. Добровольским (МГУ) и к. б. н. Т. Г. Григорьевой (Ленинград, ВИЗРа).

В Ульяновской области наибольшее распространение имеют проволочники. Ложнопроволочники как сухолюбивые и теплолюбивые насекомые занимают второстепенное место. Из 2686 личинок проволочников и ложнопроволочников, обнаруженных при почвенных раскопках 1955—56 гг. в колхозах Ульяновского района, на долю ложнопроволочников приходится лишь 43 экземпляра, т. е. 1,6 проц.

Н. А. Сахаров (1947) считает границей распространения щелкунов и чернотелок в Поволжье линию Уральск—Саратов, к северу от которой происходит постепенное нарастание видов первых, а на юг — резкое увеличение вторых.

В окрестностях г. Ульяновска и в ряде районов Ульяновской области было зафиксировано 37 видов щелкунов, список которых приводится ниже. Список основан на небольшом количестве экземпляров, но он может представлять интерес как первая попытка к выявлению видового состава проволочников Ульяновской области.

В списке указывается количество экземпляров имагинальных стадий. Вредность щелкунов дана по литературным источникам.

Видовой состав щелкунов, отмеченных для пяти важных пунктов Ульяновской области

Обозначения: Ул. — окрестности г. Ульяновска.
Бар. — окрестности г. Барыша.
Сур. — окрестности Сурска.
Ст. М. — окрестности Ст.-Майны.
Черд. — окрестности Чердаклов.
УГПИ — коллекция Ульяновского гос. пединститута.

1. Adelocera conspersa Gyll.
   1 экз. 13/VI-52. Ул. Наумов. Вред не выяснен.
2. Agriotes aterrimus L.
   Полосатый лесной щелкун.

1 экз. 3/VI-56. Ул. УГПИ. Характерен для лесной зоны. Жуки и личинки вредят лесному хозяйству (Ильинский, 1951).

3. Agriotes lineatus L.
Полосатый посевной щелкун.
16 экз. 4.V—6.VII, Ул., Бар., Сур., Черд. Относится, как и последующие представители рода Agriotes, к наиболее вредным щелкунам сельского хозяйства. Доминирует в зоне лиственных лесов с подзолами южного типа (Гиляров, 1949).
4. Agriotes obscurus L.
Темный посевной щелкун.
3 экз. 26.V.52. Ул. Наумов, 6.VII.51. Ул. Любищев, 18.VI.53. Сур. УГПИ. Преобладает в зоне хвойных лесов с подзолами северного типа (Гиляров, 1949).
5. Agriotes sputator L.
Малый посевной щелкун.
29 экз. 26.IV—24.VI. Ул., Сур. Основное значение имеет для деградированных черноземов лесостепи (Гиляров, 1949).
6. Athous haemorrhoidalis F.
Картофельный или краснохвостый щелкун.
12 экз. 12.V—18.VI. Ул., Сур., Черд. Является вредителем многих сельскохозяйственных культур (Сахаров, 1947 и др.).
7. Athous niger L.
Черный щелкун.
29 экз. 1.VI—22.VII. Ул., Бар., Сур. Широко распространен по СССР, известен как один из наиболее вредных видов, наибольшее значение имеет в западных районах Европейской части СССР.
8. Athous subfuscus Müll.
Желтобурый лесной или сероватый щелкун.
8 экз. 12.V—30.VI. Ул., Бар., Сур. Типичен для лесной зоны. Отмечен как вредитель лесных питомников (Ильинский, 1951).
9. Athous vittatus F.
20 экз. 12.V—25.VI. В литературе нет указаний на его вредность.
10. Brachylacon murinus L.
Серый или огородный щелкун.
55 экз. 12.V—24.VI. Ул., Бар., Сур., Ст. М., Черд. Вредит многим сельскохозяйственным культурам, повреждает семена и корни сеянцев в лесных питомниках. (Ильинский, 1951 и др.).
11. Cardiophorus ebeninus Germ.
1 экз. 13.V.52. Ул. Наумов. Вызывает нек. сомнение,

12. Cardiophorus equiseti Hbst.
10 экз. 13.V—19.VI. Ул.

13. Cardiophorus erichsoni Buyss.
2 экз. 30.V.56. Ул., УГПИ.
25.VI.52. Ул. Любищев.

14. Cardiophorus rufficollis L.
1 экз. 16.VI.55. Бар., УГПИ.

15. Cardiophorus rufipes Geoffr.
1 экз. 19.VI.53. Ул. Наумов.

Мало изученные виды. Есть указание на вредность некоторых видов из рода Cardiophorus. (Сахаров, 1947).

16. Corymbites castaneus L.
Каштановый щелкун.
1 экз. 18.VI.53. Сур., УГПИ. Вред не установлен.

17. Corymbites sjalandicus Müll.
Мраморный или луговой щелкун.
10 экз. 14.VI—4.VII. Бар., Сур. В литературе есть неоднократные ссылки на повреждение культур данным видом. В ряде мест (Нижнее Поволжье, Сахаров, 1947; Томская область, Поспелова, 1947) вред не отмечен.

18. Corymbites sp?
1 экз. 25.VI. 52. Ул. Любищев.

19. Dalopius marginatus L.
Окаймленный щелкун.
2 экз. 30.V.56. 14.VI.55. Ул., Бар., УГПИ. Жуки и личинки вредят лесным питомникам. (Ильинский, 1951).

20. Denticollis linearis L.
3 экз. 30.V.56., 9.VI.56., 18.VI.53. Ул. УГПИ. Вред не установлен.

21. Drasterius sp?
1 экз. 19.VI.52. Ул. Любищев.

22. Elater balteatus L.
2 экз. 14.VI.55 и 16.VI.55. Бар., УГПИ.

Вред сомнителен или случаен (Гиляров, 1954).

23. Elater cinnabarinus Esch.
1 экз. 8.V.53. Ул. Наумов. Вызывает сомнение.

24. Elater ferrugatus Lac.
4 экз. 16.VI.—20.VI. Ул., Сур., УГПИ. Определение вызывает сомнение.

25. Elater pomonae Steph.
10 экз. 8.V—19.VI. Ул., Бар., Ст. М.

26. Elater sanguinolentus Schr.
5 экз. 8.V—19.VI. Ул., Сур.

27. Limonius aeruginosus Ol.
Ржавый щелкун.
9 экз. 4.VI—19.VI. Ул., Сур.

В литературе имеется указание, что род Limonius

28. Limonius sp[1]?
1 экз. 23.VI.51. Ул. Любищев.
29. Limonius sp[2]?
7 экз. 1.VI—24.VI. Ул., Бар.

иногда вредит сельскохозяйственным культурам. (Ильинский, 1951).

30. Melanotus rufipes Hbst.
Красноногий щелкун.
6 экз. 30.V—1.VII. Ул., Бар., Сур., Черд. Жуки могут иметь некоторую значимость для садоводства (Ильинский, 1951).
31. Pheletes aeneoniger De Geer.
2 экз. 14.VIII.51., 23.VI.52. Ул. Любищев. Вред не известен.
32. Prosternon tessellatum L.
Шелковистый щелкун.
82 экз. 12.V—30.VII. Ул., Бар., Сур., Ст. М., Черд. В литературе есть ссылки на его вредность. (Сахаров, 1947 и др.).
33. Selatosomus aeneus L.
Блестящий или бронзовый щелкун.
43 экз. 9.V. — 4.VII. Ул., Бар., Сур. Один из наиболее вредных щелкунов сельского хозяйства. В нечерноземной зоне на легких песчаных и супесчаных почвах является основным вредным видом (Яцына, 1948).
34. Selatosomus cruciatus F.
3 экз. 5.V.56. Ул., УГПИ; 16.VI.53. Ул. Любищев; 18.VI.52. Сур., УГПИ. Вред не установлен.
35. Selatosomus latus F.
Широкий щелкун.
42 экз. 27.IV—19.VI. Ул., Сур. Весьма вредный вид сельского хозяйства. Широко распространен в степной и лесостепной зоне.
36. Selatosomus nigricornis Panz.
2 экз. 9.VI.56. Ул. УГПИ. Вред не отмечен.
37. Synaptus filiformis F.
9 экз. 18.VI—5.VIII. Ул., Бар., Сур. Вред не отмечен.

На основании списка можно сделать некоторые предварительные выводы о наибольшем распространении в Ульяновской области шелковистого, серого, блестящего, отчасти широкого, черного и посевного щелкунов. Вред первых трех щелкунов для области не изучен.

В Ульяновской области УСТАЗРа (а) и нами (в) отмечены следующие вредные виды проволочников.

1. **Малый посевной щелкун** (а, в). Один из наиболее вредных видов Ульяновской области. Количество личинок его по отношению к личинкам других представителей рода Agriotes составляет 78,4 проц. (данные 1955 г. по колхозу «Родина Ильича», Ульяновского района; здесь встречаются исключи-

тельно проволочники данного рода; почвы суглинистые, расположенные в пониженных местах). На полях жуки появляются в начале мая (при теплой ранней весне — в конце апреля), где их можно встретить под комочками земли. Встречаются в мае и июне.

2. **Полосатый** посевной **щелкун** (а, в). Не уступая малому посевному щелкуну по вредности, данный вид значительно уступает ему по количеству встречаемых личинок. Вместе с темным щелкуном он составляет 21,6 проц. (колхоз «Родина Ильича», 1955). Жуки появляются 5—7 мая. В конце мая и начале июня встречаются в массовом количестве.

3. **Темный** посевной **щелкун** (в). Этот вид щелкуна, являющийся основным вредным видом в северной нечерноземной зоне, встречается в окр. г. Ульяновска лишь в небольшой примеси к двум указанным видам (среди личинок проволочников — единичные экземпляры).

4. **Широкий щелкун** (в). Личинки данного вредного вида на полях некоторых колхозов («13 год РККА», Ульяновского р-на; УЛЬЗОС) занимают преобладающее место (60 проц. от всех встречаемых лич. пр. и л-пр., данные 1955 г.), на полях других колхозов («Родина Ильича», Ульяновского р-на) не встречаются совсем (низинные, влажные почвы). Жуки появляются в конце апреля.

В качестве иногда вредящих полевым культурам проволочников отмечены довольно распространенные в Ульяновской области черный щелкун (отмечен УСТАЗРа), блестящий щелкун (Положенцев и Вебер, 1941 — указан вообще для Ср. Поволжья), а также картофельный щелкун (то же).

Данные проволочники при почвенных раскопках на полях в 5 пунктах Ульяновского района нами обнаружены не были. Плотность проволочников достигает 12 — 14 шт./м. кв. (УЛЬЗОС, 1956), 30—36 шт./м. кв. (к-з «Родина Ильича», 1956).

Ложнопроволочники объединяют, как известно, личинок чернотелок и пыльцеедов. Общий состав фауны чернотелок Ульяновской области не выяснялся. Наиболее вредными чернотелками установлены следующие виды:

1. Opatrum sabulosum L (а, в).
   Песчаный медляк.
   11 экз. лич. 21.V—1.X., 55—56 гг. Ул. 20 экз. жуков 27.IV—30.VI. Ул.
2. Pedinus femoralis L (а, в).
   Кукурузная чернотелка.
   17 экз. лич. 27.IV—1.X.55—56 гг. Ул.
3. Blaps halophila F—W (а, в).
   Степной медляк.

15 экз. лич. 27.IV—1.X.55—56 гг. Ул.; 1 экз. жука 25.VI.56 г. Ул.

Распространены на полях с хорошо прогреваемой почвой (к-з «13 год РККА», им. ОГПУ, Ульян. р-на, УЛЬЗОС). Как сухолюбивые насекомые, чернотелки не встречаются на низинных влажных почвах к-за «Родина Ильича», Ульяновского р-на. На полях колхозов «13 год РККА» и им. ОГПУ чернотелки составляли 13,5 проц. от общего числа проволочников и ложнопроволочников (кукурузная чернотелка — 5,5 проц., песчаный медляк — 4,5 проц., степной медляк — 3,5 проц.

Плотность ложнопроволочников составляет 1,8—2,1 шт./м. кв. (1956 г.).

Что же касается пыльцеедов, то при раскопках 1955—1956 гг. в ряде мест Ульяновского района они не были обнаружены.

УСТАЗРа в Ульяновской области были зафиксированы на зерновых культурах два вида:

1. Podonta daghestanica Reitt.
   Дагестанский пыльцеед.
2. Omophlus sp. (Скорее всего Om. proteus Kirsch).
   Пыльцеед-протей, распространен в соседней Куйбышевской обл. (Вебер, 1939 г.).

Такой состав основных вредных щелкунов и чернотелок отмечен и для других районов Ср. Поволжья с некоторыми вариациями.

М. М. Алейникова (1955) указывает, что наиболее вредными видами для Татарской АССР являются следующие: широкий щелкун, посевной щелкун, кукурузная чернотелка, песчаный медляк.

Для Чувашской АССР основными вредными щелкунами являются посевной, также — темный и полосатый щелкун. В меньшей степени вредит широкий щелкун (Шувалов, 1954).

В Куйбышевской области к сильно вредящим щелкунам относятся также степной (Agriotes gurgistanus Fald) и буроногий (Melanotus brunnipes Germ), не зарегистрированные в Ульяновской области.

Выводы.

1. В окрестностях г. Ульяновска, г. Барыша, Сурска, Ст. Майны и Чердаклов в фауне щелкунов зафиксировано 35—37 видов (2 вида вызывают сомнение), 20 из них в литературе указаны как вредные в той или иной степени щелкуны.

2. В Ульяновской области отмечены как вредители сельского хозяйства следующие виды проволочников и ложнопроволочников:

а) основные и наиболее распространенные — посевной щелкун, широкий щелкун;

б) второстепенные, как менее распространенные — полосатый щелкун, темный щелкун, песчаный медляк, кукурузная чернотелка, степной медляк;

в) иногда вредящие — черный щелкун, блестящий щелкун, картофельный щелкун.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алейникова М. М. Вредители и болезни кукурузы и меры борьбы с ними. Казань, 1955.

2. Вебер Я. Х. и др. Вредители и болезни сельскохозяйственных культур и борьба с ними. Куйбышев, 1939.

3. Гиляров М. С. Особенности почвы как среды обитания и ее значение в эволюции насекомых. М., 1949.

4. Гиляров М. С. Главнейшие насекомые, повреждающие подземные части растений. В книге «Определитель насекомых по повреждениям», 1954.

5. Ильинский А. И. Обследование заселенности почвы вредными насекомыми при защитном лесоразведении (с таблицей для опред. главнейших личинок насекомых, могущих встретиться при раскопках почвы). Гослесбумиздат, 1951.

6. Пастухов Б. Н. и Петрова В. П. Список вредителей и болезней с/х в Ульяновской губернии, выявленных в 1926—1927 гг. Ульяновск, 1927.

7. Пастухов Б. Н. (ред.). Краткий очерк о работе энтомологического пункта Ульяновской станции защиты растений при Ново-Уренской с/х оп. станции за 1926—1927 гг. Ульяновск, 1928.

8. Поспелова В. М. Жуки-щелкуны Томской области. (Д. к.). Томск, 1947.

9. Положенцев П. А. и Вебер Я. Х. (ред.). Животный мир Среднего Поволжья. Куйбышев, 1941.

10. Сахаров Н. Л. Вредные насекомые Нижнего Поволжья. Сар. обл. изд-во, 1947.

11. Шувалов Г. Т. Проволочники и меры борьбы с ними. Чебоксары, 1953.

12. Ярославцев Г. М. Эколого-экономическое районирование проволочников. Л., 1936.

13. Яцына Л. Т. Борьба с проволочными червями в нечерноземной зоне. М., 1948.

ХРОНИКА

Юбилейная научная сессия

С 25 октября по 1 ноября 1957 года в Ульяновском педагогическом институте имени И. Н. Ульянова проходила юбилейная научная сессия, посвященная 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. На юбилейной сессии присутствовали научные работники, сотрудники и студенты института, преподаватели городских школ, представители районных, городских и областных партийных и советских организаций.

На пленарном и секционных заседаниях были заслушаны доклады научных работников института.

25 октября

Пленарное заседание

1. Вступительное слово директора института доцента И. П. Шмыгина.

2. Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции — доклад доцента, кандидата исторических наук Левинтова Н. Г.

3. Народное образование за 40 лет Советской власти — доклад доцента, кандидата исторических наук Захарова С. П.

29 октября

Заседание секции марксизма-ленинизма

1. О некоторых вопросах стратегии и тактики КПСС в мирный период развития социалистической революции в России — доклад доцента, кандидата исторических наук Слепченко Г. И.

2. Борьба Коммунистической партии за осуществление аграрной программы в 1917 г. (апрель—ноябрь 1917 г.) — доклад доцента, кандидата исторических наук Левятовой Х. М.

3. В. И. Ленин об Октябрьской революции как закономерном процессе общественного развития—доклад кандидата философских наук Паркина В. Ф.

4. В. И. Ленин об укреплении советского социалистического государства — доклад доцента, кандидата философских наук Сафрошкина В. Г.

30 октября

Заседание секции физики

1. Советская физика за 40 лет — доклад доцента Фролова И. С. и кандидата педагогических наук Рабинович Ц. М.

2. Научно-теоретическое значение первого советского искусственного спутника Земли — доклад доцента Демокритова Н. А.

31 октября

1. Заседание секции математики

1. Достижения советской школы функционального анализа за 40 лет — доклад доцента Штрауса А. В.

2. Достижения советских математиков в области теории дифференциальных уравнений за 40 лет — доклад доцента Таланова Д. И.

2. Заседание секции истории

1. Установление Советской власти в Симбирской губернии — доклад старшего преподавателя Ромашина И. С.

2. Советская медиевистика за 40 лет — доклад кандидата исторических наук Ивановой М. Г.

3. Преподавание истории в советской школе за 40 лет — доклад кандидата исторических наук Захарова С. П.

3. Заседание секции литературы

1. 40 лет советской художественной литературы — доклад ст. преподавателя Абрамова К. М.

2. В. И. Ленин в устном народном творчестве родного края — доклад доцента, кандидата филологических наук Бейсова П. С.

4. Заседание секции русского языка

1. 40 лет советского языкознания — доклад ассистента О. В. Шавкуновой.

2. Развитие речевой культуры советского народа — доклад кандидата филологических наук Мишаевой М. Д.

5. Заседание секции факультета иностранных языков

1. Сорок лет преподавания иностранных языков в советской школе — доклад зав. кафедрой немецкого языка Скраббе А. Э.

1 ноября

1. Заседание секции естественного факультета

1. Советская биология за 40 лет — доклад профессора, доктора сельскохозяйственных наук Нефедова Н. И., содокладчики: доцент, кандидат биологических наук Благовещенский В. В. и доцент, кандидат биологических наук Кириллова А. А.

2. Успехи советской химии за 40 лет — доклад доцента, кандидата химических наук Будыхо П. К., содоклад доцента, кандидата химических наук Варфоломеевой Е. К.

2. Заседание секции педагогики

1. Воспитание в семье Ульяновых — доклад старшего преподавателя Жаданова Б. Н.

2. Политехническое обучение в системе советской общеобразовательной школы — доклад доцента, кандидата педагогических наук Яковлева Н. М.

НОВЫЕ КНИГИ, ВЫШЕДШИЕ В 1957 ГОДУ

В Ульяновском издательстве вышли книги, посвященные сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции. Звездочкой отмечены книги, авторами, составителями или редакторами которых являются научные работники Ульяновского педагогического института.

Герасин Ф. В. **По пути, указанному партией.** (Развитие экономики и культурное строительство в Ульяновской области за сорок лет Советской власти). Ульяновск. «Ульяновская правда», 1957. 91 стр. с илл.

Капитунов М. Л. и Грен В. Н. **Ульяновск за 40 лет Советской власти.** Ульяновск, 1957. 40 стр. (Ульян. обл. отделение О-ва по распространению политических и научных знаний РСФСР. На правах рукописи).

* **Борьба за власть Советов в Симбирской губернии** (февраль 1917 года — июнь 1918 г.). Сборник воспоминаний участников борьбы за установление и упрочение Советской власти. Ответственный редактор сборника кандидат исторических наук, доцент Н. Д. Фомин. Ульяновск, 1957 г. 292 стр. (Партийный архив Ульяновского обкома КПСС).

* **Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии** (март 1917 г. — июнь 1918 г.). Сборник документов, под редакцией кандидата исторических наук М. А. Гнутова. Ульяновск, «Ульяновская правда», 1957 г. 344 стр. 1 л. карт (Госархив Ульяновской области. Партархив Ульяновского обкома КПСС). Вступительная статья М. А. Гнутова.

* Гнутов М. А. и др. **Установление Советской власти в Симбирской губернии.** Ульяновск, 1957, 84 стр. (О-во по распространению политических и научных знаний РСФСР. Ульяновское обл. отделение).

* Головчинер Я. М. **Установление Советской власти в Симбирске.** Ульяновск, 1957, 46 стр. (Ульяновское обл. управл. культуры. Ульяновский обл. краев. музей им. И. А. Гончарова).

* Шмыгин И. П. **Из истории борьбы крестьян села Большого Нагаткина за свободу и землю.** Популярный очерк. Ульяновск, 1957. 24 стр. (Ульяновское обл. управление культуры. Ульян. обл. краев. музей имени И. А. Гончарова).

Участники борьбы за власть Советов в Симбирске. Под ред. М. И. Кривова. Ульяновск, 1957, 54 стр. (Ульян. обл. отд. об-ва по распрост. полит. и науч. знаний РСФСР).

СОДЕРЖАНИЕ

ЗМ01911 Заказ 5055. Тираж 500 экз. Объем 27¼ печ. листа.

Формат бум. $60 \times 92^1/_{16}$. Сдано в набор 1/XI-57 г.

Подписано к печати 29/VIII-58 г.

г. Ульяновск, тип. облуправления культуры.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
56	3 снизу	18 апреля 1917 года	1 мая 1917 года
161	22 снизу	внутренее	внутреннее
162	15 снизу	дидактических	диалектических
189	4 снизу	Калупаевы	Колупаевы
226	2 снизу	близко	близок
234	1 снизу	ощутимы	ощутимыми
360	25 снизу	насековых	насекомых
367	2 снизу	овальной	отвальной
397	21 сверху	плестах	плесах

УГПИ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ XII

ВЫПУСК 2